

Эль Бланк

Атрионка. Сердце хамелеона

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Annotation

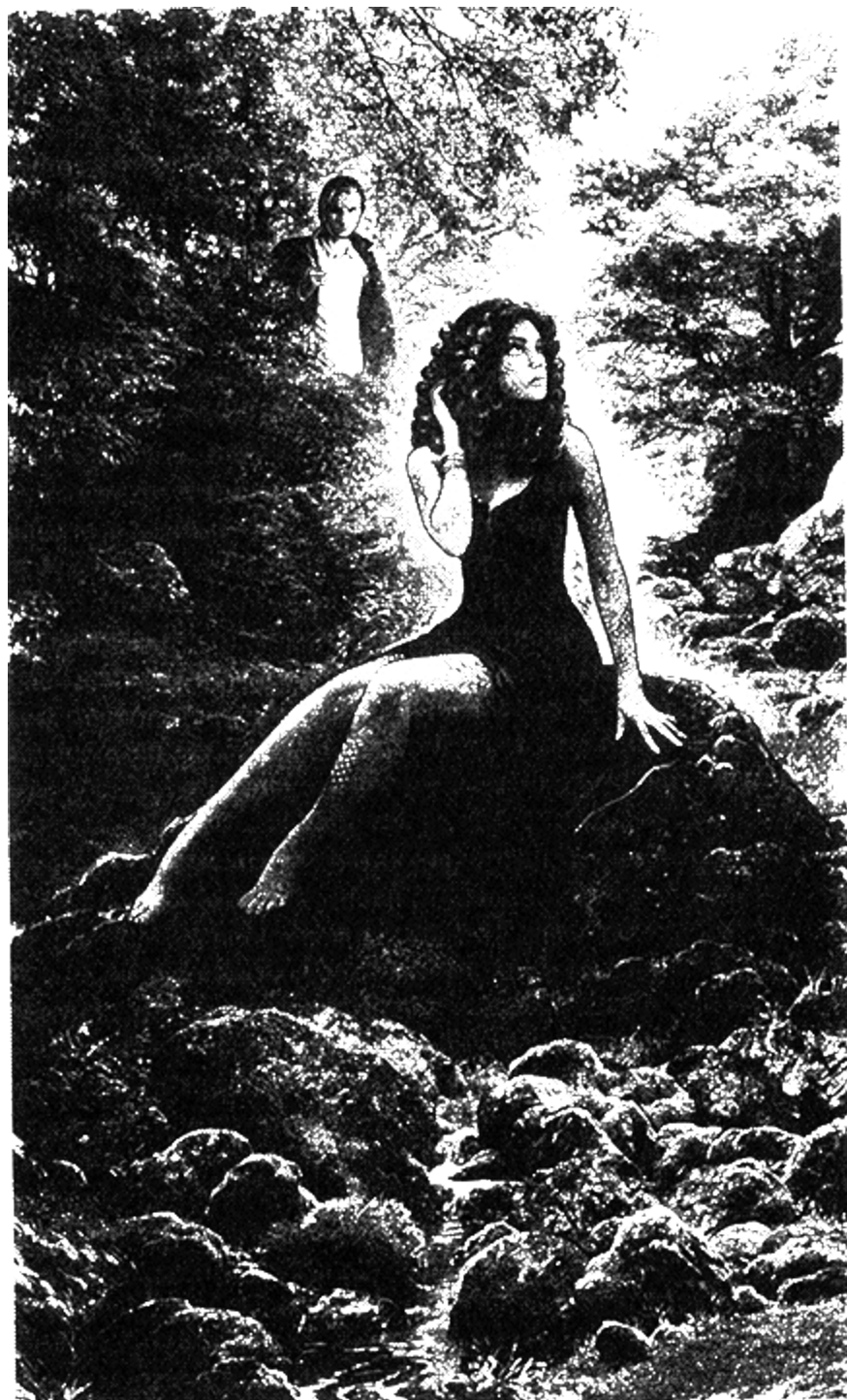
Так уж вышло, что мой отец — атрион, мама — человек, а я меняю облик, становясь то тем, то другим. Вот только признаваться в этом не стану. Зачем мне идти на поводу чужого мнения и строить судьбу так, как ее видят другие? Тем более скучно ограничивать себя миром лишь одной планеты. Я сама могу найти свое место в жизни! А это значит... Рискнуть. Сбежать из дома. Сохранить тайну. Проявить все свои таланты. Блистать на сцене. Объединить два мира. Обрести личное счастье. С последним сложнее всего. Землянин или атрион? Кого выберет мое сердце?

- [Эль Бланк](#)
    -
    -
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [ЭПИЛОГ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Эль Бланк

АТРИОНКА. СЕРДЦЕ ХАМЕЛЕОНА

Хранить, дразнить, грозить, сломить,
Спешить, творить, дарить, платить,
Просить, шутить, корить, смутить,
Ценить, учить, дружить, любить...
Все это значит — просто жить!^[1]

ПРОЛОГ

Соло для атрионки

В комнате царила темнота. Хоть глаза выколи. Теплый, насыщенный влагой поток воздуха медленно опускался на плечи, лаская кожу и окутывая запахами, ставшими с недавнего времени привычными. Я втягивала его носом, глубоко вдыхая и улавливая успокаивающий аромат дома, но кислорода все равно категорически не хватало. Я задыхалась.

— Рия-Ла, может, свет все-таки включить? — разлился во мраке заботливый приятный мужской голос.

— Нет! — в панике взвизгнула я. — Не смей. Еще не все!

— Третий час «не все», — теперь в интонациях слышался укор. — Сколько можно?..

— Столько, сколько нужно! — отрезала я, ощупывая себя.

Ладони скользнули по влажной, покрытой капельками пота коже на груди и шее. Поднялись выше, пропустили через пальцы путающиеся пряди длинных шелковистых волос. Н-да...

— Давай я тебе купальню приготовлю, — заискивающе мягко проворковал голос. — Ты расслабишься. Успокоишься. Наверняка просто перенервничала, потому и не получается...

— Готовь.

Ощупывая руками пространство перед собой, я сделала короткий шаг к гигиеническому модулю. То есть туда, где он, по моим предположениям, должен был находиться. Второй шаг, третий...

— Левее, — тут же получила подсказку.

— А ну гаси инфракрасный спектр! Не подсматривай! — возмутилась я, выправляя траекторию.

Ладони коснулись упругой гладкой поверхности, которая тут же послушно развернулась, позволяя в нее залезть.

— Не могу, — нравоучительно отозвался голос. — Я на службе...

Приглушив последние слова, складка модуля сомкнулась над моей головой, а тело погрузилось в вязкую очищающую массу. Действительно расслабляющую, если настрой соответствующий. Однако у меня он был совсем иной. Переживательный! И нежные,

ласкающие касания стенок купальни я практически не воспринимала. В моей голове все перекрывала собой только одна мысль — должен же мой организм вспомнить, кто он есть на самом деле, и вернуть себе нормальный облик!

В какой-то момент мне показалось, что это наконец произошло, и я настолько обрадовалась, что, не дожидаясь сушки, решительно раздвинула эластичные створки, выбираясь наружу. Вот только первое, что ощутила, попав в темное пространство, — все те же запахи.

— Два-восемь, зеркало и свет, — обреченно вздохнула, прикрывая глаза рукой.

Несколько секунд так и стояла, не отваживаясь посмотреть. А когда все же это сделала...

Грудь необычно сильно выделяется, кожа розовато-бежевая, губы красные, какие-то полные и подвижные. Мои привычные серые радужки превратились в зеленые, зрачки теперь круглые, ресницы укоротились. Брови, как и волосы, остались черными, но первые так и норовят уползти куда-то на лоб, а вторые расслоились, став очень тонкими и волнистыми. Их теперь так много!

Катастрофа...

Пошатнулась, отступила. Упав спиной на релаксирующий гель, сложила руки на груди и закрыла глаза. Лучше бы я сегодня не просыпалась. И вообще глупо было думать, что если я изменений не вижу, то они и не проявятся в полной мере.

— Вчера ты не так сильно изменилась. И вернулось все обратно быстрее, — сопровождал мое падение задумчивый голос диспетчера. — Ты ничего на ночь подозрительного не пила? — продолжил, потому что я молчала. — Тебя никто не кусал?

Застонав, я перевернулась на живот.

— Какая разница, что и как в меня попало? — буркнула в гель. — Это ненормально! Я атрионка, а не человек! И не хочу жить с таким... таким...

Приподнялась, рассматривая ровную кожу на руке. Без чешуек, с какими-то короткими волосками, которые еще и вздыбились, когда волна прохладного воздуха прошла над мной, остужая разгоряченный организм. А кожа вовсе неприятно натянулась и покрылась мелкими пупырышками. Жуть.

— Может, это все же временное явление, — снова попытался меня

утешить два-восемь. — Возраст у тебя переходный.

— У Ал-Рифа он тоже когда-то был переходный! — парировала я. — Но брат-то не изменился! Что-то не видела я, чтобы он в таком облике разгуливал.

На этот раз промолчал диспетчер, а я, подперев голову кулачком, тоскливо уставилась на плавные изгибы фиолетово-красной стены.

За что мне такое «счастье»? Ладно бы я родилась землянкой, хоть не так обидно было бы. Но сто лет прожить совершенно нормальной атрионкой, а потом вдруг начать меняться... Это же безобразие!

— Рия! — настолько неожиданно позвал обеспокоенный женский голос, что у меня сердечко едва из груди не выскочило.

Я судорожно дернулась, подпрыгивая на волнообразно закачавшейся поверхности, сообразив, что не услышала, как открывается проем.

— Мама... — растерянно пискнула, впиваясь глазами в невысокую фигурку с куда более выраженными, нежели у атрионов, изгибами тела, — обтягивающая ткань бледно-зеленого домашнего платья лишь сильнее это подчеркивала.

— Дочурка, ты чего спишь так долго? — Родительница определенно изумилась тому, где именно я провожу столько времени.

Подошла ближе, присмотрелась, нахмурилась и тряхнула головой, рассыпав по плечам копну черных кудряшек, в точности таких, как сейчас у меня.

— Не собралась, не поела... Ты забыла, что тебя сегодня Ита-Ял ждет? Ну-ка, давай поднимайся, одевайся — и на выход. Бегом, бегом!

Она присела, протягивая руку, чтобы помочь мне выбраться из геля.

— Мам, я...

— Разговоры потом! — Договорить она мне так и не дала, запихнув между складками модуля. — В столовой!

Фффух... Выдохнула, вдохнула. Обошлось.

Почему мама не заметила во мне перемен, я догадалась сразу. Она хоть и единственная на Атрионе землянка, но из-за постоянного контакта с моим отцом у нее очень сильно изменилось восприятие. В общем, кажемся мы ей такими же людьми, как и она сама. Тогда мама смеется и называет нас «галлюциногенными». Не постоянно, конечно. Иногда воспринимает такими, какие есть. Но сейчас она точно приняла

меня за эту... за галлюцинацию.

Впрочем, облегчение вновь сменилось беспокойством, едва я ощутила, как плотно прижалась ко мне складка, выделяя жидкую ткань и облепляя ею тело.

Полученная отсрочка — временная. Проблема никуда не исчезла. Как я другим атрионам в таком виде покажусь? К маме все привыкли, и вообще у нее уже папа есть! А я? Кому я вот такая нужна буду?

Вылезая из модуля, оптимизма я не испытывала. До тех пор, пока свою руку не увидела. Зеленую! С чешуйками! Ой...

Метнулась к зеркалу, которое два-восемь так и не убрал, и вскрикнула от счастья. Нормальная! Я — нормальная! Ура!

В радостной эйфории крутанулась вокруг своей оси. Густые тяжелые волосы, ставшие прежними и теперь отливающие черным перламутром, взметнулись и тут же упали, ощутимо ударив по щекам.

Прижала к ним ладони, не в силах оторвать взгляда от лица, и скомандовала:

— Два-восемь, свет погаси... Свечусь нормально?

Хоть и видела, как разгорелись флуоресцентные пятнышки, все равно не удержалась от вопроса.

— Уровень ниже среднего, — определил диспетчер. — Видимо, на трансформацию много энергии потратила.

— Похоже, — согласилась я с ним, потому что обычно одной световой ванны мне на три-четыре дня с лихвой хватает, а я только вчера ее принимала. Если изменения продолжатся, придется делать это чаще.

От подобной мысли меня передернуло. Нет уж! Пусть на этом все и закончится! Сбойнул организм и пришел в норму. Все.

Вышла из комнаты и поняла, насколько же голодна. В столовую ноги меня несли определенно быстрее, нежели обычно. И тем не менее, заметив тусклый цвет стены в одном из коридоров, я задержалась, чтобы сообщить:

— Шесть-четыре, в секторе проблема с подачей питательного субстрата.

— Принято. Корректирую, — среагировал диспетчер.

Я же, погладив упругую пульсирующую поверхность, начавшую наливаться сочной желтизной, поспешила дальше.

Свой дом я люблю, и хоть я не майнер и не фидер, слежу за ним так

же, как и остальные. Ведь «Дизар» нас защищает, кормит, одевает. Он за нами убирает, по планете движется и даже в космосе летать может! Если с ним что-то случится — семья распадется, и тогда каждому из нас придется искать себе другой дом и новую семью, которая его примет. Никому не хочется подобных перспектив. Тем более что у нас семья отличная! И очень большая!

Пробираясь между складками-сиденьями, среди множества разноцветных голов, виднеющихся над спинками, я отыскиваю тех, кто меня ждет. Маму. Отца. Ал-Рифа... Брат наверняка с родителями. Он, как и все остальные, предпочитает совместные трапезы. Есть в одиночестве не так приятно.

— Все в порядке? — Первым на мое появление среагировал папа, протягивая приготовленный для меня мусс.

— Да. — Кивнув, я села рядом и забрала из его рук высокий стакан с розовым напитком. Мой любимый! И лишь втянув в рот густую кисло-сладкую, слегка вязющую жидкость, спохватилась, осознав, сколько в вопросе было тревоги и внимания. — А что?

Ну как вдруг я за это время опять изменилась и сама не заметила? На всякий случай бросила взгляд на свои запястья, однако ничего необычного не увидела. Впрочем, вчера, например, кожа свой цвет еще не меняла, только волосы расслоились. А позавчера вообще лишь новые ощущения появились, которые мама называет «запахи». Так что от моего тела теперь чего угодно можно ожидать.

— Ты напряжена. — Серые глаза внимательно всматривались в мои, нервируя все сильнее.

— Точно, — встрял братик, сидящий напротив. Закинув ногу на ногу, он неторопливо потягивал синюю гадость, которую я не выносила совершенно. — Фонишь волнением похлеще маминого «кофе».

Подобное сравнение в нашей семье стало классикой. Когда-то давно, когда папа и мама только-только познакомились, именно благодаря этому земному напитку выяснилось, что люди наши эмоции воспринимают как запахи, а мы, соответственно, наоборот.

— Она просто взрослеет, — спасла меня родительница, избавив от необходимости признаваться в произошедшем. — Ты в ее возрасте тоже стабильностью эмоций не отличался. Забыл уже?

Я встрепенулась, наострила уши и все остальные рецепторы, мгновенно уловив разлившееся вокруг брата смятение. Он скрывал, а я

не в курсе?!

— Конечно, забыл. Это сто лет назад было, — отмазался Ал. Вернул стакан на стойку и поднялся.

Темно-синий комбинезон натянулся, плотно обтягивая его высокую фигуру. Едва заметно качнулись волосы, тяжелые, длиной почти до плеч, такие же черные, как у папы. Они с Алом вообще внешне очень похожи, а вот предназначения у них совсем разные. Наш отец — гайд, а Ал-Риф — майнер. Впрочем, это лишь облегчает взаимодействие, потому что между ними нет конкуренции.

— Я в диспетчерскую, — объяснил свою поспешность брат. — Сегодня мое дежурство.

— В пятом-третьем? — уточнила мама, на время даже прекратив жевать.

— Как обычно.

Ответ ее определенно успокоил, потому что брови, сошедшиеся к переносице, вернулись обратно, а губы растянулись, став тоньше. Я уже давно научилась читать ее эмоции по искажениям на лице, которые назывались «мимика». Хотя, признаюсь, поначалу делать это было необычайно сложно. Особенно когда вокруг нее разливалась практически паника, а на лице было явственно написано удовольствие. Мне, как и остальным, пришлось привыкать к тому, что это не она, а ее еда фонит эмоциями. Зная это, мама старается есть то, что для нас безэмоционально.

Вот сейчас, например, смотрю я на «сырники», похожие на желтоватые толстые лепешки, которые мама кромсает специальным прибором, именуемым «вилка», и ничего от них не чувствую. Зато с интересом присматриваюсь к белым выростам во рту, предназначенным для измельчения пищи. Любопытно, а у меня почему они не появились? Не успели, потому что трансформация идет по нарастающей? То есть завтра появятся? Ой-ой! О чем я только думаю? Лучше не надо! Зачем мне эти жесткие штуки во рту, если мусс и без того прекрасно проглатывается, а пробовать мамины продукты мне как-то не хочется?!

— Дочка, да что с тобой? — тут же почувствовал мое волнение папа. — Тебя беспокоит, какое решение примет Ита-Ял?

Предположение он сделал логичное. Пусть и не совсем верное, но меня более чем устраивающее. К тому же действительно Ита в нашей семье — самый опытный экзот, и от ее мнения зависит моя будущая

специализация. Тут реально есть причины для того, чтобы понервничать.

— Или ты из-за брата расстроилась? — спохватилась мама, снова прекращая есть. — Он не хотел тебя обидеть. Просто высказался резко, не сдержался. Знаешь ведь, что у него с девушкой не ладится.

— Я все сразу, — на всякий случай приняла оба варианта. Чтоб с гарантией. Брату я сочувствую: он никак не может найти себе пару. Вроде есть потенциальная невеста, а отношения с мертвой точки не сдвигаются — даром что Ал-Риф в ее секторе диспетчером работает, то есть взаимодействуют они практически постоянно. Так что, раз уж мама предлагает это использовать в качестве оправдания, спорить не буду. — Я пойду, ладно?

Чмокнула отца в губы, привычно передав ему льер и забрав тот, что предназначался мне. Помахала маме. Уже на выходе из столовой не удержалась и оглянулась. Очень уж приятно было видеть, как родители целуются. Мне не мешало наслаждаться этим зрелищем даже то, что они совсем разные: на фоне мягких переливов желто-оранжевых стен и бордово-красных натеков потолка сине-зеленый оттенок кожи отца смотрелся гармонично, а вот мамин светло-бежевый определенно вносил дисбаланс. И все равно в этот момент они были такие милые...

Опять же кто-нибудь другой, знающий, что земляне льер не вырабатывают, вряд ли посчитал бы это нормальным. Возможно, даже выразил бы моему отцу сочувствие: он-то контактного вещества не получает, только отдает. Но папа маму очень любит, и потому ему достаточно такого одностороннего «обмена».

Кстати, мама называет льер иначе — шеклак. И утверждает, что у нее именно от него возникают галлюцинации. Не знаю... Видимо, это только у людей такой побочный эффект проявляется, потому что, когда мне от отца или брата льер достается, я обычно просто испытываю симпатию и доверие. Ну либо позитивный настрой и уверенность в том, что все у меня получится, — это когда папа решает, что мне такая поддержка необходима. Вот как сейчас.

Свалившаяся проблема кажется мне куда менее значительной. Ну меняюсь, и что с того? Обратно же возвращаюсь! И вообще, как сказал два-восемь, может, это временное! Побалуется мой организм и надоест ему. И будет все как прежде.

К тому же мое предназначение для меня куда важнее! Я хочу

наконец получить рекомендацию и начать специализироваться. У меня хорошо развиты умения, которыми владеют экзоты, но нельзя распыляться на все сразу, нужно сосредоточиться на чем-то одном. Тогда и результат будет самым лучшим!

По коридорам я петляла в воодушевленном предвкушении, растущем по мере того, как довольно скучные, однообразные переливы стен жилой зоны менялись на более эффектные, складывающиеся в причудливые узоры и картины развлекательной части дома.

У входа в главный зал я на несколько мгновений замерла, сосредотачиваясь, и коснулась чувствительного участка стены, раскрывающего проем. И уже не раздумывая шагнула в полумрак, расцвеченный световыми всполохами, манящими своей загадочностью.

Атмосфера здесь всегда вдохновляющая. Насыщенная, эмоционально яркая, притягивающая. Здесь проходят все семейные праздники, здесь принимают гостей из других домов, наконец, здесь просто отдыхают, когда хотят расслабиться и получить удовольствие. То есть отдыхают гайды, майнеры и фидеры. А экзоты работают! Потому что это наша задача — обеспечивать семью развлечениями! И стараться, чтобы каждый мог найти для себя подходящее. То, которое ему больше всего понравится и принесет психологический комфорт.

— Рия-Ла! — Громкое восклицание эхом отразилось от стен, которые, несмотря на свою визуальную мягкость, обладали крайне высоким отражающим эффектом.

Ита-Ял, стоящая на небольшом возвышении в центре, махнула мне рукой, а я даже на расстоянии почувствовала идущую от нее волну искренней радости и заботы. Она мне хоть и не кровная родственница, но на «Дизаре» живет так же долго, как и мой папа. По-моему, они одновременно в семью пришли, и их приняли. Это лет триста назад было. Потому у Иты и опыт огромный, не прислушаться к ее мнению будет очень глупо.

— Ну что, попробуем определиться?

Едва я оказалась рядом, Ита-Ял ласково подтолкнула меня к центру сцены. Сама же, придерживая длинную объемную юбку, спустилась вниз и удобно расположилась на одной из складок-сидений.

Следующие три часа я старательно демонстрировала ей все то, на что способен экзот. Стихи читала. Пела. Сама себе аккомпанировала. Танцевала, теперь уже под музыку, которую наигрывала Ита-Ял.

Рисовала. Меняла эмоциональный фон на строго определенный, что, надо признаться, у меня всегда плохо получалось. Ну не могла я фонить радостью, если не испытывала ее по-настоящему. А ведь многим экзотам именно это удастся лучше всего.

— Тебе определенно голос дальше развивать нужно, — подытожила Ита, когда я выдохлась и уселась на краю сцены. — Очень чистый звук, красивые модуляции, хороший диапазон. Эмоциональный фон на него накладывается изумительно. В этом у тебя отличные перспективы, поверь мне.

Верю. Потому что чувствую, насколько она искренна в том, что говорит. И вообще, мне петь очень нравится. Я буду делать это с огромным удовольствием.

— Значит, начну заниматься с Май-Лу и Ти-Ярком, — решила и обратилась к диспетчеру: — Три-один, совмести наши режимы суточной активности. И делай запросы для домов, с которыми мы будем встречаться.

— Расписание согласовано. Первая встреча — завтра, во второй фазе после пробуждения, — практически сразу откликнулся женский голос. — Ближайший дом, «Иррар», в десяти днях пути от «Дизара». Сообщение отправлено.

— Правильно, — похвалила меня Ита, взбивая поникшую ткань юбки. — Чем больше практики, тем лучше. Рада была помочь. Ты придешь на представление? Сегодня я показываю новые танцы.

— С удовольствием! — обрадовалась я и не удержалась от комплимента: — Надеюсь, мне место достанется. Очень уж много поклонников твоего таланта.

— Уверена, ты тоже станешь востребованной. И буду с нетерпением ждать твоего публичного сольного дебюта.

Соло... Для экзота это большое достижение — групповые и даже парные выступления намного проще. И отнюдь не быстрое — мне лет пятьдесят, до совершеннолетия придется набираться опыта. Надеюсь, к этому времени мой организм перестанет сбоить, я не превращусь окончательно в человека и это будет соло для атрионки, а не для землянки!

Глава 1

ПАРТИТУРА

«Первое, что я усвоила, общаясь с теми, чей опыт стал основой моей певческой карьеры, — это необходимость поймать ту самую точку ритма, с которой начнется все».

(Из личного дневника Риш-Ла ВерДер)

— Рия, ты мою расческу не видела?

Вскочив и спрятав за спину компрометирующий меня предмет, я замерла, старательно удерживая на лице беспечное выражение.

— Нет. А она тут была? — поинтересовалась, не сводя глаз с мамы, которая столь же быстро, как и появилась в моей комнате, теперь двигалась по ней, разыскивая пропажу.

— Не уверена. Убей не помню, где оставила. Утром вроде причесывалась в своей комнате, но там ее нет. Подумала, может, случайно с собой захватила и к тебе принесла... Черт, да куда ж я ее дела-то?!

Помянув мистическое земное полуживотное-получеловека, мама всплеснула руками, окинула взглядом поверхности, на которых пропавший предмет теоретически мог лежать, и исчезла в коридоре.

Вздохнув, я опустила на сиденье и рассеянно провела щеткой по путающимся кудряшкам.

Вот ведь! Чуть не попалась. Сразу бы посыпались вопросы, зачем мне понадобился абсолютно бесполезный для атрионов предмет. И оправдание типа «интересно» вряд ли помогло бы — я его однажды уже использовала. Пришлось бы признаваться в умении трансформироваться. А я к этому пока не готова. То есть не вижу необходимости кого-либо ставить в известность. Во-первых, не хочется панику и ажиотаж разводить вокруг своей уникальной персоны. Нечего родным попусту волноваться. А во-вторых, я сама разобралась, как ухаживать за земным обликом. Не так уж это и сложно. Жаль только, что нужных приспособлений у меня нет, приходится втихую таскать мамины.

Эх, ну надо же было ей именно сейчас спохватиться и приняться за

поиски. Зачем, спрашивается? Она же сегодня уже причесывалась! Неужели до завтра не потерпеть?

Теперь эксперимент с укладкой волос в прическу придется отложить. Надо становиться астрионкой и помогать искать пропажу. Без меня мама ее точно не найдет.

Закрывает глаза, сосредотачиваясь. Встряхнула головой, ощущая, как тяжелеют и укорачиваются прядки. Провела языком по деснам, которые привычно заныли, когда в них втянулись зубы. Ну вот и все. На выход. Это поначалу я не могла контролировать процесс превращения. Пока трансформация не стала полной. А теперь проблем никаких.

— Ой! Где? — принимая из моих рук расческу, изумилась родительница и оттолкнулась от стола, за который успела сесть.

— У меня. — Врать в глобальных масштабах я не стала, лишь слегка слукавила: — Между складками лежала. Свалилась, видимо. Ты становишься рассеянной.

— Так ведь причина у меня уважительная, — заулыбалась мама, положив ладонь на живот. — И она пока еще не слишком сильно на меня влияет. Скоро куда больше побочных эффектов проявится.

— Каких? — Я оперлась бедром на край столешницы, которая тут же стала мягкой, чтобы не доставлять мне дискомфорта.

— Вкусовые пристрастия изменятся. Земную пищу уже не смогу воспринимать и на особый мусс перейду, который твоя тетя Дая готовит. А еще весь шеклак, который я получаю от твоего папы, начнет в ребенка уходить. Тогда я перестану видеть вас людьми. — Мама тяжело вздохнула, проглаживая пальцами гладкую ручку расчески.

— А сейчас ты меня видишь человеком? — любопытствовала я и, получив согласный кивок, не удержалась от вопроса: — И какая я? Красивая?

— Очень! — ответ последовал моментально.

Впрочем, мама — она и есть мама. Ее мнение определенно можно считать предвзятым. Для любого родителя его ребенок всегда самый лучший, даже если на деле все обстоит иначе. Однако понимание этого не умерило моего любопытства.

— Ты жалеешь, что я родилась другой?

— Вот уж нет. — Родительница и на этот раз не раздумывала. И даже объяснила, доказывая, насколько объективна в своих суждениях: — Поначалу, когда Ал-Риф подрастал, я действительно переживала, а

потом поняла, что так лучше. И правильнее. Для вас жить на Атрионе в телах, которые для этого не приспособлены, было бы настоящим мучением. А с меня и иллюзии хватит. Тем более такой приятной!

Она снова ласково на меня посмотрела и протянула руку, чтобы коснуться волос и погладить по голове. Я знала, что у нее меняется лишь визуальное восприятие и запахи, которые трансформируются в мимику, а все тактильные ощущения остаются прежними. И теперь тихо радовалась тому, что облик вернула свой обычный, а не пришла сюда в земном. Впрочем, опасение кого-нибудь встретить ненароком в коридоре тоже сыграло не последнюю роль.

Мама же, то ли прислушиваясь к своим ощущениям, то ли просто о чем-то задумавшись, закрыла глаза, продолжая оглаживать толстые прядки. И говорить:

— Каждый сам выбирает себе место в этом мире. Занимает его, исходя из имеющихся возможностей или желания. Первое всегда проще, второе... Второе срабатывает, только если стимул очень сильный.

Это она о себе? То есть о том, что оставаться одной в непривычной среде, даже среди любящих, совсем не просто?

— Может, тебе все же попробовать переубедить папу?

Я не в первый раз этот вопрос задаю, ведь разговоры о Земле у нас не так уж редки. Но, пожалуй, впервые я серьезно задумалась о том, насколько эта планета для мамы важна. Ей определенно нужно туда слетать! Хотя бы ненадолго.

— Дело ведь не только в нем, но и в том, что гайды всех крупных домов Атриона приняли решение не развивать отношений с Конфедерацией. И папа... Он не хочет рисковать. Наше последнее посещение Солнечной системы закончилось не лучшим образом, а подставляться под удар, напоминая земным службам безопасности о нашем существовании, твой отец не станет. «Дизар» никто не подстрахует и не придет на помощь, если что-то случится. И я в этом с Ис-Лашем солидарна, — уверенно, даже с нажимом закончила, потому что я протестующе приоткрыла рот. — Из-за одной меня рисковать всей семьей он права не имеет.

— Но ведь когда-то рисковал! — все же не сдержалась я, вспомнив, при каких обстоятельствах родители познакомились. — И к землянам обратился за помощью. И с террианками без поддержки остальных

домов воевал...

— Тогда на кону были жизни всех атрионов. — В голосе мамы появилась строгость. Она даже руки на груди сложила, выражая неодобрение. — А теперь это не так. И как бы мне ни хотелось побывать на Земле, я туда не полечу, потому что адекватно оцениваю последствия.

— Прости. — Я ее обняла, понимая, что напрасно завела этот разговор, — беременным волноваться нельзя. Потому и тему сменила: — Ты на концерт пойдешь? У меня с Ти-Ярком дуэт. Ита-Ял опять что-то новенькое танцевать будет. У Рей-Варов тот же номер остался, но, по-моему, ты его так и не посмотрела ни разу. А самое главное — экзоты «Аграна» у нас дебютируют.

— Обязательно пойду. Думаю, что никто из тех, кто свободен от работы, не пропустит представление. Ис-Лаш сказал, что атрионы из семьи с «Аграна» тоже придут. Не все, но...

— В зале так много не поместится! — Мне стало не по себе.

Дом, с обитателями которого мы сейчас общаемся, обмениваясь опытом и информацией, лишь немногим уступает нашему в размерах. В его семье полторы сотни атрионов. Даже если треть из них решит провести время у нас, то зрителям придется сидеть в тесноте. Какое же в этом случае удовольствие?

— Так зря, что ли, майнеры его расширяют? — заулыбалась мама. — Ведь уже месяц как дорастивают! «Дизар» снова прибавляет в габаритах.

— Ага, — согласилась я и пожаловалась: — Мы из-за этого нормально репетировать не можем. Стены, растягиваясь, пульсируют и гудят. Быстрее бы уже закончили.

— Закончат, раз время представления уже определено, — заверила меня мама.

Расческа вновь оказалась у нее в руках, пальцы пробежались по ручке, смяли щетину, зажав ее в кулак... Через секунду на лице родительницы появилось недоумевающее выражение, а в пальцах — несколько черных волосинок.

Я замерла, потому что после ее неожиданного появления в моей комнате совсем забыла об этой неприятной специфике земного тела и, соответственно, упустила из виду необходимость вычистить щетку.

— Дожили, — посетовала мама, — я еще и волосы с нее не сняла.

— А почему они выпадают? — успокоенное было вновь подняло голову мое любопытство.

— Обновляются. Сначала растут, потом стареют и отмирают. На их месте появляются новые. Это нормально. И не больно, — зачем-то уточнила, хоть я и не спрашивала.

— Понятно. — Я покивала, наказав себе все же быть внимательнее. И вообще, надо на время перестать меняться, чтобы случайно не спровоцировать панику.

Оттолкнулась от стола, потянулась, мазнув взглядом по лаконичным черно-синим переливам рабочего кабинета родителей. На мой вкус — слишком уж строгим, но... у папы свое мнение насчет дизайна.

— Ладненько. Я пошла.

— Куда? — догнал меня вопрос уже на выходе.

— Световую ванну приму, пока Аш-Хори в зените.

Потребность зарядиться я ощущала необычайно остро. Она всегда возникала после возвращения в исходный облик, и с этим приходилось считаться. Впрочем, электромагнитное излучение световой части спектра важно для всех атрионов, а длительность его воздействия — это личное дело каждого. Никто за другими не следит.

То есть следят, конечно, диспетчеры, но они на службе, это их обязанность, а в быту ни один из них даже намек не сделает на то, что знает о тебе что-то необычное. Неразглашение информации для них на первом месте, если нет соответствующего разрешения. Поэтому и мы редко задумываемся о том, какой именно майнер в данный момент на связи. Я вот, например, понятия не имею, кто отвечает на вызывной код «два-восемь». Может, Та-Вел? Молодой атрион с ярко-желтыми волосами, практически мой ровесник, выскользнувший из коридора, в котором есть вход в диспетчерскую. Или беловолосый Жи-Арс? Он постарше и идет не так торопливо. На меня посмотрел заинтересованно, и фонит от него симпатией, я даже на расстоянии почувствовала. Или кто другой? И вообще, диспетчеров в любом секторе несколько — они сменяют друг друга. Им тоже нужно отдыхать и спать. А всего в нашей семье почти сотня майнеров! И из них больше половины занято на бытовом контроле, остальные поддерживают другие функции «Дизара»: движение, размножение, рост...

Увидев идущего навстречу отца, о своих размышлениях я забыла

моментально. И в большей степени потому, что не один он шел, а в компании незнакомого мне пожилого атриона. О том, что тот с «Аграна», я догадалась сразу. Да и в предназначении даже не засомневалась. Только от гайдов фонит такой уверенностью и властностью.

— Ол-Чес ДиеВал, Рия-Ла, моя дочь, — представил меня отец своему спутнику, когда мы поравнялись.

— Экзот, — быстро определил тот, пробежав по мне оценивающим взглядом темно-серых глаз. — Уже выступаете? В каком амплуа?

— Индивидуально пока нет. Практикуюсь. Я — певица.

— Значит, завтра будете участвовать в представлении? — Заинтересованность Ол-Чеса определенно стала сильнее. — Буду ждать с нетерпением. В моей семье всего два певца, и оба мужского пола.

— Даже не мечтай ее к себе переманить, — с отчетливо смешливыми интонациями предупредил папа.

— Но попытаться-то можно? — явно предвкушая интригу,отреагировал ДиеВал. — А что и как в жизни пойдет... Сложно предсказать. Так ведь?

Вопрос он задал именно мне, но я лишь пожала плечами. У меня, несмотря на наступившее совершеннолетие, опыта в этом мало. Что я видела в своей жизни? Наш дом и несколько других, экзоты которых передавали мне свои знания. Один раз «Дизар» превратился в корабль и поднялся в космос. Но я это путешествие практически не помню — совсем маленькая была. А когда подросла, с Атриона мы уже не улетали.

Что касается «переманить»... Сменить семью никто не может ни запретить, ни приказать. А вот убедить и сделать так, чтобы возникло желание это сделать, — запросто. Самым сильным стимулом обычно являются чувства. Ош-Кар, муж папиной сестры, — классический тому пример. Он даже согласился быть на вторых ролях после моего отца, хоть и гайд. А все потому, что тетя менять семью не захотела. И он такой не единственный. Однако и в этом личного опыта у меня никакого. Так что я предпочла не высказывать никаких суждений. Поживем — увидим. Куда мне торопиться?

В смене места жительства — однозначно некуда, а вот на спину «Дизара» поспешить жизненно необходимо! Излучение Аш-Хори в зените, может, и жестче, чем на закате, но энергетический потенциал от

него в десятки раз выше. А это именно то, что мне сейчас требуется!

Воспользовавшись тем, что гайды больше ко мне не обращались и их беседа превратилась в диалог, я отступила. Меня не остановили, и это означало свободу от необходимости присутствовать при разговоре. Через минуту я уже протиснулась в смычку между складками, отделяющими внутреннее пространство дома от промежуточного, функционального. Через две — лезла по узкому ходу. Куда более широкий горизонтальный, основной, вывел бы меня на равнину. Этот же, вспомогательный, вел на ровную площадку, находящуюся на значительной высоте.

Развернутые паруса-уловители, которые майнеры лишь на ночь складывали, прижимая к корпусу дома, сейчас раскинулись, закрыв своей тенью почти всю спину «Дизара». Мне ничего не оставалось, кроме как сместиться на самый край «крыши». Стараясь не мешать, скользнула между теми, кто оказался здесь раньше. Нашла свободное место и с наслаждением стянула верх платья до пояса, обнажая кожу.

Мужчинам в этом смысле проще — они в неофициальной обстановке носят укороченные комбинезоны, почему-то мама их называет «бермуды». Она пыталась объяснить, но я связи между островами на Земле и фасоном одежды все равно не поняла. У женщин платья тоже максимально открытые, но все же не настолько, чтобы поглощать излучение без раздевания.

Развернулась лицом к сияющему светилу, испускающему пульсирующие волны белого света. Раскинула руки, увеличивая площадь контакта. Зажмурилась, наслаждаясь теплом и легким покалыванием, сопровождающим активацию кожных фотоуловителей. Снова развернулась, давая возможность поработать тем, что на спине. Они несколько менее чувствительны, но и им бездействовать не стоит.

Теперь Аш-Хори уже не слепил, потому и глаза я открыла, с интересом рассматривая открывающуюся передо мной панораму.

Гигантская равнина. Плоская, как столешница. Лишь на самом горизонте она становится холмистой и сменяется горным массивом, за которым бушует невидимый, но опознаваемый по гулу и повышенной влажности бескрайний океан. Дом к нему может попасть только с воздуха, если перелетит через каменную гряду, — все водные объекты на Атрионе окружены такими поднятиями.

Желтая, каменисто-песчаная поверхность равнины покрыта

большими и маленькими темно-коричневыми пятнами топкой, вязкой почвы, насыщенной минеральной массой. «Дизар» сейчас как раз и лежит брюшком на таком затемнении, активно всасывая воду и питательные вещества.

И поступает так не он один. Совсем рядом, в паре сотен метров, на соседнем пятне расположился еще один дом. Такое близкое соседство, конечно, не типично для крупных конкурентов. Они делают исключение разве что ради процесса размножения. Он, кстати, вчера ночью состоялся — на узкой светлой полосе между домами пульсирует капсула, в которой развиваются зародыши новых домов. А их «родителей» майнеры-пилоты удерживают от инстинктивного стремления разойтись.

«Агран»... Он действительно поменьше «Дизара», но выглядит внушительно. Черное, отливающее синевой защитное покрытие даже на расстоянии кажется прочным и непробиваемым. Слюдянистые паруса распущены и блестят, переливаясь всеми цветами радуги, а на спине дома замерли фигуры атрионов.

Любителей жесткого излучения на «Агране» немного. По крайней мере, я вижу всего троих. Две женщины — они стоят чуть поодаль, похоже, беседуют. И мужчина, который оперся спиной о функциональный нарост. Серые волосы лежат неподвижно, хотя ветер сильный. Кожа темно-зеленая — фотопигмента в ней много. И он так же, как и я, занят изучением окружающей природы. Чужого дома. Меня?!

Невольно дернулась, потому как пристальный взгляд незнакомца невозможно правильно оценить. Чего в нем больше? Обычного атрионского любопытства или мужской заинтересованности? И ведь не выяснишь — эмоции на таком расстоянии не воспринимаются.

Впрочем, атрион сейчас в той же степени озадачен моим вниманием! Так что я тактично перестала его рассматривать и отвернулась, вновь сосредотачиваясь на процессе поглощения энергии, а вскоре и вовсе ушла с крыши. Кожа начала терять эластичность — это первый симптом перенасыщения. К тому же мне нужно еще раз выступление отрепетировать. Хочется оправдать надежды Ол-Чеса, раз уж он такой любитель женского пения и не имеет возможности наслаждаться им в собственном доме.

«Истинные ценности нашего мира нематериальны. Их нельзя купить, продать, украсть. Они дарованы нам природой, заложены в каждого еще до рождения, готовые проявиться или угаснуть. Это чуткость строителей, тактичность диспетчеров, реакция пилотов, стремление экспериментировать у фидеров, экспрессия танцоров и нотная фантазия певцов».

(Из речи гайда дома «Аграна» Ол-Чеса ДиеВала)

Голубой перелив сменился зеленым, отчетливее выделив черты лица стоящего напротив меня Ти-Ярка — тонкие, заостренные, изящные. Вспыхнул и постепенно угас, перекрасив стены и сцену в пурпур. Вновь разгорелся, насыщаясь и окрашивая желтизной наши соединенные руки. Наконец заискрился синими вспышками, сопровождая токкату, которую мы исполняли.

Отрывисто звучали голоса, переплетались и расходились, звук резонансом шел в зал и возвращался к нам, сливаясь с новыми оттенками мелодии. Мой партнер уверенно вел партию, я лидировать пока не стремилась — мне второй роли вполне хватало. Тем более она была более чем выразительная. Можно сказать, контрастирующая. Голос Ти-Ярка низкий, осязаемо плотный, мощный, но диапазон у него узкий. У меня же он очень широкий, и я могу снижать тембр до такого же уровня, однако сейчас использую более выгодный высокий тон. Получается очень гармонично.

Смена ритма и новая цветовая гамма. Теперь наши голоса стали лиричными, плавными, а по залу разлилась ультрамариновая синь — колеблющаяся, непостоянная, переменчивая. То совсем темная, погружающая во мрак все вокруг. То светлая, позволяющая видеть замерших в неподвижности зрителей.

И все же я старалась на них не смотреть, сосредоточившись на глазах партнера. Я не стеснялась и не боялась, скорее испытывала некоторую неуверенность. Поддержка наставника казалась необходимой. К тому же мне было достаточно того восхищения, которое лилось из зала и накатывало волнами, погружая в эйфорию. Ради этого ощущения я готова была выложиться по максимуму, петь так, как не пела никогда в жизни, забывая обо всем...

И я действительно забыла. Лишь когда воздух в легких закончился, когда последняя нота сорвалась с губ, когда звук растворился в тишине,

а в глазах Ти-Ярка сверкнуло что-то хитрое, я осознала — эту партию он вместе со мной не пел! Замолк, позволив завершить композицию одной.

Потрясенная, все еще находясь в трансе, я даже не поняла, как спустилась со сцены. А вот внизу меня прорвало.

— Предупредить сложно было? — возмутилась, вырывая руку из мужской ладони. — Или хоть раз отрепетировать! Я же не готова была.

— Тебе не нужна моя страховка, ты отлично пела, — укорил партнер, так сильно мотнув головой, что короткие темно-красные прядки подпрыгнули словно живые.

— Все верно, — встала на его сторону Май-Лу, вторая солистка в нашем доме. Она опекала меня в меньшей степени, зато научила приемам, которые доступны только женским голосам. — Думаешь, почему я с вами сегодня не вышла? А если бы Ти-Ярк предупредил, ты бы еще сильнее нервничала.

— Сговорились, — дошел наконец до меня их коварный замысел.

— Но ведь результат того стоил, — не сдался партнер. — Разве ты этого не почувствовала?

Вопрос риторический. Такое сложно не воспринять. Я до сих пор ощущаю удовлетворение, которым наполняется зал. Да, теперь оно усиливается еще и тем, что на смену нам на сцену вышла Ита-Ял, а ее выступления всегда находят отклик в эмоциональном настрое зрителей. Но все же вклад в первоначальный фон — именно наш с Ти-Ярком. И мой.

На возвышение, где изящно двигалась, изгибаясь, танцовщица в ритме быстрой музыки, которую исполняли сидящие внизу инструменталисты, я посмотрела с сожалением. Причин было две. Первая — меня безумно тянуло обратно. Впрочем, это совершенно нормальное стремление для экзота. Вторая — столь же сильно, как и другим, мне хотелось насладиться танцевальным шоу. А с этим, увы, были проблемы. Даже увеличенный зал с трудом вместил в себя всех желающих отдохнуть. В нем не осталось ни одного свободного вспучивания, чтобы на него сесть. Пришлось выйти.

В коридоре уровень эйфории казался не таким высоким. Музыка я больше не слышала — органическая стена давала хорошую звукоизоляцию, а равномерное освещение успокаивало, снижая возбуждение. Все же майнеры, контролирующие световые эффекты на

представлении, очень точно следуют рекомендациям экзотов-режиссеров, которые составляют план выступления и просчитывают степень воздействия на зрителей.

И все же уходить от закрывшегося проема я не спешила. Стояла, рассматривая занятный рисунок на стене. Совсем новый, видимо, он появился после обновления зала, раньше здесь другой был — имитирующий пейзаж на Атрионе во время заката Аш-Хори. Фиолетовое небо, желто-красный песок, одинокий дом, опустивший паруса и бредущий по пустыне. Это было красиво. Но теперь...

Теперь небо стало голубым. Звезда — желтой и не такой слепяще-яркой. Поверхность земли — зеленой и неровной, словно покрытой штрихами, устремляющимися ввысь. Вдали виднелись горы, но необычные — среди камней отчетливо возвышались усыпанные зеленой массой коричневые тонкие прутья. А на переднем плане — атрион, опустившийся на колени и закрывший лицо рукой.

Любопытно... Видимо, это творчество художника, побывавшего в плену на Терре. Вот только среди тех, кто живет на «Дизаре», таких точно нет. То есть спасенные, решившие жить с нами, имеются, но все они фидеры и майнеры, а не экзоты. Значит, автор картины — из семьи с «Аграна».

Интересно, кто с ним работал? Его задумку в реальность помогал воплощать наш майнер или чужой?

Подошла ближе, присматриваясь к границам цветов. Четким, совсем не размытым. Тот, кто выращивал эту стену, дожидаясь, когда художник добавит в питательный субстрат красящие пигменты, — настоящий мастер. Я помню, мой брат, первоклассный пилот, тоже пытался практиковаться в строительстве. Майнеры всегда имеют минимум две профессии: от этого зависит успешность жизнедеятельности дома и комфорт его обитателей. У Ал-Рифа так и не получилось наладить контакт с растущей массой, а уже сформировавшейся он управлял без проблем. В итоге предпочел в качестве второй специализации диспетчерскую службу.

Проем за моей спиной раскрылся. Коридор вновь наполнился звуками, световой всполох окрасил стену, в воздухе разлилась волна удовольствия. Впрочем, мне даже обернуться времени не хватило — спокойствие вновь вернулось. Однако теперь я уже была не одна. Несколько приглушенных мягким покрытием пола шагов, равномерное

дыхание, отчетливый интерес и вопрос:

— Вам нравится?

— Необычное восприятие. И очень качественно прорисовано. Это ваша работа?

Я совершенно наугад спросила. Не основываясь ни на каких логических выводах, разве что кроме одного: ни атрион, изображенный на картине, ни тот, который сейчас со мной разговаривает, не из нашей семьи.

— Почти, — очень даже скромно отреагировал незнакомец. — Я всего лишь стену выращивал. А рисовала моя мама.

— Она изумительный художник! И безупречно подобрала нужные пигменты. А вы очень профессионально выбрали нужную скорость роста. — Я ничуть не снизила уровня восхищения вовсе не потому, что автор картины оказалась для моего собеседника прямой родственницей. Мне на самом деле все очень понравилось. — Вы передавали нашим майнерам опыт?

— И учился сам, — внес коррективы атрион. — Нет предела совершенству. Ми-Лар. А вы — Рия-Ла.

Избавив меня от необходимости представляться, мужчина коснулся пальцами своих губ, сняв с них льер, и шагнул ближе, протягивая руку мне.

Отказывать я не стала, повторив его движение. Неофициальное общение всегда проще. И приятнее.

Наши пальцы соприкоснулись, соединясь лишь на мгновение, но даже этого было достаточно, чтобы восприятие его эмоций стало для меня более контрастным и четким.

Доброжелательность, определенно симпатия... Нет, пожалуй, больше — восхищение.

— Твой голос меня покорила, — слова тоже сомнений не оставили. — Я лишь в детстве слышал женское пение, моя бабушка пела очень хорошо, но преемниц ей не нашлось. Сейчас в нашем доме нет певиц.

Искренность и открытость. Никакого лукавства или попыток скрыть вполне очевидную подоплеку — желание получить в семью экзота-певицу. И все же я не удержалась от маленькой проверки:

— Да, я знаю. Ол-Чес ДиеВал об этом говорил.

— Мой отец не оставляет надежды, что однажды в стенах «Аграна»

вновь прозвучит женское соло.

Отец? Я внимательнее присмотрелась к своему новому знакомому, действительно обнаруживая все больше сходных черт. Такие же серые глаза, полноватые губы, узкий нос, графитовые волосы, темная кожа. Похож, но... Но я его уже где-то видела! Ой!

— Это ты был на крыше! — ахнула, вспомнив, где именно.

— И приятно удивился, когда увидел тебя на сцене... — Ми-Лар вдохнул глубже, улавливая мою реакцию, и в его голосе появилась обеспокоенность: — Я понимаю, все это выглядит намеренно подстроенным, но я на самом деле ничего не планировал заранее. Не искал встречи специально, разве что сейчас. Боялся, что ты уйдешь и я не успею с тобой поговорить.

Он оправдывался, ощутив в моих эмоциях разочарование. Ведь первое, о чем я подумала, — это владеющее мужчиной меркантильное желание угодить отцу. А мне так хотелось, чтобы я его привлекала как женщина, а не как редкий экземпляр, который нужно заполучить любой ценой. Неужели мое предназначение — единственное, что волнует Ми-Лара?

— О чем поговорить? — пошла ему навстречу, приняв объяснение. Может, я действительно излишне мнительная и недоверчивая?

— О приглашении. — Голос атриона вновь приобрел спокойные, уверенные интонации. — Ты согласишься провести завтрашний день со мной?

Свидание? А вот это... приятно. После наступления совершеннолетия предложения побыть наедине я получала дважды, а по факту кавалером так и не обзавелась. Не сложилось. Это нормальное явление. Папа говорит, что ему до знакомства с мамой тоже не везло в личных отношениях. Хотя ограниченным его выбор трудно было назвать: семья на «Дизаре» даже в те времена уже была немаленькая и другие дома отец посещал не так уж редко. Да и брат мой, похоже, унаследовал ту же разборчивость...

— Соглашусь, — обнадежила я застывшего в ожидании мужчину.

Сделала это очень вовремя — проем снова раскрылся. На этот раз из него появился Ал-Риф, и фонило от брата отнюдь не воодушевлением и беззаботной расслабленностью, как должно быть после представления, а озабоченностью с налетом беспокойства.

— О каком согласии идет речь? — напористо поинтересовался Ал.

Видимо, мои последние слова все же услышал.

— Это личное, — поставила я его в известность. — До завтра, Ми-Лар. — Вновь коснулась пальцами губ, чтобы обменяться с ним льером.

Проводив глазами уходящего атриона, обернулась к брату.

— Напрасно согласилась, — не одобрил тот моего решения.

— Почему? — удивилась я.

— Он не сменит ради тебя семью.

— Отчего такая уверенность? — Скептически хмыкнув, я бросила еще один взгляд на картину и направилась в столовую. Есть хотелось до умопомрачения.

— Ты почувствовала от него больше, нежели простую заинтересованность? — Ал-Риф, шагая рядом, принялся меня допрашивать.

— Нет, — отрицать очевидное я не стала. — Но ведь глубокие чувства не сразу проявляются...

— Сразу, — категорично отрезал брат. — Ты еще молодая и этого не понимаешь, потому что опыта никакого. Вернее, мы все так считаем, пока не столкнемся с настоящей любовью.

— А ты много об этом знаешь! — возмутилась я. Даже остановилась, уперев руки в бока, и развернулась к упрямцу: — Где твой хваленый опыт? Сам ведь до сих пор не женат!

— Потому и не женат, — резко осадил меня Ал, в очередной раз доказав то, о чем я уже давно подозревала: он в кого-то влюблен, эта девушка точно не из нашей семьи и взаимностью ему не отвечает даже на минимальном уровне. Иначе бы брат сейчас жил не на «Дизаре», а в ее семье, и ухаживал, ожидая, пока она примет его как мужа.

— Ладно. — Мне пришлось оставить щекотливую тему и вернуться к тому, с чего мы начали разговор: — Допустим, я бы ему отказала. Наши дома разошлись, и с Ми-Ларом я больше никогда бы не встретилась. Но вдруг он на самом деле — моя судьба? А я не дала ни ему, ни себе возможности в этом убедиться.

— Ты максималистка, — охарактеризовал мою позицию брат. — Не он — так другой.

— Кто бы говорил... — едва слышно пробормотала я, опускаясь на сиденье. Хорош советчик!

Дождалась, когда на раздаче появятся стаканы, ловко выхватила желтый, оставив брату синий, и мысленно поблагодарила четыре-один,

который так удачно подобрал для нас рацион. То есть «которая». В столовой диспетчерами традиционно работают женщины.

— Почему ты не стал досматривать представление? — любопытствовала, вспомнив, насколько неожиданно брат оказался в коридоре. А ведь намеревался сидеть до конца. Он об этом говорил за обедом.

— Хотел тебя поддержать. Первый раз делать что-то самостоятельно психологически сложно. Вернее, оглядываться на сделанное. Кажется, наделал кучу ошибок и никакого профессионализма не продемонстрировал. А ты не предупредила даже, что у тебя соло будет. И мне показалось, что ушла расстроенная.

— Да нет, все было неплохо, — успокоила я его. — Если честно, то я настолько увлеклась, что сейчас даже вспомнить не могу, как партию вела. Так что «оглядываться» мне не на что.

— Это хорошо. — Отпив напиток, Ал задумался. — Я когда впервые управлял ботом без страховки, потом несколько дней мучился и переживал.

— Не ты один, — поддержал его жизнерадостный женский голос. — Мой первый самостоятельный мусс был тем еще «шедевром». Я даже выпила его сама, чтобы никто не узнал, что именно получилось.

Ноя-Ти, моя кузина, дочка тети Дай, появилась рядом, не только подслушав, но и бесцеремонно вмешавшись в наш разговор. Она младше Ала ровно настолько же, насколько старше меня, так что мы отлично дружим.

— А ты на концерт не пошла? — Я подвинулась, чтобы девушка могла сесть рядом, составив нам компанию.

— Я работала, у меня сегодня смена на переработке сырой массы. Вот только освободилась. — Кузина поправила ворот розового платья и убрала со лба синие прядки. — Кстати, как вам муссы? Я в них кое-что необычное добавила...

Она загадочно не завершила фразу, а мы с братом внимательнее прислушались к вкусовым ощущениям. Не знаю, как он, а я так точно ничего необычного не почувствовала. Но расстраивать Ною не стала.

— Очень приятное сочетание. Добавки наверняка фидер с «Агрانا» посоветовал?

— Ага. Есть у них один... новатор. — Ноя-Ти хихикнула.

— Он тебе понравился? — встрепенулась я, заинтригованная ее

поведением. — Вы решили встречаться?

— Ну нет! — уже совсем открыто развеселилась девушка. — Юз-Тер не в моем вкусе. Да и он в возрасте уже, намного старше наших родителей. И женат к тому же. Но фидер изумительный. Он нам на дегустации такие комбинации показывал!.. — Зрачки ее голубых глаз превратились в совсем узкие полоски, доказывая, насколько сильное впечатление произвели на кузину творения опытного коллеги. Впрочем, восторженные интонации быстро сменились на огорченные: — А секрет этой добавки он не раскрыл. Но мне немного подарил. Я теперь ломаю голову, как ее массу увеличить или где еще достать...

— И чем она так хороша? — перебил кузину Ал. — Прости, Ноя, но не понял. Нет в муссе ничего необычного. Рия?

Раздосадованная его прямоотой, я хотела было ответить резкостью, но потом, отпив еще немного из стакана, просто пожала плечами. Майнер! Никакой деликатности. Что с него взять?

— Эффект не во вкусе, а в действии, — экспериментаторша важно донесла до нас значимую информацию. — Добавка снижает напряженность и успокаивает. А главное, никак не влияет на вкус и ее можно использовать в сочетании с любыми другими. Так что, Рия, признавайся, что ты там почувствовала?

— Вы ничего не чувствуете? — И вновь наш разговор прервали, отвлекая внимание и тем самым невольно избавляя меня от необходимости отвечать. Не то чтобы мне неприятно было признаваться в лукавстве, скорее не хотелось новой нотации от брата.

— Понять не могу... Знакомый какой-то запах... — подойдя ближе, продолжила мама, а я увлеченно следила за тем, как она морщит нос и хмурит лоб, вдыхая доступный ее обонянию аромат.

Эх! Вот бы мне сейчас в облик человека! Уж я бы тогда тоже узнала, что родительница учуяла, а Ноя намешала! То есть ей насоветовали.

— С ним что-то не так? — Алу этот нюанс был определенно интереснее всего остального. Впрочем, настоящего волнения от брата я не почувствовала, лишь желание получить ответ.

— Да. То есть нет. То есть... — Мама забрала стакан из моих рук, поднесла его к самому носу, втянула воздух, задумалась и мотнула головой, констатируя: — Так не вспомнить. Ноя, ты мне дашь немного добавки для анализа?

— Юз-Тер ее уже лет двести использует, и никаких проблем или побочных эффектов от нее нет, — не слишком довольна, можно сказать, сварливо, но все же вполне миролюбиво попыталась отказать Ноя-Ти. Встретилась глазами с уверенным взглядом моей мамы, вспомнила, что жену гайда она обязана слушаться так же, как и его самого, и понуро согласилась: — Дам.

Почти минуту мы сидели молча. Я — потягивая мусс, который мне вернули; Ал — изучая глазами то свой стакан, то сидящую напротив него кузину; мама — скрестив руки на груди и ожидая от Нои действий. Однако та упорно не желала немедленно выполнять обещание. Наконец все же не выдержала.

— Что, прямо сейчас принести? — теперь уже даже с некоторой обидой спросила. Поднялась, сделала шаг к выходу и неожиданно замерла. А когда обернулась, в ее эмоциях определенно чувствовалась надежда и некоторое воодушевление. — Ой! Тетя Тая, а может, тогда вы мне поможете с копированием этого вещества? Оно никак не дублируется обычными способами.

— А как Юз-Тер его получает?

— Говорю же — не знаю! Не рассказал он! Это его право — делиться опытом, но не раскрывать всех секретов.

— Ладно. — Родительница улыбнулась, показывая, что настрой у нее самый доброжелательный. — Я что-нибудь придумаю.

Вот в этом я ничуть не сомневаюсь. Во-первых, люди, в отличие от нас, пользуются неорганическими материалами и технологиями. Это не лучше и не хуже, просто дает возможность подойти к проблеме с другого ракурса. У мамы, конечно, ресурсы ограничены, не так уж много земного оборудования в ее распоряжении, но раз настолько уверенно говорит, значит, его достаточно. Во-вторых, она по профессии — разведчица, а это, как я поняла, означает очень широкий спектр умений в плане добывания информации и работы с ней. Ну и в-третьих, мама очень обрадовалась возможности вновь их проявить.

Почему я так решила? Все очень просто. Когда Ноя принесла упакованный в нейтральную органическую капсулу совсем крошечный шарик, к нам присоединился папа. Концерт завершился, в столовой прибавилось желающих перекусить, и мы ушли, оставив родителей ужинать. Однако я успела различить, до того как шум в столовой перекрыл остальные звуки, а расстояние лишило возможности

прислушиваться:

— Тая, ты что задумала? Забыла, что ты моя жена и больше не работаешь на Конфедерацию? — В голосе отца, как и в его эмоциональном фоне, чувствовалось напряжение.

— Агенты бывшими не бывают, — с какой-то бесшабашной веселостью заявила мама. — Лаш, я так соскучилась по своей работе! Безумно хочется вновь ввязаться в какую-нибудь авантюру, но поскольку это невозможно, дай мне хоть на мелочах душу отвести. Ты же меня понимаешь?

— Понимаю.

«Чаще всего ключами к пониманию происходящего становятся совершенно незначительные на первый взгляд вещи и события. Они, как ключевые знаки в музыке, указывают на те позиции, с которых нужно начинать раскручивать клубок интриг и простых совпадений, чтобы прийти к правильному выводу».

(Из мемуаров Таис ВерДер-Саталь)

Ми-Лар шагнул навстречу, едва я показалась в проеме главного шлюза. Подал руку, помог спрыгнуть на песок.

— Рия! — поприветствовал он радостно, можно сказать, предвкушающе-воодушевленно. Но слишком уж вольно.

— Рия-Ла, — строго поправила.

Я всего лишь дала согласие на свидание, а это не повод для неформального обращения, тем более мы не из одной семьи.

— Извини, — тут же сбавил напор мой кавалер. Если и стушевался, то на мгновение, потому как тут же оправдался: — Я просто очень рад тому, что ты мне не отказала.

Это я и сама чувствую. Но вот причина подобного состояния какова? Мотивы, в отличие от эмоций, так легко не распознаются. Вернее, вообще не распознаются, о них приходится только догадываться. Ну или верить на слово тому, кто убеждает меня в своих намерениях:

— Признаюсь честно, это мое первое свидание за последние семь лет. Я был в таком нетерпении! Едва смог дожждаться момента, когда снова тебя увижу.

— Всего за семь? — не удержалась я от игривого тона. — А до

этого сколько их было за-а-а... — многозначительно растянула последнее слово, намекая, что неплохо было бы мне сообщить не только число попыток найти жену, но и возраст.

— Восемь встреч за сто лет, — не стал меня разочаровывать поклонник.

Прозвучало признание очень перспективно. Значит, Ми-Лару двести пятьдесят, он на пятнадцать лет младше моего брата и на девяносто пять старше меня, серьезно подходит к выбору и приглашения не раздает всем без разбора. Если не занижает цифр, конечно.

Однако немедленно выяснять подробности его личной жизни я не стала. Успеется. У нас весь день впереди. И ночь.

Я просто кивнула, принимая объяснение, и коснулась пальцами губ.

Обмен льером для нас сейчас весьма актуален, особенно потому, что нет другого способа усилить восприимчивость организма и правильно определить: сможет ли в будущем возникнуть влечение более высокого уровня, нежели простая симпатия. Прямой контакт через губы был бы, конечно, эффективнее, но позволить его себе могут только влюбленные. А нам этого ждать... долго.

Поняла я это сразу, едва ощутила, как моя ладонь оказалась в теплом захвате сильных пальцев. Отторжения не возникло, но и желания чего-то большего — тоже.

Признаться, меня это расстроило. Я все же надеялась на тот самый чувственный всплеск, о котором с такой нежностью и нескрываемым удовольствием рассказывал папа. Ему одного случайного касания хватило, чтобы определиться и больше не сомневаться в своем выборе. И это притом, что мама совсем не атрионка!

Оставалось надеяться, что к концу свидания восприятие все же изменится и перспективы будут более очевидны. Не зря же нам отведено столько времени на знакомство!

И Ми-Лар определенно не собирается тратить его напрасно.

— Мы куда-то полетим? — Я немедленно заинтересовалась планами, сообразив, что Ми-Лар увлекает меня к лежащему брюшком на песке стандартному боту.

Небольшому, черно-синему — в точности как «Агран», от которого он отпочковался, и потому совершенно не похожему на боты «Дизара».

У тех естественная окраска — темно-серая, лишь с легким налетом синевы и белыми разводами. В принципе у всех домов свой цветовой оттенок и рисунок «шкурки». А ведь она еще и мимикрировать может, сливаясь с фоном поверхности.

— Я же майнер. То есть в первую очередь пилот, — с отчетливой веселостью напомнил атрион, раздвигая мягкую складку-вход, чтобы мне было легче пролезть внутрь. — И хочу, чтобы ты узнала обо мне как можно больше. У тебя есть особые пожелания или доверишься мне? Или ты против самого полета?

— Не против, очень даже «за». А вот куда именно... Пусть будет сюрприз, — решила я.

Ну а на самом деле, почему у меня должны быть какие-то возражения? Меня брат не раз катал на ботах, но это ведь совсем иное. Потому как компания другая!

Послушно забралась во внутреннее пространство чужого корабля, маленького, но неродного. Хотя в нем все стандартно: вспучивания-кресла, одно из которых управляющее, складки маленького гигиенического модуля и светящиеся слабой флуоресценцией мягкие стены.

Не дожидаясь приглашения, села в кресло, самое близкое к тому, в которое опустился следующий за мной Ми-Лар. С интересом проследила, как его серые волосы, упавшие на поверхность сиденья, словно расплавились, сливаясь с органической поверхностью и позволяя пилоту интегрировать свой разум в нервную систему бота. Теперь он с ним единое целое.

Невольно коснулась своих тяжелых прядок, скользнув по ним подушечками пальцев. Мои волосы для этого не приспособлены. Так уж природа распоряжается, наделяя нас разными данными. А жаль, я бы с удовольствием посмотрела на то, что происходит сейчас за стенами кораблика.

Мое любопытство оказалось настолько сильным, что Ми-Лар его почувствовал. Приоткрыл глаза, бросил на меня краткий взгляд, словно проверяя, не ошибся ли, а когда закрыл, одна из стен начала приобретать не свойственную ей жесткость. Ее естественная окраска поблекла, зато сквозь нее проступили другие краски, сформировав не слишком четкое, потому как бот находился в движении, но все же изображение.

Зная, как сложно пилоту одновременно и управлять, и контролировать внутреннее пространство, я замерла, стараясь больше его не отвлекать. Сидела смирно, наблюдая за калейдоскопом картинок.

Массивные «Дизар» и «Агран», лежащие на желтой песчаной равнине. Бескрайнее пространство пустыни, с огромной скоростью проносящееся под нами. Обширные коричневые пятна свежего питательного субстрата, которые, несомненно, привлекут внимание домов, едва майнеры позволят им разойтись. Очередной безжизненный участок. Распустивший розовые паруса одинокий дом, ярко-красный, молоденький, а потому совсем маленький. Наверняка в нем небольшая семья живет, не более десятка атрионов. Низкая каменистая гряда, ограничивающая плоское прогретое озеро, которое парит так, что окружающий мир теряется в плотном тумане. Возможно, мы сюда? Нет, летим дальше.

Разорвав влажную дымку, бот стремительно пронесся над «вросшими» в вязкую почву личинками домов. С той высоты, на которой мы сейчас находимся, они похожи на россыпь разноцветных бусин, которые так любит перебирать моя мама. У этих крошек еще даже парусов нет, поэтому ночью от них нужно держаться подальше: не успев накопить световую энергию за день, они непременно постараются компенсировать ее недостаток, высасывая тех, кто имеет меньший размер. Днем же рядом с ними безопасно и даже интересно — личинки очень забавные звуки издают, слушая их, можно придумать столько новых мелодий!

Но мы пролетели мимо, и снова началась пустыня. Такова уж наша планета, которая не может похвастаться ни многообразием жизненных форм, ни разнообразием пейзажей. Первые погибли в процессе эволюции, остались лишь те, кто научился жить не только ради себя, но и обеспечивая других. Вторым не из чего образовываться, ведь климат везде одинаково теплый и влажный, а кроме песка, разлагающегося субстрата, скальных поднятий и впадин, заполненных водой, на Атрионе ничего нет.

Так куда же мы направляемся? Ох, неужели?!

Широко раскрыв глаза, я смотрела на появившиеся впереди горные пики. С каждой секундой они становились все выше и ближе, и я окончательно уверилась в своей догадке. Океан! Значит, Ми-Лар решил провести со мной время на вершине одной из гор, используя в качестве

антуража бушующий простор воды?

Что, опять нет?!

Теперь уже с недоумением я смотрела, как бот, перелетев через хребет, скользит по воздуху вдоль отвесной каменной стены, о которую разбиваются высоко вздымающиеся волны. Брызги, повисающие в воздухе, формируют у побережья полупрозрачную завесу, похожую на клубящееся, беспокойное облако.

Меня это всегда удивляло. На суше поверхность озер идеально ровная, никакого перемещения воды в них нет, зато океан и моря ни на мгновение не успокаиваются. Словно они тоже живые, им не нравится мешающая разлиться на большую площадь каменная преграда, и они пытаются ее разрушить.

В некоторых местах это даже удается, и там, где вертикальность обрыва нарушается, возникает своеобразный рельеф из уступов, небольших плато и гротов... Мы в один из них и залетели, обогнув два выдающихся в океан мыса.

— Прибыли, — подтвердил мои наблюдения пилот, поднимая голову. Его волосы натянулись, неохотно разрывая контакт с симбионтом, а картинка исчезла, вновь сменившись мягкой стеной. — Мы здесь надолго, так что...

Бросив выразительный взгляд на гигиенический модуль, Ми-Лар исчез в складке, закрывающей выход. Я игнорировать намеков не стала, а когда вылезла следом, ахнула от восхищения.

Все же майнер убрал изображение прежде, чем бот окончательно устроился в глубине грота, поэтому панорама места, которое было выбрано для свидания, стала для меня приятной неожиданностью.

Глубокий пролом в горе хоть и располагался высоко над поверхностью океана, но оказался наполовину заполненным водой: волны самыми верхушками захлестывали сюда, пополняя центральное углубление, похожее на маленькое озерко. Оно даже парило так же, как внутренние материковые, видимо, в достаточной степени нагревалось, хотя брызги до меня долетали прохладные. Океан в этом смысле намного холодней. Впрочем, купаться в нем никто не решается вовсе не из-за температур — они вполне терпимые, и не из-за опасности быть съеденным — он совершенно безжизненный, и не из-за боязни утонуть — мы можем довольно долго обходиться без воздуха, а потому, что никому не хочется быть разможенным о скалы.

Однако плескаться в морской воде — это совсем иное, нежели в пресном водоеме! Экзотика! И еще, возможно, генетическая память работает. Ведь когда-то океан был совсем мелководный, спокойный и занимал огромную площадь современных пустынь. В то время в нем жили наши далекие предки, которые еще и на нас были не очень похожи, и умели свои тела менять так же, как сейчас делают дома.

В общем, ни мне, ни Ми-Лару особого приглашения не потребовалось. Мы не сговариваясь приняли стягивать с себя одежду, которая соленой воды точно не выдержит — съежится, потом ее даже в модуле будет снять проблематично.

Я нырнула первая. Уже опускаясь на дно, услышала, как ударилось о поверхность воды тело Ми-Лара. Развернувшись, удерживаясь в глубине, чтобы его увидеть. Света здесь не хватало, поэтому заметила, лишь когда атрион подплыл совсем близко. Еще более темная, неясная фигура, протянувшая ко мне руку.

Ловко извернулась, избежав контакта, и оттолкнулась от дна. Всплыв на поверхность, быстро, насколько могла, поплыла к берегу. Забралась на камни, обежала озерко, чтобы оказаться с противоположной стороны, а когда атрион выбрался из воды, снова нырнула.

Игра в догонялки меня не утомляла. Было весело, и я отчетливо ощущала — Ми-Лар тоже получает удовольствие. И все же в один из таких заплывов позволила ему себя догнать. Теперь мы плыли рядом, держась за руки, хоть это и было не совсем удобно. А потом я сидела на теплом плоском выступе, болтая ногами в воде, мужчина же вылезать не спешил. По пояс скрытый темнотой озера, он оставался на плаву, ухитряясь при этом меня расспрашивать.

— Почему твой отец позволяет своей жене называть себя трехзвучным кратким именем? Это ведь женский вариант. Я когда услышал, ушам не поверил. Мне даже уйти пришлось, чтобы мою реакцию не заметили и не восприняли как бестактность.

— Но это же не жесткое правило, его ради удобства ввели, чтобы меньше путаться, — парировала я. — Поэтому папа даже поправлять маму не стал, когда она ошиблась, — опасался, что это ее оттолкнет. А у землян имена вообще невообразимые. Хорошо хоть у мамы оно видоизменяется до привычного всем сокращения.

— Она ведь сейчас адиза? — продолжил проявлять любопытство

Ми-Лар. — Сколько же ей лет? По внешности сложно понять, но все же и ты, и твой брат уже совершеннолетние.

— Маме четыреста десять, — скрывать информацию я не стала. — Земляне, как и мы, до восьмисот лет могут доживать. Так что она без проблем сможет воспитать еще одного ребенка.

— Это хорошо. Потерять жену раньше срока ужасно. В молодости жить без пары проще, чем в старшем возрасте.

Тут он прав. Близкие отношения оказывают очень сильное влияние на организм. Пока их нет, остается свобода выбора. Можно влюбиться, а если избранник не отвечает взаимностью и перспектив никаких — переключиться на другого. Но после физического контакта с прямым обменом льером это станет невозможно. Ни влечения, ни чувств к другому партнеру уже никогда не возникнет. В общем, как говорит моя мама, атрионы становятся патологическими однолюбам, когда позволяют телам взять верх над разумом.

— Хотя я все равно не представляю, как можно влюбиться в того, кто имеет совершенно не схожий с нашим облик. Мы все, когда узнали, что на «Дизаре» есть такой странный смешанный брак, да еще и с детьми, поначалу думали, что ты и твой брат выглядите как смесь наших рас. И я очень обрадовался, увидев, что в тебе нет ничего земного.

Вот оно. Подтверждение того, что я совершенно правильно скрываю свой второй облик. Кому я нужна в жутковатой для восприятия атрионов земной оболочке? Это только папа у меня с уникально широкими взглядами (впрочем, даже они имеют свои границы), а остальные куда более консервативны. В нашей семье к маме относятся терпимо и с уважением лишь благодаря авторитету, который имеет мой отец. В других семьях настрой иной. Не зря же гайды всех домов, с которыми мы встречались, категорично отвергают саму мысль о возможности сотрудничества с Конфедерацией. Уверена, даже если у Ми-Лара и начнут возникать ко мне какие-то чувства, они тут же исчезнут, едва я покажусь ему в образе человека. Или хотя бы намекну на подобное. Тем более он не гайд. Те могут себе позволить широту мышления, хоть и не всегда желают это делать, а остальные атрионы, которые имеют иную специализацию, мыслят очень узко — фактически за них думает и принимает решения глава дома. Зато исполнительская дисциплина у них на высоте, как и ответственность за дело, которое

выполняют.

А ведь я для Ми-Лара сейчас именно в этом статусе — он за меня перед гайдами обоих домов отвечает. Поэтому, едва мой желудок вмешался в наш разговор, решив, что последний прием пищи был неприлично давно, атрион немедленно прекратил расспросы. Нырнул и исчез из виду, а потом появился на берегу и забрался в бот.

Пользуясь его отсутствием, я окунулась еще раз, наслаждаясь ощущением независимости и свободы, а затем перебралась на новое место, где могла впитывать кожей световой поток. За это время Аш-Хори сменил свое положение на небосклоне, оказавшись перед входом в грот. Теперь его лучи проникали внутрь, освещая складывающиеся стены камни и бликуя в нескончаемых брызгах, а над озерком возникла радуга. И вот вроде ничего необычного, простой эффект преломления света, но... До чего же красиво!

Сама не заметила, как начала петь, вплетая свой голос в равномерный шум океана, в шелест убегающих волн, перекатывающих мелкие камни, и в стук падающих капель. Ловила отраженный звук и дополняла, заставляя воздух вибрировать отголосками.

— Бесподобно! — Едва я умолкла, за спиной раздался сдавленный выдох.

Ми-Лар, вернувшийся совсем неслышно, — хотя, возможно, это я настолько увлеклась, что не заметила его приближения, — стоял совсем рядом, держа в руках стаканы с муссом. Он успел одеться, но выбрал домашний вариант без верха. Вручив мне напиток, сел рядом, стараясь, чтобы свет Аш-Хори падал и на его кожу.

— Уверен, это место видело многое, но не слышало ничего подобного, — продолжил восхищаться Ми-Лар.

— Значит, ты и других девушек сюда на свидания привозил?

Я быстро сообразила, что лежит в основе его слов. Привлекательность грота уменьшилась моментально, даже захотелось его покинуть, настолько неприятно кольнула мысль, что я не единственная, кому Ми-Лар показывал это маленькое природное чудо. Глупое чувство, конечно, субъективное, но поделаться с собой я ничего не могла.

— Почему только я? — Моя реакция не укрылась от несостоявшегося кавалера. Он определенно этим обеспокоился и пустился в объяснения: — Это место известное. Полагают, что ему

больше тысячи лет. Атрионы из разных домов прилетают сюда и для свиданий, и просто отдохнуть. Мы сами получили информацию о гроте не так давно, хотя я, сколько здесь ни бывал, никогда ни с кем не сталкивался... Кстати, теперь и твоя семья тоже сможет им пользоваться. Твой брат, например. У него ведь есть девушка, которой он симпатизирует?

Если первая часть его оправдательной речи заставила меня устыдиться собственнических замашек, то последний вопрос основательно напряг. Как-то очень много Ми-Лар о моей семье спрашивает. И почти ничего — обо мне лично.

— Вот сам бы у него это и выяснил, для этого вовсе не обязательно было меня на свидание приглашать, — не выдержав, буркнула, хмуро глядя в стакан с розовой жидкостью. — Вы же оба майнеры и два дня опытом обменивались.

— Опытom, а не подробностями личной жизни, — опешил от моего раздражения атрион. Удивление и непонимание того, что именно меня не устроило, явно сквозили в его словах и эмоциях: — Рия-Ла, ну что не так? Может, ты устала? Или замерзла? Тогда идем, оденешься. И не ешь, а ведь хотела... — Теперь в интонациях еще и укор появился. Легкий, едва заметный, но с нотками обиды, несомненно.

Ну да, он же все делает, чтобы я получила удовольствие от нашей встречи, а моя капризная персона почему-то остается недовольной.

Я залпом выпила мусс, даже не особо вникая в его вкусовые характеристики. Вернула стакан Ми-Лару, сползла в воду, в последний раз опускаясь на дно. Вынырнула почти у самого бота и, подхватив снятое платье, забралась внутрь. Жидкие выделения модуля растворили одежду прямо у меня в руках, а новая прилипла к коже, повторяя тот же фасон. Менять настройки я не рискнула. Все же это чужая органика. А когда выбралась во внутреннее пространство бота, нос к носу столкнулась с терпеливо ожидающим меня атрионом. Я даже среагировать не успела, а мои руки уже оказались в его ладонях. И судя по тому, насколько остро я ощутила владеющее Ми-Ларом сожаление, льер с губ он снял до того, как меня коснуться.

Усадив в кресло, атрион опустил на колени рядом со мной, но контакта так и не разорвал, продолжая едва ощутимо поглаживать кожу на запястье.

— Рия... — выдохнул, вспомнил мою утреннюю отповедь и тут же

исправился: — Рия-Ла, раз тебе не нравится упоминание о твоём брате, наверное, он что-то обо мне не очень хорошее сказал? Посчитал меня неподходящей для тебя партией? Ты не смущайся, я могу это понять. И о причинах догадываюсь. Я обогнал его на гонках, да и в строительстве у меня навыков больше. Ал-Риф, видимо, болезненно воспринимает чьё-то превосходство. Внешне он, конечно, стопроцентный атрион, но характером определенно землянин, потому что переносит профессиональные отношения в личную сферу, а это совершенно недопустимо.

Хоть и всколыхнулась в душе волна протеста, я её погасила. Может, причина и иная, но ведь Ал в самом деле изначально был против нашей встречи. К тому же меня намного сильнее заинтересовало другое.

— А ты откуда о характерах землян знаешь?

— «Агран» забрал с Терры двадцать шесть атрионов. Все они остались жить в нашей семье, ведь их дома уничтожили, а заселиться в новые у спасённых просто не хватило бы сил. Моя мама была в их числе. Ты же видела её картину. Она до сих пор не может забыть того, что творили террианки. А ведь они и земляне имеют общие корни. Так что я наслышан о том, какими могут быть люди.

— Ясно. — Я понимающе покивала и осторожно высвободила свои руки. — Мы возвращаемся?

— Отведенное нам время ещё не закончилось, — насторожился Ми-Лар. — Хочешь сказать, что ты определилась?

Он поднялся с колен, и теперь мне приходилось высоко задира́ть подбородок, чтобы видеть его глаза. Не слишком удобно, но после купания и обеда состояние мной владело расслабленное. Двигаться было лень.

— В принципе... да, определилась, — подтвердила, откидываясь на мягкую спинку и опираясь на неё затылком. — Я не чувствую ярко выраженной потребности продолжать общение. А ты?

Мне казалось, что он с облегчением примет мой отказ, ведь наш разговор не принес ни ему, ни мне положительных эмоций.

— А я чувствую, — удивляя меня, заявил майнер. — Ты мне очень нравишься. И влечение к тебе у меня определенно сильнее, чем к тем, с кем я встречался раньше.

— Влечение? — Будь я сейчас в земном облике, точно бы мои

брови уползли на лоб. Понятно, что физиологию никто не отменял, и я прекрасно замечала взгляды, которые пробегали по моему телу, когда Ми-Лар думал, что я этого не вижу, но ведь на первом месте должна быть психика! — Тебе же со мной некомфортно!

— С чего ты взяла? — изумился атрион. Зрачки расширились от моего вывода, вытесняя серую радужку, а он сам опустил на сиденье, чуть подвинув мои ноги, чтобы не придавить. — Мне с тобой замечательно, и я сделаю все, чтобы ты почувствовала то же самое по отношению ко мне.

— Быстро у тебя вряд ли получится, — честно предупредила я. — И вообще, никаких обещаний и гарантий я дать не смогу. Ты же понимаешь? И все равно настаиваешь?.. Ладно, поступай как знаешь.

Раз он так в себе уверен, смысла спорить я не видела. По мне, затея бессмысленная, но раз мужчина вбил себе в голову, что добьется моей взаимности... Пусть развлекается, меня это ни к чему не обязывает. Я даже от свиданий с другими могу не отказываться, если подвернется такая возможность.

— Стоп! — спохватилась, сообразив, что с любым кавалером из моей семьи было бы именно так, но не с тем, кто живет в другой. — И как ты собираешься это делать? Или ты настолько сильно желаешь быть со мной, что готов сменить семью?

— Ты считаешь это невероятным? — Ми-Лар снова напрягся. Недоумения в его взгляде стало больше. — Почему?

«Потому что Ал-Риф так полагает», — чуть было не ляпнула я. Вовремя спохватилась, сообразив, что этим лишь усилю не самое благоприятное впечатление, которое произвел на него мой брат.

Однако... Неужели Ал ошибся, а я неосознанно приняла его позицию и мой скепсис в отношении Ми-Лара не имеет под собой никаких оснований? Неужели, несмотря на облик, и брат, и я по характеру действительно в большей степени земляне, нежели атрионы? И неужели всех, кто честно и открыто высказывает свою точку зрения, отличную от моей, я буду отвергать? Если это так, то я рискую не найти себе мужа.

И что мне оставалось? Лишь принять как данность настойчивое стремление нежданного кавалера за мной ухаживать. А потому — дать ему возможность провести со мной все отведенное на свидание время.

Позволить отвезти в долину. Полюбоваться на закат. Вернуться в

бот, чтобы поужинать. Выслушать краткую биографию, в которую Миллар решил меня посвятить. Порадоваться тому, что ни о моем брате, ни о маме, ни о землянах-террианах атрион больше не упоминал. Вернуться к «Дизару». Обменяться льером, раз уж отношения не прекращаются. Оказаться в своей комнате, снять одежду и упасть в гель.

Ох... Наконец-то мне гарантировано двенадцать часов спокойного сна!

«Что такое витая акколада? Хм... Ну вот смотри. У тебя есть брат, родители, тетя, дядя, кузина... Каждый из них занят в доме своим делом. Играет свою партию, так сказать, от твоей, по сути, независимую. Однако в случае необходимости они всегда тебе помогут и поддержат. То есть партия у вас станет общей. Это и есть акколада. А витая — потому, что тот самый стимул, что заставит их начать это делать, он как бы всех собой обвивает, объединяя и сплачивая. Ясно?»

(Из объяснения Май-Лу на обучающем занятии для Риу-Ла)

Открыв глаза и увидев над собой багряный потолок, наливающийся светом, я с наслаждением потянулась. Вязкий гель, в котором за ночь утонуло мое тело, вытолкнул меня на поверхность, превратившись в упругий и плотный, намекая, что пора вставать.

Я лениво поползла к модулю, вспоминая, что же на сегодня запланировано. Разговор с отцом: нужно же ему сообщить итог вчерашнего свидания. Беседа с мамой: в последнее время она как-то часто стала мне о Земле рассказывать, скучает наверняка, да и гормональный фон добавляет нестабильности и рефлексии. Брата тоже стоит отловить и задать пару-тройку вопросов. Не отвертится...

— Дочурка, мы тебя в кабинете ждем, — едва я выбралась из складок модуля, раздался голос мамы, переданный внутренней системой связи.

— Иду!

Я рванула к выходу. Не дошла. Вернее, не добежала. То есть добежала, но открыть проем не смогла.

— Рия, ты не в себе, — огорошил меня два-восемь, заблокировав стену и не позволив ей раскрыться раньше времени.

Я замерла в недоумении и лишь затем, взглянув на свои руки — такие светлые, тонкокожие, — со стоном схватилась за голову. Вот

сейчас бы выскочила!

— Спасибо, два-восемь! — искренне поблагодарила, сосредотачиваясь и возвращая себе нормальный внешний вид.

Вот что значит привыкнуть ко второму облику! Я его даже перестаю замечать и воспринимать как нечто необычное. С одной стороны, это хорошо, а с другой — грозит разоблачением. И ведь что самое обидное? Контролировать процесс трансформации я научилась, могу с легкостью принять тот вид, который мне сейчас нужен, и тем не менее спонтанные изменения все равно остаются, а в причинах я так и не разобралась.

По дороге в кабинет отца все же не удержалась и свернула в столовую. Мусс выпила, считай, на ходу, даже не присела. Наверное, именно поэтому обратила внимание на небольшую группу атрионов с «Аграна», которые заняли один из уголков и что-то обсуждали, неспешно завтракая. Сомнительно, что они все еще обмениваются с нами информацией, ведь совместное развлекательное представление обычно завершает встречу домов и взаимодействие семей на этом прекращается. То есть в их визите есть иной смысл?

Заинтригованная, поспешила к родителям. Они точно в курсе! А когда вошла, поняла, что рассказывать о вчерашнем свидании вряд ли придется: Ми-Лар стопроцентно это уже сделал, потому что именно он сидел в одном из кресел. Кстати, его отец тоже присутствовал. И мой брат. И даже дядя Ош-Кар, который вообще редко вмешивался в семейные проблемы, будучи занят управлением работой майнеров.

— Что за... консилиум? — вспомнила я земное слово, которым мама называла вот такие сборища. — Зачем я понадобилась?

— Присядь, Рия, — мягко попросил папа. Обменялся взглядом с мамой, подождал, пока я выполню его просьбу, и продолжил: — У гайда Ол-Чеса ДиеВала есть предложение, ответ на которое я не могу дать, не услышав твоего мнения.

— Какое именно? — спросила я.

Ведь если бы Ми-Лар захотел сменить семью, ему бы для этого даже разрешение главы своего дома не понадобилось. Достаточно личного разговора с моим отцом. А тут такие переговоры на высшем уровне... Явно затевается что-то иное.

— И у нашей семьи, и у вашей много наработок, опыта и полезной информации. Все это трудно передать в полном объеме за короткое

время, а наши дома слишком большие и не могут долго находиться рядом. Обмен получается незавершенный и неполноценный. Меня как гайда это не может не огорчать. Я долго размышлял над проблемой, а вчера мне пришла в голову идея. Ведь можно не прерывать взаимодействие даже на расстоянии. Несколько молодых атрионов моей семьи с энтузиазмом отнеслись к идее продолжить обучение на «Дизаре». Это не стандартный вариант смены семьи, они будут жить лишь временно, хотя если возникнет желание остаться, то смогут это сделать. И я бесконечно благодарен гайду Ис-Лашу ВерДеру за то, что он пошел мне навстречу и поддержал инициативу.

Ол-Чес, вне всяких сомнений, говорил искренне, и его заинтересованность в происходящем была очевидна. Вот только опять же — какова истинная причина?

— Идея любопытная, но при чем тут я? — Подозрения у меня появились, но я предпочла сделать вид, что не понимаю.

— Возможно, ты тоже захочешь на время сменить дом и пожить на «Агрane», — наконец перестал ходить вокруг да около ДиеВал. — Насколько я знаю, смена партнеров в дуэте для певицы очень важна, потому что позволяет отработать до идеала качество исполнения. У вас только один мужчина-певец. У нас же их двое.

— Вы предлагаете это потому, что Ми-Лар не хочет менять семью? — деликатничать я не стала.

Судя по реакции папы, он мою прямолинейность оценил положительно. Мама тоже осталась довольна, даже наклонила голову, чтобы скрыть улыбку. А вот Ол-Чес определенно забеспокоился и бросил вопросительный взгляд на сына.

— Я останусь на «Агрane» или поселюсь на «Дизаре» в зависимости от твоего решения, Рия-Ла, — не раздумывая поставил меня в известность Ми-Лар.

Ясно. Кавалер прилип как этот... «банный лист». Понятия не имею, что это такое, но мама так всегда ругается, если от чего-то не может избавиться.

— В каком качестве поселишься? — вкрадчиво уточнила.

Если он тоже станет «специалистом по обмену», то ни о каких отношениях между нами и речи не пойдет. Одно то, что мужчина не решается сменить семью и оставляет себе лазейку к отступлению — явное свидетельство имеющихся у него сомнений. А если они есть, то

есть сильных чувств нет, значит, совершенно незачем тратить время на бесполезные попытки сблизиться. Тем более что девушка на это не настроена.

— В качестве майнера «Дизара», — вновь продемонстрировал серьезность намерений Ми-Лар. — Гайд Ош-Кар сказал, что я смогу работать диспетчером.

Подтверждая его слова, дядя, стоящий у перекрытого полупрозрачной органической пленкой проема, ведущего в лабораторию, кивнул, однако комментировать ничего не стал. Видимо, чтобы на меня не давить.

Получается, в перспективе Ми-Лар будет со мной рядом, потому что станет членом семьи. А если он попросится на вахту моего уровня, то будет и за моей комнатой присматривать?! Да, возможно, мои трансформации его отпугнут, но ведь после этого он не сможет вернуться на «Агран» — обратно его уже не примут. Разве что будет искать себе новый дом или создавать свою собственную семью, что довольно проблематично. В любом случае я еще долго буду с ним сталкиваться. Возможно, всю оставшуюся жизнь! А с учетом того, как он относится к землянам...

Нет уж! Лучше принять предложение его отца, раз тот придумал такой занятный и необременительный вариант общения без дальнейших обязательств. За время моей «практики» потенциальный жених убедится, что мы не пара, а я после этого спокойно вернусь на «Дизар».

— Как видишь, Рия, все зависит только от твоего мнения, — спокойно напомнил папа. Однако подсказывать, какое именно решение устроило бы его лично, не стал.

— Если Ми-Лар останется в вашей семье, ты лишишься возможности приобрести новый опыт. Я полагаю, что вам обоим незачем так торопиться, — предпринял еще одну попытку меня убедить ДиеВал.

Он определенно не хотел, чтобы сын уходил, и, вне всяких сомнений, надеялся, что я влюблюсь и привыкну к дому. Тогда в семье «Аграна» собственная певица появится.

Что на этот счет думал Ми-Лар, я так и не разобралась. Нас в кабинете было много, эмоции смешивались, рождая странную смесь ожидания, надежд, интереса и тревоги. Понять, какие из них принадлежали настойчивому майнеру, было нереально, а его взгляд мне

ни о чем не говорил. Но даже зная его мнение, я ведь все равно поступила бы по-своему.

— Вы правы. Пока у нас нет уверенности в счастливом совместном будущем, не стоит принимать решений, кардинально меняющих нашу принадлежность к семьям. Мне новый способ совершенствования навыков нравится, я с удовольствием им воспользуюсь.

— Вы получили ответ, гайд Ол-Чес, — вежливо подвел итог папа. — Можете возвращаться на «Агран». Рия прибудет сразу, как только соберется.

— Пожалуйста, не задерживайся, Рия-Ла. Пилотам с каждой минутой все сложнее удерживать дома рядом, потому что субстрат истощен, — попросил гайд, обращаясь ко мне.

А когда он и его сын наконец исчезли в проеме, мама рассмеялась. Она все это время старательно сдерживалась — у меня было достаточно опыта, чтобы правильно интерпретировать мимику и жесты. И я видела веселые искорки в зеленых глазах, которые она прятала, опуская взгляд, и то, как уголки губ неуклонно ползли в стороны, а затем, явно с усилием воли, возвращались обратно. Теперь же мама открыто хохотала, вытирая слезы, выступившие на глазах, и широко улыбалась, показывая зубы.

Отсмеявшись, она поманила меня к себе, а когда я пересела, обняла и, поцеловав в лоб, похвалила:

— Ты умничка, дочурка! Лаш, я же говорила тебе, что она именно так поступит! А ты сомневался.

— Я не сомневался. — Папа привычно спокойно поправил ее с нежностью в голосе. — Я говорил, что, если Рия предпочтет иной вариант, нам придется придумывать что-то иное.

— Могли бы меня предупредить, — не понимая, что они имеют в виду, все же высказалась я.

— Не успели, — вместо родителей ответил дядя, который наконец-то перестал подпирать стену и тоже сел в кресло. — Ты спала, когда Ми-Лар и Ол-Чес к нам обратились. А времени у нас действительно мало, чтобы можно было просить их подождать.

— А почему «придумывать иное»? Что вы затеяли? — продолжила я любопытствовать.

— Помнишь добавку в муссе? — Мама на мгновение меня отстранила, чтобы заглянуть в глаза, и вновь притянула к себе. — Я

сделала анализ, и оказалось, что это то самое психотропное вещество, которое применяли террианки, когда нападали на Атрион. Помнишь, я тебе рассказывала?

Конечно помню, такое забыть сложно. Это же самая жуткая страница истории нашей планеты.

— Но ведь оно опасно! — ахнула я. — А ты так спокойна...

— Концентрация в муссе микроскопическая, — пояснила мама. — Такая ни зависимости не вызовет, ни волю не подавит. Возможен лишь легкий успокаивающий и расслабляющий эффект. Ноя-Ти именно о нем упоминала.

— Зачем они вообще его добавляют? Какая в этом есть необходимость?

— На «Агрane», как и у нас, много атрионов, спасенных из плена. — Папа практически слово в слово повторил то, что сказал мне Ми-Лар. — Все они во время пребывания на Терре получали высокие дозы психотропа, и это привело к формированию зависимости. Мы нашли способ ее нейтрализовать: создали антидот еще в период военных действий. Без него война была бы проиграна. А на «Агрane», по всей видимости, пошли другим путем: просто медленно снижали дозы. Наверняка изначально таким муссом питались только бывшие пленные, а потом...

— Потом Юз-Тер предложил, а Ол-Чес решил, что добавку можно использовать как релаксирующую. В принципе он прав. — Мама неожиданно поддержала позицию ДиеВала. — Напряженность в семье такой мусс снизит весьма эффективно.

— Понятно, — кивнула я, но тут же спохватилась: — То есть все равно непонятно. Как это связано с моим решением пожить на «Агрane»?

— Хотелось бы понять, откуда у них психотроп в таких количествах, — пояснил папа. — Его нельзя копировать привычными способами. По крайней мере, у нас не получилось — органические технологии не позволяют этого сделать. Можно было бы предположить, что вещество поставляют или с Терры, или с Земли, но ведь Ол-Чес выступает против любых контактов с Конфедерацией и к людям относится настороженно. Это странно.

— Но у меня же нет нужных навыков, да и предназначение другое, — растерялась я. — Я не сумею...

— Тебе и не нужно ничего делать, радость моя. Просто живи своей жизнью. Совершенствуйся в пении, встречайся с кавалером, раз уж он так тобой увлечен, развлекайся. Одного твоего присутствия на «Агроне» будет достаточно.

Говорила мама уверенно, однако моего скепсиса это не уменьшило. Еще и брат внес свою лепту:

— Может, я все же пойду с Рией?

— Ал, если бы ты был гайдом, я бы без раздумий отправил тебя с сестрой. Но ты майнер, у тебя другие задачи. Да и Рия уже совершеннолетняя и вовсе не нуждается в надзоре. Верно, дочка?

А вот это правильно. У меня своя жизнь, у брата — своя. Пусть лучше с девушкой отношения налаживает, а то у Ала ситуация, как у меня, только с точностью до наоборот — она в него влюблена, а он с ней никак сблизиться не может.

Что касается расследования, то оно меня совсем не привлекает. Я же не гайд, чтобы увлекаться тайнами, загадками, научными изысканиями и дипломатией. Я — экзот! Личность творческая и далекая от интриг. Не знаю, что родители планируют и что в итоге получают, но это их дело, пусть они его и организуют.

— На всякий случай поставим защиту от психотропа, даже большие дозы станут для тебя безопасны. Я этим пользовался, когда с твоей мамой летел на Терру, — продолжил папа, протягивая мне маленькие шарики из светло-серой органической массы. — Воспринимать эмоции они не мешают, а страховкой будут отличной. Вряд ли Ол-Чес решится на что-то нехорошее, но рисковать я не хочу.

— А почему в нос? — не поняла я логики.

— Психотроп не равномерно распределяется в муссе, он остается на поверхности и испаряется. Вы его вдыхаете до того, как выпиваете напиток.

Слушая мамины объяснения, я задвинула материал глубоко в ноздри. На несколько секунд все же потеряла привычные ощущения, словно все вокруг стало неживое, чужое, и даже паника появилась вместе с желанием немедленно избавиться от помехи. Однако длился дискомфорт недолго. Я вздохнула с облегчением, когда вновь ощутила заботливое внимание отца, спокойную заинтересованность дяди и тревожное недовольство брата. Лишь от мамы я ничего не чувствовала, что, впрочем, совершенно нормально — люди эмоциями не фонят.

Пришлось развернуться в кольцо рук, которые по-прежнему обнимали меня за плечи, и заглянуть в зеленые глаза. Ласковые, но без той чрезмерной заботы, что я замечала у других. Тетя Дая, например, с Ноей иначе себя вела и до сих пор опекает, хоть кузина и взрослая совсем. А моя мама, сколько я себя помню, всегда была чуточку отстраненной. Чуткой, доброй, понимающей, но сдержанной в проявлении чувств. Возможно, мне это только казалось из-за того, что я не в полной мере могла их «читать», а возможно, она просто не умела их демонстрировать, ведь у нее самой матери не было. То есть была, конечно, но умерла рано. И у мамы только отец остался, а он, судя по тому, что я о нем узнала, был человеком суровым и родительские чувства мог запросто принести в жертву обязательствам и обстоятельствам. Впрочем, почему «мог»? Он именно так и сделал, когда прекратил общаться с дочерью, которая, вместо того чтобы остаться гражданкой Конфедерации, вышла замуж за представителя другой расы и отказалась от работы. В общем, из-за моего дедушки мама даже на Землю опасается возвращаться.

— Кстати, а как я вернусь?

Размышления даром не прошли, подтолкнув к вопросу, особенно актуальному в моем случае. Ведь дома разойдутся, и с каждым днем расстояние между ними будет увеличиваться. Визуальная связь станет невозможной, опознавательные гравитационные волны тоже имеют ограниченный радиус распространения. Шанс, что мигрирующие в поисках субстрата дома снова окажутся в одной точке гигантского материка, ничтожно мал. Боты хороши, только если дом остается неподвижным, потому что они запоминают его местоположение, а если он движется, то маленький кораблик его уже не найдет. Да, по счастливой случайности может и обнаружить, если времени прошло немного и расстояние невелико, но с той же вероятностью потеряется и даже погибнет, ведь его ресурсы жизнеобеспечения не так уж велики. И случаи, когда другие дома подбирают «потеряшек» и спасают пилотов, принимая в семью, нередки. Даже на «Дизаре» таких майнеров двое.

В общем, перспектива остаться на «Агрane» навсегда реальной некуда. Разве что родители и этот момент продумали.

— Договор с Ол-Чесом подразумевает встречу на орбите через год. Этого времени хватит и его атрионам, чтобы закончить стажировку, и тебе, чтобы определиться с отношением к Ми-Дару.

— Я и без того знаю, как к нему отношусь, — недовольная напоминанием о кавалере, сердито буркнула я, выбираясь из маминых рук.

— Конечно, знаешь, — согласился папа и тут же все испортил: — Но твое мнение может измениться.

— На всякий случай, — вмешалась в наш разговор родительница, — чтобы ты чувствовала себя уверенней, возьмишь колечко связи. Как им пользоваться, помнишь?

Колечко? Ух ты! От радостного изумления я даже о своем раздражении забыла. Это же земная вещица! У мамы их не так уж много. Некоторыми она очень дорожила, поэтому прятала. Некоторыми позволяла играть, показывая, что с их помощью можно делать. Колечки были из таких, доступных. Правда, после того как я одно ухитрилась потерять, и они превратились в запретные.

Я на маму за это не обижалась, сама виновата, нужно было быть внимательнее и аккуратнее. Теперь же с ликованием и предвкушением надела на палец тонкий желтый ободок. Полюбовалась, сокрушенно вздохнула и провела ногтем по насечке-маркеру, превращая металл в прозрачный, а потому совсем незаметный. А жаль. Ведь такое красивое украшение. То есть приспособление!

«Надеюсь, на этот раз не потеряешь». Мне казалось, что мама именно это скажет, однако я ошиблась. Она промолчала. Лишь внимательно проследила за моими действиями. А дальше, поскольку новых инструкций не последовало, мне осталось лишь со всеми попрощаться, подводя черту под спокойствием своей прежней жизни и готовясь к более сложной, динамичной, которая предстоит. Точно как в музыке!

Глава 2

НЕСТАНДАРТНАЯ УВЕРТЮРА

*За тактовой чертой всегда есть продолжение,
И новые аккорды без устали звучат,
Рождаются, меняются — их гонит вдохновение,
Душа летит вперед, ей нет пути назад!*

*(Из стихотворного сборника Ле-Вана,
поэта-экзота семьи «Аграна»)*

Ми-Лар, как и вчера, ждал меня у выхода, разве что бота сегодня не было — до «Аграна» не так уж далеко.

Несколько минут мы шли пешком по сыпучему, рыхлому песку, в котором увязали ноги. Впрочем, ведь не просто так строители вырастили в тренажерном зале «Дизара» «топкую лестницу», после нее путешествия по любой поверхности кажутся легкой прогулкой. Надо будет узнать, есть ли подобное изобретение на «Агрane» или там экзоты-тренеры придумали иной способ физической подготовки? В любом случае что-то точно имеется — Ми-Лар шагает без каких-либо видимых усилий. Тренированный.

Прежде чем пробраться между складками приоткрытого шлюза, я оглянулась, бросая последний взгляд на «Дизар». Нет, я не прощалась, была уверена, что вернусь, просто любопытно: мне никогда не доводилось видеть дом со стороны в момент начала миграции.

Зрелище оказалось завораживающе грандиозным! Если гигант «Агран» все еще смирно лежал брюхом на окончательно побелевшем, истощенном субстрате, то исполин «Дизар» уже менялся. Он вытаскивал из глубин шумно осыпающегося песка ноги-корни, сплетал их в прочные опоры, а обретя поддержку, поднимался над равниной. Огромные перламутрово-синие паруса трепетали, в них путался и гудел налетающий порывами ветер. Распускаясь и разворачиваясь к восходящему Аш-Хори, они отражали его лучи и отбрасывали голубоватые блики на желтый песок.

Обычно дома путешествуют ночью. Когда света нет, они ищут

места, богатые органикой. Но такие гиганты, как «Дизар», способные накапливать огромные запасы пищи внутри себя, не так сильно зависят от времени суток. Их биоритмы контролируют майнеры. С учетом потребностей дома, разумеется.

Пробравшись внутрь, я с интересом осмотрелась и... И не увидела ничего необычного. Насыщенные цвета — серый, зеленый, коричневый, а кое-где ярко-красный, — лежащие на всех поверхностях сложными переливами. Мягкие, сглаженные линии, никаких острых углов. Приятный рассеянный свет, более интенсивный лишь в местах, где требуется высокий уровень освещенности.

А вот эмоциональный фон иной. Вовсе не тот ласковый, умиротворяющий, который характерен для моего родного дома. На «Агрane» он тревожный, некомфортный. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что это проблема вовсе не чужого жилища, а моего восприятия.

За свою короткую жизнь мне не раз доводилось посещать другие дома: лет сто назад я побывала в гостях у папиных родителей — с «Вираном» мы встретились на орбите, а после совершеннолетия обменивалась опытом с теми экзотами, чьи дома оказывались на пути «Дизара». И везде сразу возникало желание вернуться обратно.

В общем, нужна адаптация. И Ми-Лар это тоже понимает, потому как предупредил, едва я коснулась желтого спирального опознавательного датчика, за которым определенно находилось никем не занятое помещение:

— Если будет трудно или возникнут проблемы, код для быстрой связи со мной — ноль-двенадцать.

— А ты не диспетчер этого уровня? — все же не удержалась я от вопроса.

— Нет, — отрицательно качнул головой майнер. — Я пилот. Иногда строитель. Контроль за тем, как функционирует внутреннее пространство дома, меня мало привлекает.

Вот и замечательно. Хотя странно, как в таком случае он согласился быть диспетчером на «Дизаре»? Или же ради того, чтобы быть рядом со мной, и не имея права выбора, смирился с тем, что предложил мой дядя?

Уже шагнув в темноту моей будущей комнаты, я вспомнила о необходимости обменяться льером и обернулась. Растерянность Ми-

Лара, который стоял молча и ни словом не напомнил мне об этом (ведь теперь я была в гостях и к его настойчивости могла отнестись негативно), тут же сменилась воодушевлением. Он определенно обрадовался. И даже когда проем закрылся, а я осталась в одиночестве, это ощущение не исчезло. Значит, оно искреннее, не внушенное. И это тоже хорошо. Я подсознательно опасалась, что он заставляет себя думать обо мне, оттого и возникает симпатия, а на самом деле мужчина чувствует иное. И я пойму, каково его реальное отношение, лишь когда попаду на «Агран» и у меня уже не будет возможности ничего изменить и вернуться домой. Правда, способности скрывать истинные чувства обычно только экзоты-театралы имеют, но мало ли...

Мысли быстро сменили направление, когда я осознала, что до сих пор нахожусь во тьме. Флуоресцентное свечение кожи ее слегка разгоняло, позволяя видеть смутные силуэты наростов на полу, однако мне хотелось большей четкости. А для этого... Для этого нужен вызывной код диспетчера. В коридоре я его забыла посмотреть, у Ми-Лара не спросила, остается только в самой комнате искать. Надеюсь, как и на «Дизаре», он где-то зафиксирован.

Я обернулась, присматриваясь к поверхности двери, сместилась влево, отыскивая символы. Вправо...

— Четыре-шесть, свет, пожалуйста! — попросила, наконец все же обнаружив спасительную надпись.

Полубовавшись на то, как белеет потолок, наливаясь яркостью, я огляделась, отмечая, что и в этом помещении в принципе нет ничего необычного. Цвет стен стальной, вспучивания стандартные, гигиенические складки тоже. Разве что бассейн для сна не прямоугольный, а овальный, и релаксирующий гель в нем мутно-серый, а не голубой. Впрочем, последнее от выделений самого дома зависит, а «Агран», судя по окраске его покрытия, производит преимущественно черные пигменты.

Однако жить в таком унылом по цветовому решению месте мне будет неуютно. Я люблю яркие краски и свою комнату на «Дизаре» специально раскрашивала. Значит, и здесь придется этим заняться. Но не прямо сейчас. Сначала обустроюсь.

Через минуту я уже сидела в широком, больше похожем на диванчик кресле и гладила ладонью упругий материал, послушно принявший устраивающую меня форму. Местный диспетчер чутко

реагировал на запросы, а тело «Аграна» с легкостью трансформировалось, в итоге удалось практически один в один повторить дизайн моей комнаты на «Дизаре».

Стол в центре; вокруг него и у стен кресла с сиденьями разной высоты и ширины; две стойки: одна — для синтеза пластин, другая — для их хранения. А еще зеркало, утопленное в нишу и способное выдвигаться по необходимости. Сейчас оно отражало меня в нормальном облике, и я очень надеялась, что мой организм не решит продемонстрировать атрионам «Аграна» земной. Разумеется, я по собственной инициативе меняться не буду, а если это произойдет спонтанно, то, по идее, диспетчер обязан сохранить увиденное в секрете, но риск все равно остается.

Пересев за стол, я вытащила из складочки на стойке темную, практически черную пластину и приложила ее к записывающему сегменту.

— Четыре-шесть, мне план дома нужен, — уточнила, что именно хочу получить.

На темной поверхности тут же проступили линии. Сначала бледные, едва заметные, постепенно они совсем побелели, образовав схему. Подождав еще немного, чтобы дать время впитаться пигментам, я сняла пластину со стойки и принялась изучать.

Поняв основной принцип распределения помещений, быстро разобралась в планировке — она ведь основывается на физиологии дома, и, например, двигательный отсек всегда будет находиться рядом с системой переработки питательного субстрата, потому что только маленькие дома вынуждены избавляться от отходов своей жизнедеятельности, а большие используют их как топливо для полетов в атмосфере.

Моя комната располагалась в самом начале жилого сектора на четвертом высотном уровне. Столовая и все подсобные помещения фидеров находились на третьем, зона экзотов — на втором, а с первым и пятым уровнями работали майнеры.

Решив в первую очередь осмотреть развлекательную зону, я именно туда и направилась. Потребности питаться я еще не испытывала, а посмотреть на то, как организована на «Агрane» работа экзотов, было интересно. Уже на выходе задумалась, нужно ли позвать Ми-Лара, но все же решила побродить в одиночестве. Это я спала, а он в

это время вместе с отцом вел переговоры с моими родителями. Наверняка теперь отдыхает. То есть наши фазы бодрствования не совпадают. В крайнем случае я всегда могу его позвать.

Второй уровень оказался любопытным. Не таким масштабным, как аналогичная зона на «Дизаре», но, как и в моем доме, здесь привлекали внимание эффектные цветовые решения покрытий — определенно чувствовалась рука художника, а не спонтанные добавки пигментов во время роста стен. Концертный зал, в который я заглянула, был совсем небольшим, рассчитанным примерно на пятьдесят зрителей. Сейчас он пустовал, занята лишь сцена, на которой репетировали три девушки-танцовщицы. Мешать я не стала, тактично вышла, не дожидаясь, когда меня заметят. Пройдя еще немного вперед по коридору, обнаружила три комнаты, предназначенные для физподготовки. Кинув быстрый взгляд на занимающихся там атрионов, даже пожалела, что не переоделась и осталась в платье. Если хочу сегодня опробовать новые способы тренировки, придется возвращаться к себе, а потом обратно.

Секундное колебание решилось в пользу «завтра». Времени у меня много!

— Рия-Ла? — окликнул мужской голос, едва я двинулась дальше.

Приветствие удивило. Во-первых, я мало с кем знакома, а тембр не принадлежал ни гайду Ол-Чесу, ни Ми-Лару. Сильный, глубокий... Во-вторых, он звучал очень странно, словно двоился. Будто меня не один атрион позвал, а сразу двое. О, точно!

Я обернулась, пристально рассматривая приближающихся ко мне мужчин.

Определенно, они уже в преклонном возрасте. Оба одного роста, телосложения, с волосами оттенка выбеленного песка и светло-бежевыми глазами, на фоне которых расширяющиеся вертикальные зрачки видны даже на расстоянии. Чертами лица не различаются, вместо коротких брюк носят одинаковые сиреневые брючные комбинезоны. И фонит от близнецов предвкушением с легким налетом неуверенности.

— Да, я Рия-Ла, — подтвердила, едва они остановились рядом.

— Красивый голос.

— Красивая девушка.

Снова голоса зазвучали в унисон, и от этого комплименты развеселили меня куда больше, чем смутили. А атрионы на этом не остановились.

- Ир-Шас.
- Эт-Шас.
- Какое приятное знакомство.
- Насколько неожиданная встреча.
- Мы будем твоей поддержкой!
- Ты будешь нашим вдохновением!

Последние фразы они уже не говорили, а пели, синхронно настолько, что я, не выдержав, засмеялась.

— У вас прекрасный дуэт! — восхитилась, присматриваясь к довольным произведенным эффектом мужчинам. — А откуда вы знаете обо мне?

- Гайд сообщил о госте с «Дизара»...
- Диспетчер предупредил, что ты идешь сюда...
- ...и мы решили не ждать официального представления.
- ...значит, тебе не терпится с нами познакомиться.

Они снова говорили, то есть пели, одновременно. Вот только по мере того, как фразы становились длиннее, мое веселье уменьшалось, а ощущение какой-то неправильности усиливалось. То, что у них не речь, а вокал, видимо, следствие профессиональной привычки. Возможно, желание похвастаться своими способностями. Но почему они не уступают друг другу? Это из-за того, что они близнецы и всегда работают в паре?

- Сделаем все, чтобы тебе понравилось...
- Покажем место для репетиций...
- ...и ты захотела остаться.
- ...там очень хорошая акустика.

Не прислушиваясь к изменениям моего настроения, братья продолжали говорить, однако мой мозг зацепился за уже сказанное. «Захотела остаться»... Значит, у Ол-Чеса расчет именно на то, что я войду в эту семью, а не просто получу опыт. Мои новые партнеры доброжелательно настроены, но увлечены собой настолько, что просто не прислушаются к моему мнению, даже если я начну его высказывать. Впрочем, это не мешает мне задавать вопросы, отвечают они охотно.

Делать это приходилось, выбирая моменты, когда близнецы, ставшие моими экскурсоводами, брали вдох. Зато и информации я получила достаточно, и более полное впечатление о корабле.

Выяснилось, что мои новые знакомые, как и мама Ми-Лара,

которая оказалась их младшей сестрой, — бывшие пленники террианок. Дом, в котором они родились и жили до нападения, был небольшой, а семья совсем маленькой — всего десять атрионов. На мой вопрос о том, что происходило на Терре, братья ответили коротко: «Не стоит вспоминать». О первых годах жизни в новом доме тоже умолчали, зато о том, как разрастался «Агран», как они влюбились и нашли себе жен, как родились дети, как вышла замуж сестра и появился племянник, напевали много и охотно. А еще я узнала: где находятся их комнаты, как часто на «Агрane» принято посещать столовую, куда мне стоит сходить обязательно, а в какие места лучше не соваться.

Последнее — вовсе не потому, что там таятся какие-то секреты. Просто экзоты важны для семьи, а не для самого дома. И если всех майнеров и фидеров он воспринимает как симбиотические формы, то экзотов и гайдов — как паразитические. Потому и уничтожить может, если те по неосторожности забудут о своей уязвимости. Разумеется, диспетчеры внимательно следят и подавляют негативные реакции дома, но некоторые участки его тела даже они не в состоянии контролировать. Зону размножения, например. Она у всех половозрелых домов «чувствительная и бесконтрольная», остальные различаются. Другой вопрос, что на «Дизаре» таких мест раз, два — и обчелся, а вот на «Агрane» их на-а-амного больше. К счастью, диспетчер моей комнаты это все же учел: вернувшись к себе и еще раз изучив план, я сообразила — опасные секторы на нем закрашены серым цветом. Да и вход туда, несомненно, потребует дополнительного допуска. Но ведь всегда могут возникнуть исключения и сбои, так что нужно быть осторожнее.

Кстати, столовая располагалась рядом с одной из таких проблемных зон — в ней фидеры перерабатывают в мусс сырую основу, которую выделяет дом. Как шепотом пропели близнецы: туда даже майнеры не рискуют заходить и предпочитают управлять дистанционно. В общем, «Агран» оказался не самым миролюбивым, а я так и не разобралась — это его личная особенность или он по какой-то причине просто развился не совсем правильно. С другой стороны, во всем остальном он ничем не отличался от «Дизара». И если бы не иной доминирующий цвет на стенах, можно было бы даже забыть, что я не в своем доме.

Стены... С ними на самом деле надо что-то делать. Я, конечно, атрионка терпеливая и неприхотливая, но хочется просыпаться и видеть

то, что поднимает настроение, а не наоборот!

— Четыре-шесть, мне краски нужны и строитель. Завтра будут свободные? — поинтересовалась прежде, чем забралась в релаксирующий гель.

Ответ получила не сразу. Несколько минут рассматривала медленно гаснущий белый потолок и ждала, пока наконец диспетчер не сообщил:

— Для выполнения заказа требуется согласование вашего режима бодрствования с расписанием работы майнера. Длительность сна уменьшится до шести часов. Заявку подтверждаете?

— Подтверждаю, — вздохнула, но отказываться не стала. Лучше не выспаться, чем отложить задуманное!

Однако «утром» я уже так не считала. И причина не только в том, что глаза упорно желали закрыться, а взгляд то и дело возвращался к гелю, из которого я с таким трудом выбралась, но и в том, кто именно вошел в комнату, когда я привела себя в порядок.

— Рия-Ла, — воодушевленно поприветствовал Ми-Лар. — Я рад, что ты меня позвала.

— Куда позвала?

Наверное, недосыпание плохо сказалось на моих умственных способностях, потому что я не сразу поняла, что он имеет в виду. И непонимающе смотрела на мужчину, в руках которого был огромный сверток... красок?!

Ну правильно. Он же строитель. И фазы наши не совпадали... Мда, опрометчиво я вчера решение приняла. Поторопилась.

— Ты передумала рисовать? — заметно расстроился майнер. — Почему тогда не сообщила?

Отличный вопрос. Как бы я это сделала, если все это время спала?

— Нет. — Я решительно встряхнула головой. Тяжелые прядки хлестко ударили по щекам, приводя меня в чувство.

Ворчливый настрой никуда не делся, зато хотя бы вернулось прагматичное восприятие. Раз уж я все равно встала ни свет ни заря, пусть этот подвиг будет не напрасным и оправдается нужным результатом! А Ми-Лар... Так, собственно, какая разница, кто именно будет растить стену? Любопытно другое: если он знает только о том, что я хочу видеть его у себя, значит, диспетчер не просто проверил, кто будет свободен, и выбрал наиболее удобную кандидатуру, как это

обычно делается, а спросил у гайда. И тот уже решал, кого ко мне направить. Определенно, Ол-Чес делает все, чтобы его сын и окружение произвели на меня неизгладимое впечатление. И вот ведь что интересно — у него это получается! Правда, в большей степени в негативном смысле, нежели в том, в каком он планировал.

— А почему так много красок? — удивилась, когда, успокоенный моим ответом, Ми-Лар высыпал гору маленьких контейнеров на стол. Пробежала по ним глазами, обнаружила два идентичных и изумилась еще сильнее: — И одинаковые зачем?

— Моя мама просила... Она ведь художник... То есть спрашивала. Не позволишь ли ты ей тебе помочь? — осторожно уточнил Ми-Лар, сбитый с толку моим настроением.

Вот это да... Она хочет, чтобы мы работали вдвоем?

«Вокальное трио, возможно, не самый удачный способ приобрести опыт сольных выступлений, зато для отработки силы звука и переходов из регистра в регистр не найти ничего лучше тембровых контрастов. Впрочем, это касается и других специализаций. В любой профессии есть навыки, которые отшлифовать в одиночку не получится никогда».

(Из личного дневника Риш-Ла Вер Дер)

Зеленый пигмент впитывался медленно, и я нервничала, опасаясь, что другие, уже окрашенные места потеряют чувствительность и нанести контурный пигмент я не успею. А еще — что потеряю время и новый молодой слой так и останется невзрачного серого цвета. Однако, словно реагируя на мои опасения, скорость деления клеток снизилась, а процесс нарастания практически остановился.

Я бросила короткий взгляд на сидящего в кресле Ми-Лара, волосы которого привычно слились с серой мягкой поверхностью спинки. Глаза у майнера были открыты, и он внимательно следил как за моими действиями, так и за тем, что творила на соседней стене вторая художница. Не только следил, но и помогал, управляя расползающейся по стене органикой.

Пользуясь маленькой передышкой, я перебрала контейнеры, приготовив те, что могли потребоваться в следующую фазу роста. Сообразив, что очень скоро мой рисунок и творение соседки соединятся, спохватилась. Надо палитру выравнивать, чтобы не было

бьющего в глаза цветового контраста! Что у нее сейчас в доминанте? Синий, фиолетовый, желтый. Тогда я их тоже добавлю.

Невольно залюбовалась тонкими переходами тонов и четкими границами, которые прорабатывала профессиональная художница. Мой стиль был иной. Свободно, легкими мазками я наносила краску на поверхность тонкого, нарастающего снизу вверх слоя на стене. И лишь затем обводила контуром то, что получилось.

Да, примитивно, грубовато, но я не планировала создавать произведения искусства, да и не получилось бы — не та специализация. Мне было достаточно простых художественных форм, не требующих глубокой проработки и микроскопических доз окрашивающих пигментов.

В итоге мои совершенно абстрактные линии сплелись с великолепно прорисованными лицами. Мужчина и женщина, которые то ли готовятся обменяться льером, то ли как раз завершили процесс, разорвав соединение губ. И даже то, что кожа мужчины имела совершенно непривычный фиолетовый оттенок, а женскому лицу определенно не хватало зеленого пигмента, потому что остался лишь сине-голубой, лишь добавляло пикантности и интриговало. А еще волновало, будоражило воображение, заставляло сердце стучать чаще, а дыхание — сбиваться. Я ведь взрослая атрионка, но подобного обмена еще ни с кем не практиковала, так что мой организм недвусмысленно намекал, что пора бы уже над этим серьезно задуматься.

— Изумительно. Очеиь необычное смешение стилей, — высказался Ми-Лар, едва мы отступили от стены.

Майнер поднялся, и его волосы потянулись следом, нехотя разрывая контакт. Подошел ближе, присматриваясь к женским губам, потом перевел взгляд на мои.

— Похожи, — не замедлил сообщить то, что я упорно старалась не замечать. Как и того, чьи черты угадывались в лице мужчины.

— Ты же знаешь, мне сложно писать по памяти, — тут же нашла оправдание художница. — И если есть возможность использовать реальные модели, я всегда это делаю. К тому же у вас обоих необычайно красивые черты. Трудно было удержаться.

— Такая картина не для комнаты, — вздохнула я, понимая, что все же сделала ошибку, когда приняла помощь. — Ею вся семья должна любоваться, а не один жилец.

— Вот еще! — легко отмахнулась от моих доводов атрионка. — Во-первых, я и в зоне развлечений немало нарисовала. Во-вторых, видела бы ты кабинет гайда и наши комнаты... — Она многозначительно не договорила, позволяя мне самой проявить инициативу и напроситься в гости.

Яси-Ду, именно так звали маму Ми-Лара, оказалась женщиной спокойной и рассудительной. Она с порога, едва зашла в мою комнату, ухитрилась создать приятную атмосферу и расположить к себе. Поздоровалась, поинтересовалась, как я себя чувствую, спросила, не скучаю ли по дому. У меня даже опасений не возникло по поводу того, что она может нарисовать.

— Обязательно найду время посмотреть, если вы не будете против, но не сейчас, — уклонилась я от немедленного посещения чужого жилья. И объяснила: — Есть очень хочется. И мне скоро на репетицию идти.

— Ми, ты не позаботился о том, чтобы Рия позавтракала? — укоризненно посмотрела на сына родительница.

— Как бы я это сделал, если с вами работал? — буркнул Ми-Лар, но очень уж тихо. Видимо, не привык с ней спорить.

— Но помнить о потребностях своей девушки обязан! — строго отчитала его Яси, в голосе которой прибавилось не только уверенности и напора, но и жесткости.

Я же лишь рот приоткрыла от удивления. Когда это моя персона успела попасть в категорию «его девушки»?

— Не переживай, Рия-Ла, — провожая меня в столовую, атрионка продолжала высказывать свою точку зрения. — Он исправится. Вы же пока не любите друг друга, а только начинаете выстраивать отношения. К тому же у Ми был только один серьезный опыт, остальные свидания не имели продолжений. И этот опыт, честно тебе признаюсь, произвел на меня не самое благоприятное впечатление. Девушка была из другого дома, с которым встретился «Агран», сыну она очень понравилась. И он уже готов был нас оставить, чтобы перейти в ее семью, когда выяснилось, что она влюблена в другого. Представляешь? Пошла на свидание и согласилась на последующие, а у самой были совершенно иные увлечения!

Возмущение в голосе Яси было запредельным. Она даже стакан из фиксатора на стойке выдернула весьма раздраженно и резко, едва не

расплескав мусс. И на сиденье практически упала, закрывая глаза и судорожно глотая.

Я тоже присела, правда, куда более аккуратно. И напиток приняла из рук Ми-Лара, который опустил на сиденье напротив. Он все это время молча следовал за нами и, определенно испытывая тревогу, посматривал на родительницу с опаской. Она же несколько минут сидела, уже неторопливо допивая напиток и глубоко втягивая носом воздух. И лишь когда стакан опустел, открыла глаза, поставила стакан на стойку и вздохнула.

— Прости, Рия-Ла, я не должна была говорить о прошлом. Все эти воспоминания выбивают меня из колеи, я сама не своя становлюсь, — неожиданно мягко извинилась.

Яси-Ду снова стала такой, какой вошла в мою комнату. От раздражения не осталось и следа, появились деликатность и тактичность, которые привлекли меня изначально, а напористость и категоричность исчезли.

Поначалу я растерялась, не понимая, что произошло, а потом меня осенило — это из-за добавки в муссе она успокоилась! Ведь та именно такое действие оказывает!

— Это из-за плена, да? — тихо спросила, когда Яси, пожелав хорошего дня, ушла и оставила нас одних.

Ми-Лар оторвал глаза от бледно-зеленого напитка, который гипнотизировал взглядом, посмотрел на меня, помолчал. Кивнул молча, нехотя, словно сомневаясь в том, что мне нужно это знать.

— Не переживай, я пойму. Не надо скрывать, — принялась я его убеждать. — На «Дизаре» ведь тоже есть бывшие пленные.

— Наверное, у них нет таких проблем с психикой, — вздохнул атрион.

— Насколько я знаю, были. Папа рассказывал, как сложно они адаптировались к дому после спасения. Правда, я лично ничего такого не замечала, но ведь и времени уже прошло немало...

Спохватилась, замолчала. Время-то прошло одинаковое! Ведь несколько домов-кораблей вместе забрали с Терры всех освобожденных из плена. Почему же на «Дизаре» у бывших пленников проблем нет, а на «Агране» они никуда не делись?

Впрочем, ответ я, кажется, знаю. Гайд Ол-Чес выбрал неэффективный способ избавления от зависимости. Вместо того чтобы

лишить пленных ставшего для них привычным «успокоительного» и помочь справиться с той лавиной эмоций, которая за этим неизбежно следовала, просто продолжил им его давать. Вот и получается, что, как только эффект психотропа угасает, эмоции начинают зашкаливать и требуется новая порция, чтобы их погасить. А Ми-Лар переживает, понимая, что своими словами и действиями может спровоцировать у матери нервный срыв.

Мне даже стало его жаль. Как и всех тех, кто невольно оказался в такой жуткой зависимости от коварного вещества. Ведь это только в малых дозах оно просто успокоительный эффект дает, а в больших — полностью подавляет волю. Мне папа в ярких красках описывал все то, что ему довелось увидеть на Терре, когда он изображал из себя такого же пленного, как остальные, и несколько дней провел в резервации. Там атрионов «готовили» к жизни в домах террианок и на плантациях.

«Вялые, апатичные, не желающие ничего для себя. Равнодушные ко всему, что их окружает. Способные лишь подчиняться и послушные любому приказу, который получают. Они могли часами сидеть, бездумно глядя в одну точку, когда от них ничего не требовалось делать, или, предоставленные сами себе, ходили, натываясь друг на друга, словно слепые. Им было все равно, есть ли кто-то на пути. Если же террианки что-то приказывали, то исполнялось это без пререканий и возражений...»

Разумеется, на «Агроне» психотроп используется не для этого. Здесь он не средство подчинения. Но все же применяется, и от этого проблем ничуть не меньше.

— Почему так? Почему твой отец не стал действовать иначе?

Не сдержалась. Все же сорвался с губ обличающий вопрос, а в моем настрое Ми-Лар определенно почувствовал неприятие. И причину, наверное, понял, потому что переспрашивать не стал, лишь припустил веки, словно ему было стыдно смотреть мне в глаза.

— Как иначе, Рия? — спросил едва слышно. — Что мы можем об этом знать, если нас в то время еще и в помине не было? И вообще, — от него разлилась осязаемая волна недоумения, — в чем ты обвиняешь моего отца?

Я опешила. Он понял меня иначе? То есть вообще не понял и не знает о психотропе?

— Не обвиняю, а пытаюсь разобраться. — Теперь я осторожно

подбирала правильные слова, чтобы это выяснить. — Если проблема осталась, значит, выбранный путь реабилитации — неэффективный. Ты спрашивал у отца, как именно фидеры их лечили?

— Зачем? — совершенно искренне удивился Ми-Лар. — Я же не гайд. Вникать в суть вопроса — не моя задача. Кстати, никто из экзотов тоже этого не делает. И решений гайда не критикует.

Намек прямым текстом. Ясно. Это я сумасшедшая — наверняка от мамы получила неумное любопытство, не характерное для моего предназначения. А Ми-Лар хоть и заботится о состоянии матери, волнуется за нее, но видит только то, что на поверхности, а в суть вникать не хочет. И, в общем-то, это нормально. Каждый атрион должен выполнять в доме свою функцию в рамках полученного от природы предназначения. А оно формирует определенный склад ума и характер. По всему выходит, что мой кавалер на самом деле не в курсе, что добавляется в пищу.

Машинально отпив из стакана, я подержала на языке приятную кисло-сладкую массу. По вкусу она мало чем отличается от той, что готовят фидеры на «Дизаре». Возможно, в этой даже психотропа нет, ведь Ноя говорила, что успокоительная добавка — не постоянный ингредиент. Хотя, с другой стороны, кто мешает гайду отдать приказ добавлять эту пакость именно мне? Раз он хочет, чтобы я стала покладистой и больше позволяла в личном плане его сыну, значит, может намекнуть фидерам, занятым приготовлением мусса для посетителей столовой, что и с дозой можно слегка... переборщить. Ведь готовая питательная масса и добавки перемешиваются непосредственно перед подачей в самом стакане. А мои вкусовые предпочтения диспетчер столовой выяснил еще вчера, в первое посещение. Какое счастье, что родители позаботились о защите и мне не нужно об этом переживать!

Моя угрюмость от Ми-Лара не укрылась. Однако он опять же принял ее на свой счет. И даже пересел ближе, чтобы отдать мне льер, хотя я и без того прекрасно воспринимала ненаигранность его слов.

— Я не хотел тебя обидеть, Рия-Ла, просто напомнил, что нам с тобой вовсе не обязательно ломать голову над тем, о чем должны думать другие, — принялся мягко убеждать. — У нас другие задачи в семье. Я обязан помогать дому выживать, а ты — дарить радость атрионам.

— Вот, где пропала...

— ...наша молодежь, укрылась так...

— ...что днем с огнем...

— ...их не найдешь! — на этот раз не столько синхронно, сколько перехватывая инициативу друг у друга, но от этого не менее неожиданно пропели над нашими головами мужские голоса.

— Дядя Ир, дядя Эт, — поприветствовал их мой спутник, — мы завтракаем. Рия рано встала, но поесть не успела. Вы хотите забрать ее с собой?

— Мы очень ждем, когда же наконец красавица-певица... — в ответ лирично вывел Ир-Шас.

— ...решит, что может к нам присоединиться! — закончил Эт-Шас.

— Могу прямо сейчас. — Вернув стакан на стойку, я решительно встала.

— Подожди, Рия-Ла, — остановил меня Ми-Лар, поднявшись следом и поймав за запястье.

Близнецы понимающе переглянулись, хмыкнули, но промолчали и неторопливо направились к выходу.

— У тебя когда репетиция закончится? — Атрион осторожно погладил подушечки моих пальцев, хотя лъера на них уже не было.

— Не знаю, мы ведь первый раз будем заниматься. — Я убрала руку, сделав вид, что мне нужно поправить волосы, и посмотрела вслед неторопливо бредущим близнецам.

— Ясно. — Кавалер, проследив за моим движением и взглядом, задумался. — Тогда, когда освободишься, вызови меня, пожалуйста, я хотел...

— Отвезти меня еще на одно свидание? — предположила я.

— Нет, просто вместе принять световую ванну. Ты не против?

Вообще-то против. Однако Ми-Лар на «Агране» — единственный, на кого я могу рассчитывать. Приближать его к себе не стоит, но и отталкивать тоже. Сомнительно, что за год я успею с кем-то еще наладить отношения. Время быстро пролетит, а круг знакомых у меня ограниченный. И расширить его будет проблематично, если судить по тому, с какой педантичной ответственностью братья отнеслись к тому, что у них появилась ученица. Да, уже вполне самостоятельная в певческом смысле, но...

— Ведь нет предела совершенству, Рия-Ла, — ожидая, пока Ир-

Шас даст указания появившемуся в комнате для репетиций инструменталисту, поучал меня Эт-Шас.

С этим я согласна. К тому же ведь моя главная цель пребывания на «Агрane» — именно совершенствование. Вот я этим и занимаюсь с полной отдачей, забывая о том, кто ждет меня за стенами небольшой, но вполне удобной для занятий комнаты, раскрашенной приятными пастельными переливами розовых, сиреневых и голубых оттенков. Потолок, не несущий световой функции, потому как куполообразный, поднимается высоко вверх, и именно туда, в недра дома, уносятся наши голоса.

Не знаю, нравится ли это «Аграну», но «Дизар» чаще всего реагировал позитивно. Я не раз замечала, что именно после удачных репетиций Ноя ахала, рассказывая, как много домик произвел сырой массы для мусса. Конечно, могли влиять и другие факторы — наличие субстрата, его качество, световой режим — никто не пытался отыскать взаимосвязь, но у меня все равно складывалось ощущение, что некоторые типы звуковых вибраций ему приятны.

В любом случае я покинула зал удовлетворенная. Братья-близнецы тоже остались довольны и даже хотели устроить мне вторую экскурсию по дому, но я отказалась, вспомнив про обещание, данное Ми-Лару. Настаивать они не стали, ушли. Я же дождалась, пока мужчины исчезнут, и негромко позвала, найдя глазами код диспетчера:

— Два-четыре, мне бы связь с ноль-двенадцать.

— Рия-Ла? — практически сразу отозвался знакомый голос. — Никуда не уходи, я сейчас.

Действительно, пришел он быстро. Я даже картину, нарисованную в паре шагов от выхода, изучить не успела — в конце коридора уже появилась фигура в темно-синем облегченном комбинезоне: до колен и совсем без верха.

— Как вы долго, — пожурил Ми-Лар, оказавшись рядом.

Впрочем, вовсе не недовольно, а... как бы правильно сказать... профилактически, что ли. Удовлетворения в его голосе было больше, чем укора. Потому и я ответила беспечно, не особенно задумываясь:

— Увлеклись. У нас получилось отличное трио.

— Это замечательно, что тебе у нас хорошо. — Ми-Лар тут же этим воспользовался, чтобы намекнуть мне на возможность остаться на «Агрane». — Идем?

Выход наружу был обустроен не так, как на «Дизаре». Здесь мягкие складки первого уровня, куда мы вышли, поднявшись по наклонному коридору, перекрывали еще один короткий ход, заканчивающийся плотной замыкающей складкой, ведущей на спину дома.

Скользнув мимо преграды, которую услужливо придержал Ми-Лар, я с невероятным наслаждением вдохнула влажный теплый воздух, лишенный напряженной эмоциональности, пропитывающей «Агран». Зажмурилась, подставляя лицо лучам огромного, медленно спускающегося к горизонту Аш-Хори.

— Я знаю, ты больше любишь жесткое излучение, думал, мы все же выберемся сюда пораньше...

Ми-Лар снова извинялся, хотя на этот раз вина была моей — это я не подумала, что мы упустим подходящее время.

— Ничего страшного, — постаралась интонациями убедить его, что вполне довольна тем, что есть. — В другой раз примем жесткое. А мягкое мне тоже нравится. Просто побудем здесь чуть дольше, ладно?

Подход себя оправдал — атрион вздохнул с облегчением. Повел меня к краю, ограниченному защитным выростом шкурки дома — невысоким бортиком, рядом с которым находились не столь мягкие, как внутри, но все же вполне пригодные в качестве опоры вспучивания. Некоторые были заняты, но большая часть оставалась свободной, и я без проблем выбрала себе удобное местечко.

А вот убрать с рук и тела прилипшую ткань оказалось сложнее. Все же выделения «Аграна» были для меня чужими, я ведь к нему еще не адаптировалась. Поэтому одежда хоть и сидела на мне идеально, но стягивалась с трудом. К счастью, у Ми-Лара хватило такта не предлагать мне помощь, хотя если бы я попросила, он бы наверняка не отказался снять с меня платье. Смотрел-то ведь весьма недвусмысленно! Ему самому ничего снимать не пришлось, заранее подготовился, зато я взяла себе на заметку: в те дни, когда планируется выход на поверхность, просить диспетчера комнаты настраивать модуль на одежду без рукавов. С такой все же будет легче.

Наконец справившись с непростой задачей, я откинулась на упругий вырост, лицом к Аш-Хори. Чувствуя, как кожа нагревается, впитывая свет, я наслаждалась приятной процедурой. Однако и времени даром не теряла, осторожно подталкивая Ми-Лара к откровенности, благо утром его мама дала мне для этого достаточно информации.

Правда, нового узнать почти не удалось. Девушка действительно Ми-Лару нравилась, вот только уходить из дома он не хотел, уговаривал ее остаться с ним. В итоге она все же отказалась и вышла замуж за кого-то из своей семьи. Дома еще недалеко разошлись, и сообщение об этом событии майнеры «Агрона» получить успели.

— Ты в нее не влюбился, — констатировала я, точно зная, что будь иначе, он бы сейчас здесь не находился. — Ты, наверное, вообще никогда не влюблялся по-настоящему.

— Верно, — не стал отпираться майнер. — Но отец говорит, что любовь не всегда приходит сразу. Иногда она проявляется постепенно. У них с мамой так было. Они оба испытывали друг к другу лишь симпатию и только через пятнадцать лет поженились.

Ну да, показательно. Мои родители едва ли больше года знакомы были, а мама уже ребенка ждала. И замуж она адизой выходила. Впрочем, меня сейчас интересовала не личная жизнь гайда Ол-Чеса. Иное.

— Ми-Лар, но если ты меня не любишь, то почему же был готов остаться на «Дизаре»?

— Ты сложные вопросы задаешь, Рия-Ла, — вздохнул атрион.

— Простых у меня нет, извини, — не удержалась я от колкости. — И если ты будешь что-то от меня скрывать, у нас точно ничего не получится в плане личных отношений.

— Хорошо. — Ми-Лар приподнялся на локте, осмотрелся, убеждаясь, что рядом с нами никого нет, и, приглушив голос, признался: — Я бы остался с тобой в любом случае, потому что отец сказал, что если я за столько лет так и не нашел себе пару, то стану полным идиотом, упустив шанс жениться на...

— Дочери гайда другого дома, — фыркнула я.

— Нет, — помотал головой атрион, окатив меня возмущенной волной. — На прекрасной девушке и изумительной певице.

— Ми-Лар! — донесся до нас звонкий голос, обладатель которого выскочил из-за опустившегося вниз паруса.

Молодой темноволосый атрион в салатовом комбинезоне бросил на меня заинтересованный взгляд и тут же объяснил причину своего появления:

— Ми-Лар, тебя в рубку вызывают. Срочно.

Посыльный уже скрылся с глаз, а мой кавалер все еще растерянно

смотрел туда, где он стоял. Наконец, поднимаясь, нерешительно спросил:

— Ты со мной? Я провожу тебя до жилого сектора.

— Нет, не волнуйся, доберусь сама, — успокоила я его. — Иди.

Оставшись одна, еще долго нежилась под теряющими силу закатными лучами, пока не поняла, что на спине дома, кроме меня, никого нет. С трудом, но натянув платье обратно на грудь и плечи, я прошла вдоль бортика, рассматривая бескрайнюю равнину, покрытую темно-желтым песком, по которой неспешно двигался «Агран». Движение это было почти неощутимо — все же дом очень большой, лишь смещение каменистых гряд на горизонте указывало на то, что мы находимся отнюдь не в покое. А если учесть, что путь наш лежит в сторону, противоположную той, куда направился «Дизар», я уже очень и очень далеко от родителей.

Нерешительно погладив пальцы, я нащупала тонкий ободок невидимого колечка. Помедлила, но все же провела ногтем по насечке, активируя прибор.

«Однажды в разговоре с дочкой речь зашла о земной музыке. Вернее, о том, что она бывает не только живой, но и записанной на специальных носителях. Я думала, малышка заинтересуется технической стороной вопроса. Увы. Рию куда больше заинтриговал неведомый „дирижер“, ведь у атрионов-экзотов нет такой должности».

— И что это за специализация? — желая получить ответ, надела на меня любопытствующая дочурка.

— Дирижер... — Я решила, что лучшей аналогией будет прямое сравнение. — Дирижер для земного оркестра — это примерно то же самое, что гайд для семьи. Только управляет он музыкантами.

— Если как гайд, — уважительно отозвалась девчушка, — значит, хорошо управляет.

— Не всегда. — Вспомнив бытующие на Земле анекдоты на эту тему, я не удержалась от смешка.

— Например? — Рия тут же принялась меня тормозить, добиваясь ответа.

— Например... — Я задумалась, вспоминая. — Директор театра присутствует на прослушивании новой оперы. Солистка поет арию в сопровождении оркестра. Директор спрашивает дирижера: «Что это за

мелодия?» «Какая? — в ярости вопрошает дирижер. — Та, которую играет оркестр, или та, которую поет мадам?!»

(Из мемуаров Таис ВерДер-Саталь)

В ожидании соединения я невольно задумалась о Ми-Ларе. Вернее, о незапланированном исчезновении моего кавалера. Зачем его позвали? На рабочую смену не похоже — он майнер ответственный и вряд ли бы ее пропустил даже ради встречи со мной. Возможно, отец решил провести с ним беседу? Спихватился, что сыночек сделал что-то неправильно?

Не знаю почему, но гайд «Аграна» сейчас казался мне неудачником-дирижером, у которого все идет не так, как нужно. Вот только земная шутка, переложенная на нашу атрионскую действительность, вовсе не столь безобидна — от некомпетентности гайда страдают все, кто живет в доме. Даже если никто из них об этом не догадывается. Мама в подобных случаях говорила: «Было бы весело, кабы не было так грустно».

— Доченька, ты грустишь? Что случилось? Тебе там плохо?

Каким-то образом мама всегда верно угадывала мое настроение — отсутствие мимики на моем лице ей в этом не мешало. И если дома я еще могла списать ее догадливость на умение опознавать наши эмоции, которые она воспринимала как запахи, то сейчас прозорливость появившейся рядом со мной полупрозрачной фигуры была удивительна.

— Ми-Лар излишне навязчив? Жилье неудобное? Учителя не нравятся? — продолжились вопросы. — Хочешь вернуться раньше?

— Нет, мам, не настолько все плохо, — успокоила я ее. — Ми-Лар ведет себя корректно. Певцы хорошие. Комнату я обустроила. С учетом непривычности тут вполне комфортно. Просто немного странно. Не как у нас.

Голограмма качнулась, когда я опустила руку на теплый поручень, придающий бортику дополнительную прочность.

— Что именно странно? Рассказать можешь? — Мама бросила взгляд в сторону, словно хотела убедиться, что я одна, и разочарованно вздохнула, потому что в зоне видимости колечка был только один объект — тот, кто его носил. Окружение оставалось невидимым.

Вот когда я обрадовалась тому, что Ми-Лара нет рядом. И вообще никого нет, кроме открытого воздушного пространства и темнеющего

неба, на котором медленно начинают проступать звезды. Я сейчас даже вне зоны пристрастия диспетчеров, потому что на спинке домика отсутствуют акустические и оптические рецепторы, а тепловые и механические сообщают лишь о том, что на шкурке кто-то есть. Не более.

То есть рассказать я могу все. Что я и сделала. Правда, бдительно поглядывала на выход, из которого теоретически мог появиться неожиданный свидетель. Проблема ведь не в том, что я с родительницей общаюсь, а в том, как я это делаю. Сам способ связи шокирующий. Чужая технология, да еще и неорганическая! Нонсенс! Если Ол-Чес узнает, возмущению не будет предела. Он же так ратует за независимость нашей расы от землян.

— Любопытно...

Выслушав мою исповедь, мама прищурилась и прикусила зубками нижнюю губу. Она определенно о чем-то догадалась, а может, заподозрила, но сообразить, что именно, я не могла. У мамы все же опыт. И информация. И тяга к тайнам. А у меня ничего этого нет.

Впрочем, первого и второго точно нет, а вот насчет последнего я не уверена. Внутри что-то вертелось, свербело, беспокоило и мешало размышлять о другом. Наверное, поэтому я и не выдержала, высказывая догадку:

— Ол-Чес, когда бывшие пленные адаптировались к его дому, использовал психотроп, чтобы снижать нарастающую напряженность? Потому что не мог сплотить семью другими способами?

— Я тоже так думаю, — призрачная картинка покивала. — Если половина его атрионов находилась либо в депрессии, либо на грани нервного срыва и не могла выполнять своих функций, он вынужденно начал применять психотроп, постепенно снижая дозы. Судя по тому, что ты рассказала, это не помогло — у бывших пленников развилась неспособность контролировать эмоции... Доченька, можно тебя кое о чем попросить?

— Конечно.

— Пройдись как-нибудь в непосредственной близости от опасных зон. Внутри заглядывать не нужно, просто рядом побудь.

— И что это даст? — Я не поняла логики.

— На реакцию диспетчеров посмотрим.

— Полагаешь, там не опасно? Просто гайд в них что-то прячет и

они отмечены, чтобы меня отпугнуть?

— Даже не сомневаюсь.

Мама почему-то улыбнулась, на несколько секунд отвернулась, словно слушая кого-то за спиной, и вновь обернулась ко мне:

— Папа просит тебя быть осторожнее и без необходимости не рисковать. Если видеоголосовая связь будет недоступна, отправляй через передатчик опознавательный сигнал, чтобы мы были уверены, что у тебя все в порядке.

— Обязательно, — пообещала я и, услышав характерное «чпок!», предупредила: — Отключаюсь, сюда идут.

— Ты все еще здесь? Почему осталась? — Ми-Лар начал задавать вопросы, даже не успев толком вылезти из складки. — Я удивился, когда диспетчер сказал, что тебя нет в твоей комнате.

— Потому что красиво. — Я невозмутимо подняла лицо к небу, уже совсем темному, покрытому россыпью мелких звезд. Развела руки в стороны, словно пытаюсь охватить величие космоса, окутывающего планету. — Посмотри!

Во взгляде Ми-Лара, который тот послушно устремил ввысь, читалась изрядная доля сомнения в том, что увидит он что-то сногшибательное, но спорить со мной атрион не стал. Впрочем, восхищаться тоже. Постоял, делая вид, что пытается проникнуться эйфорией, которую я ему обещала, вздохнул, переступил с ноги на ногу...

— Красиво, — на всякий случай подтвердил и тут же позвал: — Идем?

А мне стало весело. Эх, майнеры! Для них звезды — всего лишь удобный и точный способ навигации. Брат мой тоже не понимает и не чувствует той завораживающей силы, что радует глаз, влечет и одновременно страшит, подавляя своей необъятностью. Лишь экзоты способны воспринимать красоту неживой природы и ценить ее так же, как живую. Зато именно она и все, что с ней связано, притягательно для атрионов, независимо от их предназначения!

Наверное, именно эти мысли заставили меня отрицательно качнуть головой в ответ на предложение Ми-Лара, глубоко вдохнуть, и...

Верхние ноты колоратурного сопрано вонзились в ночную тишину, сменились грудным контральто и превратились в нежный перелив, сливаясь с окружающим пространством.

Я пела не для атриона, который стоял рядом, заворуженно вслушиваясь в мой голос. И не для себя, хотя очень часто именно это делала, чтобы развлечься. Я пела для неба. Для тех звезд, что мерцали над головой. Для того единственного, кого еще не нашла, но обязательно встречу... А когда замолчала, поняла, что моя шалость обошлась мне дорого. Взгляд Ми-Лара расфокусировался, а в эмоциях я ощутила смесь наслаждения, желания и предвкушения.

Вот что я наделала? Зачем его провоцировала? Мне же иной результат нужен! Я его отдавать должна, а не привязывать к себе.

— Зачем тебя вызывали? — попыталась вернуть атриона к проблемам в реальности и этим отвлечь от моей персоны, ставшей для него необычайно привлекательной.

— Были вопросы по маршруту движения, — расслабленно и весьма охотно поделился информацией Ми-Лар. — Я же ведущий пилот и лучше всех знаю специфику перемещения дома. А еще отец сказал, — взгляд серых глаз по-прежнему не желал отрываться от моего лица, — что я, пока ты у нас в гостях, могу не так строго придерживаться расписания вахт и уделять больше времени тебе. Так что можешь в любой момент, если меня нет рядом, позвать, когда что-то будет нужно. Я с удовольствием помогу или просто побуду с тобой.

Понятно. Не помогло. Перестаралась. Вернее, сглупила.

Корила я себя долго. И на следующий день, и позже. Чтобы хоть как-то избежать внимания со стороны Ми-Лара, старалась как можно дольше репетировать и, ссылаясь на усталость, побыстрее возвращаться к себе в комнату.

Помогало лишь отчасти. Принимать световые ванны, пищу, даже заниматься в тренажерном зале приходилось в присутствии настойчивого кавалера. В таких условиях выполнить просьбу мамы я не могла при всем желании. Ми-Лар следовал за мной буквально по пятам.

К счастью, впечатления от моего пения в сознании атриона с каждым днем становились все менее четкими. Концертов я больше не давала, а близнецы хоть и посматривали сочувственно на племянника, но в комнату для занятий не пускали. Постепенно владеющая Ми-Ларом восторженность сменилась присущей майнерам практичностью. Он наконец перестал караулить меня в зоне развлечений и на время репетиций стал уходить дежурить в рубку управления.

А я этим воспользовалась. Утром в столовой словно невзначай

пожаловалась Яси-Ду, что занятие опять будет долгим. Бросив краткий взгляд на сидящего рядом Ми-Лара, убедилась в его готовности столь же много времени посвятить любимой работе. Для разучивания выбрала музыкальный фрагмент с самой короткой женской партией и куда более длительной мужской... В итоге, отпев свое и оставив наставников репетировать, вышла в коридор. Как никогда рано и без привычного сопровождения.

Расположение потенциально опасных мест я уже несколько дней как знала наизусть. Потому не мешкая направилась к ближайшему.

Опуститься на два уровня вниз, свернуть налево, протиснуться между почти сросшимися стенами, пройти еще немного. На ходу, напротив складки, за которой располагался опасный участок, выронить маленькую, тонкую, отливающую синевой пластину-накопитель и, не останавливаясь, шагать дальше, делая вид, что не заметила потери. Через минуту остановиться, поискать в складках одежды такую «нужную» сейчас вещь, спохватиться, ахнуть и пойти обратно. Медленно, внимательно присматриваясь к сине-черному полу, на котором заметить почти прозрачный материал необычайно сложно.

— Посещение не рекомендуется, — предупредил строгий женский голос, едва я практически вплотную подошла к запретной зоне.

— Какое еще посещение?! — возмутилась я, приседая и осматривая покрытие. — Я накопитель потеряла!

Помочь мне диспетчер не могла, и я это прекрасно знала. Так что горестно вздыхала, сетовала на свою невезучесть и продолжала тянуть время в поисках того, что лежало буквально на расстоянии вытянутой руки. Вот только усилия мои ни к чему не привели. Не знаю, на что рассчитывала мама, но складка так и не раскрылась, никто в нее не попытался войти, никто из нее не вышел, даже мимо не прошел и не поинтересовался, чем же я занята в таком неудобном положении.

Искать дольше возможности не было. Оставалось только победно воскликнуть, триумфально подхватить с пола пластину, прижать находку к себе и с радостной улыбкой вернуться к изначальному маршруту. Обидно.

— Не расстраивайся, — успокоила мама. — Ты все правильно сделала и, поверь мне, этого более чем достаточно. Найди возможность пройти мимо остальных.

— Постараюсь, — вздохнула я. Моих сомнений ее уверенность не

развеела. — Но, по-моему, это бессмысленно.

Родительница лишь загадочно улыбнулась и послала мне воздушный льер. Определенно она что-то недоговаривает! Вот только выяснять это, рискуя в любую секунду быть застигнутой за столь экзотичным способом связи, я не могла.

— Рия-Ла! Ну как же так?! Почему меня не позвала? — расстроился, выскочив на площадку, Ми-Лар. И минуты не прошло, как голограмма растворилась в воздухе!

— Как это «почему»? — Я изумленно воззрилась на недогадливого кавалера, который даже переодеться не успел. Так и прибежал в комбинезоне, совершенно неудобном для световой ванны. — Ми-Лар! Ты *работаешь!* — интонацией выделила последнее слово. — Выполняешь ответственное дело для семьи. А я не беспомощный ребенок, которому нужна постоянная опека. Ты представь нашу ситуацию наоборот. Я пою на концерте, а тут ты меня вызываешь: «Рия, я освободился с вахты, составишь мне компанию?»

Видимо, в таком ракурсе он происходящее действительно не рассматривал. И все же попытался объяснить:

— Но... Ведь ты гостя... Этот дом для тебя непривычен... Я хотел помочь.

— Помочь?..

Я задумалась. Может, мне, вместо того чтобы таиться и изучать опасные места в одиночку, делать это в открытую с Ми-Ларом?

Посмотрела на спящий в зените Аш-Хори, перевела взгляд на фонящего раскаянием атриона и... решила не рисковать. Чувствующий вину мужчина на самом деле способен на многое, но лучше я придерживаю такую возможность, наверняка еще понадобится.

— Похвальное стремление, — позволила себе немного его обнадежить, — но давай ты будешь это делать тогда, когда я прошу.

— А ты точно попросишь? — не поверил в мою искренность атрион.

Ну да, говорю же я одно, а чувствую совсем иное.

Прикрыла глаза, вспоминая наставления театрала, у которого, будучи еще совсем маленькой, я несколько дней училась имитировать эмоции, потому что на «Дизаре» учителей с такой специализацией не было. И пусть мне не понравилось обманывать и вводить в заблуждение, но полезный навык, к которому способен организм

любого экзота, я все же развила.

Состояние удовлетворения, овладевшее Ми-Ларом, я почувствовала раньше, чем снова на него посмотрела. Убедила-таки. Наверное, поэтому он спокойно воспринял мое желание уйти в дом. Вернее, переодеться и отправиться в тренажерный зал. И остался принимать световую ванну, не рванув следом. Правда, пообещал, что присоединится позже, но даже это я сочла благоприятным знаком.

Вполне довольная собой, окинула взором спину дома, натянутые паруса, белесую даль пустыни и виднеющуюся по левому «борту» бирюзовую водную гладь, ограниченную совсем невысоким каменным барьером. Вдохнула теплый воздух, насыщенный влажными испарениями озера. И лишь затем пролезла в складку и оказалась в характерной для «Аграна» атмосфере легкой тревожности, к которой, несмотря на проведенное здесь время, так и не смогла привыкнуть.

«Эмоциональный фон в доме формируется довольно просто — из эмоций живущих в нем атрионов. Потому экзоты и должны своими талантами вызывать у них как можно больше позитивных ощущений. Но дом впитывает только реальные эмоции, а не наведенные. Как бы хорошо у тебя ни получалось имитировать чувства и вводить в заблуждение своих зрителей, дом ты не обманешь. Он уловит и удержит только то, что ты чувствуешь на самом деле».

(Из разъяснений Бо-Шара, экзота-театрала дома «Гиввор»)

Вспомнив об этом, я даже муссом подавилась, который именно в этот момент пила, решив подкрепиться перед тренировкой.

Вот оно! Раз домик улавливает эмоции своих обитателей в чистом виде, а на «Агрane» чувствуется тревожность, значит, добавка-психотроп, как и мнимые эмоции экзотов, дает только поверхностный эффект. Либо она все же срабатывает правильно, но в доме есть другой источник негативных ощущений, с которым приходится иметь дело атрионам.

Последнее предположение подтвердилось на удивление быстро. То ли удача наконец повернулась ко мне лицом, то ли я просто начала замечать то, на что раньше бы внимания не обратила. Перед входом в зал для тренировок беседовали две молоденькие атрионочки и при моем приближении разговора не прекратили, лишь посторонились, пропуская

меня. Поэтому я услышала вполне отчетливо:

— Я завтра на «страдании» буду. На тренировку не пойду, так что встретимся в столовой. Закажешь мне двойную порцию мусса?

— Само собой...

Больше, увы, подслушать не удалось, но даже этого было достаточно.

Вот и откуда, спрашивается, эта атрионочка точно знает, что завтра страдать будет? В семье с нормально организованными отношениями эта эмоция вообще не должна появляться! Те же экзоты обязаны все сделать, чтобы подобного не допускать! Значит, где-то в доме есть место, где атрионам плохо, и наверняка это одна из запретных зон. Но самое поразительное, что они ее безропотно посещают! А потом подавляют полученный негатив психотропом. Пусть и в микродозах. Двойных.

И ведь все это происходит с разрешения и под контролем Ол-Чеса! Гайд, несомненно, в курсе всего, что связано с семьей. Ну и какую же цель он себе наметил?

Найти ответ на этот вопрос теперь казалось самым важным. И я, натягивая от стены к груди упругую массу, липнущую к рукам, тщательно продумывала возможные варианты. Как мне попасть в опасную зону? Или узнать, что там творится. Может, познакомиться с одной из подружек, которая совсем рядом со мной накачивает пресс? Это наверняка поможет в плане информации. Если, конечно, девушка захочет раскрывать секреты семьи чужачке. Но ведь попытаться-то можно? Нужно!

Через полчаса, старательно гася разочарование, я смотрела в спину уходящей желтоволосой атрионке. То ли скрытная фидер мне попалась, то ли на самом деле запрещено гостю в семейные проблемы посвящать. Девушка заинтересованно общалась со мной, с удовольствием приняла приглашение на концерт, который мы готовили с братьями, охотно рассказывала о своем молодом муже-майнере, о работе на заготовке сырой массы... Но длилось это ровно до тех пор, пока я не спросила, отчего рядом со столовой возникла опасная зона и почему строители не пытаются ее привести в порядок. В общем, источник информации сбежал, сославшись на срочные дела. М-да...

Зато у меня появилась идея, как, не вызывая подозрений, следить за интересующими меня объектами.

— Для развития дыхательной системы вы что используете? Мне очень важно легкие разрабатывать, — обратилась к синеволосому атриону, который следил за посетителями зала. И помогал, разумеется.

Тоскливым взглядом пробежалась по заросшему разнообразными складками помещению, среди которых определенно отсутствовало нужное устройство. А потом лишь отрицательно качала головой и вздыхала, отвергая поступающие от тренера-экзота предложения использовать то, что имелось на «Агроне».

— Это все не то, — категорично заявила в итоге.

— Если расскажешь, что именно тебе нужно, я постараюсь вырастить, — предложил Ми-Лар, который, как и обещал, все же присоединился ко мне на тренировке. — Как он выглядит?

— Ну как... — «опешила» я, беспомощно разводя руками и рисуя в воздухе малопонятные очертания. — Такой вот... Многоярусный... Он еще высоту меняет.

Теперь уже опешил Ми-Лар. Только он, в отличие от меня, не притворялся. Просто осознал, что выполнить вот такой «заказ» нереально. А я этому обрадовалась отнюдь не наигранно.

— Ладно, не страшно. Я знаю альтернативный способ. Он вообще тренажеров не требует.

Через минуту, оставив за спиной озадаченных атрионов, я в размеренном темпе бежала по коридору. На первый раз решила провокаций не устраивать и позволила себе промчаться мимо лишь одной интересующей меня зоны.

Но ведь это только начало!

Само собой, совершать пробежки по дому стало для меня традиционным ежедневным занятием. Чтобы не вызывать подозрений, маршрут я постоянно меняла, стараясь сделать его непредсказуемым. Типа захотелось налево свернуть, вот туда и повернула. Некоторые опасные зоны удавалось два, а то и три раза осмотреть. Иногда даже останавливалась в зоне видимости, чтобы «перевести дыхание».

Необычная форма тренировки привлекала внимание, однако это было на руку. Атрионы провожали меня любопытными взглядами, переговаривались или же молчали в немом изумлении, но самое главное — они останавливались, чтобы не помешать! Иногда в коридоре, отступая к стенам, а иногда на выходе из помещений, не давая складкам сомкнуться.

Повезло мне не сразу, но все же однажды, когда я почти сравнялась с проемом запрещенной к посещению комнаты, он начал раскрываться, и в нем появился красноволосый атрион. Мужчина на секунду замер, решая: вернуться обратно или выйти и столкнуться со мной. В итоге сделал шаг назад. Однако до того как створки двери сошлись, я успела увидеть...

Светлое маленькое помещение, заполненное от пола до потолка множеством симметричных складок, которые майнеры выращивают, если нужно в больших количествах складировать маленькие контейнеры. Вот только вместо обычных прозрачно-синих или прозрачно-серых органических упаковок полки заставлены миниатюрными яркими разноцветными баночками.

Баночками?!

Это слово я от мамы слышала. Она ведь мне много рассказывала о неорганических технологиях своей расы. И я точно знала, что домик создавать такие не может. Вот и откуда они на «Агрane»? Но самое любопытное: *что* в них хранится? Или же они пустые?

Первая мысль, которая пришла в голову, — баночки трофейные. Возможно, Ол-Чес решил прихватить их с Терры, когда забирал пленных.

Ага. Вот в таком огромном количестве. А из комнаты и увезенных экспонатов сделал для атрионов напоминание о страшных годах, проведенных в неволе. Чтобы страдали. И не только пожилые, но и молодые тоже. Чушь.

Ну и какие еще варианты?

Варианты... Варианты... Стоп! А почему, собственно говоря, я должна искать логику в чужих поступках? Я не гайд. К тому же у меня мама есть и папа, имеющие соответствующую специализацию. Вот пусть они этим и занимаются. Сегодня уже поздно, но завтра я обязательно с ними свяжусь и все расскажу.

Решив в очередной раз переложить груз забот на родителей, я успокоилась. А зря.

— Четыре-шесть, мне сегодня легкая одежда нужна, — попросила, выбираясь утром из геля.

— Вы световую ванну планируете? — неожиданно услышала вопрос вместо привычного «принято».

— Верно.

Я замерла в недоумении, ожидая, что еще скажет обычно молчаливый диспетчер. И ведь дождалась!

— Выход на поверхность временно невозможен. «Агран» капсулируется.

Э-э... Мой ступор достиг максимума. Нет, я не испугалась, но нехорошее предчувствие все же завладело сознанием. Меня заподозрили? Или точно знают? Или же со мной это вовсе не связано?

Обычно процесс отверждения внешней оболочки запускают в двух случаях: когда начинается песчаная буря или когда дом поднимается в космос. Первое — явление не частое, но очень опасное. Второе — тоже не самое приятное для дома, потому его и пытаются защитить. Но вряд ли такой затратный процесс будут активировать только для того, чтобы удержать не в меру любопытную гостью внутри!

Кстати! Ведь для связи с мамой мне вовсе не нужно выходить на поверхность, можно и из комнаты это сделать. Колечко достаточно мощное, чтобы не замечать преград, для него важно лишь расстояние. Ну а то, что диспетчер увидит голограмму... Вот и проверим заодно, так ли эти субъекты на «Агране» деликатны, как их расхваливал Ол-Чес, будучи у нас в гостях.

Приняв решение, я едва дождалась окончания гигиенической процедуры и, покинув складку, села за стол. Руки под него спрячу, тогда диспетчер увидит только возникшую над столешницей голограмму. И не поймет, где именно находится прибор. Может, тот вообще не на «Агране» и это какое-нибудь удаленное соединение!

Вот только активировать колечко у меня никак не получалось. Насечку чувствовала, и ноготь именно по ней скользил, а результат нулевой.

Вывод? Да элементарный! «Дизар» от нас очень далеко. И это «далеко» измеряется отнюдь не радиусом планеты. И даже не длинами, в десятки раз его превышающими. Тут однозначно межзвездные расстояния!

— Что происходит? — решила не ждать, пока вопросы прояснятся сами собой, и отловила Ми-Лара по пути в столовую. Любой пилот должен быть в курсе событий за бортом.

— Ты о герметизации? — сразу догадался он о причинах моего любопытства. — Ничего страшного. Семь-десять дней, и ее снимут.

— Мы летим? Куда? — спросила, сделав еще один логичный

вывод: предсказать длительность бури невозможно, а тут такая точность в сроке!

— Рия... Ла. — Майнер так изумился моей настойчивости, что даже про официальное обращение не сразу вспомнил. — Зачем тебе это знать? Планировать перемещения дома — задача гайда. Он лучше понимает и оценивает потребности семьи. Если отец решил, что есть необходимость поднять «Агран» в космос, — значит, так нужно. Ведь никто не проявляет такого любопытства, только ты. Наверное, это из-за человеческих генов.

Он вздохнул так тяжело, словно я не оправдываю его надежд. И вообще веду подрывную деятельность, с явным намерением разрушить сложившиеся семейные устои. Идеальные, с его точки зрения.

— Ты бы лучше на любимом занятии сосредоточилась, — мягко пожурил. — Отец спрашивал, не хочешь ли ты дать сольный концерт? Все же выступление с моими дядями не принесет тебе полноценного удовлетворения. И еще...

Ми-Лар ненавязчиво подхватил мою ладонь, помогая сесть, но руку не отпустил. Невесомо скользя пальцами от запястья до сгиба локтя, продолжил:

— Нам с тобой нужно определиться в отношениях. Моей маме ты очень понравилась, дяди от тебя в восторге, мнение моего отца ты знаешь. Мне нужно право полноценно ухаживать за тобой, а не просто оказывать мелкие знаки внимания. Ты ведь станешь моей невестой?

О как! Концерт, значит? Замуж, значит? Ну ладно...

Руку отняла, взгляд опустила.

— Как я могу дать согласие, если мы с тобой договаривались, что ты не будешь от меня ничего скрывать? А ты скрываешь! Не хочешь сказать, куда мы летим, хоть и знаешь! — Мое негодование было непритворным, разве что я позволила себе добавить в фон немного обиды. Для усиления эффекта. И даже услужливо поданный мне атрионом мусс, появившийся из раздачи, в сторону отставила, так и не отпив.

— Если дело только в этом... — растерялся Ми-Лар. — Хорошо, скажу. Мы летим на Терру.

Ого... Любопытно, что Ол-Чес там забыл? Решил устроить своим домочадцам психологическую встряску, пробудив таким экзотическим способом новую порцию негативных воспоминаний? Или это как-то

связано с баночками?

— Это все? Ты согласна? — Кавалер продолжил настаивать на своем, вновь снимая напиток со стойки и вручая мне.

Но я так просто сдаваться не собиралась.

— Помнится, ты обещал мне помочь, если я попрошу...

Стакан приняла, правда, пить не стала.

— Да, помню. Но, Рия-Ла, это нечестно! — Теперь атрион смотрел на меня с негодованием. — Я хочу получить ответ, а ты все время уходишь от темы!

— Не уйду. Я как раз в тему. Просто прошу тебя еще об одном свидании. Если оно пройдет удачно и оставит приятные впечатления, стану твоей невестой. Для тебя это возможность проявить себя.

— Свидание...

Потенциальный жених определенно задумался, чем бы меня поразить. Вот только долго думать я ему не позволила:

— Ой! Я знаю, где его можно провести! Я никогда не была на Терре! Хочу там погулять!

— С ума сошла? — ласково поинтересовался Ми-Лар. — Что мы будем делать на этой жуткой планете?

— Почему сразу «жуткой»? — возмутилась я. — Мне мама рассказывала, что там очень красиво и вполне безопасно.

«Если в арарис не лезть», — добавила про себя, с трудом удержавшись, чтобы не сказать это вслух. Зато мстительно порадовалась, представив, как Ми-Лар борется с хищным кустиком. А потом спохватилась:

— Хотя, конечно, нашему появлению вряд ли обрадуются. Да, Терра теперь входит в состав Конфедерации и у Атриона с ней нейтралитет, однако это не означает дружественного настроения террианок... Подожди... — остановила больше сама себя, потому что мужчина молча слушал мой монолог. — Но ведь твой отец зачем-то к ним летит!

— Рия... — застонал Ми-Лар, обреченно подняв глаза к серому с желтыми переливами потолку. — Ты опять?! Ну откуда мне знать планы гайда? То, что он мой отец, вовсе не означает, что я в курсе всего! Это его дела, он их решает. Меня вообще не привлекает политика! Когда я начинаю о ней задумываться, чувствую лишь раздражение.

Оно и видно. Вон даже свой мусс одним глотком выпил, чтобы успокоиться. И опять про официальное обращение забыл.

На этот раз я решила обойтись без напоминаний. Мне сейчас другое важно. Я ведь прогулку по Терре предложила вовсе не потому, что мне очень хочется туда попасть, скорее даже наоборот — после маминих рассказов это последнее место, где я мечтаю побывать. Просто решила использовать просьбу как провокацию. Во-первых, заставить Ми-Лара открыть мне правду. Если он ее знает, конечно. Ну а во-вторых... Он ведь меня туда точно не повезет. Значит, у меня появится прекрасный повод обидеться, сказать, что с девушками, с которыми планируют серьезные отношения, так не обращаются, и на этом поставить точку.

— Значит, не будет свидания... — практически утвердительно подвела итог и печально вздохнула: — Жаль.

Покачала стакан из стороны в сторону, задумчиво глядя на опалесцирующую малиновую жидкость, медленно затекающую на края. Еще раз вздохнула, наглядно демонстрируя, насколько разочарована. Практически залпом выпила напиток и захлебнулась, когда услышала:

— Будет. Я попрошу у отца разрешение на полет.

— А если он откажет? — выдавила я, откашлявшись и вернув себе способность говорить.

— Не откажет, — уверенно заявил Ми-Лар.

Глава 3

ДРАМАТУРГИЯ

«Экспозиция в музыке мало чем отличается от жизни. Контрастные образы, главная и побочная партии, разные тональности... Вот только уйти от нежелательной реальности, просто прервав выступление, не получится».

(Из личного дневника Риш-Ла ВерДер)

Уж не знаю, какие доводы Ми-Лар приводил отцу, но разрешение действительно получил. Не прошло и пары дней, как, встретив в коридоре, Ол-Чес окатил меня настолько яркой волной удовлетворения, что я даже испугалась. Отчего это он такой счастливый?

— Меня радует принятое тобой решение, девочка. Мой сын будет тебе хорошим мужем, а наша семья и дом станут по-настоящему родными.

— Я еще не невеста! — пискнула ошарашенно.

— Знаю, — снисходительно кивнул гайд. — Ми-Лар сказал, что ты согласишься после того, как побываешь на Терре. Хорошей вам поездки. Я очень надеюсь, что она вас сблизит окончательно.

От шока у меня пропал дар речи, а Ол-Чес, по-отечески погладив меня по плечу, развернулся, чтобы уйти.

Я, конечно, в себя быстро пришла и даже рот открыла, но... Но не разговаривать же с удаляющейся спиной ДиеВала?!

Впрочем, разговаривать с его сыном — ничуть не менее бесполезное занятие.

— С чего ты решил, что я согласилась на свадьбу? — не удержалась от обвинений, когда майнер встретил меня после репетиции.

— А разве нет? — не понял моей реакции атрион.

— Я сказала, что, если мне понравится свидание, то приму решение! И не говорила, что оно будет положительным!

— Да? — Ми-Лар задумался, припоминая. Видимо, так и не вспомнил, потому что лишь тряхнул головой и выдал с непрекращаемой убежденностью: — Я уверен, свидание, тебе понравится! И ты согласишься!

Он уверен. А я нет. Ну да ладно, спорить с вцепившимся в меня кавалером себе дороже. Придется лететь на Терру и изобретать способ донести до него мое мнение иным способом.

— Послезавтра высадка, так что не планируй репетиций, — наставительно предупредил Ми-Лар, провожая меня в комнату. — Надеть лучше не платье, а комбинезон.

— Почему так быстро? — удивилась я. — Ты же говорил — десять дней...

— До раскапсулирования, — перебив меня, уточнил майнер, — когда вернемся на Атрион. «Агран» на Терру не садится, он на орбите остается. А долетели быстро потому, что через подпространственный туннель прошли, который наши системы объединяет, вот путь и получился короткий.

Про туннель я знала. Родители не раз обсуждали факт его наличия, ведь террианки именно благодаря этому природному явлению совершали набеги и ускользали безнаказанными. Они пользовались тем, что атрионам координаты зоны перехода были неизвестны.

Впрочем, понятие «природный» к этому туннелю вряд ли можно применить. Пока росла, я успела наслушаться немало комментариев, вывод из которых можно сделать только один: космический «мост» создала некая древняя могущественная цивилизация, населявшая Терру несколько тысячелетий назад. Сложно сказать, зачем ее представители это сделали, но, по всей видимости, для них это был единственный шанс выжить. И все же что-то пошло не так. В итоге от загадочных ментаутов остались лишь постройки на заброшенной планете, а ее саму заселили современные террианки.

Я настолько глубоко ушла в себя, вспоминая об этом, что даже не сразу обратила внимание, что отнюдь не одна нахожусь в комнате. Ми-Лар, вместо того чтобы, как обычно, остаться за дверью, сегодня решил составить мне компанию. Воспользовался моей рассеянностью!

— И что ты здесь забыл? — Отреагировала я грубо, согласна. Но у меня причина уважительная! Я отдохнуть хочу!

— Ты меня прогоняешь? — миролюбиво поинтересовался атрион, шагнув ближе.

И ведь не остановился, когда я отойти попыталась, — продолжил наступление, вынуждая меня прижаться спиной к стене.

Его настойчивости я удивилась ничуть не меньше, чем до этого —

словам гайда.

— Ты ничего не перепутал? — Я уперлась ладонями ему в грудь, не позволяя склониться. — Мы еще не пара.

— Мне кажется, я знаю, почему ты так долго не решаешься принять мое предложение, — даже не подумал отступить кавалер.

— И почему?

— Я мало проявляю личную заинтересованность и не показываю, насколько ты мне нравишься.

— Сам додумался или папа намекнул? — съязвила я.

— Мама сказала, — ответил Ми-Лар. Его даже мой тон не смутил. — Ты прости, я не очень хорошо разбираюсь в таких вещах. Мне еще ни разу не приходилось ухаживать за девушкой так долго. Но мне все объяснили, и я обещаю исправиться.

«Исправиться» заключалось в том, чтобы начать со мной обниматься, потому что именно этим наглые руки майнера и занялись. Видимо, кто-то очень своеобразно представлял себе процесс ухаживания! Наверное, Ол-Чес так себя вел с Яси-Ду. Или же, наоборот, настолько долго не решался на активные действия, что девушке оставалось лишь мечтать о подобной инициативе. В общем, вывод простой: брать пример с родителей Ми-Лару нельзя. Но ведь он-то именно это делает!

— Твое стремление похвально, но сейчас мне нужно иное, — снова пришлось перейти к убеждению, потому что выскользнуть из объятий, в которые меня так настойчиво затягивали, не получалось.

— Что именно? — не слишком позитивно воспринял мои запросы, но поумерил пыл атрион.

В ответ я глазами указала на гигиеническую складку.

— Ой... — Ми-Лар опешил, осознав, что романтика и физиология не всегда совместимы, а второе определенно важнее первого. И даже отступил, освобождая путь.

— Тебе нет смысла ждать. Я надолго, потом спать сразу лягу. Завтра у меня генеральная репетиция с твоими дядями, а потом снова отдохнуть нужно перед полетом. Давай демонстрацию заинтересованности на пару дней отложим? — воодушевленно солгала я. Насколько искренне, что в сознании майнера никаких сомнений не зародилось, и он с радужным настроением тут же исчез за дверью.

Посмотрев ему вслед, я в раздумье покачала головой. М-да...

Такими темпами я скоро и театралом стану отменным. Проживание на «Агроне» и общение с ДиеВалами эффективнее любого обучения!

Справедливости ради надо признать, общение с братьями-певцами очень много дало мне в плане профессионального роста. Жаль только, что и они не позволяли мне забыть, какие планы на мою персону у их племянника.

— Избранница, свидание, романтика. Страдания, желания, надежды и мечтания... — Ир-Шас словно шутя продолжал партию, которую должен был завершить.

— И свадьба в будущем. Ах, молодость! Знакомая тематика, — вторил ему Эт-Шас, вынуждая меня отвечать, подбирая гармонирующую тональность:

— Взаимность в этом перечне — фантастика.

В общем, не сдержалась я. Слишком уж явным становились давление и нежелание прислушиваться к моему мнению. Я даже на резко изменившийся настрой близнецов внимания не обратила. Сейчас мне больше всего хотелось оказаться от этой семьи как можно дальше, а возможности вернуться на «Дизар» не было! И ведь самое обидное, что я фактически сама в этом виновата. Послушала бы брата, отказала Ми-Лару в первом свидании — и ничего бы этого не было! А я бы спокойно жила в родном доме!

Мысль эта моего настроения не улучшала. Как и понимание того, что назначенное время вылета неумолимо приближается.

В ангар, где почковались боты, я шла скрепя сердце и лишь потому, что путешествие на Терру все же могло принести и положительный эффект — новую информацию для моих родителей. Что касается свидания... Сделаю все, чтобы оно не понравилось не только мне, но и Ми-Лару. А если этого будет мало, то и его отцу неприятности обеспечу. Вот только выясню окончательно, зачем я ему нужна — только как певица или есть иная причина «прибрать меня к рукам».

— Мы полетим в третьем боте. Я буду пилотом, с нами еще двое сопровождающих. Все же это не совсем увеселительная прогулка, ты же понимаешь?

Встретивший меня у входа Ми-Лар тут же принялся за инструктаж. Привычно снял льер с губ, чтобы отдать его мне, и замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Радужный настрой майнера определенно снизил интенсивность, когда он в полной мере воспринял

мое состояние, — ведь я не отказалась от обмена и сама коснулась его пальцев. Вот только выводы атрион, как обычно, сделал неверные:

— Ты плохо спала? Четыре-два не справился с настройками геля?

— Справился. Просто мне не очень хорошо, — пришлось снова импровизировать. Не хватало еще, чтобы по моей вине диспетчеру досталось за якобы некомпетентность!

— Тогда оставайся дома, — немедленно озаботился кавалер. — Отложим свидание. На Терру, конечно, слетать не получится, но обещаю, что по возвращении на Атрион отвезу тебя в отличное место. Очень вдохновляющее! Мои дяди его хвалят и бывают там при любой возможности, значит, тебе тоже понравится.

— Нет уж. Я потерплю. Это же такой уникальный шанс побывать на чужой планете. Другого у меня не будет.

— Будет, — не согласился Ми-Лар, а на меня обрушилась волна загадочности и предвкушения. — «Агран» раз в пятнадцать лет сюда летает. Так что мы с тобой еще сможем побывать на высадке. Оставайся.

Ничего себе новости! От изумления я даже не возмутилась его убежденности в том, что мое согласие на свадьбу — вопрос решенный. Меня куда больше поразило иное. Оказывается, Ол-Чес регулярно к террианам навещается! И зачем, спрашивается? Неужели...

Догадка, вернее, почти уверенность, резанула по сознанию, подтверждаемая не только словами майнера, но и тем, что именно в этот момент в ангаре появилась целая группа атрионов, нагруженных рядами баночек. Тех самых, которые я видела в запретной зоне! То, что в них находилось, явно планировали переправить на Терру: сложив груз у одного из отверстий, носильщики ушли, однако один из них принялся просовывать упаковки сквозь складку.

— А что там? — не удержалась от вопроса.

И ждала привычного: «Мне это неинтересно». Однако Ми-Лар совершенно спокойно меня просветил:

— Льер.

— И зачем он террианам?

— Да кто ж знает? — безразлично отмахнулся майнер. — Привозим. Они забирают... Идем, провожу тебя в твою комнату.

— Еще чего не хватало! — возмутилась я, торопливо шагнув к отверстиям — входам в созревшие боты. — Нам в какое?

Атрион удивился, но спорить и отговаривать перестал, указав правильное направление. Я же, раздвинув плотную органическую складку, протиснулась в узкое пространство, соединяющее «Агран» и бот, готовый от него отпочковаться.

Ми-Лар и на этот раз пилотировал сам — вне всяких сомнений, роль майнера была для него смыслом жизни. Он наверняка, даже будучи при смерти, выполнял бы его с полной самоотдачей, никому не позволив себя заменить.

Два атриона, которые появились в боте почти сразу после нас, молча сидели в ожидании высадки. Первый — красноволосый фидер, тот самый, которого я застала на выходе из склада с баночками, — на меня старался внимания не обращать и отводил взгляд, избегая смотреть в глаза. Тем самым наглядно показывал, что на мою персону никаких планов, то есть возможных симпатий, не имеет. Даже чисто теоретически. Составлять конкуренцию майнеру он не желал и все делал, чтобы тот это видел.

Второй — темноволосый, уверенный в себе молодой мужчина — выглядел ровесником Ми-Лара. Хотя предназначение у него иное — гайд. С учетом возраста, наверняка еще не готов контролировать свою собственную семью, потому и набирается опыта в той, где родился, но... Но если судить по тем взглядам, которыми он меня одаривал, пройдет еще десяток-другой лет, и по Атриону будет путешествовать маленький домик, обретший своих жильцов. И в их числе молодой гайд был бы совсем не против видеть меня... в роли жены, а не просто экзота.

Раньше я этого атриона не встречала. Возможно, он работал, когда я была свободна, а может, просто находились в разных местах дома — все же размеры «Аграна» внушительные. Даже когда пробежки устраивала, ни разу не столкнулась, иначе бы точно запомнила чуть более раскосый, чем у остальных, разрез глаз, тонкогубый рот, узкий нос и едва заметно тонированную зеленым пигментом кожу, словно он вообще не принимает световых ванн. Ну или делает это исключительно редко и на рассвете, когда излучение Аш-Хори мягкое.

— Ул-Тэм, — негромко представился мужчина, расценив мой интерес к себе как намек на знакомство.

— Рия-Ла. — Отказывать и закрываться я не стала.

А что? Я девушка свободная и не в статусе невесты, поскольку

слово Ми-Лару не дала, так что имею право. Кстати, не только на общение, но и на свидания с другими кавалерами.

— Вы ведь новая певица? С нетерпением жду вашего выступления. Гайд Ол-Чес после возвращения с «Дизара» очень высоко оценил ваш талант. И внешние данные. У меня не было возможности убедиться в его словах, но теперь я вижу, что он несколько не преувеличил.

— Вы настолько не доверяете своему гайду? — схитрила я, проверяя его реакцию. — Он же глава семьи. Его мнение неоспоримо.

— Неоспоримо, — ничуть не смутился Ул-Тэм. — Но убедиться в правоте гайда полезно и приятно, особенно если некоторые сомнения все-таки имелись.

Вот как? В этом доме еще не у всех мозги атрофировались от постоянного приема психотропа? Есть здравомыслящие? Ура!

— И в чем же вы сомневались, раз даже информацию обо мне не приняли без подтверждения? — вкрадчиво уточнила, надеясь, что двусмысленность фразы сыграет мне на руку и я узнаю что-нибудь необычное. Опять же большая редкость, когда гайды беспрекословно подчиняются друг другу. Без недовольства не обходится. Так что наверняка у Ул-Тэма есть свое мнение о том, какой именно должна быть семейная политика.

— Ах, Рия-Ла, Рия-Ла... — беззлобно пожурил атрион. — Я вам комплименты делаю, а вы упорно не желаете их принимать и отыскиваете в моих словах иной подтекст. Разве вам не приятно мое внимание?

Понятно. Еще один приверженец жестких рамок. А для гайда иметь такие убеждения намного опаснее, чем для майнера, — последствия могут быть куда более плачевные. Он же управленец, по сути. Значит, действовать будет по принципу: «Шаг влево, шаг вправо — расстрел». Так моя мама говорит, а она редко ошибается.

— Комплименты?..

Я скромно опустила взгляд, рассматривая белые вкрапления на серо-черных переливах пола. Боковым зрением заметила движение — Ул-Тэм, сидевший за спиной пилота, переместился в кресло рядом со мной.

— Так вам приятно их получать?

Вопрос не бессмысленный. И задан не без умысла, с явным намерением выяснить перспективы отношений. Положительный ответ

будет означать мое согласие на свидание. И на обмен льером. Не просто же так гайд сменил местоположение!

Несмотря на понимание, что Ул-Тэм — вовсе не тот, с кем я хотела бы провести жизнь (не говоря уже о временной встрече), я бы, наверное, все же рискнула. Исключительно в надежде, что это хоть немного уменьшит прессинг со стороны Ми-Лара и его родственников. Вот только сказать ничего не успела. Бот встряхнуло. По стенам прошла рябь, кресла расплющились, заставляя тела принять горизонтальное положение, а потолок стремительно рванул к полу и остановился лишь на расстоянии вытянутой руки.

— Мы на посадку идем, — объяснил происходящее гайд.

Сожаление в его голосе было более чем явным. Свои эмоции он не скрывал. Однако и настаивать на ответе теперь не мог.

Я же, хоть и знала о подобных трансформациях ботов, необходимых для защиты транспортников при переходе из космоса в атмосферу, о флирте уже не думала. Понимала, что теперь наши жизни зависят от мастерства пилота. А в такой момент злить майнера, который, безусловно, слышал наш разговор, чревато.

Впрочем, этого оказалось недостаточно. Вернее, уже услышанного Ми-Лару хватило, чтобы увидеть в Ул-Тэме соперника. И последствия не заставили себя ждать.

Столь же стремительно, как до этого сплющивался, бот снова раздулся, возвращаясь в исходное состояние. При этом нас ощутимо встряхнуло и на несколько секунд дезориентировало. Нас, но не майнера, который процесс контролировал, а потому был готов действовать. Когда я пришла в себя, увидела лишь исчезающую в складке выхода, затянутую в синий комбинезон спину Ми-Лара, пропихнувшего перед собой молодого гайда. Все же пилот решил продемонстрировать собственнические замашки, несмотря на отсутствие права это делать.

Фидер, по-прежнему сидящий в кресле, смотрел им вслед с беспокойством. Я же, не в силах справиться с нахлынувшим волнением, вскочила и полезла за атрионами.

Ой, что сейчас будет!

*Из разговора Ис-Лаша Вер Дера и Таис Саталь,
состоявшегося 260 лет назад по летоисчислению Атриона)*

— И все же я не понимаю...

Молодая девушка, сидящая на краю бассейна с релаксирующим гелем, неторопливо расчесывала непослушные черные кудряшки, никак не желавшие лежать ровно.

— Что именно? — расслабленно откликнулся отдыхающий на поверхности упругой массы темноволосый атрион, с явным удовольствием наблюдающий за землянкой. Необычной, странной, но такой желанной!

— Неужели вы действительно можете безнаказанно покалечить соперника? Или даже убить? Лишь за то, что он составляет конкуренцию за избранницу? — Таис наконец опустила расческу и сложила ладони на обнаженных коленях.

— Если девушка обещала мужчине стать женой, то да, никто подобное поведение не осудит.

— Вот как? — Черные брови насмешливо поползли вверх. — Что-то не припомню, чтобы у тебя было мое обещание, когда ты хладнокровно душил Олега.

— Но ведь я его не убил, — парировал Ис-Лаш. — Всего лишь припугнул, чтобы твой муж от тебя отказался.

— Вот и я о том же, — вздохнула Таис. — Прав нет, внешних признаков агрессии нет, а итог... Страшные вы люди, атрионы.

— Мы не «люди», адиза. — Ис-Лаш приподнялся, чтобы поймать ее ладошку. Потянув, уронил девушку на мягкий гель и ласково, но настойчиво прижал к себе. — Моя выдержка — всего лишь декорация, которую ты видишь, потому что наши эмоции недоступны твоему восприятию. Я должен каждый раз заново тебе это доказывать?

Вывалившись из бота, я резво поднялась с колен, отряхивая ладони от земли, на которую пришлось опереться. Ми-Лар и Ул-Тэм замерли в нескольких шагах от меня, загораживая обзор. Впрочем, мне сейчас не до любования красотами Терры, куда более важным было противостояние мужчин.

Посмотреть на них со стороны — так совсем мирная картинка получается: друг друга не касаются, стоят неподвижно, смотрят глаза в глаза и молчат. Зато на уровне эмоционального восприятия вокруг них бушует настоящий ураган. Нет, скорее смерч, затрагивающий

исключительно тех, на кого он направлен. Опасный, удушающий, устрашающий. Заставляющий противника потерять концентрацию и сдаться. Или умереть. Тут все от инстинкта самосохранения и желания победить зависит.

Первым не выдержал Ул-Тэм. Хотя предназначение и давало атриону преимущества в противостоянии чужой воле, но подавить агрессивную упертость Ми-Лара ему оказалось не по силам. Отступив на полшага, он пошатнулся. И все же не сдался, на колени не упал, продолжил стоять, впиваясь взглядом в расставившего для устойчивости ноги майнера. Для гайда этот поединок значил больше, чем простое соперничество за женщину, — от итога схватки зависел его будущий авторитет в семье! Проиграть он не имел права. И готов был умереть.

Осознав это, я ахнула и даже непроизвольно дернулась к соперникам, хотя вмешиваться было нельзя категорически — могла сама под раздачу попасть, в таком состоянии атрионы полностью теряют контроль. Убить меня, конечно, не убьют, но полноценную дозу льера от того, кто в этот момент побеждает, получу. Причем насильственно, спрашивать моего согласия он не будет, сработает собственнический инстинкт. А дальше у меня уже выбора не останется, кроме как замуж за него выйти.

Спохватилась я вовремя, вспомнив, что, кроме нас, здесь должны быть и другие атрионы. Ведь на Терру три бота летело! Обернулась, с облегчением убеждаясь, что не ошиблась: за моей спиной стояла небольшая группа незнакомых мне атрионов во главе с Ол-Чесом, который невозмутимо наблюдал за происходящим.

Не раздумывая бросилась к нему, чтобы, схватив за руку, выкрикнуть:

— Остановите их!

— Растащите, — помедлил, но все же приказал гайд.

Осторожно расцепив мои пальцы и освободившись от захвата, шагнул к сыну. Двое добровольных помощников удерживали майнера на месте — перехватив за предплечья, не давали сократить дистанцию и продолжить поединок. Зато они сами практически сгибались под эмоциональными ударами, которые теперь доставались им.

— Хватит! — рывкнул Ол-Чес, схватив Ми-Лара за подбородок и заставляя смотреть в глаза.

Убедившись, что агрессивный пыл пошел на убыль, развернулся к Ул-Тэму. Впрочем, молодой гайд справился сам. Опустившись на траву, вяло взмахнул ладонью, показывая, что ему помощь не требуется.

— Устроили тут... — недовольно проворчал ДиеВал. Посмотрел на меня, перевел взгляд на сына и качнул головой, окатив настолько явной волной неоправданных надежд, что я даже попятилась от неожиданности.

Он сожалеет, что ему пришлось вмешаться? То есть ждал, что я брошусь разнимать мужчин и мой статус определится сам собой? Зная, как сын отнесется к потенциальному сопернику, гайд решил это использовать и заставить меня совершить необдуманый поступок? Получается, что Ул-Тэма специально с нами на одном боте отправили и все произошедшее — хорошо продуманная комбинация!

В этот момент мне стало по-настоящему страшно. Если у гайда в запасе припасена пара-тройка подобных провокаций, я и не замечу, как стану женой Ми-Лара. Или замечу, но исправлять ситуацию будет поздно.

— Вы времени другого и места для разборок найти не могли? Чего добились? — тем временем принялся за воспитательную акцию Ол-Чес, хотя от виновных и без того фонило раскаянием. — Сами едва не пострадали, девочку напугали, хорошо хоть обмен не сорвали... Льер выгрузили? — отвлекся, обратившись к помощнику.

— Заканчиваем, — кинув взгляд на боты, сообщил тот. — Вет-Ла еще не прислала своих людей.

— Оно и понятно, — хмыкнул гайд, бросив многозначительный взгляд на сына. — Кто-то очень торопился приземлиться. Остается только удивляться, как выдержали оболочки ботов.

— Я умею рассчитывать максимальные нагрузки, — наконец заговорил Ми-Лар. — Лучше меня боты никто не пилотирует.

Наверняка Ол-Чес с ним согласился, однако я их уже не слушала. Меня женское имя заинтриговало, которое упомянул помощник.

Вет-Ла... Атрионка? Но что она делает на Терре, среди людей? И опять же получается, она — гайд, раз ими управляет? Все это очень необычно.

Теперь я уже в нетерпении ждала появления незнакомки. На осторожное: «Прости», — ответила понимающим: «Бывает». В сопровождении Ми-Лара прогулялась вокруг ботов, наконец получив

возможность рассмотреть местность, где мы приземлились. А ведь она своеобразная!

Покрытая травой, зеленая долина уходила к горизонту с одной стороны. С другой она же заканчивалась обрывом, довольно высоким, открывающим отличную панораму на расположенную внизу каменистую равнину. Складывающие ее валуны были непривычного грязно-зеленого цвета и поднимались на разную высоту, играя отблесками в лучах стоящего в зените Солнца. Мама говорила, что местную звезду именно так называют.

Вдали, почти на самой границе каменного месива, виднелись постройки. Но остроты зрения уже не хватало, чтобы рассмотреть детали. И именно оттуда в нашем направлении по светло-голубому небу двигались темные точки. С каждой минутой их контуры становились все отчетливее, вскоре сомнений не осталось — к нам летят три больших транспортника. Плоских, но отнюдь не обтекаемых, так что мне даже форму сложно описать.

То, что атрионы ждут именно их, было понятно — в воздухе вокруг ботов разливалось нетерпение вперемешку с тревогой и опасением. Визит был определенно необходимым, но отнюдь не приятным.

Вместе с остальными я неотрывно следила, как чужая техника зависает чуть в стороне от нас, медленно опускается на поверхность, а затем столь же неторопливо раскрывает борта, чтобы выпустить тех, кто в ней находится.

Все прибывшие оказались людьми. И те, кто остался рядом с транспортниками, и те, кто шел нам навстречу: две молодые девушки в мешковатых зеленых комбинезонах и головных уборах, из-за которых рассмотреть цвет волос невозможно, и пожилая, совсем седая женщина в темно-синем брючном костюме. Она шла неторопливо, расслабленно, в отличие от своих напарниц, взгляды и позы которых определенно выражали напряжение.

А где же атрионка, о которой упомянул помощник? Возможно, она лично на встречи не является? Предположение логичное, вот только первые же слова Ол-Чеса напрочь его разрушили:

— Приветствую, гайд Вет-Ла.

— И я надеюсь на продуктивное взаимодействие, гайд Ол-Чес.

Говорила она, как и мы, на вайли, хотя, насколько я знаю, язык на Терре идентичный тому, на котором говорят земляне.

— Прошу прощения за визит вне графика поставок. Возникли непредвиденные расходы рэда, а у меня нет другого способа их восполнить, вы же понимаете.

— Понимаю-понимаю... — Взгляд бледных светло-голубых глаз хищно впился в упаковки, аккуратно составленные на траве возле одного из ботов, и лицо женщины недовольно скривилось: — Почему так мало? Не успели собрать? Женья! — бросила клич за спину. — Только треть выгружайте!

— Вет-Ла, — торопливо вмешался гайд. — Прошу вас, не спешите. Выслушайте. У меня есть вопрос по условиям обмена.

— Условия? А что с ними не так? — Светлые брови поползли на лоб, показывая, насколько она удивлена. — Десять баночек вашего льера за дозу нашего рэда. По-моему, все предельно просто.

— В одну из прошлых встреч вы говорили, что оказываете нам помощь и проводите обмен исключительно из соображений гуманности. И если бы между нами были родственные связи, вы бы рассматривали ситуацию с иной точки зрения, а условия были бы мягче. То есть мы могли бы получать большее количество релаксирующей добавки за льер. Не один к десяти, а хотя бы один к пяти.

— Говорила, — согласилась Вет-Ла.

— На «Агроне» есть девушка, которая скоро станет женой моему сыну. Ее мать — чистокровная землянка. Значит, вы должны изменить условия обмена.

— Должна? — Взгляд блеклых глаз пробежал по гайду... наверное, презрительно. По крайней мере, я бы именно так его трактовала в совокупности с интонацией. — А мне кажется, что будущее время вы применяете неуместно. «Будет женой», — процитировала и усмехнулась: — Вот когда станет, тогда и поговорим.

Она отвернулась, наглядно демонстрируя, что разговор на этом завершен. И даже шагнула к своим людям, занимающимся выгрузкой товара. И все же остановилась, вновь разворачиваясь к атриону.

— Кстати! — словно спохватилась. — Не просто «станет», а еще и детишки появятся! А то ведь брак — дело такое: сегодня замужем, завтра в разводе...

— У нас брак один и на всю жизнь! — возмутился Ол-Чес.

— Да? — скепсиса в голосе Вет-Ла не убавилось. — И все же я хотела бы иметь гарантии. Так что пусть женятся, ребеночка заводят,

тогда и к разговору вернемся. А пока условия остаются прежними.

Будь я в этот момент в облике человека, я бы наверняка побледнела как снег. Будучи атрионкой, едва сдержала волну паники, которая охватила сознание. С тем, что Ол-Чес считает меня выгодным для семьи экзотом и хорошей партией его сыну, я уже как-то смирилась. Считает, и ладно. Это в общем-то нормально. Но тут совсем иная причина! И весь ужас заключается в том, что гайд меня не отпустит, пока не доведет задуманное до конца!

Осторожно отступила на шаг. Второй. Оказавшись за спинами атрионов и убедившись, что мой маневр остался незамеченным, скользнула в сторону ботов. Двигаясь так, чтобы они меня закрывали, добежала до летающих машин и протиснулась в узкую щель между скрепленными конструкциями. И лишь достигнув противоположной стороны, скрытая техникой от глаз атрионов и людей, почувствовала себя практически свободной.

Не знаю, чем я руководствовалась в тот момент, просто хотелось быть как можно дальше от перспективы выйти замуж за нелюбимого. Пусть даже чувства к нему и возникнут со временем. Но ведь этой самой Вет-Ла еще и детей подавай! Значит, Ми-Лар не станет тратить время и после свадьбы будет настаивать на близких отношениях.

Всхлипнула и, размазав слезы по щекам, с недоумением уставилась на свои мокрые ладони. Бледные! Без чешуек! С ногтями! Судорожным движением схватила за голову, ощупывая волосы... рот...

Так. Приехали. Мне только спонтанной трансформации сейчас не хватало! Столько времени второй облик себя не проявлял, на «Агрane» ведь я ни разу не менялась, а тут...

Возможно, это из-за большого количества людей, которые находятся рядом?

Я еще на «Дизаре» заметила, что чем дольше перед сном общаюсь с мамой, тем выше вероятность того, что утром проснусь человеком. Наверное, это реакция на те самые «феромоны», которые производит человеческий организм и которые отсутствуют у атрионов.

И что мне теперь делать?

Первой мыслью было принять прежний облик. В подростковом возрасте с этим возникали проблемы, но теперь-то их нет. Нужно лишь сконцентрироваться...

Стоп. Зачем? Чтобы снова попасть к ДиеВалам и вынужденно

выйти замуж? Ну уж нет! Раз они меня возвращать на «Дизар» не хотят, я найду другой способ.

И для начала... Для начала надо замаскироваться. Я ведь на Терре! На планете, где меня никто не примет за чужачку, если я в земном обличье! Нужна лишь другая одежда.

Легко сказать «одежда», а где ее взять? И вообще, действовать надо быстро, пока Ми-Лар не спохватился и не сообразил приняться за поиски!

Прислушалась к голосам, которые эхом отражались от сложных конструкций, словно в них путались, и осторожно заглянула за торцевой выступ машины. Увидев совсем рядом спины людей, выгружающих какие-то тюки, поспешно ретировалась. Впрочем, сообразила, что меня они не видят, потому как заняты своим делом. Выглянув снова, обрадовалась неимоверно — люди уже удалялись, унося в руках товар, предназначенный атрионам.

Долго я не раздумывала — нырнула в оставшийся раскрытым проем, ведущий в недра машины.

Мешочков, аналогичных тем, что унесли люди, здесь было еще много, а вот одежды, увы, никакой. Не видя иного выхода, я сдернула один из кусков матово-серой ткани, которой накрывали груз. О выступающий из стены штырь разорвала центр и просунула в дырку голову. Практически плащ получился. По крайней мере, мама так этот фасон называла. Хорошо бы еще в талии чем-нибудь перевязать, чтобы прижать плотнее.

Осмотрела все внимательно, но, кроме упаковок с надписью «Регулятор эмоций дозированный», ничего не нашла. Зато, покрутив их в руках, я поняла, что это и не мешочки вовсе, а несколько баллончиков, опутанных каким-то прозрачным тонким материалом.

Раскрутить труда не составило. Через несколько минут мой наряд украсился прозрачным пояском, а я маскировала последствия своего самоуправства — рассыпавшаяся баллончики в щели между упаковками и растягивала оставшуюся ткань, чтобы отсутствие фрагмента не сразу бросалось в глаза.

Все. Можно выходить.

Нервное напряжение отпустило, я не раздумывая выскочила на свет... И поняла, что просчиталась. Нет, людей я не увидела, зато меня увидел Ми-Лар. Вне всяких сомнений, он обыскивал территорию в

поисках беглянки-«невесты». К тому же не один — другие атрионы тоже участвовали в столь важном мероприятии.

— Я могу осмотреть это место? — Каменно-непроницаемая маска на лице идеально соответствовала тому холодному тону, которым задал вопрос майнер.

Серые глаза лишь на мгновение скользнули по моему лицу и волосам — он быстро отвел взгляд в сторону, однако в нос ударил неприятный аромат. Этого запаха я никогда не ощущала на «Дизаре», но в трактовке ошибиться не могла. Негатив. Неприятие. Отторжение. Вот оно — истинное отношение атрионов к людям.

Пожала плечами. Отступила, пропуская мужчину мимо себя. Говорить побоялась — может, внешне меня и не узнать, но голос вряд ли меняется. А когда разочарованный атрион покинул транспорт, я скользнула внутрь, решив, что для меня сейчас это самое безопасное место. Спрячусь здесь, а там видно будет.

— Ну что? Нет? — До моего убежища донесся громкий вопрос Ол-Чеса. — Я же говорил, что не пойдет Рия сюда. Что ей здесь делать? А ты все боты осмотрел?

— Осмотрел, — тише, но все равно внятно, ответил Ми-Лар. — Там пусто.

— Складки? — подсказал кто-то еще.

— Одна занята была, но... — заметно стушевался майнер.

— Значит, она в ней от тебя прячется, — успокоился гайд. — Возвращаемся.

Несколько секунд тишины и...

— Ушли?

— Ага. Что им нужно-то было?

— Искали кого-то. Вроде невеста сбежала.

— Я бы тоже от такого сбежала.

В ответ раздался взрыв хохота. Девушки, говорившие не на вайли, а на том самом земном языке, который так упорно заставляла меня учить мама, смеялись звонко и весело.

— Закрывай!

Шуршание, мягкое «брямс», и меня, присевшую на ребристый пол, окутала тьма.

Наш мозг так схож с программой для настроек,

Что мы становимся машинами трансляций —
Чужих эмоций, мнений, впечатлений,
Которым нелегко сопротивляться.
Здесь все в ходу: и мимика, и жесты,
Слова, диапазоны интонаций...
И даже тот, кто вроде внешне стоек,
Пополнит список жертв манипуляций.

*(Стихи неизвестного автора-землянина,
около 2020 года)*

— Вот это да...

Изумленное восклицание, раздавшееся над головой, заставило меня лишь сокрушенно вздохнуть и плотнее закутаться в импровизированную накидку.

А что еще оставалось? Надеяться, что меня не заметят, было глупо: выбраться из закрытого помещения не удалось, а упаковки рэда, за которыми я пряталась, начали быстро исчезать, когда террианки вернулись, чтобы освободить технику от груза.

— Светлана Марьевна! У нас тут безбилетница! — совсем уже громко сообщила девушка, нависшая надо мной.

— Кто? — удивился уверенный женский голос.

Через несколько секунд я смотрела в те самые бледные глаза, которые такой презрительностью одаривали Ол-Чеса. Вот только меня они изучали иначе — с любопытством. Я бы даже сказала — дружелюбно. Заинтересованно. И уж точно без агрессии.

— Откуда тут... — начала было говорить Светлана Марьевна, она же Вет-Ла, — видимо, упростила свое имя для удобства общения. Осеклась и ахнула: — Это ты земная невеста атриона? А я-то думала...

Что именно она подумала, я так и не узнала, потому что женщина решительно шагнула ко мне и подхватила под руку, чтобы помочь встать. Я охнула, ощутив, как сильно от долгого сидения затекли ноги.

— Идем!

Ее даже мой наряд не смутил. Вет-Ла ни о чем не спрашивала, лишь шаги замедлила, среагировав на мою прихрамывающую походку. Впрочем, мы и шли-то совсем недолго — летающая техника, как

выяснилось, стояла внутри практически пустого, но объемного замкнутого помещения, а выйдя из него, мы попали в широкий, совершенно безликий коридор с ответвлениями.

Свернув в один из них и поднявшись по лестнице, Вет-Ла наконец меня отпустила, но лишь для того, чтобы удобнее было набрать код на панели, встроенной в оконтуривающую проем темно-серую полосу, и открыть дверь.

— Садись, — указала на невысокий диванчик, но не успела я выполнить распоряжение, как ее мнение вновь изменилось: — Стой! Сначала это безобразие сними.

Под «безобразием» она определенно имела в виду мой трофейный наряд, которым я в некоторой степени гордилась, — это ведь он скрыл органическую одежду, которая выдала бы меня Ми-Лару. Но теперь он мне точно не нужен.

Пока я распутывала пояс и выбиралась из недр непрозрачной, хоть и довольно тонкой ткани, услышала:

— Тамара! Костюм принеси! И белье... Эту гадость тоже снимай.

Первое предназначалось высокой светловолосой девушке, которая заглянула в комнату и мгновенно ретировалась — наверняка приказ исполнять. Второе, снабженное отнюдь не ласковым эпитетом, — мне.

С последним я бы поспорила. Уверена, человеческая одежда не будет настолько комфортной и не сядет идеально по фигуре. Но, опять же, вставать в позу и препираться нет смысла — сколько времени я смогу носить свой комбинезон? Пару суток. Потом он начнет деформироваться, твердеть, и я из него вообще вылезти не смогу. А модуля, производящего новую ткань, на Терре точно нет.

Мягкий, так и норовящий прилипнуть обратно к телу материал упал к ногам. Холодный воздух коснулся кожи, и я невольно поежилась, обхватывая себя руками, когда проем раскрылся, а вошедшая девушка протянула мне стопку белья.

Повертев в руках необычные тряпочки, я без проблем определила их назначение. У мамы целый контейнер похожих штучек, сама она их не носит, но бережно хранит. Как память, наверное. Мне в детстве не раз доставалось за излишнее любопытство и бесцеремонность: без спроса пробираться в родительскую каюту, наряжаться в земную одежду, а потом бегать по «Дизару» и шокировать атрионов я обожала. А когда мама меня отлавливала — сначала ругала, потом смеялась,

ласково называла «зеленым пугалом», в итоге все же показывала, что и для чего нужно.

Вет-Ла, которая ни на мгновение не спускала с меня внимательного взгляда, прищурилась и едва заметно кивнула, словно сделала для себя какой-то вывод, и он подтвердился. Собрала с низенького столика, стоящего перед диваном, раскиданные по бежевой столешнице неизвестные мне предметы, освобождая пространство для подноса, который еще одна девушка внесла в комнату.

Странно, но распоряжения я не слышала. Хотя наверняка, пока я раздевалась-одевалась, Светлана Марьевна использовала другой способ сообщить о своих желаниях — язык жестов у людей куда более выразительный, чем у атрионов.

Села она напротив, пододвинув ближе сплетенное из каких-то тонких прутиков изогнутое сиденье. Я же опустилась на мягкий диванчик, прислушиваясь к ощущениям тела. Не слишком комфортным, надо признать. Брюки растягивались плохо, белье сжимало грудь, а обувь так плотно обхватывала ногу, что ходить в ней казалось нереальным.

— Угощайся.

Разлив по низеньким емкостям ярко-красную жидкость, Вет-Ла поставила на поднос высокий сосуд и, прихватив напиток и желтый упругий шарик — один из многих, лежащих на плоском блюде, — откинулась на спинку кресла. Последовав ее примеру, я осторожно обхватила пальцами непрозрачный жесткий материал. Стаканы для мусса определенно мягче!

— И как тебя угораздило к ним попасть, девочка? — наконец Светлана Марьевна заговорила о том, что наверняка давно хотела узнать, но сдерживалась. В ее глазах явно читалось сочувствие. — Как ты вообще там выжила? Как тебя зовут? Кто твои родители?

Я растерялась. Вопросы, разумеется, ожидаемые. Вот только ответы на них правдивые я дать не могу, а лгать сложно, не имея представления о том, что мне не навредит в такой необычной ситуации. Однако, как не раз говорила мама, большую часть из того, что хочет услышать собеседник, он скажет сам. Если правильно построить диалог.

— Меня зовут Рия. — Я стеснительно опустила глаза в пол. Необычный, твердый, глянцево-черный, похожий на окаменевшую органическую массу.

— Рианна, значит, — тут же нашла земной аналог Светлана Марьевна. Мою застенчивость она приняла как должное и сочла за необходимость поддержать морально: — Красивое имя. А атрионы наверняка не смогли полностью его выговорить. Мое вот тоже видоизменили.

— Вас за гайда приняли? — Я тут же применила второе правило: перехватить инициативу в том, чтобы задавать вопросы.

— Ну это неудивительно. Для них ведь «гайд» — тот, кто управляет, а я как раз этим и занимаюсь, — оправдала мои надежды Вет-Ла. Впрочем, быстро вернулась к прежней тактике: — Так сколько времени ты с ними?

— Я не помню точно... Долго. — Последнее слово едва выдавила, намекая, насколько сложно и неприятно мне об этом говорить.

Сработало. Взгляд террианки стал беспокойным. Что-то определенно ее волновало, какая-то догадка, мысль, о которой я не знала, но чувствовала, как Вет-Ла нервничает, опасаясь, что она подтвердится. Наверняка именно поэтому сделанный ею вывод прозвучал в большей степени как вопрос:

— Они тебя украли?..

Я кивнула и мысленно порадовалась тому, что мне даже врать не приходится. Содеянное Ол-Чесом на самом деле можно назвать именно так. У него не было разрешения моих родителей увозить меня с Атриона, и я своего согласия тоже не давала!

— Прости, Рианна, — совершенно расстроено выдохнула Вет-Ла. Даже еду, которую до этого пару раз откусила, положила на стол. И напиток туда же поставила.

Я с трудом сдержала рвущееся наружу изумление. Что же такого террианка могла вообразить, если себя винит в том, что происходит с девушкой, о существовании которой она до этого даже не знала?!

Как я ни старалась, потрясение в моих глазах Светлана Марьевна заметила. Однако это сыграло мне на руку, заставив женщину признаться:

— Похоже, это я виновата в том, что ты к ним попала. Однажды Ол-Чес заговорил о том, что было бы неплохо изменить обменные расценки. Мол, им трудно собирать столько льера за короткое время, и если я не пойду на уступки, они прекратят поставки. А я тогда его осадила. Знала, что, кроме меня, никто ему рэд не продаст, и сказала,

что не будет льера — и не надо. К тому же он мне никто, чтобы условия диктовать. Ни сват ни брат, вообще посторонний тип. Думала, его это остановит и он отступится. Ох... Ну надо же... В голове не укладывается, что он мои слова воспринял как руководство к действию! И сегодня, когда Ол-Чес о землянке-невесте для сына заговорил, подумала, что он просто блефует. Лишь когда тебя увидела, сообразила, что не врал...

— Не врал... — Опять же вспомнив наставления мамы, я повторила последние слова собеседницы, прежде чем задать новый вопрос: — А о детях вы сказали зачем?

— Да чтобы время потянуть! Хоть как-то адекватно отреагировать на его заявление и закрыть тему... Ты почему не ешь? Не хочешь? — Она неожиданно переключилась на происходящее здесь и сейчас.

Видимо, у меня все же плохо получалось удерживать внимание Вет-Ла на том, что она говорит.

— Отвыкла.

Я осторожно коснулась жесткого края емкости и наклонила, стараясь, чтобы непривычно текущий напиток не пролился мимо. Проглотив практически безвкусную, хоть и приятно пахнущую жидкость, облизнула губы, скользнув языком по зубам. Ни разу не пользовалась этими штуками. Даже не представляю, получится ли у меня жевать, как это делают люди. На «Дизаре» не было возможности практиковаться.

Однако, понимая, что пробовать все равно придется, забрала с блюда новую для себя пищу. Прежде чем откусить, понюхала, втянула носом невероятный аромат, от которого желудок сделал кульбит и негодующе взвыл. Да, есть я хотела, несомненно.

— У моей поварихи получается изумительная выпечка, — удовлетворенно прокомментировала Светлана Марьевна, понаблюдав за тем, с какой жадностью я вгрызаюсь в сладкую, тающую во рту мягкость. — Впрочем, скоро ужин, так что ты не наедайся. Убедишься, что она и в приготовлении других блюд настоящий мастер. Я не пользуюсь новомодными автоматическими кухнями и даже сама иногда готовлю, мне натуральные продукты и сам процесс нравятся.

— Что будет со мной? — Поняв, что от темы она уклонилась уж очень далеко, я все же рискнула вернуть разговор в прежнее русло.

Ответила террианка не сразу. Задумчиво на меня посмотрев,

поднялась и, оправив одежду, отошла к одному из окон. В комнате их было целых три, потому и без того светлое, за исключением пола, помещение, заполненное ажурной мебелью и декорированное невесомыми колеблющимися тканями, дарило ощущение легкости и свободы.

Светлана Марьевна оперлась ладонями о подоконник, заглядывая куда-то вниз, затем перевела взгляд вверх. Мне с моего места не было видно, что она изучает. Я слышала лишь слабый гул, вместе с теплым ветерком проникающий в помещение.

— Комнату я тебе выделю, с этим у нас проблем нет. Выспишься, освоишься, с девочками познакомишься. Нет смысла что-то решать прямо сейчас. Тебе успокоиться нужно, осознать, что ты уже не в плену. Да и мне... Мне тоже есть над чем подумать. Иди, Рианна. Тамара тебя проводит.

Женщина обернулась. Морщинки у глаз стали заметнее, голос жестче. Она определенно корила себя за то, что произошло, и теперь пыталась найти способ все исправить.

С сожалением посмотрев на оставшуюся выпечку, я нашла в себе силы не потянуться за очередным кусочком. И так три штуки слопала, на первый раз хватит. Привычно наступающего после стакана мусса чувства сытости я не испытывала. Наверное, нужно съесть не меньше десятка этих шариков, чтобы оно появилось. Или вместе с ними что-то еще. Не зря же в рационе мамы всегда было три-четыре вариации продуктов.

Пока я медлила, та самая стройная блондинка по имени Тамара успела получить инструкции и теперь вела меня по коридорам здания, одновременно объясняя, где и что расположено:

— У нас два корпуса, жилой и рабочий. Перепутать сложно, во втором запах... специфический. Хотя внешне они похожи. Вот тот коридор видишь? — Ее рука указала на ответвление, больше похожее на туннель, ограниченный полупрозрачными стенами. — Он как раз ведет к промышленным блокам. К ним не ходи, тебе там делать нечего. На первом этаже, — девушка кивнула в сторону лестницы, ведущей вниз, — столовая и общий холл. Это если нет желания уединиться. Обычно мы вместе время проводим, когда свободны, так веселее. Здесь что-то типа офиса... — Тамара обвела рукой пространство, разделенное прозрачными перегородками, за которыми просматривались столы,

мебель и девушки. — А за ним наши комнаты.

Она остановилась возле ограниченного темным кантом закрытого проема и, набрав на панели код так же, как это делала Светлана Марьевна, оттолкнула стену. Та странным образом развернулась, словно крутилась на какой-то оси. Заглянув внутрь и убедившись, что в помещении порядок, моя провожатая отступила.

— Можешь здесь поселиться. Дизайн и удобства стандартные, разберешься... Или тебе помочь? — спохватилась, видимо вспомнив наставления начальства.

— Помоги, пожалуйста, — не стала я отказываться.

Неорганические, механизированные технологии — это то, в чем я совершенно ничего не понимаю. Я с мамиными земными штучками обращалась на «вы», хотя она пыталась меня к каким-то из них приобщить. Ничего путного из этого не вышло. Возможно, они были слишком сложными, возможно, у меня не было к ним нужного тяготения, а возможно, я просто не в том возрасте была, потому что сейчас то, что мне показывала Тамара, не воспринималось чем-то страшным и жутким. Другим — да. Необычным. Но вполне познаваемым и...

И нервирующим!

Во-первых, чтобы что-то изменить — например, дверь открыть или стул передвинуть, — нужно сделать это самой! Во-вторых, мебель намертво застыла в том состоянии, в котором находится сейчас, и трансформировать ее в более удобный вариант нет ни малейшей возможности. В-третьих, бассейна с гелем для сна тут нет, а есть возвышение, накрытое ворохом тканей, да еще и без бортиков. Как на этом спать? В-четвертых, санитарный модуль называется «туалет-ванная», разделен на части, а уж про то, как именно надлежит заниматься гигиеной, мне вообще говорить не хочется.

Разумеется, я держала себя в руках. Ровно до тех пор, пока дверь за террианкой не закрылась с характерным щелчком, означающим, что теперь ее может открыть только тот, кто живет в комнате. Вот тогда, сбросив неудобную обувь, я и сползла по твердой стеночке на не менее жесткий пол.

Разве я смогу жить в таких условиях? Чем я думала, когда от Милара пряталась?! Что теперь делать? Как домой возвращаться?

Ревела я самозабвенно, с чувством, не в силах остановить поток

слез, хлынувших из глаз. Всхлипывала, стирала ладонями мокрые дорожки со щек, а они снова появлялись. И это нервировало ничуть не меньше окружающей обстановки. В атрионском облике мы не плачем! Мы просто истерически фоним, и это, надо сказать, куда более прилично выглядит. А человеческая ипостась вот в такой ненормальной форме демонстрирует эмоциональное состояние, в котором я нахожусь. Мало того, она еще и в прежний вид возвращаться не желает!

Из зеркала, которое висело в комнате, словно вмурованное в стену, на меня смотрела землянка с покрасневшими глазами и носом, припухшим ртом, слипшимися темными ресницами и совершенно невероятной прической на голове. То есть с полным ее отсутствием! Я, конечно, не очень хорошо разбираюсь в человеческих канонах красоты, но даже мне понятно — видок у меня... своеобразный. И совсем не похож на тот, который я привыкла видеть в зеркале на «Дизаре».

Что мама в таких случаях делала? Залезала в складку, а потом расчесывалась.

Вместо складки пришлось довольствоваться местным «душем», а вот щетка для волос нашлась, и даже чистая. По крайней мере, я на ней посторонней органики не обнаружила. Теперь кудрявые локоны лежали относительно ровно, с учетом их страстного желания распушиться — наверняка из-за излишней тонкости и количества. А вот с лицом дело обстояло намного хуже. Краснота уходить не желала, припухлость тоже...

В общем, в столовую мне пришлось топать, так и не получив нужного результата. Однако я очень скоро поняла, что это и к лучшему. Женщины, разместившиеся за большим общим столом, смотрели сочувственно, вопросов не задавали, а болтая между собой, старались избегать любых тем, касающихся атрионов, видимо чтобы не травмировать и без того пострадавшую психику гости. Этому же способствовали и суровые взгляды Светланы Марьевны, которые та бросала на сотрапезниц. Я же ела, выбирая мягкую пищу, чтобы хоть немного мусс напоминала. К беседе не прислушивалась, лишь иногда сознание выхватывало отдельные фразы.

«Платья завтра привезут, я смотрела утром прайсник в шопе». «Не очень-то она и качественная, я пробовала. Дрянь, а не помада». «Я похудела на целый размер, так что блузку Лине, которая сейчас на смене, отдам. Ей точно впору будет». «На полкредита кулон подорожал,

представляешь? А ведь еще вчера со скидкой продавался...»

Любопытно, здесь одни женщины, и разговоры у них исключительно женские. Где же мужчины? Мама говорила, что на Терру после окончания военных действий с Атрионом их прибыло очень много. А я не вижу ни одного.

Мы ужинали. За огромными оконными проемами столовой по темнеющему синему небу неторопливо скользили редкие серые облака и медленно погружался в сумрак далекий горный массив. Лучи закатного солнца ползли по раскрашенным мелким цветным рисунком стенам, поднимаясь все выше к идеально ровному, глянцевому потолку.

Когда я вернулась к себе, уже совсем стемнело. Свет в комнате включать не стала — из окна, несмотря на ночь, лилось приятное, мягкое свечение. Достаточно для того, чтобы видеть обстановку. Заинтригованная, я откинула закрывающую проем легкую ткань, отодвинула плотную прозрачную створку и выглянула наружу.

В комнату вместе со светом ворвались холодный ветер, будоражащий сырой запах и равномерный, то стихающий, то нарастающий, гул. Тот самый, который я слышала, когда со Светланой Марьевной разговаривала.

Слева, погруженный во тьму, лишь по редким освещенным проемам угадывался жилой корпус. Справа хорошо просматривался приплюснутый куб — полупрозрачный, светящийся изнутри, а в нем, в том же ритме, что и стихал-нарастал гул, двигались тени. То ли люди, то ли механизмы. Вероятнее, все же второе, ведь что-то производило этот нудный звук!

Вздвогнув от пробравшегося под одежду холода, я торопливо закрыла створку. Сбросив одежду, растерла себя ладонями, согреваясь, и нырнула в ворох тканей, предназначенных для отдыха, зарываясь поглубже. Надеюсь, там будет тепло.

Вот только как уснуть? Я никогда не делала этого вне контроля диспетчера, который настраивает гель, помогая организму расслабиться на нужный период времени.

С трудом подавив нарастающую панику, закрыла глаза, пытаясь представить, что я дома, на «Дизаре».

— Два-восемь, — прошептала. — Сон. На двенадцать часов. Пожалуйста...

«Фальшивая нота, сыгранная неумело, — это просто фальшивая нота. Фальшивая нота, сыгранная уверенно, — это импровизация».

(Из книги Бернара Бербера «Тайна богов»)

Выключив воспроизведение, я лишь головой покачала. Наверное, этот экзот тоже попадал в ситуации, когда приходилось лукавить, чтобы спасти свой имидж. Перевернув накопитель, прочитала название: «Литературные цитаты и афоризмы XX–XXI веков». Занятный сборник. Надо будет попросить у Вет-Ла его почитать.

Вернув пластину в шкаф, взялась за следующую. Стерла тряпочкой скопившийся слой пыли на верхнем торце. Включила. Увидев колонки цифр и непонятных формул, поморщилась. Это не так интересно. Следующий...

— Закончила?

Голос Светланы Марьевны раздался, когда я закрывала створку шкафа. Она сама появилась из-за моей спины, придирчивым взглядом прошлась по своей коллекции и удовлетворенно улыбнулась:

— Спасибо. У меня никак руки не доходили, а девочкам и без того работы хватает.

— Это было несложно. — Я тоже улыбнулась. Выражать эмоции мимикой с каждым днем становилось все проще и получалось все естественнее. Указала пальцем на заинтересовавшую меня пластину: — Можно я возьму почитать?

— Бери, конечно. — Губы террианки растянулись сильнее, на щеках появились ямочки, а у глаз собрался веер морщинок. — Было несложно, говоришь?.. Тогда топай на кухню, помогать Ране обед готовить. Посмотрим, как там справишься.

Кивнув, я бросила грязную тряпку в утилизатор и, прихватив вожденный накопитель, отправилась в столовую.

Вет-Ла почему-то решила, что трудотерапия пойдет мне на пользу. Я не спорила, мне любое занятие казалось полезным, если оно способствовало адаптации. И чем больше и дольше приходилось взаимодействовать с той неживой обстановкой, которую создали вокруг себя люди, тем спокойнее я ее воспринимала.

За четыре дня, проведенных в обществе террианок, я научилась не только с легкостью ориентироваться в их странных постройках, но и стирать пыль с мелких предметов, специальным всасывающим

устройством убирать грязь с пола, сортировать баночки, похожие на те, что видела на «Агроне», утилизировать ненужные и отработанные материалы, очищать от шелухи местный злак, из которого получалась очень вкусная белая кашка, напоминающая мусс...

А еще я освоила те бытовые механизмы, которые помогали местным женщинам приводить себя в порядок. Их оказалось так много! Расческа по сравнению с этим множеством — капля добавки в стакане мусса! Сушилki для волос и кожи, обрезалки и точилки для ногтей, скребки для тела (причем разных видов — мягкие и не очень), ершистые палочки для зубов... Я уже не говорю про материалы, которые нужно при этом дополнительно использовать! Скользкие бруски и пенящиеся гели, намертво застывающие лаки и густые, постоянно пачкающиеся краски, впитывающиеся маслянистые массы и сильно пахнущие, но быстро испаряющиеся жидкости... Ужас. Представляю, как моя мама радовалась, когда попала к папе на «Дизар» и от всего этого избавилась! Складки идеальны как аналог подобных процедур. Столько сил и времени сразу экономится!

— Рианна, стой! — окрик настиг меня уже на лестнице.

Я послушно затормозила, разворачиваясь к торопливо догоняющей Светлане Марьевне.

— Ты браслет забыла. — Она протянула широкую белую полосу, свернутую в кольцо. — Говорила же, не снимай. Ищи тебя потом...

— Он мешает, — попыталась я оправдаться, со вздохом надевая на запястье подаренную мне вещь.

— Никто не жалуется, и ты привыкнешь, — безапелляционно парировала террианка.

Проследив за процессом, она еще раз меня осмотрела. Соединила застешки на блузке, которые постоянно раскрывались, не желая стягивать мою грудь. Прошлась взглядом по лицу. Поморщилась:

— Губы так ярко не крась. Кто тебе помаду подарил?

— Ульяна.

— Понятно... — Светлана Марьевна возвела глаза к потолку. — Выброси. Я тебе другую подберу. И загляни к Тамаре, пусть одежду тебе выдаст на размер больше. Иди, Рианна.

Иду, куда ж деваться?

Тамара... Тамара и так уже замучилась с моей нестандартной фигурой. Классического покроя брюки — принятая для повседневного

ношения униформа — если хорошо сидели на бедрах, то на поясе в них можно было запихнуть еще одну меня. Если же подбирать размер по талии, то не влезала попа. С блузками было ничуть не лучше: когда объем груди совпадал, то плечи свисали и длина рукавов зашкаливала. Я пыталась их заворачивать, но становилось еще неудобнее, чем даже носить браслет. Ну и какой смысл требовать от девушки невозможного? Она же не виновата, что земная одежда такая невариабельная!

Помада... Хм, легко сказать «выброси». Она же обидится! Ульяна, я имею в виду. Ведь девушка хотела мне помочь. И не одна она. Большинство местных обитательниц отнеслись ко мне с пониманием и всеми способами старались поддержать и сделать мою жизнь комфортной и приятной. Краситься учили, пользоваться всем тем, что сами же дарили, экскурсии устраивали в свободное от работы время, даже на одну ночную посиделку пригласили. Правда, Светлана Марьевна как-то об этом узнала и участвовать в ней запретила, сказала, что мне еще рано.

То, что она не возраст имела в виду, а совсем иное, я догадалась, лишь когда на следующий день за завтраком услышала:

— Варяшка где?

— С Янкой. Ушеклакалась в дупель, вот и утащила к себе подружку. Теперь их до завтра не увидим. Тшш... Светлана идет!

Термин, хоть и искаженный, но легко узнаваемый. Шеклак... Это ведь из-за него у атрионов было столько проблем в прошлом! А у семьи «Аграна» — в настоящем. Теперь понятно, для чего Ол-Чес льер на Терру поставляет, — террианки продолжают изготавливать галлюциноген. Сомневаюсь, что на это у Светланы Марьевны есть официальное разрешение, иначе бы «производство» не было расположено так далеко от городов, в совершенно безлюдной, негостеприимной местности. Значит, предприятие нелегальное, как и сами контакты с атрионами.

Потому и мужчин здесь нет — мама говорила, что Конфедерация отнеслась к шеклаку крайне негативно. Ну а поскольку все мужское население, которое сейчас проживает на Терре, с Земли, то, узнай они о подобном, без сомнений, снесли бы тут всё подчистую. И следов не оставили.

Печальная догадка. Неприятная. Вет-Ла ведь по отношению ко мне вела себя безукоризненно, даже не пыталась подробностей

похищения или моей жизни у атрионов, не расспрашивала о родителях и о том, где я жила до того, как меня украли, наверное, ждала, когда я сама об этом заговорю. Заботилась, опекала, кормила, одевала и взамен ничего не требовала. Считать ее преступницей, человеком, идущим против законов своей цивилизации, не хотелось. Однако могут ли мои желания изменить то, что сложилось задолго до того, как я родилась? Увы...

И в этом была большая проблема. Надеяться, что вернется Ол-Чес и отвезет меня обратно к родителям, — не вариант. В том, что он прилетит, я не сомневалась, ему разногласия с моим отцом не нужны. Значит, появление на Терре ботов с «Аграна» — это лишь вопрос времени, причем не столь уж долгого: большая часть года прошла, до встречи на орбите остается совсем немного. Но если гайд меня заберет, принудительной свадьбы уже не избежать. Он же понимает, чем ему грозит разоблачение! И единственный способ заставить меня молчать — оставить в своей семье. Плюс это нужно, чтобы выполнить условия, поставленные Вет-Ла. Так что Ол-Чес всю свою семью задурманит рэдом, моего нежелания или даже сопротивления никто не заметит, а церемониальную юбку Ми-Лар разорвет, это же не запрещено. И все. Когда «Дизар» состыкуется с «Аграном», у меня пути назад уже не останется. Возможно, к тому времени и я под влиянием психотропа буду, ведь неизвестно, как долго смогут действовать фильтры, которыми снабдила меня мама.

Попасть на Атрион я смогу, только если Светлана Марьевна мне поможет. А как она это сделает, если сама на нелегальном положении?! Наверняка раскрывать себя ей нельзя. То есть обращаться к властям она не станет. Ведь даже если я каким-то образом сумею ее убедить, что мне нужно именно на Атрион, любой ее запрос наведет на подозрения.

Выделить корабль для полета? А что вы забыли в закрытой на карантин зоне, милочка? Отвезти девушку? Простите, а она с какой целью туда собралась? И, кстати, кто вообще ваша протезе? Документы у нее есть? Ах нет? Потому что пропавшая без вести? Тогда как она оказалась в вашем обществе? А ну-ка, с этого места поподробнее...

Утрирую, конечно, но примерно так все и случится. Вет-Ла собственными действиями себя подставит. А она не дура, чтобы ради меня рисковать.

В таких условиях что мне остается? Прятаться у террианок и ждать,

пока «Дизар» встретится с «Аграном» в условленный срок. Ол-Чес вынужден будет рассказать моим родителям, где я нахожусь, и они за мной прилетят. Светлана Марьевна меня Ми-Лару не выдаст, это точно ей невыгодно, а я уж продержусь как-нибудь.

Был, конечно, еще один вариант, крайне неприятный: «Агран» не явится на встречу с «Дизаром». Искать его — задачка та еще, ведь колечко-ориентир на мне, а я от Атриона очень далеко. В этом случае я могу застрять на Терре надолго. Очень надолго. Возможно, навсегда.

Впрочем, последнего я сама не допущу. Если ожидание затянется сверх всякой меры, буду действовать. У меня ведь есть еще один способ попасть домой. Правда, он сложный и сомнительный. Но если ничего иного не останется, придется рискнуть.

Ох, если бы в тот момент, когда нарезала аккуратными кружочками длинные коричневые корнеплоды местного растения, я знала, как быстро этим самым способом мне придется воспользоваться! И что моя собственная оплошность станет этому причиной.

Но я не знала, а потому старательно крошила овощи, выполняя указания поварихи, и негромко напевала себе под нос. Настроение у меня было хорошее.

— Красиво поешь, — наложилась на мой голос тоскливый, протяжный вздох.

Устремив мечтательный взгляд куда-то в подпространство, пожилая грузная женщина замерла в неподвижности. Рукава той же самой униформы, что и у остальных, закатаны, вокруг обширной талии повязан белый передник, белые волосы убраны под платок. Руки, по локоть испачканные белым порошком, застыли над вязкой упругой массой, которую они до этого взбивали.

— Хорошо, что ты останешься с нами, — наконец придя в себя, продолжила террианка. — Будешь девочкам концерты давать. У нас так мало развлечений...

— Вы замкнуто живете, — с этим я согласилась, а вот остальное мне не понравилось: — Но я не смогу остаться.

— Почему? — удивилась женщина. Тыльной стороной ладони убрала со лба выбившуюся из-под платка прядку волос и принялась рвать массу на маленькие фрагменты. — Куда ты денешься? Денег у тебя нет, родителей нет, связей тоже нет... Одна Марьевна о тебе и позаботится, больше никому.

— Но я же не могу провести здесь всю жизнь? Я замуж хочу выйти.

— Мужика она хочет... — проворчала повариха. — Чем тебе наши девочки не угодили?

— А дети? — парировала я.

— Да, с этим теперь проблема, — философски протянула террианка. — А раньше как все замечательно было!

— Что же хорошего в том, что девушки-рейдеры погибали? А остальные на этом наживались. И за счет счастья атрионов свою жизнь налаживали.

— А ты-то чего о шеклянах печешься? — От возмущения женщина громко стукнула ладонью по столу. — Не они ли тебя украли, обижали?.. Иль ты не от них скрывалась?

— От них, — вздохнула я.

Сердито пыхтящая террианка больше со мной не разговаривала. Мне же не давала покоя мысль о том, что зря я не сдержалась. Вроде бы ничего криминального не сказала, но...

— Рианна, ты тут? — В образовавшийся проем просунулась светловолосая голова Тамары. — К Светлане Марьевне иди. Срочно зовет.

Зовет — значит, надо. Я даже обрадовалась, очень уж атмосфера на кухне стала гнетущей. Поняла, что совершенно напрасно расслабилась, едва толкнула дверь, заставляя ее развернуться, и вошла в кабинет.

Меня встретил суровый взгляд сидящей лицом к входу террианки. Спина прямая, руки, лежащие на столе, удерживают не самый приятный на вид предмет. Мне мама похожий показывала в действии, и это было страшно.

— Я в тебе ошиблась, девочка? — Вопрос прозвучал как утверждение, а оружие смотрело точно в переносицу. — Ты не та, за кого себя выдаешь.

Я замерла, не в силах пошевелиться.

Ей повариха передала мои слова... Вряд ли. Она же с кухни не уходила. Тамара подслушала? Могла. Но не с такой же скоростью она бежит с этажа на этаж и говорит! Получается, Вет-Ла сама все слышала. Может... Может, браслетик на мне, похожий на мое колечко, передает то, что вокруг него, но только звук, без изображения. Светлана Марьевна мне не доверяла, потому и контролировала вот таким нехитрым способом. Вероятно, она и другим не доверяла тоже, не зря

же все поголовно такие штуки на запястьях носят!

— Думала, я не догадаюсь? — Голос террианки сочился презрением и разочарованием. — Поймать меня с поличным не смогли, решили действовать окольным путем и внедриться к атрионам, чтобы через них выйти на нас? Умно. А я-то, дура, повелась...

— Вы здесь ни при чем. У меня другая цель. — Я все же попыталась ее переубедить.

— Да неужели? — одним уголком рта скептически усмехнулась Вет-Ла. — Атрионов, которых ненавидеть должна, защищаешь. Оставаться не хочешь. Значит, тебе есть куда вернуться. И я даже знаю, кто тебя ждет. Начальство твое шпионское! Девушка в безвыходном положении, без средств к существованию и без родных, вцепилась бы в заманчивый вариант остаться и не стала искать лучшей жизни, — зло цедила террианка.

Оружие в ее руке тихо жужжало, а палец, сдавивший активатор, побелел.

Терять мне было нечего.

Закрыла глаза, представляя себя на «Дизаре», в том облике, который был мне так привычен, и...

— Ты кто такая?! — сдавленный хрип сопровождал мою трансформацию.

— Вы же видите.

От прямого ответа я ушла. Тряхнула головой с такими удобными, тяжелыми локонами, которые никогда не позволяли себе неприлично пушиться в стороны. Придержала рукой сползающие брюки, хотя никак не могла понять, каким образом так быстро и безболезненно меняются габариты.

— Я на самом деле сбежала от Ол-Чеса. Потому и остаться не могу. Если он меня найдет... — договаривать не стала, надеясь, что террианка сделает правильные выводы.

— Ну и дела... — Светлана Марьевна ошарашенно меня рассматривала. — Ты — эксперимент, что ли? Или мутант? Так. Стоп! Не знаю и знать не хочу. Мне своих проблем хватает.

Сказала, отвернулась и тут же повернулась обратно, вновь принимаясь изучать мою внешность, не в силах поверить, наверное. Я же, устав бороться со своенравной одеждой, которая повисла на мне, как на вешалке, предпочла вернуть себе земной облик.

— Да ты настоящий хамелеон, — констатировала террианка. — И что мне с тобой делать?

Оружие она не убрала, но теперь оно смотрело в сторону. Определенно изменился настрой. Вот только меня это не слишком радовало. Приходилось решаться на запасной план. Оставаться у террианок опасно — а ну как вздумают поэкспериментировать с тем льером, который я вырабатываю? Меня перспектива оказаться в очередном плену совсем не прельщает.

— Вы поможете мне добраться до Первого и забудете, что меня видели. Я забуду о том, что видела здесь, и о вас.

— Так просто? — недоверчиво хмыкнула террианка. — А зачем тебе в Первый?

Наверное, я бы рассказала, но не успела. Раздался сигнал, и Вет-Ла отвлеклась, включая громкую связь.

— Да? — коротко бросила.

— Атрионы на плато! — послышался взволнованный женский голос. — Приборы слежения фиксируют шесть транспортников. Один приземлился, остальные медленно от него удаляются по сложным траекториям, похоже, местность сканируют.

Шесть? Так много? Майнеры «Агрона» времени даром не теряли, выращивая боты! А это означает большой запас еды и возможность дольше заниматься поисками беглянки. Без меня они не улетят!

Я испугалась? Несомненно. Не факт, что в своих поисках атрионы ограничатся исключительно мирными переговорами. Боты, если они однажды возвращаются в дом, от которого отпочковались, получают возможность плевать плазменными сгустками, а это разрушительное оружие. Ол-Чес может припугнуть террианок, и те меня выдадут.

Вет-Ла тоже было непросто. Ей приходилось выбирать между возможной потерей прибыли, если атрионы меня найдут, и угрозой разоблачения, если она меня отпустит.

— Хорошо, Рия. Будем считать, я тебе поверила. Моя забывчивость в обмен на твою. Но если ты меня обманешь... — начала было и осеклась. — Ай, ладно! Что уж теперь... Тамара! — выкрикнула так, что вбежавшая девушка испуганно округлила глаза. — Отвезешь ее, куда скажет. Возьми мой летар. Быстро!

Быстро... Ну да, наверное, так. Хотя к тому, что происходило дальше, все же больше подходит термин «стремительно».

Коридор. Лестница. Ангар. Судорожное: «А твои вещи?» — от спохватившейся террианки. Мое беспечное: «Не нужно». Упрugое сиденье маленького транспортника. Ремни, которыми положено пристегнуться. Открывшиеся створки, когда летар развернулся и двинулся на них. «Стойте!» — от бросившейся наперерез террианки.

Моя старая органическая одежда комом упала на заднее сиденье, сопровождаемая задыхающимся: «Это Светлана Марьевна приказала выбросить где-нибудь, подальше от нас! А это Рианне отдать». Теперь уже мне на колени упал маленький сверток.

Развернула я его не сразу. Все то время, пока Тамара маневрировала у поверхности, не набирая высоты, чтобы транспортник оставался вне зоны видимости ботов атрионов, я сидела в напряжении. Лишь когда поняла, что земля постепенно удаляется, вздохнула с облегчением и принялась изучать подарок.

Небольшой футляр-контейнер на длинном ремешке. В нем гибкая желтая пластина, сложенная в несколько раз, и тонкая палочка длиной с указательный палец, окрашенная в ярко-красный цвет.

— Это персонaлизированная кредитка, — пояснила Тамара. Видимо, очень уж выразительно я смотрела на непонятную вещь. — Такие теперь нечасто используются, но еще в ходу. Когда станет белой — финансы на нуле.

Понятно. И очень благородно. Вет-Ла — все же удивительная женщина. Хотя наверняка в основе ее щедрости лежит прагматичный расчет — без денег и документов я привлеку к себе внимание. А если власти начнут выяснять, откуда взялась «неучтенная» девушка, могут и на контрабандистов выйти.

Интересно, а пластина — это документ?

Развернув, поняла, что ошиблась. На желтом фоне был написан всего лишь адрес. И имя. Вернее, фраза, которая напоминала имя: «Але ни Пьяна». Понятия не имею, что это означает.

Моя спутница, бросив на пластину краткий взгляд, пожала плечами и вернулась к управлению. Я убрала свои трофеи в футляр и больше террианку не отвлекала. Она и без моих вопросов устанет — нам несколько часов лететь.

Глава 4

ИГРА КОНТРАСТОВ

Из разговора атрионов поисковой группы, состоявшегося спустя два дня после повторного приземления на Терре

— Ну что?

Гайд Ол-Чес, нетерпеливо прохаживающийся по стоянке, бросился навстречу сыну, едва тот вылез из опустившегося бота.

— Вот. Валялось в местной растительности, очень далеко отсюда, — хмуро буркнул Ми-Лар, протягивая отцу жесткую, похожую на высохшую шкуру, фиолетовую ткань.

Взглянув на нее, Ол-Чес отшатнулся. В воздухе разлились паника и ужас, которые он не сумел подавить.

— До встречи с «Дизаром» осталось тринадцать дней. Ее отец потребует объяснений... — продолжил Ми-Лар.

— Знаю! — оборвал его гайд. Все же нашел в себе силы взять в руки комбинезон и ощупать. — Давно сняла.

— И куда она могла пойти совсем голая? — запаниковал Ми-Лар.

— Куда угодно, но не к людям. Гайд Вет-Ла утверждает, что никаких атрионов, кроме нас, они не видели. А до других поселений расстояние очень большое, пешком его не преодолеть.

— Она может лгать, — осторожно вмешался Ул-Тэм. Как помощник он имел право высказывать свое мнение.

— Под угрозой остаться без нашего льера? — презрительно хмыкнул старший гайд. — Ты не знаешь террианок, мальчик! Их жадность не имеет границ... Между прочим, если бы не твое «своевременное» желание смыть с себя позорный проигрыш моему сыну, мы бы с Терры не улетели! И девчонка была бы у нас!

— Значит, Рия-Ла погибла? — потрясенно прошептал Ми-Лар.

— Если это так, — несмотря на полученный выговор, снова не выдержал Ул-Тэм, — гайд Ис-Лаш разнесет «Агран» на атомы.

— Пусть сначала найдет, — не сдав позиций, прошипел ДиеВал.

«Зеленый бульвар, дом шесть».

Прочитав надпись на одноэтажной постройке, призывно распахнутый вход которой был украшен светящейся окантовкой и надписью «Королева Марго», я еще раз сверилась с адресом, который дала Светлана Марьевна. Все верно, но... Я думала, это будет частное жилье, где я встречу с той самой личностью, что указана в записке, а оказалась в общественном месте, похожем на столовую.

Приглушенное освещение, играющее разнообразием оттенков. Музыка, сопровождающая световое шоу. Улыбающаяся, ярко накрашенная женщина, стоящая за высоким барьером. Несколько столов со стульями, два из которых, по углам зала, заняты мужчинами — явно ужинают посетители.

— Мы вам рады! Прошу вас, проходите. Хотите столик у окна? Что будете заказывать? Вот меню... — не успела я шагнуть внутрь, осыпала меня предложениями и увлекла за собой молоденькая девушка в коротком цветастом платье.

— Мне нужна Але ни Пьяна, — медлить я не стала. Ужин — это хорошо, но ситуацию прояснить тоже необходимо.

— Оу! У вас отличный вкус! — Террианка заулыбалась еще шире. — Одну минуту.

И ведь действительно вернулась девушка быстро. На небольшой блестящей пластине, которую она несла, красовался высокий прозрачный бокал с розовой пенистой жидкостью. Спустя секунду он уже стоял передо мной на столе.

Наблюдая, как пузырьки поднимаются со дна и лопаются у поверхности, орошая края крошечными брызгами, я пребывала в недоумении. Вот и зачем Вет-Ла меня сюда отправила? Чтобы я продегустировала террианский напиток?

Надо было не проявлять любопытство и не просить Тамару посадить меня как можно ближе к указанному в записке адресу, а сразу во дворец идти. Только время зря потратила. Теперь до центра террианской столицы невесть сколько добираться, да и дороги я не знаю. Одно радует: в Первом все еще день. Этот город находится в другом полушарии относительно базы контрабандисток, здесь время на полсуток отличается.

— Вам не нравится коктейль? — вырвал меня из размышлений приятный женский голос. Уверенный, спокойный, в интонациях отчетливо слышна доброжелательность. — Напиток, конечно,

своеобразный, на любителя, и его нет в нашем прейскуранте, но тот, кто вам его посоветовал, наверняка остался доволен.

Вне всяких сомнений, это был намек. Да и в глазах женщины, опустившейся на стул напротив, я видела настороженность и вопрос: «Ты та, о ком я думаю, или кодовое слово оказалось у тебя случайно?»

Теперь я уже не сомневалась в правильности догадки. Конспирация была налицо. Вернее, на лице. Обрамленном густой копной иссиня-черных локонов, ухоженном, с ровным тоном кожи и без морщинок, несмотря на возраст, близкий... к сорока земным годам, наверное. Незнакомка выглядела младше моей мамы, но все же старше меня. Изящная линия чуть заостренного подбородка, красивый изгиб губ, прямой нос, выраженные скулы, высокий лоб, зеленые радужки... Ой!

— Тетя Аня? То есть... Вы Анна Саталь, да? — сорвалась с губ невероятная догадка, и я замерла в ожидании ответа.

Неужели мне настолько повезло?! Это же... невероятно!

— Я Анна Радуга, — поумерила мой пыл террианка. Впрочем, так же быстро его и возродила: — Хотя и Саталь тоже. Моя мать не захотела, чтобы у меня была фамилия отца. Вот только не припомню, чтобы у меня была племянница... Ты ведь на это намекаешь?

Говорила она ровно, рассудительно, нисколько не пытаясь обвинить меня, поймать на лжи или, наоборот, обнадежить. Просто выясняла факт.

— Моя мама — Таис Саталь. Первая дочь Натана Лайровича. Вам про нее ничего не рассказывали?

— Рассказывали, — по-прежнему невозмутимо подтвердила тетушка. — Сестры я никогда не видела, хотя отец утверждает, что мы с ней похожи. Моя мать из-за этого очень злится. — По губам террианки скользнула мимолетная улыбка. — Но Таис вышла замуж за атриона и живет с ним на его планете. Если ты ее дочь, то как оказалась здесь?

Вот теперь и нотки подозрительности появились.

— Я сбежала.

Темные брови удивленно поползли на лоб. Ну да, сбежать с планеты, которая находится в карантинной зоне, сложно. Впрочем, Ол-Чес ведь как-то преодолевает заградительный кордон!

— То есть сначала меня украли, а потом я сбежала, когда на Терре очутилась, — попыталась исправить и заискивающе развела руками, словно намекая, что мне нужно немного помочь.

Успеха не добилаь — тетушка оперлась локтями о столешницу, сцепила пальцы в замок и, положив на них подбородок, продолжала молча ждать от меня пояснений. Прием, который так хорошо сработал с Вет-Ла, на нее не подействовал.

Вцепившись в бокал, я вздохнула, начиная осознавать, как все непросто. Вот я наивная! Полагала, найду родственников и они меня примут. Думала, проблемы возникнут с транспортом, с организацией встречи, но уж никак не с налаживанием родственных связей.

Все же люди очень сильно отличаются от атрионов! У нас — самый простой краткий обмен льером, и сразу понятно, насколько тебе близок в генетическом смысле тот, с кем ты общаешься. А на каком основании мне поверит мамина сестра? Наверняка ждет от меня доказательств, что я — это я.

Доказать... Доказать-то я могу. Мне несложно превратиться из землянки в атрионку, но... Но если Светлане Марьевне я доверилась, словно чувствовала, что она меня не выдаст, — не в ее это интересах, то раскрыться перед тетей боязно. Ее реакцию предсказать сложно.

К тому же я обещала террианке, что о ней забуду, значит, рассказывать о том, что со мной произошло, нужно крайне осторожно, чтобы обещания не нарушить. То, что Вет-Ла дала мне наводку на Анну, еще ничего не значит. Тетя, возможно, не в курсе, кто именно отправляет к ней... кого? Того, кто нуждается в поддержке? Или же в нашей встрече есть иной смысл?

— Вы мне поможете? — все же решилась попросить, так и не ответив на молчаливый вопрос в глазах.

— Чем? — Анна была не слишком довольна моей скрытностью. — На Атрион я тебя отправить не смогу. Полеты в космос — под контролем Конфедерации, и получить разрешение будет проблематично. А порталных комплексов в системе Аш-Хори нет.

— Это я уже поняла. Можно мне найти жилье на время? И, наверное, работу. У меня есть средства, но их надолго не хватит.

Анна задумалась. Понять, о чем именно, не удавалось. Взгляд то затуманивался, то снова становился ясным и четким, когда она вспоминала обо мне. Тогда изумрудные глаза скользили по моему лицу, словно что-то отыскивая, и снова стекленели. Пальцы непроизвольно разжимались и сжимались, оплетая кисти. То ли запросы у меня запредельные, то ли в чем-то ином проблема.

— Есть хочешь? — неожиданно спросила террианка.

Отрицать очевидное я не стала. Напиток, который непроизвольно, но все же попробовала, исчез быстро — он оказался на удивление вкусным. И если до этого я держалась, стараясь не обращать внимания на естественные потребности организма, то теперь желудок мириться с тем, что его отодвинули на второй план, не желал.

Через несколько минут я уже расправлялась с толстыми белыми пластинками. Мягкими, воздушными, сладковатыми, политыми тягучим розовым соусом. Анна, забыв о своих подозрениях, смотрела на меня с умилением. Видимо, нечасто попадали к ней до такой степени голодные личности.

— Мне заплатить? — Закончив с трапезой, я вспомнила, что люди должны компенсировать другим то, что от них получили.

Мама об этом тоже говорила, рассказывая о мире, в котором жила до встречи с папой. Правда, тогда я не так остро это осознавала. Информация казалась просто занимательной, интересной, необычной. Не более. Теперь же я на собственной шкурке ощутила всю кардинальность отличий. У нас никто и никогда не останется голодным, даже если это гость. Дом производит массу для мусса, фидеры ее собирают и перерабатывают, не требуя ничего взамен. Просто потому, что таково их предназначение, они жить без этого не могут. А у людей, не имея придуманных условных единиц, измеряющих степень твоего вклада в экономику планет, ты не просто останешься голодным, ты рискуешь вообще погибнуть. Опять же если не найдется добрая душа, которая тебе поможет.

— Убери, — поморщилась Анна, когда я протянула ей палочку-кредитку. — Не обеднею... Ладно, — выдохнула, словно решившись. — Сегодня переночуешь у меня, а завтра... Завтра будет видно, как поступить.

Не то чтобы я почувствовала себя счастливой. Ощущение было странным. С одной стороны, было радостно оттого, что мне есть на кого опереться, с другой — я чувствовала себя обузой, и от этого становилось неприятно.

Вот только ситуация не располагала к капризам. Выбирать мне не из чего. Я хотела найти родственников? Я их нашла. А дальше... Дальше я не планировала.

Потому и шла послушно за тетей, которая, вместо того чтобы

вывести меня на улицу, направилась вглубь здания. Теперь я могла рассмотреть не только лицо. И если внешне сестры невероятно похожи, то фигуры у них отличались сильнее. Моя мама была изящной и гибкой. Точно не столь крупной. Она быстро и легко перемещалась по «Дизару». А вот тетя Аня, несмотря на более молодой возраст, шла тяжело, осторожно ступая по ступенькам, ведущим вниз, поднимая край длинной темно-синей юбки. Впрочем... Я присмотрелась внимательнее. Ох я дурында! Она ведь тоже беременна! Срок немногим больше, чем у моей мамы, раз животик уже заметен.

Интересно, у нее это первый ребенок?

«Не первый», — поняла сразу, едва открылась очередная дверь: мы шагнули в просторное светлое помещение, а нам навстречу метнулась девчушка лет десяти, чтобы обхватить Аню и прижаться к ней всем телом.

— Мама!

Моя двоюродная сестричка была такой же темноволосой, как и ее мать, разве что глазами наверняка в отца пошла — они у нее карие.

— Я в комнате убрала, папе сообщение написала, цветы полила. Диссы разрослись так, что внутрь оранжереи не пролезть. Надо их собирать уже, — отчиталась родительнице. И лишь после этого позволила себе посмотреть на гостью и задать вопрос: — А это кто?

— Меня зовут Рианна. — Я улыбнулась, приседая, чтобы удобнее было с ней разговаривать.

— Оксана, — серьезно, по-взрослому представилась кузина.

— Рианна поживет у нас, — пояснила тетя. — Завтра поможет тебе с растениями. Справишься?

А что мне остается? Я хотела работу? Я ее и получила. Как и жилье — маленькую комнатку на втором этаже дома, примыкающего к тому, где располагалось кафе. Выяснилось, что оно принадлежит моей тете, это ее «бизнес» — тот самый вклад в экономику Терры, за который она получила статус гражданки Конфедерации.

— Я тоже буду гражданкой, — деловито вводила меня в курс семейных проблем и отношений Оксана, когда на следующий день мы с ней трудолюбиво срезали сочные стебли бледно-зеленого растения, действительно заполнившего все свободное пространство на закрытой прозрачным материалом крыше дома. — Только я кафе не хочу.

— Что же ты хочешь? — вопросом поддержала я ее

разговорчивость, одновременно укладывая в коробки наши трофеи.

— Маме не скажешь? — таинственно приглушила голос и оглянулась девчушка, проверяя, не пришла ли родительница. Мое покладистое «обещаю» ее вполне удовлетворило, так что Оксана продолжила: — Я служить Конфедерации хочу. Буду разведчиком. Дедушка обещал через два года забрать на Землю, чтобы я там училась.

— Не боишься мне об этом говорить? — Я тоже добавила в голос таинственных интонаций. — Настоящий агент должен уметь скрывать свои секреты.

— Тебе можно, — нисколько не смутилась кузина, — это мама против. И бабушка. А ты меня поймешь. Ты же дочка тети Таис, а она разведчица и выполняет важное задание. Я слышала, как папа с мамой вчера это обсуждали.

— Слышала? — удивилась я.

Как она могла что-то слышать? Ее спать отправили одновременно со мной, и в это время никакого мужчины в доме еще не было. А утром уже не было, видимо, он рано ушел.

— Подслушивала, — честно призналась малолетняя шпионка.

С учетом того, что ее комната и родительская спальня находятся в противоположных частях дома, заявление выглядело весомо. Чтобы проверить подобное, надо было очень постараться.

— Смешная ты, Рианна, — оценила мое выражение лица Оксана. — Никуда я не выходила, просто у меня там следилка... Только тсс! — Она спохватилась и приложила палец к губам.

Следилка? Это что-то вроде браслета, который я, улетаю в Первый, вернула Вет-Ла? Впрочем, тут как раз поражаться нечему, а вот тому, что сказала сестричка, удивиться очень даже нужно. Задание? Это какое такое задание у моей мамы? Она же разорвала все отношения с Конфедерацией! И с работы ее уволили.

— Глупая! — возмутилась кузина, услышав мои рассуждения. Округлила глаза и даже собирать упавшие листики перестала. — Кто ж тебе скажет, какое задание, если оно *секретное*?! А работа... Дедушка говорит, что агент увольняется, только когда умирает. Все остальное не имеет значения.

Хм... Где-то я это уже слышала.

Закрыв одну заполненную коробку, я оценила масштабы несобранного «урожая» и взялась за следующую. Нам их точно не

меньше десятка понадобится. А мой болтливый осведомитель продолжал изливать на меня свои мысли, догадки, впечатления, сомнения... Видимо, немного в окружении девочки тех, с кем она может поговорить.

— То, что человек что-то скрывает от других, — это вполне нормально. Вот возьми бабушку Марго, например. Королева, правительница Терры, слушаешь ее выступления — и впечатление такое, что всех представителей Конфедерации она обожает и готова на любые предложения, которые вносит в отношении внутренней политики Терры Совет президента Конфедерации. На самом деле бабушка думает совершенно иначе. И если бы была возможность, давно разорвала бы с Землей налаженные отношения. А на дедушку вообще злится. Почему? — Оксана сердито фыркнула, ломая тонкие стебельки. — А я тебе скажу! Потому что он на ней не женился. А как дедушка на ней женится, если она ради него ничем пожертвовать не хочет? Он ведь просил ее отказаться от идеи продолжения правящей династии, а бабушка не согласилась. И вторую дочку не от дедушки родила, а в центре репродукции сделала. Ты тетю Маргариту видела? Она хоть и младше мамы, а гонору у нее много-много, потому как точная копия бабушки. Мама думала, что королевский титул ей достанется, по старшинству, потом мне перейдет. А он не перейдет, его тете Маргарите отдадут. Но я даже рада. Честное слово, мне быть королевой не хочется, это же скучно и нудно! Это мама готова всю жизнь следить за кафе, которое ей бабушка подарила, и жить в доме, который папа приобрел. А я хочу быть свободной и независимой...

Рассуждения — в чем-то наивные и детские, а в чем-то излишне взрослые. Сомнительно, что до последних малолетняя болтушка сама додумалась, наверняка чье-то влияние. И если судить по ее приоритетам, то, несомненно, это дедушка Натан постарался. Удивительно, ведь живет на Земле, далеко от внучки, наверняка видится с ней редко, а сумел достичь большего, чем бабушка и мать, которые совсем рядом!

В общем, я многое узнала о своих родственниках. Мне даже стало казаться, что я всю жизнь с ними провела, даром что в лицо почти никого не видела, настолько ярко кузина их описывала. Спесивую тридцатилетнюю принцессу Терры, считавшую наличие старшей сестры ошибкой. Бабушку-королеву, увидеться с которой можно было только

по ее личному приглашению. Дедушку Натана, имеющего способность появляться в тот момент, когда его никто не ждет. Папу Федора Антоновича, флегматичного и совершенно неамбициозного проектировщика порталных комплексов. Маму, то есть тетю Аню, старающуюся всем угодить, а потому разрывающуюся между любовью к матери и привязанностью к отцу. Других детей, предпочитающих держаться от девчушки, имеющей влиятельных родственников, на расстоянии. Учителей, впадающих в крайности: либо откровенно лебезящих, либо излишне строгих со своей подопечной.

Лишь когда диссы закончились, окатывающий меня словесный поток иссяк. Причем определенно вынужденно! Оксана с удовольствием болтала бы и дальше, да только возможностей для этого не осталось — помешала присланная Анной помощница. Та самая девушка, Иванна, что вчера работала в кафе и принесла мне еду, сегодня убиралась в доме. И добралась до крыши именно в тот момент, когда мы утрамбовывали последние растения.

— Оксана, тебя мама зовет, вниз спускайся. С ящиками я Рианне помогу, — неожиданно заявила, едва заглянув в оранжерею. — И побыстрее! — прикрикнула на замешкавшуюся девочку.

Спорить кузина не стала, однако уже в дверях остановилась и показала язык Иванне, неосмотрительно повернувшейся к ней спиной. Мне же улыбнулась, коротко махнула ладошкой и исчезла до того, как террианка обернулась, убеждаясь, что мы остались одни.

— Зачем ты с ней так? — Я не удержалась от укора. — Оксана хорошая девочка.

— Хорошая? — надув щеки, закатила глаза к потолку Иванна. — Ага... Вот когда ты найдешь в своей обуви песок, замешанный на соке арариса, а в рабочую смену недосчитаешься бокалов, вот тогда я посмотрю, какая она для тебя будет «хорошая».

Составив ящики один на другой, террианка подтащила их к выходу. Остановилась, выглянула на лестницу, однако продолжать транспортировку не спешила. Вид у нее при этом был чрезвычайно заговорщический, взгляд — заискивающий, а голос она таинственно приглушила:

— Рианна, если ты еще не продала, я могу выкупить. Цена будет хорошая, больше тебе никто даст.

— Что выкупить? — насторожилась я.

— Ну как «что»? — заюлила девушка. — То самое. Вы же пустыми никогда не приезжаете.

— Шеклак, что ли? — Ничего иного мне в голову не пришло.

— Ты дура, вслух-то говорить?! — задохнулась от негодования Иванна, аж на месте подпрыгнула.

— У меня его нет.

Разочарованно поджав губы, террианка несколько секунд сканировала меня неверящим взглядом, пока наконец не схватилась за ящички и не поволокла их вниз. Я же, постояв в нерешительности, но увидев, что она и без меня прекрасно справляется с грузом, осталась на крыше. Распрямляя рукава блузки, которые закатала, потому что они мешали работать, подошла к прозрачной стене. За ней, пусть и с небольшой высоты, открывался отличный вид на крыши низеньких, в большинстве одно-двухэтажных домиков, утопающих в массе зеленой растительности.

За это время я привыкла видеть совершенно иной мир, но он, лишенный всего того, что меня окружало на Атрионе, все равно казался неправильным. Не страшным, но чужим. Как и все те, кто его населял.

Вздохнув, я закрыла глаза, прижимаясь лбом и ладонями к прохладной гладкой поверхности. Как же хочется вернуться домой...

«В преддверии коронации принцессы Маргариты Радуги Восемнадцатой в северном районе Первого отстраивается жилой комплекс, предназначенный для размещения гостей во время празднования. В дальнейшем его планируется использовать как место постоянного проживания сотрудников корпораций, подконтрольных Конфедерации, занятых в поддержании стабильности экономики Терры. Генеральным подрядчиком проводимых работ уже традиционно стал земной концерн „Вектор“.

Уважаемые жители столицы, будьте внимательны, подготовка к празднику сопровождается репетиционными мероприятиями и ремонтными работами. С завтрашнего дня и до наступления следующего сезона Дворцовая площадь и прилегающие улицы будут перекрыты. Убедительно просим вас выбирать другие удобные маршруты.

Также напоминаем о конкурсе талантов, организованном организаторами празднования. Отбор начинается с завтрашнего дня и

пройдет в несколько этапов. Его апофеозом станет праздничный концерт, на котором все финалисты выступят наравне с приглашенными знаменитостями и будет определен победитель. Ну а тем, кто не считает себя способными к искусству, но страстно желает к нему приобщиться, рекомендуем не пропустить голотрансляцию конкурсных выступлений, а на концерт приобрести билеты заранее. Вы можете не успеть и потеряете возможность насладиться фееричным и незабываемым зрелищем!»

(Из информационной сводки официального новостного канала «Терра-Земля»)

— А мы на коронацию пойдём? Я хочу, хочу, хочу! — Оксана, сидящая с ногами на диване, подпрыгнула, едва диктор — жизнерадостная молодая девушка — завершила сообщение.

— Бабушка пока не прислала приглашения, — спокойно отреагировала расположившаяся за столом Анна. Перелистнула виртуальную страничку в тонком планшете и вновь углубилась в чтение.

— И не пришлет, — буркнула у меня за спиной Иванна, пользуясь тем, что ее все равно никто не услышит — головизор продолжал вещание.

Федор Антонович, круглолицый, невысокий, начинающий полнеть мужчина (наверное, поэтому пытающийся скрыть этот факт под объемной одеждой) отвернулся от окна, в которое смотрел, и взъерошил пальцами короткие темные волосы. Поманил дочь к себе, а когда та подбежала, поцеловал в лоб.

— Спать, — коротко приказал. — Рианна...

Карие глаза требовательно впились в мое лицо. Этот землянин вообще редко говорил, предпочитая изъясняться жестами. Однако я быстро научилась их интерпретировать. Вот сейчас, например, мне вменялось сопроводить кузину в ее комнату и проследить за тем, чтобы она легла.

Я именно это и сделала, спиной чувствуя сверлящий, неприязненный взгляд, которым меня провожала вытирающая пыль с ажурной мебели Иванна. Неудивительно. Ведь раньше она была в роли няньки. И пусть должность сопровождалась не самыми позитивными эмоциями (увы, не нашла она с Оксаной общего языка), но за присмотр

за ребенком вкупе с уборкой и работой в кафе семья ей платила, и немалую сумму. Теперь же девушка лишилась дополнительного дохода, а я испытывала острое чувство вины. Из-за меня у всех столько проблем!

Светлана Марьевна наверняка переживает, не проговорилась ли я о ней и ее контактах с атрионами. Иванна вынуждена ограничивать себя в том, что раньше запросто покупала. Да еще и ее надежд на приобретение дефицитного и запретного шеклака я не оправдала. Тетя Аня хоть и сделала вид, что поверила в мою легенду об амнезии, которая начисто стерла все воспоминания о том, как я оказалась около ее кафе и о найденной в кармане записке, все равно сомневалась. Это явственно читалось в ее глазах. Федор Антонович никак не мог решиться сообщить властям о появлении родственницы жены, не имеющей при себе никаких документов. Он хмурился и болезненно морщился каждый раз, когда тетушка напоминала ему о необходимости это сделать.

Пожалуй, радовалась мне только Оксана. К этой девчушке я с каждой минутой привязывалась все сильнее. Милая, искренняя, непосредственная, до умиления серьезная и при этом совсем еще ребенок, она общалась со мной без оглядки на мнение других. Остаться равнодушной я не могла и за те десять дней, которые провела в доме маминых родственников, стала видеть в ней родного человечка.

— Ну и пусть бабушка нас не пригласит, — сердито пыхтела кухня, стягивая с себя одежду и влезая в пижамку. — Я все равно на праздник пойду! Дедушку попрошу взять меня с собой. Он наверняка на коронации будет и не откажет. Знаешь, какой у нас с тобой дедушка? Самый лучший! Вот увидишь! Он и тебя возьмет тоже, даже не сомневайся.

— Я не сомневаюсь. Только ведь дедушка меня даже не видел ни разу, — улыбнулась я, помогая ей забраться в недра мягкой кровати, на которой по традиции землян-терриан был уложен целый ворох специальных тканей.

— И что? — удивилась Оксана. — Меня он тоже не видел, пока я на свет не появилась. И вообще, ты просто родилась не в том месте. Как он мог с тобой общаться?

— Никак, — согласилась я с детской логикой. — Закрывай глазки, сестричка, мы завтра об этом поговорим.

— Побудь со мной, не уходи. С тобой так хорошо! — Оксана схватила мою руку, удерживая рядом.

И я осталась. Приглушила свет и сидела на краешке кровати, пока кузина пыталась уснуть. Что, надо сказать, не очень хорошо получалось. Она вся извертелась в попытках найти удобное положение.

Понимая, что девочка просто не может расслабиться, я начала тихо напевать. Едва слышно, мягко, стараясь, чтобы голос, к которому Оксана, замерев, прислушивалась, звучал органично с той тишиной, которая господствовала в доме. Сплетался с негромким перестуком капель за окном. Таял в почти неощутимом движении воздуха. Стекал по обитым цветной тканью стенам. Отражался в ровном дыхании погружающейся все глубже в сон девчушки.

Подождав еще немного, я осторожно сползла с кровати. Вот только уже у самого входа меня остановило сонное бормотание:

— Я хочу, чтобы ты на концерте пела. Обещай, что будешь выступать...

— Хорошо, — дала я обещание.

Испугалась, что, если начну спорить, она снова проснется. И лишь покинув комнату, задумалась, как же теперь отказаться. Возможно, утром Оксана о своей просьбе не вспомнит? Или... Или, может, и вправду поучаствовать в террианском отборе талантов? Меня ведь это ни к чему не обязывает.

Мелькнувшая мысль, на которую натолкнули слова кузины, породила в душе всплеск эмоций. Предвкушение. Воодушевление. Азарт. А еще отозвалась щемящей болью — как же давно я не пела по-настоящему! В полный голос, с максимальной отдачей. Ведь для любого атриона невыносимо сложно не выполнять свое предназначение. И чем дольше длится бездействие, тем сильнее потребность в реализации.

Все, решено! Завтра же узнаю, как попасть в число претендентов. Пусть я по рождению атрионка, но и человек тоже. Не зря мое тело имеет два облика. Значит, мир людей — тоже *мой*! И я могу жить на Терре или даже на Земле такой же полноценной жизнью, как и на Атрионе. Главное — найти свое место.

Удивительно, но овладевшая мной решимость в корне изменила восприятие всего, что меня окружало. Хотя, возможно, я просто привыкла. Приняла иную реальность. Адаптировалась. Успокоилась. В

любом случае, закрывая глаза и нежась на мягком матрасе в уютных объятиях одеяла, я поймала себя на том, что о геле вспоминаю, не ощущая той тоски, которая накатывала раньше. И в месте для гигиены привожу земной облик в порядок со сноровкой, которой от себя не ожидала. Меня даже перестали раздражать волосы, после мытья и сушки разлетающиеся в стороны и окутывающие голову пушистым облаком. А твердая пища вообще стала жизненно важной потребностью. В один прекрасный момент, поймав себя на том, что не задумываясь ею питаюсь, я испугалась и решила ограничиваться исключительно полужидкими блюдами. В итоге к концу второго дня у меня зубы «чесались», настолько непреодолимым оказался закрепившийся за это время жевательный рефлекс.

Так что, завтракая, я с удовольствием намазывала на хрустящие крошечные печеньки мягкую сладко-соленую пасту, укладывала сверху пластики упругого, но очень вкусного мяса и с аппетитом все это пережевывала, запивая тем самым горячим красным напитком — чаем, которым в первый день знакомства угощала меня Вет-Ла. Он оказался любимым для всех жительниц Терры.

— Мама, можно мне сегодня в парк?

Молчать за едой Оксана категорически не умела, поэтому, рассказав все, что ей приснилось ночью, перешла к тому, что хотелось бы сделать днем.

— Вряд ли, — вздохнула тетя Аня, наливая новую порцию чая в тонкостенную низенькую емкость, именуемую пиалой. — Я не смогу, дочурка. В кафе на сегодня заказан банкет, сама понимаешь, сколько будет работы. И у Иванны тоже смена рабочая.

— Пусть Рия со мной пойдет, — не сдалась кузина.

Посмотрела на меня тетушка с сомнением. Ей и отказывать дочке не хотелось, и мне она все еще не доверяла. Ну как же, вдруг я не справлюсь! Одно дело — дом, и совсем иное — общественное место.

— Может, ты другое занятие себе найдешь, а развлечешься в другой день? — неуверенно протянула Анна.

— Такая погода хорошая, — заныла маленькая вредина, определенно почувствовав мамину нерешительность. — Я вчера дома сидела. Завтра у меня занятия. Послезавтра снова что-нибудь помешает. А послепослезавтра я опять учусь...

— Ладно, — вздохнула тетя. — Только из парка никуда. И обедать

вовремя вернуться.

Уверенный кивок в ответ, бесхитростный взгляд, полный благодарности. Просто образец послушания и смирения! Даже я подумала, что она на самом деле гулять планирует.

Как же мы все Оксану недооценили!

— Стоп! — скомандовала кузина, едва мы подошли к входу в огороженное низенькой оградой обширное пространство с невысокими деревьями, площадками и непонятными сооружениями совершенно невообразимых конфигураций. Оглянулась, проверяя, нет ли знакомых, и, крепко вцепившись в мою ладонь, деловито потащила меня в противоположную сторону.

— Ты куда? — насторожилась я, притормаживая наше движение.

— На кастинг, — непререкаемым тоном было заявлено в ответ. — Не упрямясь, Рианна, нам успеть нужно, сегодня не последний день, конечно, но ты же одна не справишься!

— А вдруг справлюсь? — Я не удержалась от улыбки, настолько меня умилила проявляемая забота. И факт того, что забыть о ночном обещании мне бы точно не позволили.

— И почему я в этом сомневаюсь? — явно скопировав сказанную кем-то фразу, протянула Оксана. Хихикнула и решительно повела меня за собой.

Шли мы не так чтобы долго, но за время пути я многое о себе узнала. Что жизнь на Атрионе ничему меня не научила. Что я наверняка плохо слушала маму, то есть тетю Таис, иначе бы вела себя более уверенно. Что я беспомощна, как маленький ребенок. Хотя... нет, хуже! Как грудной ребенок! Ведь любой малыш, умеющий ходить, разбирается в том, как ориентироваться на улицах. Что мне определенно не хватает опыта правильного взаимодействия с другими людьми! И это в моем-то возрасте! А что? Сорок пять террианских лет для этого более чем достаточно!

В последнем я и сама убедилась, когда на входе в здание-павильон послушно отступила от девушки, категорично заявившей: «На сегодня лимит допуска исчерпан». А вот моя спутница решительно шагнула вперед и возмутилась:

— Как это «исчерпан»?! Прошел максимум час, как вы открылись! И где написано про ограничения? Не было об этом извещения!

Такого напора охранница не ожидала. Беззвучно открыла рот,

закрыла, снова открыла и все же попыталась избавиться от проблемы:

— Желающих очень много. Завтра приходите. Пожалуйста.

Последнее она точно сказала зря. Оно вышло жалостливым, а потому лишь усилило решимость кухни добиться справедливости. То есть допуска внутрь. Впрочем, выяснилось, что доставшаяся маленькой воительнице победа — вовсе не победа в глобальном смысле. Потому что, попав в коридор, мы воочию убедились, что значит «много». Те, кто считал себя талантливыми и одаренными, заполняли все свободное пространство. Кто-то куда-то бежал, кто-то стоял, прижавшись к стене, кто-то расхаживал... Понять, куда именно нужно идти, я не могла. И снова меня выручила кухня, безошибочно выбравшая правильное направление и обнаружившая «живую очередь» к столам регистрации на кастинг.

Ожидая, пока мы окажемся у заветной цели, я с интересом рассматривала всех и все вокруг. Пожалуй, впервые я попала в столь необычную обстановку и окружение, одновременно близкое мне по духу и кардинально отличное по организации! В доме на Атрионе ни один экзот-режиссер не допустил бы такой сумбурности — здесь не было порядка ни в чем. Ни в той хаотичности, с которой располагались помещения, ни в четком понимании происходящего (все постоянно что-то друг у друга спрашивали и уточняли), ни в движении очереди (то застывающей, то уменьшающейся с сумасшедшей скоростью), ни во внешнем облике тех, кто претендовал на выступление. Яркие и бледные, вычурно одетые и невзрачные, уверенные и скромные...

О, какими разными были эти самые «претенденты»! Впрочем, нет, не так. Претендентки! Лишь девушки и женщины разных возрастов томились в ожидании, а мужчины... Их было совсем мало. Один, чем-то напомнивший мне Федора Антоновича, в мешковатом комбинезоне и с непонятным инструментом в руке, чинил аппаратуру, закрепленную на стене коридора. Еще один медленно шел, не глядя под ноги, поднося голову к собранному из панелей потолку, и, помогая себе пальцем, что-то считал. Вот и все, пожалуй.

— Имя! — заставил меня обернуться требовательный голос.

Мы за это время успели приблизиться к сидящей за столом девушке-регистратору. Однако ответить я не успела, Оксана действовала быстрее.

— Флориана, — неожиданно сообщила.

Я хоть и удивилась, но спорить не стала. Да и имя красивое.

— Дети не могут участвовать в конкурсе, — обрадовалась террианка. — Следующий!

— Она не участник, — тут уже я вмешалась. — Это я буду петь.

— Петь... — Девушка повторила мои слова с обреченностью, лишний раз подтвердившей: таких талантов у них уже сейчас больше, чем нужно. Впрочем, этим она и ограничилась. — Ваш порядковый номер и время. План павильона. Анкета. Заполнить и отнести в комнату «А-два». Вопрос музыкального сопровождения решаете там же. В комнате «В-один» быть за час до назначенного времени. Явкой вы автоматически даете согласие на запись и трансляцию выступления на кастинге, а также обязуетесь не предъявлять претензий к организаторам отбора в случае непредвиденных ситуаций. Вопросы? Следующий!

Собрав со стола выложенную для меня стопку тонких пластинок, мы с Оксаной поспешили отойти. Позади толпилось немало тех, кто пришел позже нас, убедив постовую на входе не препятствовать и дать им шанс влиться в мир искусства.

Анкета была совсем простенькой. К имени, которое уже впечатали в бланк, оставалось добавить только возраст и город проживания.

— А почему «Флориана»? — вписывая информацию, все же поинтересовалась я у изучающей план кухни.

— Тебе сценический псевдоним нужен, разве непонятно? Кто же под своим собственным именем выступает?

— У нас свои используют...

— А у нас нет, — отрезала Оксана. Заглянула мне под руку, вытащила лист и, прихватив мою ладонь, потащила вглубь павильона.

Тусклые узкие коридоры сменялись широкими, ярко освещенными, встречающиеся на пути сотрудники и конкурсанты деловито ныряли в дверные проемы и из них же появлялись, чтобы влиться в общий поток, я активно вертела головой... Наверное, именно поэтому обратила внимание на двух мужчин, которые шли нам навстречу. Они свернули в боковой ход раньше, чем мы встретились, но на меня произвели впечатление. О! Я и не думала, что земные мужчины бывают... *такими!* Все те, кого я видела до этого в кафе или на улице, казались неинтересными, скучными, совсем незаметными, а муж тети еще и раздражал своей нерешительностью и постоянным молчанием. В этих же... В этих чувствовалась сила, властность, авторитет. Они сквозили

во всем. В уверенной походке, прямой осанке, элегантной одежде, пронзительных взглядах, даже в том, как были уложены их волосы. У людей ведь тоже есть свои гайды: пусть и не с рождения получают право на управление, но это мало что меняет. Так вот, эти незнакомцы были именно гайдами. В полном смысле слова.

— Ты куда это смотришь? — возмутилась Оксана, когда я невольно замедлила шаг. Стрельнула глазами в спины удаляющихся мужчин, и простонала: — Только этого нам не хватало!

— Ты их знаешь? — заинтересовалась я.

— Нет, но я знаю женщин! Сначала вот так глазки горят, а потом все мысли только о том, чтобы замуж выскочить. И все. Прощай, карьера.

— Это тебе дедушка сказал? — Я не удержалась и захихикала.

— Он-то в этом разбирается, — не стала отпираться кузина. — И считает, что в жизни перво-наперво нужно определиться с тем, чего ты хочешь. Что для тебя важнее, к тому и стремись, а если будешь разрываться между всем, что нравится, толку не будет. Вот ты победить хочешь?

— Хочу.

— Тогда забудь про мужчин. Они нам мешают.

— Хорошо-хорошо...

Как я могла спорить с такой благоразумной компаньонкой, которая быстро принимает решения и так же быстро действует? Да за ней не каждый взрослый поспеет! Недаром тетушка старается не выпускать дочку из виду. Ведь за ней надзор нужен не для того, чтобы помочь, как любому другому ребенку ее возраста, а чтобы вовремя от излишней активности удержать. И заинтересованность в ней дедушки Натана я теперь тоже прекрасно понимаю — агентом Оксана станет великолепным.

А я? Какое место в семейных отношениях уготовано мне?

Из разговора, состоявшегося десять дней назад в офисе компании «Мегазвезды» — монополиста в сфере шоу-бизнеса Терры

— Дмитрий Олегович, очень прошу, войдите в наше положение! Как мы можем сделать выбор, не учитывая вашего мнения?

Правительство Земли, поощряя нахождение Терры в составе Конфедерации, вкладывает в организацию празднования столько средств, что мы просто не имеем морального права оставить вас в стороне от самого интригующего и захватывающего процесса!

— При всем уважении, Тамара Полиновна, участие в организованных мероприятиях выходит за рамки моей компетенции. Да и ценитель прекрасного из меня аховый. Значит, и судья не самый хороший.

Собеседник максимально деликатно пытался отказаться от навязываемой чести, однако это лишь усилило стремление директора добиться своего.

— Нет-нет, что вы! Не наговаривайте на себя! Как раз ваше мнение будет самым объективным! И при чем здесь «компетенция»? Речь идет всего лишь о личном мнении и вкусе. Участники отбора — любители, в большинстве самоучки, и потому намного важнее восприятие непрофессионала...

Спор продолжался, а когда закончился и мужчина покинул переговорную, с лица пожилой террианки исчезла надетая на него улыбка — борьба с упрямым, несговорчивым землянином отняла немало сил. Женщина откинулась на спинку кресла и растянула застежку на плотно облегающем шею вороте блузки. Устало потерла пальцами веки и, лишь вернув себе сосредоточенность, включила настольный коммуникатор. Убедившись, что абонент на линии, произнесла всего одно слово:

— Согласился.

Миловидная девушка в изящного покроя серебристом платье, стоящая на миниатюрной круговой сцене-подиуме, старательно выпевала буквосочетания, складывая их в слова и меняя тональность. Технично. С хорошей мощностью. Звук получался чистый, правильный, но... Меня он жутко возмущал и нервировал. Разве она не чувствует, что ее голос звучит сухо и совсем не ощущается живым? Это как... Как... Как пресный мусс пить! Питательно. Сытно. Но удовольствия никакого. Вот!

Не выдержав, я перестала вслушиваться в качественную имитацию нормального пения. Несколько секунд успокаивалась, рассматривая светотени, пляшущие на полу, и перевела взгляд в зал, где, скрытые

полумраком, сидели немногочисленные зрители. Три ряда простых кресел, ни одно из которых не пусто, а чуть ближе к сцене — мягкий угловой диван для тех, кто решает дальнейшую судьбу претендентов.

Личности эти были весьма и весьма занимательные. Две женщины: совсем молоденькая худощавая девушка с острыми хищными чертами лица и уверенная в себе террианка постарше. Однако если первая живой мимикой выражала все, что чувствовала, то вторая, наоборот, с каменно-непроницаемым выражением наблюдала за выступлением. По бокам от дам расположились мужчины. Тоже двое и... И да, те самые, что поразили мое воображение в коридоре.

Я, признаться, не сильно удивилась. Ну а кому, как не гайдам, принимать решения? К тому же именно они понимают важность экзотов в формировании правильного психологического настроения семьи. Потому и стараются, чтобы в доме имелись специалисты разной направленности, в первую очередь певческой. Правда, потом спохватилась, что у людей все может быть несколько иначе, но заставила себя успокоиться. Что будет, то будет. В конце концов, я ничего не теряю, если мои умения и предназначение здесь не будут востребованы.

Пока я боролась с собственными страхами, звуки неведомых инструментов, помогающих певице выдерживать тональность и ритм, смолкли. Террианка грациозно поклонилась, показывая, что выступление закончила.

Секунда тишины, и в зале раздались хлопки ладонями друг о друга. Аплодисменты. Я уже знала это слово — Оксана успела меня просветить. И теперь я понимала, зачем так делают: у людей это практически единственный способ дать понять другим, что эмоциональный заряд, полученный во время выступления, был адекватен ожидаемому. На Атрионе во время концерта в доме экзот получает отдачу в виде невообразимо огромной эмоциональной волны, идущей от зрителей, а здесь эту же функцию берут на себя движения тел, позы, выкрики. И насколько я поняла, чем большим шумом все это сопровождается и чем суматошнее выглядит, тем выше уровень человеческой восторженности. Н-да... Ну что ж, и к этому придется привыкать.

— Спасибо, Анжелика, — дождавшись, когда овации стихнут, поблагодарила девушку та самая женщина в возрасте.

Ее голос, усиленный специальным приспособлением, разнесся по залу и эхом отразился от стен. Хотя он и без этого эффекта звучал бы сильно, властно, непререкаемо. Несомненно, эта террианка тоже из гайдов.

— Уважаемое жюри, — она перевела взгляд на своих соседей, — вы определились?

Ее молодая коллега тут же широко улыбнулась и активно закивала. Ей все понравилось. Мужчины переглянулись. Принимать решение они не торопились. Коренастый шатен в классическом строгом черном костюме задумался, скользя пальцами по гладко выбритому подбородку, в итоге все же наклонил голову, соглашаясь. Второй, несколько более худощавый пепельный блондин, одетый в бежевый, сложного покроя костюм, сложив руки на груди, рассматривал терпеливо ожидающую вердикта певицу. Его взгляд, как, впрочем, и внимание других, ее ничуть не смущало. Она нисколько не сомневалась, что пройдет этот отбор.

Думал мужчина так долго, что в зале даже родился легкий, едва уловимый ропот зрителей, недоумевающих по поводу его сомнений. Похоже, именно это не понравилось судье. Он наконец перестал изучать девицу и, гневно оглянувшись, отрицательно махнул рукой.

— Три голоса из четырех, — подвела итог ведущая. — Замечательный результат. Вы проходите в следующий тур.

Анжелика лучезарно улыбнулась. Качнула головой, отчего распущенные, длиной по пояс, светлые кудри каскадом заструились по спине. И так же отлаженно, как и пела, ушла со сцены.

Не знаю, везло ли другим в той же степени (в скрытый от глаз зрителей закуток за сценой приглашали только тех, кто выступал следующим), но у моей предшественницы появился реальный шанс прославиться. А также обеспечить себя финансово и получить гражданство Конфедерации. Об этом каждый третий говорил в той самой комнате «В-один», куда мы с Оксаной пришли после обеда.

Увы, время мне досталось вечернее, а потому нам пришлось возвращаться в кафе. Зато я в очередной раз воочию убедилась в умении кузины получать то, что она хочет.

— Мы так изумительно отдохнули! — восторженно вещала Оксана, с аппетитом уминая полную тарелку тушеных овощей в соусе. Глядя на нее, даже самый отъявленный скептик поверил бы, что она изголодалась

на свежем воздухе. — Ой, мамочка! А помнишь, там рядом с северным выходом из парка магазин одежды? Я увидела рекламу новой коллекции. Все обалденно красивое! Там такое платьице! — Восторг в ее глазах зашкалил за отметку «экстаз». — Можно мы с Рианной туда сходим? Она мне с размером определиться поможет! А потом еще немного погуляем.

На этот раз Анна даже никаких условий не поставила. Впрочем, удивлялась этому факту я недолго. Сестричка быстро раскрыла секрет успеха.

— Я вообще-то платья не люблю, — скривилась, рассматривая висящий перед ней наряд. — Так что мама спит и видит, как бы на меня юбку надеть. А ради брюк точно бы не отпустила...

Она решительно сдернула одежду с вешалки, перекинула через руку, деловито осмотрелась и повела меня из детского отдела во взрослый. Я хоть и догадалась, что девочка задумала, но мешать ей и спрашивать зачем не стала. Мне было интересно. К тому же приятно чувствовать искреннюю заботу, в основе которой нет никакой личной выгоды. А качество одежды, которую сейчас придирчиво выбирала Оксана, было несравнимо лучше, нежели той простенькой, которой снабдила меня на первое время Анна. Да и средства на покупку, к счастью, имелись.

В итоге из магазина мы обе вышли с обновками, и теперь в ожидании, когда меня позовут на сцену, я с непередаваемым удовольствием скользила ладонями по желтому платью с короткими рукавами и каплевидным вырезом, украшенному изумрудной вышивкой, с юбкой из струящейся гладкой ткани, падающей от талии до самого пола. И это было удивительно. Материал, в контрасте с тем, что я носила до этого, тянулся, на коже ощущался очень приятно и совсем не мешал двигаться. И вообще был очень похож на органическую материю. Я даже растерялась, не понимая, почему же земляне не используют ее повсеместно. Лишь когда при оплате половина кредитки обесцветилась, догадалась — это очень дорого! Однако Оксана категорично приказала: «Бери!» — и спорить с ней я не стала. Девочка знает, что делает. То есть что мне нужно делать.

— Флориана!

Услышав свое новое имя, я без колебаний отодвинула скрывавшую меня преграду. Прошла по короткой дорожке, поднялась на три

ступеньки и очутилась на возвышении, залитая ярким светом. Бьющий прямо в глаза, слепящий с боков, он мешал смотреть в зал и своеобразной дымкой заволакивал пространство. Лишь судьей я хорошо видела, потому что сейчас и на них был направлен световой поток. Не такой сильный, но все же достаточный для визуального контакта.

Понимание этого мало обнадеживало. Будучи атрионкой, во время пения я с легкостью вносила коррективы в свое выступление, не имея необходимости смотреть на зрителей. Ориентиром для меня был эмоциональный фон ожиданий и потребностей. В земном облике можно рассчитывать только на внешние проявления этих самых «потребностей». А они практически у всех судей весьма скудны, лишь девушка открыто их демонстрирует — ободряюще улыбаясь и подавшись вперед, словно желая оказаться ближе. Остальные, наоборот, максимально отделились, откинувшись на спинку дивана. Шатен, опираясь на подлокотник, закрыл рукой нижнюю часть лица и щурился, скользя глазами по моей персоне. А вот блондин, как и его соседка, вообще на сцену внимания не обращал: она сосредоточенно читала какие-то записи, он смотрел в сторону, словно происходящее его не интересовало. Похоже, мне интуитивно придется подбирать оптимальные частоты, синхронизируя их с аккомпанементом.

Он и зазвучал, когда ведущая отодвинула планшет и подала знак. В зал ворвался свист ветра, шум моря, ритм накатывающих волн, хлесткие удары о камни, эхо разлетающихся брызг и мягкие инструментальные аккорды — гармоничные, оттеняющие звуки природы. Негромкие, ласкающие, пусть и однообразные, — являющиеся, по сути, закольцованным коротким мотивом, они были той самой музыкальной основой, на которую я решила опереться, когда делала выбор среди множества композиций, предложенных местным режиссером; мы с Оксаной несколько часов потратили, едва успев определиться ко времени обеда. Простая, незамысловатая мелодия не диктовала своих правил. Она оставляла возможность для вариаций и движения по звукоряду. Именно то, что мне нужно.

Короткий вдох. Перед внутренним взором слепок образа композиции, сформировавшийся в голове во время прослушивания. И яркий звук, устремившийся в зал.

Звонкий, тонкий, на полувыдохе, и оттого довольно тихий, он лился легко. Так же я напевала Оксане в ее спальне и на кухне базы

контрабандисток. Вот только, едва попыталась усилить звук, сменив опору, чтобы сделать его мощнее, с ужасом осознала, что часть воздуха уперлась в... зубы! Отразилась, осталась внутри меня, вернувшись обратно. Создавшийся акустический эффект смазал картину, которую я с такой легкостью создавала, будучи атрионкой. Корректируя возникший дефект, я сузила диапазон, радуясь, что вокал позволяет это сделать.

Однако теперь, понимая, что сглупила, не опробовав заранее фонетические возможности иного облика, я спешно изобретала пути решения проблемы. Раскачала звук, поиграла тональностью, прислушиваясь к ощущениям тела, которое никогда меня не обманывало. И лишь убедившись, что направление верное, осторожно добавила самый простой обертоновый ряд, надеясь, что этого будет достаточно. О том, чтобы в полной мере продемонстрировать все певческие возможности экзота, и речи не было. Просто потому, что тело стало непривычным инструментом, который пришлось фактически осваивать заново.

И все же я старалась. Вложила в рождающийся звук ту надежду, что сейчас испытывала сама. Отразила легкую грусть, увидев блеснувшие влагой глаза девушки-террианки. Соединила с глубоким удивлением ведущей, приоткрывшей рот и забывшей о необходимости дышать. Окрасила томительным ожиданием неизведанного, так явно застывшим на лице подавшегося вперед шатена. Оросила каплями щемящей тоски, читавшейся во взгляде блондина. И заполнила всем этим пространство.

А когда звук медленно угас, растворился в последних аккордах и стихающем шуме ветра, наступила тишина. Судьи сидели каменными изваяниями, да и зрителей я по-прежнему не видела и не ощущала. Никакой отдачи. Плохо. Значит, я все же не справилась. Оно и понятно: сбилась, пела однообразно, по всей видимости, не смогла правильно эмоциональные образы подобрать...

Чей-то полувздых-полувсхлип, судорожное «ах», и в глубине зала словно что-то взорвалось. Я даже не сразу поняла, что это и есть те самые овации, которые мне обещала Оксана, очень уж они были громкими. Блондин вздрогнул и откинулся обратно на спинку, по-прежнему не сводя с меня глаз. Шатен, наоборот, не удержавшись, качнулся вперед и практически свалился с сиденья, поэтому,

усаживаясь, смущенно улыбнулся. Молоденькая террианка, прижав одну руку к груди, второй стирала дорожки слез со щек. Лишь ведущая, наконец выдохнув, спокойно ждала. А я понемногу успокаивалась. Все же есть реакция. И, похоже, я даже чуток перестаралась. Вероятнее всего, именно с эмоциональной составляющей. Люди — не атрионы, на них звук иначе действует, не зря же мама только с папой на концерты ходила, а потом он ее взбудораженное состояние льером выравнивал.

— Спасибо, Флориана. Очень необычное выступление. — Говорить ведущей пришлось, так и не дождавшись полной тишины. — Насколько я вижу, мнение жюри... — она обвела глазами кивнувших коллег, — единогласное. Вы проходите в следующий тур.

Со смешанным чувством радости, непривычной опустошенности и неясного неудовлетворения я вышла в холл.

— Рианна! Это было сногсшибательно! Я знала, что ты лучшая! И второй отбор пройдешь, не сомневайся! Только спеть надо что-то другое — так в условиях написано.

— Мы подумаем. — Я обняла бросившуюся ко мне девчущку, благодарая ее за эмоции. — Когда надо будет выступать?

— Через три дня, когда закончится первичный отсев, — неожиданно вместо кузины ответила мне одна из сотрудниц центра, занятых организацией конкурса, которая к нам подошла. Протянула маленькую карточку: — Вот ваш пропуск. Там дата и время.

— Спасибо.

— Вам спасибо, — неожиданно продолжила девушка. В ее голосе отчетливо слышалось волнение. — Ваше пение — это нечто. Я словно в другой мир попала. Вернулась обратно и даже не сразу поняла, где нахожусь. Очень хочу, чтобы вы победили.

Она влажно блеснула глазами и торопливо отошла, словно сама испугалась своей реакции. Мы с Оксаной тоже поспешили домой. Как бы ни старались организаторы конкурса придерживаться составленного графика, а время выхода на сцену участников немного сбилось, и мое выступление началось намного позже запланированного. Так что мы катастрофически опаздывали, и я переживала — вряд ли Анна поверит, что можно столько времени в магазине провести. Даже если после покупок снова пойти гулять. И вернуться... Ой!

— Мы же не переоделись! — Я затормозила, спохватившись уже почти у самого дома.

— А зачем? — удивилась кузина, продолжая спокойно шагать по песчаной дорожке. — Нам все равно родителям рассказать придется. У меня учебные дни будут, а тебе где-то репетировать нужно... Мама! Мы дома! Смотри, какая красота!

Открыв дверь, она стремглав бросилась в холл, где очень даже сердитая Анна стояла, уперев руки в бока. Впрочем, вскоре уже сидела, довольно глядя, как Оксана кружится по комнате, демонстрируя обновку. С удивлением смотрела на меня, слушая эмоциональный рассказ дочки. Округляла глаза и надувала щеки, когда та, используя все доступные ребенку способы, уговаривала помочь.

И ведь сдалась в итоге! Даже с местом для репетиций помогла определиться, предложив использовать для этого... кафе.

— Мне кажется, это самый удачный вариант. Помещение большое, акустика в нем хорошая, а мои посетители будут только рады живому звуку, даже если он... не знаю, как это у вас называется. Распевный?

Я тоже не нашла правильного слова. Однако от предложения отказываться не стала, раз Анна уверена, что я не только никому не помешаю, но еще и пользу принесу.

— Вот видишь, — уверенно говорила Оксана, забираясь в кровать, после того как мы, дождавшись Федора Антоновича и поужинав, разошлись по комнатам, — мама все поняла. Она вообще добрая, а строгой пытается казаться, потому что ей очень сложно. Мама всех любит. И папу, и бабушку, и дедушку, и свою сестру, и меня. И ей хочется, чтобы мы все дружно жили. А так не получается. Дедушка хотел, чтобы мама на Земле с ним жила, но бабушка не позволила. И когда мама с папой встретились, дедушка был против свадьбы, а бабушка наоборот. Хотя папа дедушку уважает, а ее не очень любит. Говорит, что она маме не дала стать самостоятельной личностью и задавила своим авторитетом. А тетя Маргарита, когда кого-то из нас видит, делает вид, что даже не знакома. Хотя мама утверждает, что до моего рождения она вела себя совсем иначе. Так, тсс...

Прислушавшись к тонкому вибрирующему звуку, кузина вытащила из-под подушки самый обычный небольшой шарик-мячик для игр и прижала палец к губам.

— ...прошла. Я даже ушам не поверила, пока приглашение не увидела, — разорвал тишину спальни негромкий, но уверенный голос Анны.

— Ясно, — коротко ответил хрипловатый баритон Федора Антоновича.

— Теперь она в кафе будет репетировать...

Сказано это было вкрадчиво, с намеком на обстоятельное обсуждение. Однако отреагировал мужчина лаконично:

— Хорошо.

— «Хорошо», и все? — взвилась тетя. — Федя, ты вообще делать что-то хоть собираешься? Она же моя племянница!

— Уверена?

— Ну, знаешь ли! — Скепсис в голосе мужа Анну возмутил. — Моим ощущениям не веришь, так хоть дочке поверь! Ты посмотри, как Оксана к Рианне тянется. А она чужих к себе так близко не подпускает!

— Анюта.

Строгое, почти безэмоциональное предупреждение, и в интонациях тети вновь лишь заискивающие нотки:

— Я надеялась, ты возьмешь на себя опеку над девочкой. Я же не могу этого сделать. А без опекуна ей не получить документов. А без документов...

— Я еще думаю.

Сказал как отрезал. Даже договорить ей не дал.

Анна больше ничего не произнесла, хотя тихий вздох я все же услышала. А потом — звук поцелуя. А потом... Потом Оксана выключила прослушку и сердито бросила:

— Не хочу замуж.

Я промолчала. Она еще маленькая. Максималистка. Придет время, и ее мнение изменится. Хотя, безусловно, модель поведения отца оставит отпечаток на отношении к мужчинам. И судя по всему, не самый хороший отпечаток.

— Ты не расстраивайся, Рианна, я что-нибудь придумаю, — по-своему поняла мое молчание кузина. — Жалко, конечно, что мама опекунство оформить не может. Это было бы проще всего.

— Почему не может? Она ведь гражданка и свободна в своих решениях. Или у нее финансовое положение нестабильное? — заинтересовалась я.

Особенности правовых отношений на Земле мне были известны, но в какой форме они распространились на Терре, оставалось только догадываться.

— Гражданка, — согласилась Оксана. — Доход с кафе, конечно, не самый большой, но вроде нормальный. Дело в другом. Мама же беременная, пока не родит, ей брать опекунство нельзя. А до этого еще долго.

Точно. На беременной женщине и так лежит огромная ответственность, с нее даже взятую ранее опеку временно снимают, чтобы полностью на будущем ребенке сосредоточилась. Теперь я вспомнила — мама об этом говорила. Впрочем, моя забывчивость объяснима, я же не думала, что меня это коснется лично и мне потребуется опека. И документы. А ведь на Атрионе ничего подобного и в помине нет!

Эх... Как все же многообразна и непредсказуема жизнь.

В тот же вечер в кабинете управляющего корпорации «Вектор»

— Я думал, этот день никогда не закончится...

Дмитрий Олегович, тот самый блондин, что днем сидел в жюри, сейчас аккуратно опустился на диван, стараясь не измять дорогой костюм.

— Вот только не надо меня убеждать, что ты жалеешь, что позволил Рисовской себя уговорить, — смешливо хмыкнул шатен.

Вошедший в кабинет первым, он, в отличие от собеседника, о сохранности вещей не заботился, поэтому, упав в стоящее во главе стола кресло, даже не подумал расправить заломы на брюках. Крутанулся на магнитной подвеске, закинул ноги на стол и с выражением необычайного удовольствия на лице уперся затылком в подголовник.

— Ах, хороша девочка... — мечтательно произнес.

— Ты о Флориане? — спокойно отреагировал блондин. — Голос у нее приятный.

— Голос! — фыркнул его друг. — Ты ослеп, что ли? Остального не видел? Когда она пела, я таких картинок с ней в постели навоображал, что теперь у меня только одна мысль: как бы ее на самом деле туда затащить. Может рискнуть? Ну, там, цветочки, подарки, ресторан... Как думаешь, согласится?

Поза изменилась. Ноги со стола мужчина убрал, подался вперед, опираясь руками на столешницу. Взгляд загорелся предвкушением и

азартом.

— Ты же о ней ничего не знаешь. Ни где живет, ни...

— Знаю. Слежка, по-твоему, на что? — Напора в голосе землянина не убавилось, он торопливо активировал прибор на запястье, чтобы вывести на объемный голоэкрэн, окутавший его руку, нужную информацию. — Вот адрес. Дом и частное кафе. Наверное, она там работает. Отличный шанс познакомиться! Завтра же сходим.

— Она конкурсантка, Эд! — осадил друга блондин. — Если тебя этот факт не смущает, то я обвинений в пристрастности не хочу. И подставлять девочку — тоже. Она достойна победы.

— Какой ты скучный, Димон. — Эдуард поморщился. — Ладно, не буду я ее дискредитировать. Уговорил. Оставлю десерт на закуску. Но после финала... — протянул многозначительно, выключая коммуникатор.

Солнечные лучи проникали сквозь щели в бордовых занавесях окон и скользили по стенам, отделанным темным полированным деревом. Мелкие пылинки плясали в световых столбах, потревоженные ветром, залетающим с улицы в дверной проем. Сидящие за столами посетители, забывая о еде, вслушивались в звуки, заполняющие помещение. А я ничего этого не видела. Я пела. Перед внутренним взором расстилалась бескрайняя желто-красная пустыня, такая привычная, родная, — волнистый звуковой перелив... Бледно-сиреневое небо, наполненное туманной дымкой, давило, было плотным, осязаемым, — и звук совсем глухой... Капли дождя, поначалу мелкие, затем все более крупные и частые, оросили поверхность дома, окатив влагой, — а вслед за ними и мелодия каскадом ухнула вниз.

Надо признать, земной облик оказался вполне приемлемым для пения. Я быстро разобралась, как убрать дефекты, которые так напугали меня во время выступления. На самом деле, если бы я сообразила хоть раз полноценно спеть до этого, то наверняка обошлось бы без эксцессов. Но, как говорит моя мама, все мы крепки задним умом. Даже атрионы.

Однако это не помешало мне в полной мере пользоваться предоставленной возможностью репетировать в кафе. Я, что называется, дорвалась! Накопившееся за время вынужденного «молчания» желание самореализации теперь выплескивалось на тех, кто имел

неосторожность заглянуть на перекус.

Удивительно, но таковых становилось все больше. Если два дня назад я распевалась в зале, где сидел всего один посетитель, то сегодня тут был, можно сказать, аншлаг. И это при том, что я не пела в эмоциональном смысле! Я всего лишь тренировалась не сбиваться с вокальной линии!

Однако и этого было достаточно, чтобы настороженность тех, кто впервые перешагнул порог заведения, сменялась удивленным восхищением, а предвкушение, написанное на лицах завсегдатаев, превращалось в удовлетворение. Меня это радовало — можно было надеяться, что и жюри тоже останется довольным.

Жюри... Непонятное у людей было состояние после моего выступления, словно из транса вышли. Атрионы на пение экзотов совсем иначе реагируют. А девушка, которая вручила мне пропуск-приглашение? Что за «другой мир»? О чем она говорила? Странно все это.

— Это тебе.

Вручив мне маленький букетик из желтых цветочков, обрамленных веточками, усыпанными крошечными ярко-зелеными листиками, Иванна вернулась к столу, который начала убирать.

Мне осталось лишь тяжело вздохнуть. Вот еще одна странность: в третий раз я получаю такой необычный знак внимания. И никак мне не удастся заметить, кто его оставляет, — неуловимая личность выбирает разные способы доставки. Позавчера букет на стойке позади меня оказался, а Рада, женщина-бармен, клянется, что никого не видела. Вчера — на подоконнике обнаружился. Сегодня — на столе...

Перебрав пальцами нежные растения и стараясь не обращать внимания на ожидающих продолжения посетителей кафе, я прихватила с полки небольшую вазочку, уже третью, и направилась в свою комнату. Мне через два часа в павильоне нужно быть, я и без того задержалась. К тому же идти придется одной: увы, но у кузины началось учебное время. Оксана все эти дни нервничала, пыталась убедить маму, что она должна меня сопровождать, но Анна оставалась непреклонна: никаких прогулов занятий.

— Ты справишься, Рианна, — напутствовала меня сестричка, прежде чем убежать к дожидавшемуся ее у входа летару. — Обещай, что все силы приложишь, чтобы спеть красиво и победить! А я потом в

записи твое выступление посмотрю. В новостях говорили, что всех, кто отборочный тур прошел, показывать будут.

Разумеется, я именно это пообещала. Ничем не выдала, что расстроилась. А ведь с маленькой чудесной помощницей мне было бы спокойнее.

Букетик занял свое место на столе, присоединившись к тем, что обосновались там ранее, а я, прихватив пакет с платьем, отправилась в павильон. Переодеваться буду на месте, не хочется лишний раз притягивать взгляды на улице, все же одежда не повседневная, нарядная.

И лишь когда вытащила и расправила аккуратно сложенную ткань, поняла, какую совершила ошибку — на юбке не было живого места. Мелкие проколы, небольшие дырочки, крупные дыры... Выйти в такой на сцену просто нереально.

— Ого... — раздался за спиной изумленный выдох.

Я невольно обернулась. Светловолосая девушка — одна из конкурсанток, которых в комнате было не так уж мало, — словно не веря тому, что видит, осторожно протянула руку и погладила пальцами кусочек оставшегося невредимым материала.

— Такое качество изумительное, — потрясенно выдавила террианка. — И у кого только рука поднялась?

У кого... Хороший вопрос. А ведь я даже ответ знаю. То есть почти знаю. Кроме Иванны напакостить было некому — только она заходила в комнату, чтобы убратся. Правда, при мне приходила, и у шкафа, где лежал пакет, лишь на несколько секунд задержалась... Однако же во взгляде вручившей букет девушки мне почудилось злорадство. Жаль, я раньше этому значения не придавала. Представить, что она способна на подобное... У меня и тени подозрений не возникло!

Н-да... И что же теперь делать?

— Запасная есть? — ахнув, поинтересовался еще кто-то.

Сочувствующих прибавилось. Вскоре почти все конкурсантки собрались вокруг меня, чтобы... Очень разным было это самое «чтобы»! Кто-то искренне сопереживал, кому-то просто было любопытно, кто-то даже радовался, пусть и тщательно пытаясь это скрыть.

— У меня ничего нет...

— И я не подумала, что понадобится...

— Размер точно не подойдет...

— Следить нужно было...

Восклицания сыпались одно за другим, а девушки начали расходиться. В итоге со мной осталась лишь та самая блондиночка, которая подошла первой. Она бросила возмущенный взгляд на самоустранившихся конкуренток, посмотрела на невзрачный серый костюм, в котором я пришла, и покачала головой:

— Это не вариант, даже не думай.

Я и не думала. Вернее, думала, но о другом. Верх платья остался невредим. На Терре вроде нормально к открытым ногам относятся. По крайней мере, у двух конкурсанток юбки совсем короткие...

— Здесь можно найти ножницы? И чем скреплять ткань. Поможешь? — решила попросить, раз уж девушка по-дружески ко мне отнеслась.

Идею она поняла без объяснений, убежала так же быстро, как и вернулась. Мы торопливо резали материал и, используя липнущую с двух сторон узкую ленту, сооружали многослойное нечто, закрепляя его прямо на мне.

Времени до начала выступления оставалось совсем мало, но все же мы успели. Юбка теперь заканчивалась чуть выше колен и была асимметричной. Поэтому выглядела своеобразно, однако вполне могла сойти за экзотический шедевр дизайнерской мысли. Я надеялась, что она не развалится прямо на сцене. Портили сценический образ только туфли — удобные, мягкие, больше похожие на тапочки. Длинная юбка в пол с легкостью их скрывала, поэтому мы с Оксаной и не задумались об обновке. Теперь же проблема оказалась на виду, а решить ее, как первую, не представлялось возможным. Да и некогда.

— На выход, на выход, девочки! — торопил нас гортанный женский голос. Его обладательница — немолодая растрепанная террианка, в очках и не совсем опрятном одеянии — суматошно сверялась со списком, осматривая и считая кандидаток; металась по помещению, наверняка полагая, что этим она нас торопит; в общем, создавала сутолоку и нервную обстановку.

Сунув ноги в туфли, я поспешила за семенящими по коридору девушками.

Если во время отборочного тура мы не имели возможности видеть выступления других (за одним-единственным исключением), то сегодня сценарий конкурса предполагал иное. Все пятнадцать претенденток,

жаждущих славы и внимания, сидели за спинами жюри. То есть за спинкой дивана, где должны были располагаться члены жюри, — их места пока пустовали. Изменился и зал. По моим ощущениям, он стал больше, хотя, конечно, утверждать не рискну. А вот то, что в нем, кроме зрителей, появились и другие действующие лица, — это точно. По сцене и между рядами серыми тенями шныряли сотрудники павильона. То ли что-то отыскивали, то ли проверяли. Справа от нас три террианки в черной униформе с надписью «Мегазвезды» на рукавах вытаскивали из контейнеров маленькие приборчики, запускали их и с жаром обсуждали траектории, по которым камеры должны летать по залу. Все выходы были под бдительным оком охранников, с ног до головы экипированных, в закрытых шлемах, в форме с накладками... Я даже их пол не могла определить. А прямо перед нами, сопровождаемая подобострастными взглядами суетливой террианки-организатора, расхаживала ведущая. Видимо, в ее обязанности входило не только оценивать наши таланты, но и инструктировать.

— Итак, красавицы. Вы здесь только потому, что королеве нужен этот фарс, и ровно до тех пор, пока я вами довольна! Так что слушать меня внимательно! Выполнять распоряжения неукоснительно! Забыть о собственной значимости! Лица сделать проще. Гонора поменьше. После выступления в пререкания с жюри не вступать. Мнения, даже отрицательные, выслушать с улыбкой и благодарностью в глазах, на губах и прочих частях тела. Надеюсь, не будет никаких сюрпризов. Не смей портить мне шоу! Это ясно?

Она остановилась и прошлась по нам строгим взглядом. Заправила за ухо длинную темную челку, которая упорно падала ей на глаза, и облокотилась на диван, чтобы легче было стоять. Устала, вероятно. Каблуки у нее были немаленькие.

— Сейчас режиссер... Надя! — повернув голову, крикнула она в зал.

Одна из женщин, настраивающих летающие приборы, тут же оставила своих напарниц и бросилась к нам.

— Рината Юльевна, я тут! — сообщила, хотя это и так было ясно.

— Надежда решит, в какой последовательности вы будете выступать, — продолжила ведущая. — Утвердит аранжировку и ваш сценический образ. Соответствовать рекомендациям максимально. Вопросы?

Выражение раскосых глаз было таким, что сразу становилось понятно — вопросов быть не должно. И все же одна из девушек рискнула:

— Если что-то пойдет не так, можно ли рассчитывать на повтор? Это же не прямой эфир, а запись.

Голос звучал уверенно до тех пор, пока Рината не отрубилась:

— Вы в курсе, милочка, сколько стоит минута моего рабочего времени? А всех остальных? Вы готовы их оплатить?

— Нет, что вы, простите...

Ее лепета никто не слышал — он был просто никому не интересен. Ведущая отвлеклась на что-то, происходящее за нашими спинами, и с негодуящим: «Эй! Я что говорила?!» — исчезла из зоны видимости, а режиссер уже стояла напротив конкурсантки, занявшей место с краю.

— Мой псевдоним — леди Гарэтта, — неожиданно заговорила соседка.

Мы ведь, пока кромсали мою юбку, даже познакомиться толком не успели, а теперь для этого появилось и время, и возможность.

— Флориана, — представилась я в ответ. — А что такое «леди»?

— Я не уверена, — смущенно улыбнулась блондиночка, — но в инфобазе написано, что земную тысячу лет назад это была распространенная приставка к женскому имени у знаменитостей. Так что это на удачу приставка. Мне очень нужно победить.

Нужно. То есть обязательно. И я даже не сомневалась в ответе, когда уточнила:

— Из-за гражданства?

— Нет, — тряхнула головой террианка. Спихватилась и, лишь пригладив разлетевшиеся волосы, продолжила: — Это мне как раз совсем не нужно, я от него откажусь.

— Почему? — Мое изумление зашкалило.

Мне казалось, что статус гражданина Конфедерации — предел мечтаний любого человека. По крайней мере, моя мама ради него даже фиктивно замуж вышла и на работу согласилась, к которой совсем не была готова. Да и Оксана именно поэтому на Земле учиться хочет.

— Потому что гражданам вступать в однополые браки запрещено. А у меня на примете есть девушка в пару. Так что я из-за денег участвую, чтобы опеку над ребенком можно было на меня оформить.

— Ты беременна? — Я невольно опустила взгляд на совсем

плоский животик.

— Нет, это моя будущая пара беременная.

— А как же отец ребенка? Он жениться не хочет?

— Ты, наверное, в Первом живешь? — грустно усмехнулась Гарэтта и продолжила, когда я кивнула: — Потому и не понимаешь. Это у вас тут мужчин много и есть возможность выйти замуж, а в других городах их по-прежнему либо совсем нет, либо считанные единицы. Те же, кто временно поселяется, делают это отнюдь не для серьезных отношений...

— Развлекаться они прилетают, — фыркнул кто-то. Приглушенно, но с отчетливыми презрительными интонациями. — Ребенка заделают, опеку на него оформят и слинянут к жене на Землю. Или в Первый.

Моя соседка по правую руку оказалась Анжеликой.

— Ну да, — согласилась с ней Гарэтта. — Что же нам, из-за этого всю жизнь жить в одиночестве?

Логичный вопрос. И правильное рассуждение. Жить одному невозможно. Ни на Атрионе, ни на Терре. А семья... Семья может быть разной — тут все от социума и физиологии зависит. Значит, не должно быть шаблонов. Хотя, конечно, это странно, что земляне и террианки за столько лет не смогли вернуться к нормальным для их вида отношениям, а воссоединение миров — лишь внешняя красивая оболочка. Понять бы причину...

— Так, что тут у нас?

Я настолько ушла в себя, что даже не заметила, как Надежда возникла передо мной. И удивилась, ведь времени прошло совсем немного. Неужели она настолько быстро со своей работой справляется?

Ох, еще как быстро! Убедилась в этом немедленно, потому что, осмотрев меня с ног до головы, режиссер непререкаемо выдала:

— Огненный цветок. Подсветка снизу, нарастающая с градиентом, вспышка в конце.

— Принято, — отозвался едва слышный голос из приборчика, закрепленного у нее на виске. — Следующая. Леди Гарэтта. Выбрана композиция «Рауф».

В наушнике послышались звуки музыки, террианка шагнула к моей соседке, а я так и осталась сидеть с приоткрытым от изумления ртом. Лихо!

Между тем подготовка продолжалась. Вернее, была близка к

кульминации, потому что в зале наконец-то появилось жюри. Девушка сегодня сменила красное платье на не менее яркий бирюзовый костюм, а распущенные волосы собрала в высокую прическу. Мужчины решили имидж не менять, разве что шатен предпочел снять пиджак, подойдя к дивану. Бросив его на спинку, осмотрел конкурсанток и широко улыбнулся, почему-то задержав взгляд на мне. Лишь затем опустил на сиденье, вполоборота, определенно стараясь не выпускать меня из виду.

Блондин вел себя куда более нейтрально. Помог сесть девушке, отыскал глазами ведущую, пододвинул к себе маленький, парящий в воздухе голоэкрэн. Перебросил на него какую-то информацию и уткнулся в эти записи.

Чем же он так увлечен, выяснить я не могла. Поэтому, стараясь не замечать взглядов шатена, который без стеснения рассматривал не только меня, а поставил себе целью смутить всех, прислушивалась к болтовне Анжелики и Гарэтты.

— Я Милану Огровскую обожаю, она мой кумир!

— Да-да, так, как она, сыграть роль Дианы никто бы не смог...

Громкий шепот наверняка слышала и сама актриса. Да, она старалась не оборачиваться, но я видела растянутый в улыбке уголок рта. Внимание и комплименты ей определенно были приятны.

Милана вообще держалась неизменно позитивно, открыто и естественно, демонстрируя свои эмоции немедля. Кстати, оценивала выступления она тоже в лоб. Сначала красочно хвалила за удачные моменты, а потом с той же прямоотой и честностью указывала на дефекты. В отличие от нее, ведущая на комплименты скупилась, зато даже к мелочам придиралась знатно. Мне было безумно жаль Гарэтту, стоящую в бледно-розовом воздушном одеянии на усыпанной белыми хлопьями сцене и вынужденную выслушивать замечания. А ведь пела девушка прекрасно! Нежно, чисто, трепетно. Той же Анжелике до нее далеко. Впрочем, критику Ринаты с лихвой компенсировала витиеватая похвала шатена. И короткое, но емкое «изумительно!» от блондина.

Я тоже хотела похвалить девушку, поддержать, когда вернется на место, но не успела. Наверняка противопоставляя нас, меня вызвали следующей. Почему так? Да потому, что контраст был налицо! Светлые, идеально гладкие волосы до плеч, длинное аккуратное платье, изящные туфельки — у Гарэтты. А у меня — темные как ночь локоны по пояс, желтый корсаж, ставший совсем ярким и броским из-за освещения,

«рваная» юбка выше колен и босые ноги.

Ну да, я не придумала ничего лучше, чем выйти на сцену босиком. В любом случае это было правильнее. Я не хотела испортить невзрачной обувью сценический образ, которому Надежда так точно и удачно подобрала название!

К тому же музыкальная композиция, которую я для себя выбрала, была резкой и тревожной. Она напомнила сезон затмения на Атрионе, когда несозревшие, дикие дома, лишённые света Аш-Хори и не умеющие его запасать, рвутся к любому потенциальному источнику пищи. В такие ночи стоять на спине «Дизара» по-настоящему страшно. Безопасно, но от этого не менее жутко. И одновременно прекрасно, потому что в непроглядном мраке, сопровождаемая отрывистым визгом, разноцветными искрами вспыхивает флуоресцентная вязь на шкурках невидимых в темноте домов. Сплетается в тесном контакте, играя радужными переливами, когда хищник обнимает жертву. Перерождается в мягкое урчание, лишаящее обречённого на смерть возможности сопротивляться. И с триумфальным ревом вспыхивает ярким заревом, а затем медленно угасает под затихающие стоны — довольные и жалобные одновременно.

Нет, я их не воспроизводила. Я пела, баюкая голосом ночную тьму, лаская мягкими переливами спинки домов, уговаривая стихнуть остывающий ветер. Спихватилась только тогда, когда вдруг осознала, что мелодия, наложившаяся на картинку, близится к завершению. Увлечённая воспоминаниями, совсем забыла о жюри и зрителях. Мне теперь не хватит времени, чтобы определить, чем именно в эмоциональном смысле дополнить звукоряд!

Торопливо посмотрела на судей — думала, как в прошлый раз, придется на них ориентироваться, зрителей же не видно. Однако ошиблась. Видимо, из-за иной подсветки как раз зал просматривался лучше всего. И первое, что я заметила, — непонятную сутолоку у входа. Словно кто-то пытается войти, а его не пускают.

Натиску охрана павильона уступила быстро: похоже, у нежданных гостей достаточно полномочий, чтобы целой толпой ввалиться прямо во время выступления. Ведь даже не стали ждать, пока я петть закончу.

— Прекратить! — громко выкрикнула появившаяся первой высокая худощавая террианка, затянутая в серый с белыми нашивками комбинезон.

Не дожидаясь, пока музыка смолкнет, она решительно спустилась по ступеням к подножию сцены, где сидело жюри. Следом за ней серыми тенями скользнули еще шесть девушек, нижняя часть лиц которых была закрыта не то щитками, не то плотной тканью. На возмущение и ропот сидящих в зале зрителей никто из них внимания не обращал. Они себя вели по-хозяйски. Так, словно им здесь все обязаны подчиняться.

— Вы что себе позволяете?! — гневно выдохнула Рината, медленно поднимаясь с дивана. — Немедленно покиньте павильон!

— С удовольствием это сделаю. Только вместе с одной из ваших участниц. Она должна пойти с нами. — Стальной взор впился в меня, не оставляя сомнений, о ком именно идет речь.

— Зачем? — невольно сорвалось с губ.

— У нас к вам есть несколько вопросов. Вы на них ответите и вернетесь.

Вопросы? Какие ко мне могут быть вопросы? Сначала я растерялась, а потом испугалась. «Какие»?! Да ко мне их действительно больше, чем ко всем террианкам вместе взятым!

Незнакомка, видя, что я не двигаюсь, начала терять терпение, потому и приказ прозвучал хлестко:

— Спускайтесь, Флориана! Не заставляйте нас применять силу!

— На каком основании вы ее забираете?

Мужской голос, уверенный, спокойный, прозвучал так неожиданно, что две девушки-военные, уже шагнувшие к сцене с явным намерением стащить меня вниз, замерли. Хотя, возможно, сделали они это еще и потому, что блондин (а это он так вовремя вмешался) встал у них на пути, закрыв собой ступени.

— Прошу вас нам не препятствовать, — едва заметно, но все же встревожилась главная. Наверное, если бы я в этот момент не смотрела на ее лицо, то не успела бы этого заметить. — Мы всего лишь выполняем распоряжение.

— Хотелось бы его увидеть, — не сдался мужчина.

Явственно скрипнув зубами, террианка подняла руку на уровень груди. В воздухе рядом с ней возник полупрозрачный текст, вполне различимый для тех, кто стоял вблизи. Увы, не для меня.

Пока землянин скрупулезно изучал документ, к нему присоединился шатен. Он с любопытством взглянул на голоэкранный текст, но

читать не стал, решив не вникать в бюрократические нюансы. Зато обернулся ко мне и, ободряюще улыбнувшись, подмигнул. Типа нечего опасаться, все нормально будет.

— Процедура задержания инициирована службой внутренней безопасности Терры и не санкционирована отделом внешнего контроля Конфедерации, — наконец резюмировал блондин. — Девушка — не гражданка и по возрасту находится в категории естественников. Следовательно, забрать ее на допрос вы можете, только имея на то согласие от опекуна.

— При наличии того, — скорректировала безопасница. — В данном случае личность опекуна не выяснена. Давайте прекратим бессмысленную дискуссию. Флориана, спускайтесь к нам.

Она определенно знала, что у меня нет ни документов, ни того, кто готов брать на себя ответственность за мои поступки и защищать мои интересы!

Но даже понимая, что идти все равно придется, я не смогла сдвинуться с места. Беспомощно осмотрела зал, словно оттуда могла прийти поддержка, однако лишь убедилась, что ведущая, как, впрочем, и Милана, ничего предпринимать не станут — они обе просто ждали, чем все закончится. Конкурсантки шушукались, вполголоса обсуждая происходящее. Шатен, удивленно приподняв брови, переводил взгляд с меня на безопасницу. И лишь в глазах блондина, обернувшегося ко мне, отчетливо читался вопрос: «Она права?»

Я сделала судорожный вдох, потому как дыхание перехватило, и нервно стиснула пальцы. Во взгляде мужчины появилось совершенно непонятное выражение, и он отвернулся. Вернее, вернулся к оппонентке.

— Не выяснена — это не значит, что его нет, — его настрой стал еще решительней.

— Объяснитесь, — нахмурилась та.

Еще один краткий взгляд на меня, и уверенное:

— В настоящий момент обязательства по опеке находятся в моей компетенции...

— Дмитрий Олегович! — перебив землянина, ахнула Рината Юльевна. — Как можно?! Вы же... Вы же... — Слова на этом закончились. Не то негодование, не то изумление напрочь стерли их из памяти ведущей. Она лишь открывала рот, пытаясь сформулировать

свою мысль, которая и без того была всем понятна, даже мне, неискушенной в принятых у людей правилах и нормах. Наверняка участие в отборе конкурсантки, имеющей опекуна среди членов жюри, было, мягко говоря, неэтичным.

А вот безопасницу волновало иное.

— В таком случае, — практически прошипела она, — прошу вас позволить нам забрать для беседы вашу подопечную.

— Не позволю.

— Правильно, — раздался еще один мужской голос. Тяжелый, хрипловатый, уставший.

Никто и не заметил, как в зале появился еще один гость. Когда-то, несомненно, темноволосый, теперь же практически седой. Невысокий, сухопарый. Несмотря на преклонный возраст, практически без морщин — в уголках глаз и рта не в счет. Светло-светло-серые радужки почти сливались со склерой, четко выделялась лишь черная точка зрачка. Оттого и взгляд был колким, острым.

И именно этот взгляд террианку смутил настолько, что ее лицо вновь на краткий миг исказилось. Она испугалась. Вот только чего? Самого мужчины или последствий, которые несло его появление?

— Так кто из вас ее опекун? — взяв себя в руки, уточнила.

Незнакомец посмотрел на блондина, и в его глазах появились смешинки.

— Я — основной, а Дмитрий Олегович — по совместительству, так сказать. Мне, знаете ли, часто приходится быть вне доступа, а подопечная у меня бойкая... — Он извиняющимся жестом развел руки в стороны. — Однако раз я все же здесь, то все интересующие вас вопросы вы можете задать мне в письменной форме. Ответы получите в течение суток. Вот мой персональный код.

Мужчина, оттянув на запястье рукав светлого объемного свитера, показал террианке браслет.

— А если... — неуверенно начала та, копируя информацию.

— Если к нашей подопечной возникнут иные претензии, они так же будут рассмотрены и компенсированы в установленном законами Конфедерации порядке, — уверенно пресек попытку продолжить дискуссию незнакомец. — У вас есть возражения?

Возможно, они и были, но высказывать их благоразумно никто не стал. Безопасница отрывистым движением мотнула головой,

приказывая своим подчиненным уходить, и столь же резко развернулась, чтобы пойти следом.

Глава 5

ПРОБЛЕМА РЕЗОНАНСА

Из переговоров спецслужб Терры

- Мы не успели...
- Короче говоря, вы ее упустили.
- Я ничего не могла сделать. Простите.
- Черт побери, Даная! Вам всего-то и нужно было быстро и потихому увести с собой девчонку!
- Я знаю. Но обстоятельства...
- Какие еще обстоятельства?!
- Когда мы прибыли на место, было уже поздно. Она в студию ушла. Мы бы дождались на входе, пока она выйдет, и спокойно ее увезли, но поступила информация, что Саталь в сопровождении своих людей прошел через порталный комплекс. Мне пришлось действовать открыто и без промедления.
- Дальше.
- Не вышло. Инспектор вмешался. Пока я с ним пререкалась, Натан Лайрович успел добраться до павильона.
- Натана понимаю, он своего никогда не упустит. Кто ему сообщение послал? Анна?
- Оксана.
- Ладно, разберусь... Но что ж Лисовскому спокойно-то не сидится! Мне и так его проверки как кость в горле!
- Вы же сами его в жюри впихнули...
- Отвлечь впихнула, а не для того, чтобы он вмешивался! Чтобы девчонками увлекся и бдительность растерял! Слишком уж дотошно копает, сволочь.
- Он и увлекся. Заявил себя опекуном.
- Блефовал? Или... Хм... Может, на самом деле... Тогда донос — провокация? С другой стороны, воздействие, аналогичное шеклаку, подтвердилось... Отправителя анонимки нашли?
- Ищем.
- Если и его упустите, головы сниму. Из-за вашей

нерасторопности теперь мы все под угрозой разоблачения. С инвестором связались? Что она говорит?

— Ничего нового они не изготавливали. Упаковки стандартные. Если это эксперимент, то не их.

— Не их. Ладно. Девчонка наверняка знает, чья это работа! Взяли бы ее, и все моментом прояснилось бы, а теперь к ней не подступиться. Ах, Даная, ведь дело было простое! Настолько простое, что вы не справились!

— Виновата. Стечение обстоятельств...

— Хватит оправданий! Расследование провести в кратчайшие сроки. Наблюдение с конфедералов не снимать. Сообщать мне сразу обо всем мало-мальски подозрительном.

— Может, к девочке попытаться подобраться? Организовать ей подругу, вывести на разговор...

— Нет, не стоит. Это риск. У нас коронация на носу, и меньше всего мне нужно, чтобы Натан заявился с претензиями. Пусть своей протеежке занимается. Если она ему что-то расскажет, мы по его действиям это поймем. Так что пока только слежка, но очень осторожная. Вы меня поняли?

— Надеюсь, вы меня поймете правильно, Дмитрий Олегович. В свете открывшихся обстоятельств вы не можете находиться в составе жюри. — Рината заговорила первая, даже раньше, чем за безопасниками закрылись двери.

Демонстрируя свое разочарование, ведущая с размаху села на диван, сердито складывая руки на груди, а обиженный взор устремился на меня, словно это моя персона была виновата в том, что мужчина скрывал информацию.

— Я понимаю. И приношу свои извинения. — Дмитрий коротко поклонился. — Думаю, вы без проблем найдете мне замену.

— Тебя и к этому привлекли? — неожиданно рассмеялся незнакомец, с любопытством наблюдавший за происходящим. — А я понять не могу, что ты здесь делаешь. Ну, девки... Ох! — Он потер пальцами веки, развернулся ко мне и, протянув руку, ласково позвал: — Иди сюда, моя красавица. Дай хоть дедушке тебя обнять, а то эти бюрократы никак не наговорятся.

Дедушка? Это по возрасту или?..

Как во сне, я шагнула вниз, тут же попав в крепкие объятия.

— Худенькая какая, — посетовал дедушка. Провел горячими ладонями по моим плечам и обеспокоился: — Замерзла?

Я кивнула, только теперь осознав, что в нервном напряжении даже этого не заметила. Переступила на холодном полу.

— А босая почему? Обувь твоя где?

Конкурсантки зашевелились, вероятно отыскивая мои туфли, вот только Дмитрий ждать не стал.

Краткое: «Позвольте?» — и я оказалась на руках мужчины, который не раздумывая поднял меня над полом.

Ошеломленная, я тихо ойкнула — для моего сознания подобный поступок стал полной неожиданностью. А вот организм на непривычную близость отреагировал своеобразно: руки сами легли на широкие плечи, сердце бешено забилося, дышать стало сложно, холода я больше не чувствовала — жаркая волна прошла по телу.

Мне с трудом удалось вернуть себе уравновешенное состояние. Возможно, у людей так принято. К тому же Дмитрий при всех назвался опекуном, значит, имеет право проявить заботу и внимание.

Правда, бросив взгляд на остальных, я начала в этом сомневаться. Нет, для кого-то все выглядело естественно — конкурсантки хихикали, женская половина жюри вообще что-то свое обсуждала. Но шатен, например, замер в таком потрясении, словно это я сама к Дмитрию на руки прыгнула. Да и на лице дедушки одна бровь поползла вверх, а он сам едва слышно пробормотал: «Вот так, значит...»

А дальше я уже не знала, что и думать, потому что зрители, до этого сидящие смирно и создающие лишь слабый шумовой фон, вдруг повскакивали с мест. И из зала меня вынес Дмитрий под шквал аплодисментов и громкое «браво!».

— Почему они так кричат? — не выдержав, все же решилась я на вопрос.

— Вы очень хорошо пели, Флориана, а у зрителей нет иной возможности вас поблагодарить и поддержать. Тем более ваше выступление так грубо прервали.

Голос звучал мягко, ровно. В нем не было ни заигрывания, ни льстивых ноток, ни намека на флирт, ни попыток показать особое отношение. Ясно, что мне просто помогают, потому что в этом есть необходимость.

Охватившее меня беспокойство начало исчезать, зато появилось иное чувство, спровоцированное не интонацией, а тем, что из зала мы попали в коридор и теперь движемся на выход.

— Мы уходим? — спохватилась я. — Разве мне не нужно остаться? Ведь выступления еще не завершились, а... — Я не договорила, потому как осознала то, что землянин наверняка понял сразу. И тоскливо уточнила: — Меня отстранят от участия, да?

— Не расстраивайся.

Ответил мне не Дмитрий, а дедушка. Задержавшийся в зале, он все же нас догнал и теперь шел рядом. Кстати, не только он. Я с удивлением обнаружила за нашими спинами еще троих мужчин. Невозмутимых, в строгих одинаковых темно-синих костюмах, внушающих одну мысль — держаться от них на расстоянии. Охрана?

— Дмитрия не вини, — наставление прозвучало весомо, хотя у меня и в мыслях не было этого делать. — И вообще, неладно что-то с этим конкурсом. Разобраться нужно.

Последнему заявлению я удивилась, у меня совсем иное впечатление сложилось. Конкурс как конкурс. Обычное соревнование. Хотя, конечно, много ли я понимаю в интригах и отношениях людей?

— А как же моя одежда? — вспомнила я, подтянув к коленям ткань, упорно не желающую закрывать мои ноги.

Я старалась не концентрироваться на том, что мужская рука, вернее, ладонь, которая меня держит, лежит на... в общем, весьма специфически лежит под юбкой, обжигая обнаженную кожу!

— Новую купим, — успокоил дедушка. — Или старая тебе так сильно нужна? Тогда я за ней отправлю кого-нибудь. Позже. Сейчас есть дела поважнее.

— Какие? — не удержалась я.

— Ты такая же любопытная, как твоя мама. — Умиления в голосе было столько же, сколько и ласки в блеклом взгляде. — Про внешность можно и не говорить. Я бы понял, что ты моя внучка, даже просто встретив на улице.

Значит, он дедушка не только по возрасту. Вот только если я обрадовалась, то Дмитрий... Он вздрогнул. Совсем чуть-чуть, едва заметно, так, словно оступился на ступенях, с которых спускался. Однако я это ощутила.

Получается, он не знал? Для него это неожиданность? Странно,

особенно если учесть, что они знакомы. То есть мой новоявленный родственник мужчину знает, раз по имени-отчеству назвал, а вот верно ли обратное? Или же у подобной реакции есть иное объяснение и я опять делаю неправильные выводы?

— Дмитрий, у тебя три часа, потом явишься ко мне. Отчет готов? Впрочем, не важно. Покажешь то, что есть. И по «Северному вектору» прихвати документы, — неожиданно четко, властно, совершенно иным тоном распорядился дедушка.

Я даже испугалась, слишком уж резкой была эта смена поведения.

— Хорошо, Натан Лайрович, — беспрекословно подчинился приказу Дмитрий.

Я же мысленно застонала, осознав свою ошибку. Тут не просто знакомство. Тут отношения «начальник — подчиненный»!

Усадив меня на сиденье летара, стоявшего практически у самого входа в павильон, мужчина отступил. Смотрел ли он в этот момент на меня или же предпочел побыстрее забыть о существовании опрометчиво выбранной подопечной, я так и не узнала — обзор закрыл забирающийся следом родственник. А когда мы взлетали, внизу уже никого не было. Дмитрий исчез.

— Не волнуйся, куда твой ненаглядный не денется.

От этих слов, сказанных с добродушной иронией, меня снова окатило жаркой волной, а щеки запылали так, что я даже ладони к ним прижала, чтобы охладить. А еще до меня дошло, как неприглядно выглядит поступок землянина в глазах дедушки. Ведь он подумал, что Дмитрий намеренно вызвался стать опекуном, а не решился на это спонтанно, желая всего лишь помочь.

— Вы ошибаетесь, — пискнула я. — Мы не пара. И даже не знакомы. Я его вижу второй раз в жизни. И он тоже... — заторопилась, опасаясь, что мне не поверят, перебьют, снова съязвят, и осеклась, когда, подняв голову, увидела внимательный, совершенно серьезный, сосредоточенный взгляд.

— Он о тебе ничего не знал? — лаконичный вопрос, и столь же краткое: — Хорошо. — Мой отрицательный жест головой дедушка принял, не требуя дополнительных подтверждений. И продолжил, не меняя рассудительных, лишенных излишней эмоциональности интонаций: — Рианна, я очень надеюсь, что без моего разрешения ты не будешь ни с кем обсуждать свое происхождение. Это во-первых. А во-

вторых, перестань мне «выкать». Я все же твой дед, значит, официальное обращение неуместно.

С одной стороны, я почувствовала облегчение, потому что смогла кивнуть, соглашаясь со второй просьбой. А с другой — волна беспокойства не позволила умолчать о первой.

— А если... Если я уже?

— Что «уже»? — нахмурился дедушка.

— Уже обсуждала.

— С кем?

Вопрос был отрывистым, неприятным. Теперь я понимала маму, которая вроде и с нежностью говорила о своем отце, но одновременно в ее словах чувствовалась дистанция, которую она пыталась держать, когда с ним общалась.

— Анна знает, что мой папа атрион. И Оксана.

Про Вет-Ла все же не сказала. Не решилась. Слова словно застряли в горле от одной только мысли, что я обещала молчать.

— И только-то? — Дедушка с облегчением выдохнул, вновь возвращая себе добродушный облик. — Не переживай. У Анюты прекрасно выработано понимание того, что и кому можно рассказывать. Да и Оксана, хоть и маленькая еще, уже умеет правильно оценить важность информации и степень разглашения. Ни разу не ошиблась, когда я для нее проверки устраивал. И чутье на назревающие неприятности у девочки исключительное, иначе меня бы здесь сейчас не было, а тебе бы пришлось испытать на себе все прелести общения со спецслужбами.

— Вы... Ты знал, что это произойдет?

— Я не исключал такого сценария. Потому и торопился. И не ошибся, как видишь.

На одну загадку стало меньше — неожиданным появлением родственника я обязана кухне. Ответ на вопрос об испорченном платье тоже сомнений не вызывал. Узнать бы еще, кто дарил мне цветы...

Украдкой посмотрела на задумавшегося о чем-то дедушку. Пальцы переплетены, кисти сложены на светлых бежевых брюках и слегка подрагивают в такт ритмично работающему двигателю. Волосы, на макушке намного более длинные, чем на висках и затылке, тоже чуть заметно шевелятся — это ветер проникает в почти незаметные щели изолированного от водителя пассажирского отсека. Взгляд

расфокусирован, хоть и направлен на меня.

Интересно, почему он не спрашивает о маме? О моем отце. О жизни на Атрионе и о том, как я попала на Терру. Ему это неинтересно? Сомнительно. Может, считает, что обстановка не соответствующая? Или что сейчас не время для такой беседы? В любом случае подобной выдержке можно позавидовать. Я бы на его месте точно уже все вопросы задала.

Сдвинулась на сиденье, чтобы оказаться ближе к краю. Прижалась лбом и ладонями к прозрачной преграде, рассматривая местность, над которой скользил в воздухе летар. Под нами — каменистая долина, прорезанная глубокими трещинами. Слева уходит к горизонту ровная, как стол, равнина, покрытая сухой желтой растительностью. Впереди — холмы, за которыми виднеются высокие постройки.

— Куда мы летим?

Ведь не хотела отвлекать, то есть привлекать к себе внимание, а все равно не удержалась.

— В «Западный вектор», я обычно там останавливаюсь, когда на Терре бываю.

— Западный... что? — не поняла я наименования. Странное какое-то сочетание.

— Вектор. Это название жилого комплекса, который строился на средства Конфедерации. Есть еще один, «Северный», но его достраивают. Через три недели готов будет.

Через три? Значит, к коронации... Ой, точно! Я вспомнила новостную программу, где как раз об этом говорили. Какая же я забывчивая и рассеянная!

Здания становились все ближе, и я смотрела на них как замороженная — никогда прежде не доводилось видеть подобного!

Массивные, конусообразные, вздымающиеся на ощутимую высоту, эти дома разительно контрастировали с маленькими домиками террианок. Даже дворец, который мне пусть издали, но все же удалось увидеть, вряд ли дотягивал до средних этажей бликующих отраженным светом сооружений землян. Возможно, высота спины «Дизара» могла бы быть с ними соразмерной, но я не уверена. Зрительная память — не эталон для сравнения. Вот слуховая...

Впрочем, и она не помогла. Звуки, которые на меня обрушивались, тоже не с чем сравнивать. Здесь не было хрипло шипящей тишины,

напоминающей о возможной связи с диспетчером. Не было вязкого шума влажного ветра, в котором гложут и становятся бесцветными голоса. Не было приглушенно-гулких протяжных отзвуков, порождаемых физиологией домов. «Западный вектор» землян был другим — звонким, громким, резким. Он даже отличался от террианского Первого — тоже отчетливого, но... не знаю даже... просто другого!

Если в Первом нежный шелест листвы и перестук капель дождя оттеняли высокие, ломкие голоса террианок, то в коридорах и на открытых площадках «Вектора» раскатами отражались от идеально гладких стен куда более низкие. Строгие, отрывистые, они возникали неожиданно, столь же быстро пропадали, и от наступающей тишины закладывало уши.

Это было владение мужчин. За весь путь от площадки, на которую опустился летар, до комплекса я не увидела ни одной женщины. Им словно не было места в мире ровных поверхностей, четких границ, массивных конструкций и прямого света, не позволяющего ничего оставить в тайне. Зато мужчины чувствовали себя здесь уверенно и комфортно. Думаю, муж Анны, попав сюда, точно бы преобразился. А может, и преображается: я же не знаю, где именно он работает. Только профессию.

— Где мы?

Со смешанным чувством удивления, непонимания и предвкушения чего-то необычного я рассматривала невероятно сложное, многоярусное строение, у входа в которое мы остановились. За темными дымчатыми полупрозрачными стенами, уходящими вверх, явно что-то происходило. Дрожали гладкие поверхности. Менялись свет и тень. Растекались и исчезали жутковатые пятна.

Дедушка, со всей тщательностью изучающий объемную голографическую панель, окружившую его голову, отвлекся, чтобы скользнуть по мне задумчивым взглядом.

— Тебе нужно себя в порядок привести. Сценический образ — это, конечно, хорошо, но непрактично и неудобно, — пояснил, возвращаясь к настройкам. А через минуту стена приглашающе растеклась в стороны.

Я неуверенно шагнула внутрь сияющего серебром, пустого, совсем небольшого куполообразного пространства, где, сопровождая тихое

переливчатое журчание бегущей воды, витал на удивление приятный аромат. Обернулась, успев заметить улыбку на бледных губах, прежде чем преграда снова сомкнулась. Видимо, мне самой придется разбираться, что здесь делать и как.

Не пришлось.

— Благодарим за то, что выбрали наш салон, — основательно меня удивив, проговорил приятный мужской голос. — Я ваш сопровождающий, Мивус — multifunctionальное информационное виртуальное устройство второго поколения. Прошу вас не скрывать своих пожеланий и потребностей, все они будут учтены при оказании услуг. В настоящий момент у вас есть особые требования? Тогда позвольте забрать вашу одежду и об...

На последнем слове Мивус запнулся и не договорил. Видимо, нечасто к ним попадали босоногие посетители. Зато из стен, которые ко мне словно приблизились, вылепилось несколько пар рук. Деликатно и быстро избавив меня от импровизированного наряда, втянулись обратно. Лишь одна осталась, чтобы помочь сесть в развернувшуюся под моими ногами емкость.

— Расслабьтесь, — ласково посоветовал сопровождающий, и одновременно с этими словами обнимающий меня материал стал совсем мягким, словно невесомым, да и меня саму чуть приподняло в воздух, окатив при этом волной пузыристой жидкости.

Я невольно засмеялась. Ощущения, которые дарила земная техника, были ничуть не хуже привычных атрионских. Гигиенические модули дома примерно так же ласково и одновременно настойчиво помогали привести себя в порядок. С учетом нюансов чуть иного тела, разумеется.

Все те же пластичные руки разминали мне мышцы, массировали кожу, наносили на нее умопомрачительно пахнущие массы. А еще вспенивали и взбивали волосы, что-то делали с ногтями, даже в рот залезли под лепетание Мивуса: «Простите за вторжение».

Но даже не это было самым удивительным. Иное. То, что происходило вокруг. Ведь стены помещения, в котором я находилась, потеряли свою однотонность и перестали быть плоскими. Сначала пошли переливами, затем маревом — и наконец сформировали вокруг меня изумительную по достоверности картинку.

Голубое, скатывающееся в синь небо. Плывущие по нему белые

облака упираются в горы — необычные, сглаженные. Под ногами стелется желтый мелкий песок, на который мерно накатывают невероятные в своей прозрачности волны.

Это не был океан Атриона, значит... Значит, земной.

Я так пристально всматривалась в пейзаж, что даже перестала концентрироваться на процедурах. Они между тем завершились. Я снова оказалась на ногах, окутанная серебристым светом, а вместо картинки возникли парящие в воздухе нежно-розовые мягкие туфельки-тапочки и той же цветовой гаммы отороченный пушистой тканью халатик. Вроде Анна так подобные вещи называла.

— Одежда и обувь предоставлены в соответствии с запросом, — услужливо сообщил Мивус, подтверждая мою догадку, что дедушка и об этом позаботился. — Позвольте помочь вам одеться?

И от этого приглашения я отказываться не стала. Ведь чувствовала себя почти как дома. Если закрыть глаза, то можно даже представить, что я в складке, а со мной общается диспетчер. А если открыть, то...

— Ох... — непроизвольно выдохнула, увидев в появившемся передо мной зеркале свое отражение. Да я себя такой даже не представляла!

Волосы, мои человеческие, матово-черные, вечно разлетающиеся в стороны, непослушные, сейчас переливались черным перламутром не хуже атрионских и смирно лежали ровными тяжелыми волнами. Губы, обычно бледные и сухие, влажно блестели приятным розово-красным оттенком, точно таким же, какой покрывал сглаженные и переставшие за все цепляться ногти. Кожа словно светилась изнутри. Даже взгляд и тот стал выразительнее!

По коридору, следом за встретившим меня на выходе из салона охранником, я шла, чувствуя себя совсем иначе, нежели раньше. Землянкой. Настоящей землянкой, не террианкой! Я наслаждалась ощущениями тела, которое просто кричало о том, насколько же ему хорошо.

— Одну минуту! — Сопровождающий меня мужчина застыл, прислушиваясь, перед наглухо закрытой стеной.

Впрочем, она практически сразу исчезла, словно какой-то гигант разорвал ее и раздвинул.

Осторожно ступая по идеально белому пушистому покрытию, я прошла вглубь светлого помещения. Приятного холодного оттенка

серые стены, на которых явственно просматривался объемный рельеф. Сглаженные линии многоуровневого светящегося потолка. Причудливый контур оконного проема, ведущего на смотровую площадку. Воздушные, словно взбитые, мягкие сиденья...

Невольно остановилась, увидев, как медленно поднимается на ноги сидевший в кресле Дмитрий. Не ожидала встретить его сейчас. Неужели так много времени прошло?!

Однако вопрос быстро исчез из головы — немое восхищение в голубых глазах не оставило места другим мыслям, кроме тех, которые непосредственно касались облаченного в бежевый костюм светловолосого мужчины.

Я даже дедушку, который сидел в соседнем кресле, не сразу заметила. А он и не спешил себя обнаруживать. Дождался, когда мое удивление сменится смущением, когда я опущу глаза в пол, не в силах выдерживать столь явно проявившуюся симпатию, когда землянин беспокойно вздохнет...

— Проходи, Рианна, мы уже заканчиваем, — попросил, словно ничего необычного не произошло. — Дмитрий, раз уж ты встал, поухаживай за моей внучкой.

В протянутую ко мне ладонь я вложила свою, испытывая все, что угодно, кроме спокойствия. Предвкушение, интерес, возбуждение, непонятное томление... Все это смешалось воедино, не дав возможности остаться равнодушной к деликатному прикосновению теплой руки, которая уверенно провела меня вглубь комнаты и усадила в уютные объятия дивана. Невероятно мягкого, однако не настолько, чтобы провалиться в него полностью. По крайней мере, я осталась «на поверхности».

Поправила длинные полы халатика, чтобы не разъезжались в стороны, сложила руки на коленях, покосилась на висящий в воздухе столик, где так соблазнительно разместились прозрачные контейнеры с чем-то неведомым, но определенно вкусным, и такие же прозрачные высокие стаканы, наполненные разноцветной жидкостью. Сглотнула слюну и услышала:

— Ты кушай, Рианна, не обращай на нас внимания. Я на свой вкус заказал легкий обед, не знал, что ты любишь. В следующий раз обязательно исправлюсь... Так где, говоришь, недостача обнаружилась? — Дедушка вернулся к тому, что, по всей вероятности,

они обсуждали до моего появления.

Игнорировать приглашение я не смогла по очевидной причине — после водных процедур аппетит был просто зверский. Впрочем, это не мешало мне, дегустируя вкуснейшие кусочки блюд и запивая их не менее умопомрачительным напитком, прислушиваться к разговору. Из которого я узнала один очень любопытный факт: не все средства, выделенные Конфедерацией на проведение коронации и сопутствующих мероприятий, расходовались по назначению. Часть обходными путями, замаскированно, уходила... Непонятно куда уходила. Выяснить это Дмитрий, который действительно был послан на Терру как проверяющий, не смог.

— Поверьте, причина вовсе не в том, что меня привлекли к судейству в конкурсе, — уверенно доказывал Дмитрий. — Это не мешало досконально изучать и ведомости террианского комитета по финансам, и сметы, предоставленные управлением концерна «Вектор». Но если по первым я мог затребовать дополнительные сведения, то по вторым — нет. Эдуард, при всем том, что мы братья, подобный запрос примет за оскорбление. Это же фактическое признание недоверия к нему как к управляющему. Да и у меня нет прав инспектировать всю организацию — лишь то подразделение, которое занимается строительством «Северного вектора». А утечка идет через другие.

— Я надеялся, что он тебе именно по-родственному поможет. С другой стороны, ты прав, Эд импульсивен, провоцировать его не стоит. Ну да ладно, этим я сам займусь, у меня полномочий достаточно, а обижаться на старика глупо... Верно, Рианна?

Я едва не подавилась. Наивная! Думала, они вынужденно заканчивают разговор при свидетеле в моем лице, а получается, мне специально позволили его «подслушать»?

— Обида — вообще очень иррациональное чувство, — вспомнила то, что всегда говорил мне отец.

— Умничка. — Похвала прозвучала вполне искренне. Да и в продолжении я не почувствовала наигранности, хоть и увидел дедушка в сказанном иную причину: — Ты от мамы взяла не только внешность.

Дмитрий, все это время старательно на меня не смотревший, не выдержал. Я же растерялась. Станный у него в этот момент был взгляд. Изучающий. Совсем не тот, восхищенный, которым он меня встретил. Правда, длилось это всего лишь мгновение. Землянин, наверняка

почувствовав мое недоумение, едва заметно улыбнулся, коротко с нами попрощался и ушел.

Ушел... В моей душе поднялась волна разочарования, словно я ждала от Дмитрия иного. Разумом понимала: он правильно поступает — у него есть работа и обязанности, — однако ничего не могла с собой поделать. «Бегство» меня расстроило.

Растерянно наблюдая за исчезающей в раскрывшемся проеме мужской фигурой, я даже не сразу поняла, что дедушка тоже поднялся, чтобы пересесть. Лишь когда в мягко качнувшееся кресло напротив опустилось тяжелое тело, я это осознала и услышала:

— А теперь, малышка, я хочу знать все.

*Из беседы Дмитрия Лисовского и Натана Лайровича
Саталя, состоявшейся в апартаментах жилого
комплекса «Западный вектор» до появления Рианны*

Дмитрий, шагнув в шикарную гостиную, которыми славились дома, построенные землянами, быстро осмотрелся. Повинуясь взмаху ладони пожилого мужчины, скрытого за высокой спинкой кресла, без колебаний преодолел оставшееся пространство.

— Я принес отчет, — коротко доложил, включая ручной вильют и отправляя в путь по воздуху виртуальный голонакопитель.

Зафиксировав рукой летящий к нему неосязаемый объект, Натан Лайрович развернул сразу несколько экранов. Однако изучать содержимое не спешил. Посмотрел на присевшего в свободное кресло молодого человека, оценил выдержку, с которой тот молча ждет, хотя у него наверняка немало вопросов, и добродушно усмехнулся:

— Спрашивай. Вижу ведь, как мучаешься от любопытства.

— Как получилось, что у вас вдруг оказалась еще одна внучка? — немедленно воспользовался разрешением Дмитрий. — Вроде было известно только про Оксану.

— Таис мне не сообщала, что снова забеременела. Я и сам был уверен, что у меня с ее стороны только внук.

— Рианна — дочь Таис и атриона?

— Да, помесь, но, судя по внешности, унаследовала человеческий облик, в отличие от своего старшего брата. Я, когда прочел сообщение Оксаны, приготовился увидеть зеленокожую инопланетянку, а она

неожиданно оказалась совершенно нормальной земной девушкой. А уж каким шоком стало твое заявление про опекунство! Что только не пришло мне в голову в этот момент... Потом сообразил, что ты просто вступился за нее. Пожалел? Рианна утверждает, вы не были знакомы.

— Не были, — подтвердил Дмитрий. — Порыв. Словно заставило что-то, подтолкнуло. Она была так напугана. И в тот момент я понял, что ей не на кого положиться.

— Так и было, — согласился Натан Лайрович. — Теперь — нет, и ты можешь снять взятую на себя ответственность.

Сказал с умыслом, явно для того, чтобы выяснить, каковы же истинные мотивы, которыми руководствуется молодой мужчина. И не ошибся.

— Если вы настаиваете, то я, разумеется, это сделаю. Однако прошу вас при любом принятом решении позволить мне ухаживать за Рианной.

— Ухаживать?

Седые брови удивленно поползли на лоб, а в воздухе повисло молчание. И причины этого Дмитрий, морально готовый к отказу, понимал — поверить в возникшую у него симпатию к девушке сложнее, чем в корыстные побуждения. Поэтому даже не сразу осознал, когда услышал:

— Хорошо, тогда останешься вторым опекуном. Так будет проще.

Открыв глаза, увидела мерно переливающуюся цветными пятнами поверхность. Яркие красные точки разрастались на нежно-голубом фоне. Расплывались, превращаясь в причудливый узор и окрашиваясь в иные тона: розовый, бирюзовый, синий. Распались на фрагменты, перемешались между собой, слились в единый тон. Теперь на бледно-фиолетовом поле рождались зеленые пятна...

Некоторое время я лежала, созерцая эту своеобразную красоту. Не сразу вспомнила, где нахожусь, а когда сообразила, с удовольствием потянулась на необычайно удобном ложе — приятном к телу, мягком и одновременно упругом, ничем не уступающем релаксирующему гелю. Все же земные блага цивилизации, в отличие от террианских, очень похожи на атрионские! Разве что способ достижения этих «благ» кардинально отличался — механизированные технологии, основанные на неорганических материалах и имеющие лишь незначительный

процент органики. Неуправляемой органики.

Скользнула ладонями по гладкой, холодящей кожу поверхности, скинула практически невесомое одеяло и села, отыскивая халатик, который вчера бросила не глядя, опрометчиво не подумав, что он мне еще понадобится. Не нашла. Ни на мебели, ни на полу. В комнате было идеально чисто.

— Доброе утро, — поприветствовал приятный мужской голос. — Натан Лайрович отбыл по делам, сообщений от него для вас нет. Дмитрий Олегович заказал завтрак для двоих на открытой террасе и ожидает вас в гостиной. На улице солнечно и прохладно, наступает холодный сезон. Рекомендую выбрать одежду с функцией терморегуляции. Вы готовы встать?

— Да, хорошо, спасибо.

Покоренная учтивостью, с которой система управления домом, так похожая на наших диспетчеров, заботилась о моем душевном и физическом благополучии, спорить я не стала. И не пожалела. Защитные створки, закрывающие оконные проемы, исчезли. В комнату ворвался яркий солнечный свет, а одна из стен дрогнула, трансформируясь и формируя углубление, напоминающее помещение салона, только намного меньше. По назначению же оно ничем от него не отличалось. Вот только на этот раз вместо навязанного халатика мне предоставили выбор: с десятков вариантов моделей нижнего белья — прозрачных, бесцветных, покачивающихся в воздухе над полом.

Я быстро сообразила — чтобы добыть понравившийся комплект, нужно коснуться изображения и выбрать цвет, вспыхивающий радужной палитрой. А потом перейти к другим элементам гардероба, зависшим в уменьшенном варианте сбоку, видимо чтобы не мешать.

О стоимости подобного гардероба я не думала. Дедушка вчера прямым текстом сказал — это последнее, что меня должно волновать. И он, и Дмитрий в состоянии обеспечить комфорт своей подопечной.

«У землян иной принцип как экономического, так и социального взаимодействия. Это на Терре до сих пор живут, руководствуясь тем, что каждый сам за себя. Доминирующим для них является личное финансовое положение. А для землян во главе угла — ответственное отношение к тем, кто от тебя зависит. Мы прикладываем максимум усилий, чтобы подтянуть эту отсталую цивилизацию до нашего уровня, однако реформы здесь сложно приживаются, да еще и видоизменяются

террианками в соответствии с их прежними жизненными принципами».

Вчерашний разговор стал на удивление легким. Ведь дедушка прекрасно знал, где я жила до того, как попасть на Терру, так что мне оставалось лишь успокоить его, заверив, что с мамой все в порядке, и рассказать о своих приключениях. Я даже не стала скрывать, кому именно обязана своим появлением здесь. И о том, что террианки снабжают Ол-Чеса рэдом в обмен на льер, тоже поведала. Лишь о базе контрабандисток, личности Светланы Марьевны и о своих трансформациях умолчала. О первых — потому что помнила данное обещание, о последнем — потому как не видела смысла, от этой информации ничего не изменится.

Рассказ о взаимодействии с террианками я максимально сократила, просто пояснив, что они решили со мной не возиться и отправили в Первый, высадив у кафе и вручив кредитку, чтобы не умерла с голоду, наверное.

Сказала и пожалела. Едва услышав «кредитка», дедушка встрепенулся. Нет, он ничего не спросил, но на несколько мгновений словно ушел в себя, забыв о моем существовании.

Пожалуй, это был единственный сложный момент. В остальном же разговор оставил приятное впечатление и даже вселил надежду, потому что дедушка обещал найти способ сообщить обо всем моим родителям.

В том, что у него эта возможность имеется, я не сомневалась. Бывший разведчик. В прошлом — управляющий отделом экстренного реагирования министерства внешобороны. В настоящем — руководитель подразделения контроля и надзора Конфедерации... Ему нужно лишь время, чтобы правильно все организовать. Как ни крути, а Аш-Хори — все же закрытая территория, туда просто так не полетишь.

Бросила взгляд на своеобразное зеркало, необычным образом отражающее меня в объеме со всех ракурсов. Порадовалась тому, что волосы, по всей видимости, «запомнившие» процедуры в салоне, до сих пор лежат послушными волнами. Разгладила надетый поверх не менее удобной белой блузки бирюзовый жакет из плотной, но удивительно мягкой, бархатистой ткани. Крутанулась вокруг своей оси, наслаждаясь легкостью, с которой взметнулась в воздух длинная темно-синяя юбка. Пристукнула об пол укороченными белыми сапожками на невысоких каблукках. В общем, своим видом осталась довольна и с радостным предвкушением направилась на выход.

Волнение, которое сейчас владело мною, объяснялось услышанным от Мивуса утренним приветствием. Я ведь думала, Дмитрий надолго сбежал, а он не просто быстро вернулся, так еще и для совместного завтрака. Интересно, это он сделал потому, что теперь мой опекун? И подобное проявление внимания относится к категории «ответственное отношение»?

Из комнаты, предоставленной в мое пользование, я вышла в просторный светлый коридор, одна из стен которого, полностью прозрачная, шла вдоль той самой, упомянутой Мивусом открытой террасы. Я с любопытством обежала взглядом залитую солнечным светом площадку, огороженную низким витым бордюром и выложенную светлым материалом, и лишь затем вспомнила — меня ждут не там. В гостиной.

Стараясь делать это бесшумно (хотя каблучки так и норовили громко стукнуть по гладкому полу), практически на цыпочках дошла до проема, ведущего в холл. И все же незамеченной не осталась. Поняла это сразу, едва, осторожно выглянув из-за украшающей арку декоративной панели, увидела идущего навстречу мужчину.

Сегодня деловой костюм он сменил на темные брюки и белый тонкий свитер с глубоким вырезом. Две верхние пуговицы надетой под него светло-серой рубашки были расстегнуты, потому и внешний вид землянина казался каким-то... неофициальным. Располагающим. По крайней мере, когда Дмитрий приблизился почти вплотную, отступить, чтобы сохранить дистанцию, мне и в голову не пришло. И это при том, что мы почти не знакомы!

Наверное, именно поэтому моя ладонь легко погрузилась в теплый захват. Мужская рука уверенным движением приподняла ее, Дмитрий чуть наклонился. Ой...

Когда губы едва ощутимо, но все же коснулись кожи, я растерялась окончательно.

— Доброе утро, Рианна, — выпрямляясь и отпуская руку, спокойно поздоровался Дмитрий.

— Доброе... — каким-то чудом удалось выдавить в ответ.

Мама о таком способе приветствия меня в известность не ставила. Это что-то новое, придуманное землянами уже после ее замужества, и ей самой не доводилось с таким явлением сталкиваться? Или же она просто не посчитала нужным донести до меня подобную информацию?

— Завтрак нас ждет. Идем?

Ответа явно не требовалось. Мужчина ободряюще улыбнулся и указал на тут же раскрывшийся проем, ведущий на террасу.

Волна теплого воздуха, перекрывающая доступ холодного с улицы, окатила с головы до ног, едва я перешагнула порог, но мне было не до этих ощущений. Мысленно я все еще пыталась найти логическое объяснение поступку землянина.

Такое странное касание... Возможно, это аналог нашего обмена льером? Чтобы легче чувствовать эмоции друг друга? То есть распознавать. Люди ведь иначе их воспринимают.

Я была практически уверена в правильности своих выводов, когда опускалась на зависшее в воздухе, едва заметно покачивающееся сиденье, одновременно наблюдая за тем, как точно так же поступает мужчина, решивший занять место напротив. Спокойный, невозмутимый, он определенно знал, что именно делает и зачем.

Коротким взмахом ладони активировал виртуальный экран, полупрозрачно замерцавший над столом между нами. Коснулся проявившейся на нем панели с маленькими схематичными изображениями разновидностей блюд. Сдвинул в сторону развернувшуюся объемную картинку, так похожую на настоящую еду, еще раз, еще... пока наконец не отыскал желаемое.

Смазанное движение, словно Дмитрий переставляет на стол виртуальный объект, и тот на самом деле послушно там устроился. Над ним появилась горизонтальная ярко-зеленая полоска с надписью «степень готовности» — индикатор, который медленно начал укорачиваться, показывая, как долго ждать сделанный заказ.

— Присоединяйся, Рианна, — кивком указал на экран Дмитрий. — Выбор скромный, но голодной ты не останешься. Заказывать большое меню не имело смысла.

Не извинение. Не заискивающая просьба простить. Нет. Просто объяснение. Констатация факта, который я могла принять к сведению или же возмутиться, но из-за которого вовсе не обязана идти на вынужденные уступки.

Это было так не похоже на поведение Ми-Лара, что я растерялась еще сильнее. Неужели мне посчастливилось наконец встретить того, кто не станет любыми способами добиваться от меня симпатии? Давить на меня. Не преследует корыстных целей. И он вовсе не атрион... Просто

катастрофа.

Делая вид, что сосредоточилась на выборе блюд, я осторожно рассматривала землянина сквозь полупрозрачный экран. А ведь на самом деле Дмитрий очень симпатичный. Да, необычный. И наверняка раньше, с атрионской точки зрения, я бы подумала, что он меня совсем не привлекает. Теперь же, прожив столько времени среди террианок и каждый день видя в зеркале человеческий облик, я оценивала внешность людей иначе.

Светлые пепельные волосы с чуть заметной рыжинкой у корней. Они тонкие, но зато их много, что создает объем, и это сразу снижает уровень отторжения. Умеренно красный цвет полноватых губ несколько не умаляет их привлекательности, потому что гармонирует с тоном кожи. Кстати, ее светлый оттенок тоже прекрасно сочетается с окружающей обстановкой, в которой нет тех ярких, контрастных красок, что присущи атрионским домам. А уязвимость и слабую защищенность кожного покрова прекрасно компенсирует одежда, которую земляне, в отличие от террианок, все же довели до совершенства.

Холодный порыв ветра, взметнувший волосы за спиной, я ощутила лишь кожей на лице и ладонях — жакет словно знал, что произойдет, и буквально за несколько секунд до этого нагрелся, создавая мне уют.

Дмитрий тоже не почувствовал коварства погоды — видимо, и у него одежда с этой самой «терморегуляцией». А вот мое внимание все же распознал, хотя, возможно, просто обеспокоился излишне долгим перебором — я ведь за это время так и не определилась, что именно предпочесть на завтрак.

— Что-то не так, Рианна?

Положив подбородок на перекрещенные пальцы и уперев локти в столешницу, землянин приготовился внимательно выслушать мои... не знаю... претензии, наверное.

Готовность найти выход, пойти на компромисс, оказать помощь — все это так явно читалось в светлых глазах, что я тут же укорила сама себя. Он мой опекун, а я тут его как потенциального кавалера рассматриваю. И что на меня нашло?

— Все в порядке, — улыбнулась, наконец делая выбор. — Просто я удивлена, как сильно разнятся технологии Земли и Терры. Практически во всем. Например, еду они до сих пор сами готовят. Вручную. А здесь,

как я понимаю, полностью автоматический процесс.

Указала подбородком на переместившуюся на мою часть столешницы призрачную тарелку, заполненную пока еще неосязаемыми, но приятными на вид светло-зелеными овощами, политыми белым соусом.

— Разве мама не рассказывала тебе о причинах, по которым мир террианок развивался изолированно?

— Рассказывала, и я в курсе их происхождения, но... — Я вдруг осознала, что никогда не читала никаких документов, свидетельствующих о том, что именно происходило на Терре. Все мои знания — исключительно с маминых слов. — Трудно сказать, все мне известно или же она о чем-то умолчала.

— Не ты одна в таком положении, — неожиданно весело улыбнулся в ответ Дмитрий. — Уверен, я тоже не знаю всего. Многое из того, что касается этой планеты и ее истории, — засекреченная информация. Ну а относительно технических достижений — тут все просто: их невозможно оторвать друг от друга. Они взаимосвязаны. То есть нельзя установить в маленькой индивидуальной постройке, например, систему автоповара, потому что она требует таких материальных ресурсов, которые займут площадь в шесть, а то и в десять раз превышающую размеры самого дома. Такая система выгодна для обслуживания крупного комплекса, а Конфедерация за сорок лет взаимодействия с Террой успела построить лишь два... Рианна, я бы хотел тебя попросить. — Он сменил тему, видимо, прежняя себя исчерпала. — Не надо обращаться ко мне официально. Да, мы с тобой не родственники, но наш социальный статус подразумевает доверительные отношения и свободную форму общения.

— Хорошо.

Как и на просьбу бабушки, я согласилась без рассуждений. А что тут обсуждать? Правила, традиции, нормы надо принимать так, как есть, и там, где они есть. Сейчас я живу в мире людей, а не они в моем, поэтому и нет смысла спорить, навязывая свое мнение.

Трям-с! С мелодичным перезвоном индикатор над моей тарелкой исчез, а заказанное блюдо словно материализовалось в мареве дрогнувшего над столом воздуха. Не успела я осмыслить произошедшее, как аналогичным способом возникла еда перед моим визави.

— Мы про напитки забыли за разговором, — посетовал Дмитрий. Впрочем, «посетовал» весело, ситуация казалась ему забавной. — Но это не страшно, они готовятся быстрее. Выбирай.

— А как это вообще происходит? — вновь не сдержала я свое любопытство, когда заказанный высокий бокал, наполненный коричневой жидкостью и покрывающей ее белой пеной, приобрел вещественную структуру.

— Твой заказ принимает система управления домом, — с готовностью объяснил землянин. — Передает информацию автоповару — он размещен в нижних, подземных этажах жилого комплекса, а затем готовое блюдо перемещается к тебе через микропортал.

— Портал...

Я задумалась. Знакомое слово. Только его значение объясняла мне не мама, а брат. Он же летал с родителями на Землю, и они именно через порталы на нее попадали. Так вот, Ал-Риф говорил, что портал похож на пространственный туннель, только лететь по нему не нужно: один шаг — и ты уже в другом месте. Эта штука как бы схлопывает пространство, убирая его между точками входа и выхода.

— Микропортал, — поправил меня Дмитрий. — Совсем маленький и на короткое расстояние. Мы такие в быту шутливо называем порами. Но есть и другие типы. Флёры, например. Их используют, если требуется быстро попасть из одного дома в другой. Или в другой город. Ну а порталный комплекс — это сверхмощно и сверхдалеко.

— И сверхбыстро, — дополнила я, отправляя в рот один из зеленых овощных шариков, что так аппетитно щекотали ноздри своим ароматом. А потом с наслаждением жевала, потому что вкус был совершенно невероятным.

В отличие от еды, напитков — тот самый обожаемый моей мамой кофе — оправдал эмоциональную ассоциацию, которую вызывал у меня, когда я находилась в своем нормальном облике, — тревожное возбуждение. Он мне не понравился. Горький. Терпкий. Неприятный. Будоражащий. Как ЭТО может нравиться?!

— Не допивай, — пришел на помощь Дмитрий. Видимо, мимика на моем лице трактовалась однозначно.

Землянин выбрал в меню что-то другое и переместил на стол. Бокал же забрал из моих пальцев и отставил в сторону. Через мгновение тот исчез не менее эффектно, чем появился.

С облегчением за этим проследив, я заела противный вкус последним оставшимся шариком и уже куда более осторожно пригубила предложенную взамен бело-розовую пенистую жидкость.

О да-а-а... Тягучий напиток — мягкий, воздушный, сладковатый, с легкой кислинкой где-то в послевкусии, — заставил меня практически стонать от удовольствия и таких знакомых ощущений. Не идентичных, но очень похожих. Это же мое любимое сочетание добавок в муссе! Я даже зажмурилась, невольно сжав стакан крепче, чтобы не позволить ему исчезнуть из моих пальцев, и с сожалением посмотрела в опустевший бокал, когда напиток закончился. Провела языком по губам, слизывая последние капельки, подняла взгляд на Дмитрия...

Он о своей еде напрочь забыл. Завороженно, не отрываясь, смотрел на меня, приоткрыв рот и не дыша. Даже чуть вперед подался, словно желая уменьшить разделяющее нас расстояние.

Это что за реакция? Землянин примерно так же выглядел, когда я вчера после салона в холл зашла. Но там хоть причина была очевидна — я красивая, у мужчины эстетический шок случился, это объяснить можно. Но сейчас-то что во мне такого эффектного?

— Очень вкусно. Спасибо, — на всякий случай озвучила свои ощущения, а то вдруг он в таком напряжении, потому что ждет: понравится мне или нет? Как-никак, а это был его выбор.

— Гм... — Дмитрий от звука моего голоса пришел в себя. Чуть заметно вздрогнул, откинулся на невидимую силовую спинку сиденья, моргнул... — Хорошо. То есть... Да, хорошо.

Ну вот, у него еще и связность мыслей пропала? Надеюсь, это не из-за моих ошибок. А если именно из-за них?

И так это подозрение меня взбудоражило, что я даже щепетильность в сторону отодвинула, хотя, разумеется, просить о таком у неродственника неприлично. Но все же опекун он мне или нет? А раз так, то должен правильно воспринять.

— Дмитрий, у меня тоже есть просьба. Когда ты видишь, что я что-то делаю неправильно, ошибаюсь, говори мне сразу. А еще лучше останавливай. Или заранее предупреждай, если будет возможность. Ладно?

— Ошибки? — Он удивился, словно не понял, о чем я толкую. Потому и растерялся: — Да вроде ты пока их и не делаешь... Но, конечно, можешь не волноваться. Я же понимаю, что для тебя этот мир

непривычен.

Хм... Не делаю? Значит, причина его ступора в чем-то ином? Однако я все же не до такой степени обнаглела, чтобы об этом расспрашивать. Повторится — тогда, наверное, рискну. А пока...

Пока я лишь улыбнулась, благодаря его за понимание, поднялась из-за стола, потому как закончила завтрак, и отошла к ограждению, которое доставало мне лишь до колен.

Стоя практически на краю террасы, борясь с порывами сильного ветра, треплющего волосы, юбку и пытающегося меня столкнуть вниз, почти с высоты спины «Дизара», никак не меньше, я изучала окрестности. Равнинную местность, покрытую желтеющей растительностью, уходящую вдаль, — справа. Прямо — далекий, почти у горизонта, но все же хорошо различимый город террианок. Слева — чуть более близкий, тот самый строящийся жилой комплекс, из-за которого столько проблем.

— Дмитрий, а ты... — начала громко и обернулась, полагая, что мужчина все еще сидит за столом.

Вот только он находился прямо за моей спиной, а потому, охнув от неожиданности, я отступила.

Понятно, что необдуманно это сделала, на рефлексх. Но зря. Ведь стояла у самого бортика и именно об него запнулась, потеряла равновесие, заваливаясь назад...

При мысли о том, с какой высоты мне сейчас предстоит падать, в глазах потемнело. До сознания дошло не сразу, что я по-прежнему стою, правда, не вертикально, а полулежа, на упругой наклонной поверхности. И ладонями на нее же опираюсь, страшась лишиться этой нежданной, спасительной опоры.

— Здесь силовой барьер, не бойся, — услышала спокойное пояснение.

Мазнула взглядом по мужчине, вернее, по протянутой ко мне руке, немедленно за нее ухватилась, чтобы, воспользовавшись предложенной помощью, вернуться на террасу, и не удержалась, заглянув через плечо. Вниз.

От вырвавшегося из моей груди визга у меня самой уши заложило. Как пережил звуковую атаку Дмитрий, оставалось лишь догадываться. Но ладно бы только это! Я ведь еще и в него вцепилась всем телом, когда рванулась подальше от пропасти, над которой висела. И

вцепилась в плечи таким сильным захватом, что самой стыдно стало. Вот что он теперь обо мне подумает? Что я не умею держать себя в руках и адекватно оценивать уровень опасности. То есть истеричка и трусиха. А еще — что я пользуюсь этим, чтобы спровоцировать его на физический контакт. Просто прекрасно! Отличное начало доверительных отношений.

В это же время в офисе корпорации «Вектор»

Руководитель подразделения контроля и надзора Конфедерации вот уже шестой час штудировал накладные и ведомости в финансовой информационной системе. Изучал тщательно, сверяя с теми данными, которые получил вчера от направленного на Терру инспектора. Но все же отвлекся, когда в сознании возник тихий, спокойный голос референта:

«Прошу прощения, к вам рвется Лисовский».

«Эдуард? — насторожился Натан Лайрович, привычно пользуясь способностями к телепатической трансляции. — Неужели... Ладно,пусти. Стоп! А Дмитрий сейчас с Рианной?»

«Да, они вместе в ваших апартаментах».

«И чем заняты?» — не удержался от вопроса новоявленный дедушка.

«Силовую защиту на прочность испытывают».

— Дети... — вслух проворчал Натан Лайрович. Впрочем, сделал это добродушно — его устраивало все, что могло способствовать сближению молодых людей.

Стремительно шагнувшего в кабинет шатена он тоже приветствовал радушной улыбкой и терпеливо, без раздражения, выслушал все, что управляющий корпорации думает относительно проверки, затронувшей больше, нежели планировалось.

— Так все же я не понял, что ты хотел? — спросил Натан Лайрович, когда тот выдохся.

Эдуард, который за секунду до этого самозабвенно и красноречиво высказывал претензии, поперхнулся. Да, возмущение действиями проверяющих было лишь предлогом, поводом для разговора, и он прекрасно понимал, кто и на что имеет право. Но признаваться в этом ему гордость не позволяла.

— Так я же... — попытался было вернуть себе ведущую позицию в разговоре.

— Что. Ты. Хотел? — повторил Натан Лайрович, подчеркнув интонацией, что юлить перед ним бессмысленно.

— О Флориане спросить. Мне она нравится, а вы как ее опекун не можете не понимать, какие бонусы девушка получит, если у наших отношений будут перспективы. Обещаю, она всем останется довольна, а если все же не сложится, я и компенсацию готов выплатить...

Собеседник, не дослушав, ворчливо оборвал тираду:

— Мне сейчас не до этого. У Рианны есть второй опекун, вот с ним этот вопрос и решай.

— Так Димон на самом деле опекун? — надул щеки Эд, натужно выдыхая. — А я думал, что за хрень... Ладно, так и сделаю. Он же мне брат, значит, не откажет. — В карих глазах появились воодушевление и азарт. Визитер в нетерпении бросился к входу и лишь там остановился, вспомнив о визави: — Спасибо! Я пойду, да?

Натан Лайрович, едва закрылся проем, прищурился и неодобрительно покачал головой. Его всегда беспокоила легкомысленность Эдуарда, его неспособность видеть дальше своего носа и неумение прогнозировать события. Однако на это еще можно было закрывать глаза, пока оно сказывалось лишь на доходах корпорации и не затрагивало интересов правительства. Но теперь безалаберность управляющего отразилась на отношениях Терры и Конфедерации, а это...

Скверно. Очень скверно.

— Тише, тише, не надо бояться, все позади, все хорошо... — терпеливо убеждал Дмитрий, дожидаясь, когда я приду в себя.

Приложив немало усилий, мне удалось наконец разжать сведенные судорогой пальцы. А вот отойти, чтобы извиниться, не получилось. Почему? Да потому, что не только я в мужчину вцепилась, но и он меня обнял. И теперь одна его рука обвивала мою талию, удерживая рядом, другая же не менее ласково, чем голос, успокаивала, поглаживая по спине.

От нелогичности происходящего и новых для меня ощущений я замерла. Мысли понеслись, опережая одна другую в попытках найти правильное объяснение. Вряд ли Дмитрий стал бы вести себя подобным

образом, если бы контакт со мной был ему неприятен. Тут даже вынужденно взятая опека ситуацию не спасет. Опять же я просила говорить мне об ошибках. А он о таковых ни слова не сказал. Значит, ничего криминального я не совершила. Ну и какой из этого можно сделать вывод?

— Нормальная реакция, — словно подслушав, продолжил землянин. — К этому надо привыкнуть. То есть не к реакции, конечно, а к тому, как работает защита. Барьер ведь не постоянный, он включается, только когда датчики, установленные на ограждении, опознают органику. Знаешь, как мы в детстве перебарывали свой страх? Разбегались и прыгали. Успевали пару метров пролететь над бездной, прежде чем включалось силовое поле и пинком возвращало нас обратно на площадку.

— Ого... — Я попыталась это представить и засмеялась, потому что перед глазами возник раскрывший в беззвучном крике рот беловолосый мальчишка, словно упругий шар отскакивающий от невидимой преграды и падающий попой на гладкое покрытие. Воображение у меня всегда было хорошее. На то я и экзот.

Дмитрий тоже улыбнулся, хотя наверняка не мог знать о причинах моей веселости. Зато напряжение, владевшее мной, отступило, и я спокойно развернулась, вновь шагая к ограждению. Протянув руку, дождалась появления той самой упругой преграды и ощутила то, о чем говорил мужчина: чем больше надавливала, тем сильнее была отдача.

— Необычно... — скрывать свои впечатления не стала. — А ты жил в таком же большом доме на Земле? У моей мамы и бабушки был свой, отдельный, за городом, она рассказывала.

— Я знаю. — Дмитрий по-прежнему оставался рядом, но меня уже не касался, понимая, что в этом нет необходимости. — Натан Лайрович однажды приглашал нас к себе в гости, правда, это было уже после того, как прекратились контакты с Атрионом и твоя мама перестала прилетать. А у моего отца было два дома: апартаменты в городской высотке и коттедж за городом. Маленьких частных домов на Земле сейчас совсем немного. Их содержать затратно: чтобы создать приличные бытовые условия, требуется много финансовых вложений, и все равно сложно достичь того уровня комфорта, который обеспечивает городская застройка.

Объяснение содержательное, однако меня особенности жилья уже

не так интересовали, как сам факт знакомства семьи Дмитрия и его самого с дедушкой Натаном. Может, мама о них знала и даже мне что-нибудь рассказывала? Вот только спрашивать в лоб и устраивать допрос совесть мне все же не позволила. Пришлось действовать обходными путями.

— Мама очень жалела, что не имеет возможности бывать на Земле, встречаться с отцом, с подругой... Может, твоя семья и с ней знакома тоже? Ее Аида зовут, она бывшая террианка.

— Знакома, — в очередной раз удивил меня землянин. — Мама скучала без Таис. И часто о ней вспоминала.

Мама? Его мама? Он... Лисовский?!

Задохнувшись от шока, я развернулась к тому, кто оказался... Сыном второй жены первого мужа моей мамы! Внуком лучшего друга моего земного деда! Вот ведь... совпадение.

— Тебе это неприятно? — осторожно, с легким налетом опасения, спросил Дмитрий. Видимо, выражение лица у меня было своеобразное и трудно опознаваемое.

— Нет, что ты. — Я постаралась его успокоить, ведь на самом деле обрадовалась, а не огорчилась. — Просто... Просто это очень неожиданно. Я, когда попала на Терру, даже предположить не могла, что встречу дедушку и тебя. Надеялась найти мамину сестру... Ты с ней знаком?

— Не знаком, только слышал.

На этот раз мои надежды не оправдались, но в душе я все равно чувствовала облегчение. Дмитрий оказался не таким уж чужим, практически членом семьи, оттого и воспринимать его я стала иначе. Настороженность пропала. Ей на смену пришло доверие. И даже физическое взаимодействие, на которое я неосторожно спровоцировала мужчину, потеряло свою предосудительность — внутри семьи оно допустимо. Ну и пусть у землян прямой контекст этого понятия несколько отличается от атрионского, косвенный не так уж далек: мама всегда говорила, что семья — это не только родные, но и близкие. Так что тех, кто помогает друг другу и находится в тесном, хоть и не всегда родственном контакте, можно считать одной семьей.

Жалела я лишь об одном: радость обретения новых близких омрачилась конкурсной дисквалификацией.

— Дмитрий, а мне точно нельзя на кастинг вернуться?

— Увы. — Землянин отрицательно покачал головой и пояснил: — Как твой опекун я являюсь лицом заинтересованным, а ты в более выгодном положении по отношению к другим. Прости. Если бы я знал, что Натан Лайрович появится, то действовал бы чуточку иначе, просто тянул бы время, а не решал проблему кардинально.

— Так этого никто знать не мог, — вздохнула я. — Кроме... Оксана! — Вспомнив о сестричке, я спохватилась: ведь она за меня переживает, даже если дедушка ей и Анне сообщил о том, где я. — Мне с ней увидаться нужно! Можно?

Попросила с некоторой опаской. Вдруг у Дмитрия на сегодняшний день свои планы и он не сможет меня сопровождать? Обращаться с этой просьбой к дедушке точно не вариант — Мивус однозначно дал понять, что тот занят. А в том, что смогу самостоятельно добраться до дома тети, у меня были большие сомнения.

— Не волнуйся, они наверняка знают, что с тобой все в порядке. Я уверен, Натан Лайрович еще вчера им обо всем сообщил. Хочешь через голосвязь поговорить? Или встретиться лично?

Подумав, выбрала второе. Оно мне как-то привычнее. Может, для людей видеть призрачного собеседника нормально, но не для меня. Я в этом на примере общения с мамой через колечко связи убедилась.

А вот землянин в этом плане никаких психологических проблем не имел. Над его запястьем появились, сменяя друг друга, сначала изображение дедушки, потом незнакомого мне мужчины, потом Федора Антоновича. Дмитрий просил разрешения на личное знакомство с Анной, адрес уточнял, выяснял, дома ли Оксана...

Я же, вернувшись к столу, села к нему спиной и, раскачиваясь на упруго скользящем по воздуху сиденье, удивлялась. Сколько же, однако, нужно сделать, чтобы просто пойти в гости! Конечно, оправдывалось все тем, что Дмитрий фактически шел к незнакомым людям, но все равно условности тут явно играли главную роль.

Наверное, это потому, что все находятся в шаговой доступности друг от друга. Представляю, какие столпотворения ждали бы хозяев, не спрашивай гости разрешения. На Атрионе с этим иначе дело обстоит именно из-за того, что дома и семьи встречаются редко.

— Нас ждут. Идем?

Выяснив все, что необходимо, Дмитрий вновь оказался рядом. Вложив пальцы в протянутую ко мне ладонь, я вскочила. Радость,

трепет, предвкушение... Все это смешивалось в душе, но я не анализировала, что лежит в их основе. Потому как причин находиться в нервном напряжении у меня более чем достаточно: новые впечатления, необычные интерьеры, ожидание встречи, крепко удерживающая мою руку идущего рядом мужчины... Цветы?..

Внезапно именно они возникли перед моим взором на пути, который до этого был совершенно свободен. Разумеется, не сами по себе появились, а в комплекте с шатеном из жюри. Ведь это именно он нес огромное облако белых и розовых растений. Куда там маленьким букетикам, которые мне доставались в кафе! Тут такая громада, что из-за нее даже фигуры землянина не видно, разве что лицо над ней: счастливое, сияющее, улыбка на котором стала еще шире, когда мужчина протянул мне цветы.

Мне? Наверное, я должна была обрадоваться, а я... я испугалась. Даже отступила, спряталась за спину своего спутника. Иванна, когда мне первый букетик отдала, сказала, что это от тайного поклонника. То есть это шатен их дарил? Из тайного решил стать явным? Или эти события не связаны? Но даже если так, мне сейчас поклонники не нужны. Ми-Лара хватило, как мама говорит, за глаза и за уши. И уж тем более если это землянин. С атрионами я хоть знаю, как себя вести и чего ожидать, а тут?.. Ведь даже непонятно, что будет означать мое согласие принять букет из рук в руки. Вдруг это равносильно обмену льером? Полноценному!

— Эд, что происходит?

Голос Дмитрия звучал спокойно, но не слишком довольнo. Что-то в поведении дарителя его не устраивало. Значит, я в своих выводах права?

— Цветы для Флорианы принес, — воодушевленно поведал тот. — Несправедливо оставить без награды девушку, которая так замечательно пела на конкурсе!

— Почему не предупредил? — Холодный тон опекуна поразил даже меня, что уж говорить о собеседнике, который просто опешил:

— Дим, ну ты чего? Я же как лучше хотел.

— Как лучше? — Дмитрий на мгновение задумался. — Ладно, давай букет.

Выглянув из-за широкого плеча, за которым пряталась, я успела полюбоваться на растерянное выражение лица шатена, прежде чем Дмитрий развернулся ко мне. Теперь цветы были в его руках, и мне

было не столько страшно, сколько интересно — что же это за ритуал такой?!

— Эдуард прав, Рианна, — мягко признал мужчина. — Конечно, цветы — не полноценная замена, они не доставят тебе столько радости, сколько бы ты получила от выступлений и победы в конкурсе, но я обещаю, что у тебя будет возможность петь, а у зрителей — наслаждаться и восхищаться твоим прекрасным голосом.

К концу его речи у меня щеки просто полыхали. От смущения или от удовольствия, понять было сложно — и то и другое в одинаковой степени затапливало сознание. Я даже обрадовалась тому, что земляне сопровождают комплименты цветами, — ведь за ними можно спрятаться! Что я и сделала, обняв переплетенные розовой лентой стебли и утопив лицо в нежных прикосновениях лепестков и тонком аромате.

На Атрионе нет растений. Мне даже те, что росли в диком виде на Терре, казались невероятным чудом живой природы. Но то, что я сейчас держала в руках, превосходило все, виденное ранее. Это была музыка форм, гармония цвета, полет фантазии! В этот момент мне безумно хотелось петь, из груди буквально рвалось все то, что могло отразить мои ощущения — восхищение, воодушевление, восторг. Сдержалась с трудом, и то лишь потому, что потенциальные слушатели не были на это настроены. Они выясняли... Что-то свое выясняли. Мне непонятное.

— Мне нужно разрешение. Правил больше не нарушу, — почти торжественно пообещал Эд.

Вот только Дмитрий почему-то не пошел ему навстречу:

— Разрешения не дам. Меня не устраивает твоя позиция.

— Нормальная позиция! — смирение в голосе сменилось возмущением. — Что не так? Почему я должен делать исключения?

— Потому что, как всегда, сначала делаешь и говоришь, потом думаешь.

— Я же сказал, что исправлюсь!

— Ты так ничего и не понял.

— Да уж куда мне! — с отчетливой издевкой фыркнул Эдуард. — Разумеется, простому управляющему и практически основателю корпорации, выполняющей заказы Конфедерации, не по уму разобраться в том, что с налета понял наемный проверяющий, которого за десять лет работы так и не повысили до руководящей должности!

— Видимо, так, — с непередаваемым спокойствием подтвердил Дмитрий. — У тебя ко мне есть еще просьбы?

Молчание. Напряженное, гнетущее, от которого мне стало не по себе. Получается, они ссорятся?

Бросив на Эдуарда осторожный взгляд поверх цветов, я наглядно убедилась, насколько же сильно он раздосадован несговорчивостью оппонента. Эд просто кипел, едва сдерживая рвущиеся наружу слова, впиваясь испепеляющим взглядом в невозмутимое лицо моего опекуна. В итоге шатен развернулся так резко, что подошвы ботинок скрипнули по гладкому полу. А уж как стремительно он удалялся...

Дмитрий коротко выдохнул. Сдавленно, тяжело, сокрушенно. В этом вздохе не было облегчения от того, что неприятный собеседник ушел, была лишь грусть. И точно такая же явственно читалась в глазах, наконец посмотревших на меня.

— Эд не со зла, — пытаюсь оправдать поступок собеседника, натянуто улыбнулся мужчина. — Таков уж характер. Не умеет себя контролировать, если что-то идет не так, как ему хотелось. К вечеру остынет.

— А что он не понял? — любопытствовала я. Ведь так и не разобралась в причинах ссоры, лишь догадалась, что Эдуард не получил от Дмитрия желаемого. Но что именно? — Это как-то связано с цветами? Он не должен был их дарить? Мне придется вернуть букет?

Предположение все же высказала, потому что Дмитрий не спешил с ответом, а в этот момент мне больше всего на свете хотелось быть уверенной в том, что я не лишусь той радости, которую крепко держала в руках.

— Мы решали личные вопросы, Рианна, семейные. Тебе ничего не нужно возвращать... Кстати, давай цветы оставим дома? Они будут мешать.

Ну нет! Я с таким энтузиазмом отрицательно замотала головой, что волосы тут же распушились. На мгновение я спохватилась, вспомнив о внешнем облике, но тут же отмела проблему в сторону как неважную. Пусть я не буду такая красивая, как утром, зато мое удовольствие при мне.

Отвлеклась и вспомнила о резанувшем сознание слове, только когда забралась на сиденье летара, опустившегося на площадку за поворотом коридора. Едва дождалась, когда мужчина, сев напротив,

закроет дверь. На большее моего терпения не хватило.

— Дмитрий, а ты с Эдуардом давно знаком? Ты, кажется, сказал «семейные» вопросы? Он для тебя...

Предложение не завершила, ожидая, что землянин скажет: друг детства, муж сестры (если таковая имеется, конечно), подопечный (ну как Дмитрий и для него опекун!), просто дальний родственник — версий у меня было много, и любую из них я бы с легкостью приняла, кроме той, которая прозвучала в итоге:

— Младший брат.

— Вы же разные... — потрясенно выдавила я, растерянно рассматривая худощавого бледного голубоглазого блондина, который в моем восприятии не имел ни малейшего сходства с круглолицым ярким кареглазым шатеном.

— Мне внешность от папиного дедушки досталась, а Эд все взял от мамы и отца.

Ну если так... Природа порой и не такие шутки выдает. Взять меня, например. Я в атрионском облике — вся в папу, а в человеческом — в маму. Счастье, что признаки проявляются не одновременно, а то на меня было бы страшно смотреть.

— Эд в нашей семье самый младший. Отец его избаловал до невозможности. Ни в чем не мог отказать. Да и мама ему всегда больше внимания уделяла, чем нам с сестрой. — Дмитрий, решив, что я имела в виду не только внешность, попытался объяснить и разницу в характерах.

— А сестра вас намного старше?

— Нет, Гелия на три года позже меня родилась. Эд младше меня на восемь лет.

— Ясно. Мой брат на шестнадцать земных лет меня старше, — поддержала я возрастную тему. — И хотя родители всегда ровно к нам обоим относились, мы с ним тоже не очень ладим.

— Наверное, из-за разного облика? — предположил Дмитрий. — Натан Лайрович говорил, что твой брат — атрион. А ты — человек.

Как же мне хотелось сказать ему, что это вовсе не так! Однако признание, готовое сорваться с губ, осталось со мной. Не время для откровений. Да и не место. Не в смысле того, что внутри летара шумно или неудобно, как раз наоборот, разговору ничто не мешало, просто мы уже прибыли — за прозрачным бортом стремительно проносились

крыши низеньких домиков. Не прошло и пары минут, как техника, мягко качнув меня на сиденье, опустилась на землю. А еще через минуту я уже обнимала взвизгнувшую от радости Оксану, вылившую на меня поток слов и эмоций:

— Вот видишь! Я же говорила, что дедушка у нас самый лучший! Сразу прилетел! И помог. А ты сомневалась!

Я-то как раз не сомневалась, но спорить не стала. И когда кухня настойчиво потянула меня в дом, послушно пошла с ней. На оставшихся у входа Дмитрия, Федора Антоновича и Анну успела бросить лишь краткий взгляд, надеясь, что они найдут общий язык.

— Рассказывай! — приказала сестричка, усадив меня на свою кровать. — Что там произошло на кастинге? Мне толком никто ничего не говорит!

Ее горячность вызывала улыбку. Серьезность, с которой девчушка слушала мой рассказ, сдвинув к переносице брови и сжимая губы в тонкую линию, умиляла. А вот рассуждения в очередной раз доказали — не просто так бывший разведчик Натан Лайрович Саталь все делает, чтобы вырастить из девочки агента.

— От мужчин иногда бывает толк, — признала Оксана, когда я дошла до поступка Дмитрия. Посмотрела на букет в моих руках и строго пригрозила: — Ты только голову не теряй. А то расслабишься и не заметишь, как с ним в постели окажешься.

— В смысле? — напряглась я.

Она намекает на то, что между опекуном и мной может быть что-то... личное?

— Думаешь, он из чистого альтруизма тебя выручил, взяв под опеку?

— Ну да. — Я стояла на своем.

Дмитрий все это время вел себя безукоризненно! Как я могла подозревать его в чем-то нехорошем?

— Ладно. Раз не веришь, я попробую выяснить.

Оксана вскочила и стремительно исчезла в распахнувшемся дверном проеме. Я, помедлив, тоже поднялась, не видя смысла просто сидеть и ждать. Правда, в гостиную не спустилась. Прошла чуть дальше по коридору, в комнату, которую мне выделила Анна. Толкнув ладонью дверь, постояла на пороге, окинула взором светлое лаконичное пространство, контраст которого с интерьером ультрасовременного

дома был таким разительным. Теперь я понимала, как сильно различаются миры Терры и Земли, активно взаимодействующие, но до сих пор продолжающие существовать независимо, потому как за сорок лет так и не сумели объединить ни своих жителей, ни свои технологии. Последнее особенно бросается в глаза.

Вот стол, например. В земных апартаментах он не имеет опоры, удерживаясь в воздухе с помощью какого-то невидимого устройства или физического закона. А в домах террианок этот же стол вполне объяснимо и прочно стоит четырьмя ножками на полу.

Даже растения и те отличаются. Почему-то у меня ни на мгновение не возникло сомнений в том, что подаренные мне сегодня цветы выращены не на Терре.

Положив шикарный презент на столешницу, я присмотрелась к тем скромным букетикам, что стояли практически засохшие. Они более грубые, с темно-зелеными листьями, бледно-желтыми лепестками и буро-коричневой сердцевинкой. Которая еще и шевелится к тому же.

Шевелится?!

Не веря своим глазам, замерев в ступоре, я неотрывно следила за этой самой «сердцевинкой», которая неторопливо спустилась по ножке растения, ловко перебралась на край вазочки, пробежалась по белой скатерти, добралась до нежных розовых бутонов и... И деловито забралась внутрь!

От хруста, который сопровождал это действие, я пришла в себя, вздрогнула, отступила и лишь тогда сообразила, что от окна, где стояли остальные букеты, к столу ползут точно такие же существа. Мало того, три из них и ко мне направились. Шустро!

Я отпрыгнула к самой двери и в панике завизжала, потому что никогда раньше не сталкивалась ни с чем подобным! Да, на моей планете чем ты крупнее, тем меньше для тебя опасности, но Терра — не Атрион!

От акустического удара существа замерли. Одно так даже на спинку перевернулось, страшно дергая крепенькими ножками. Набрав полную грудь воздуха, я собралась было повторить звуковую атаку, раз уж она такая удачная получилась, но не успела.

— Рианна, ты где?

— Что случилось? — Сначала раздались встревоженные голоса, топот ног, потом появились те, кто все эти звуки издавал.

Первым в комнате возник Дмитрий, и я, хоть на него и не смотрела, не в силах оторвать взгляда от неожиданной напасти, тут же намертво вцепилась в свитер, благо мужчина сам сгреб меня в охапку, стараясь защитить. Вот честно, желание было только одно — подпрыгнуть и оказаться у него на руках, в безопасности и подальше от этих тварей.

Но если Дмитрий заметил причину моего состояния не сразу, то тетя Аня, проследив за направлением моего взгляда, моментально сообразила:

— Рижды!

Мало того, она еще и ногой раздавила ближайшее к ней существо.

От неприятного хруста меня передернуло, однако больше звук никого не смутил: тетушкина туфля настигла очередную жертву, Оксана, схватив какую-то толстую гибкую пластину, прибила тех, кто полз по столу, лишь Дмитрий по-прежнему стоял неподвижно, словно понимал, как мне сейчас нужна опора.

— Фу... — поморщилась Анна, рассматривая бурые пятна, оставшиеся на чистой скатерти и полу. — Теперь в комнате неделю вонять будет... Иванна! Окна открой. И убери побыстрей, пока жидкость не въелась в дерево.

— Открой, убери... — привычно забурчала террианка, которая, как и остальные, прибежала на шум, а теперь была недовольна свалившейся дополнительной работой. — Сначала разведут пакость, а потом кричат.

— А правда, — удивилась тетя, — откуда они здесь взялись?

— Они из букетов вылезли, — пожаловалась я.

— Значит, в них и вывелись, — тут же сделала вывод Анна. — Они всегда на место вылупливания возвращаются, даже если кормятся в другом. Видимо, личинками на цветах сидели... Кто ж тебе их подсунул?

— Иванна сказала, что это от поклонника.

— Какого еще поклонника? — встрепелась Оксана, опередив не только свою маму, но и Дмитрия, который тоже хотел что-то сказать.

— Не знаю! — категорично отрезала террианка, приоткрывая ставни. — Я ничего не видела! Столы за посетителями убирала. Находила цветы. Отдавала. Все. Что вы ко мне пристали? Я же не себе их присваивала!

— А с чего вы решили, что их оставляли для Рианны? — все же внес лепту в допрос мой опекун.

— Ну а для кого еще? — фыркнула девушка, деловито осматривая фронт работ. — Кто выступает, того и цветы. Верно?

— Ты в кафе пела? — заглянув мне в лицо, уточнил Дмитрий.

И вот вроде спокойный взгляд, и не обнимает меня опекун, а только придерживает для страховки, но все равно я смутилась. Потому как слова Оксаны про постель вспомнила. И покраснела наверняка — почувствовала, как кровь прилила к щекам.

Хорошо хоть объясняться не пришлось. На запястье мужчины, отвлекая внимание, неожиданно вспыхнул и принялся суматошно пульсировать красный огонек. Этот сигнал я уже знала — вчера дедушке точно так же кто-то сообщал о намерении переговорить наедине. Потому и не удивилась, когда опекун, извинившись и усадив меня на стул, вышел из комнаты.

Спустя минуту в коридоре

— Слушаю, Натан Лайрович. — Негромкий голос Дмитрия гулко отразился от гладкого покрытия стен.

— Динамики выключи, — поморщился собеседник, возникший на крошечном голоэкрane над запястьем с вживленным под кожу вильютом. — И лишнего не болтай, информация конфиденциальная. Похоже, мы вышли на подпольное производство шеклака, которое оплачивается из средств Конфедерации, изначально выделенных на проведение коронации. Причастен ли к этому Эдуард, или же Марго единолично решила перераспределить финансовые потоки и действует через подставных лиц, я еще выясняю, но в прямых поставках шеклака во дворец и его нелегальном распространении даже не сомневаюсь. Спецслужбы Терры сами себя подставили, задав мне вопросы, которые хотели прояснить у Рианны. Они подозревают, что девочка во время выступлений распыляла шеклак, чтобы с его помощью выиграть конкурс, создав у жюри и зрителей нужный эмоциональный фон. Значит, прекрасно знают, что эта гадость до сих пор где-то производится. К счастью, оснований для официального ареста Рианны у них нет, имеется только анонимный донос. К тому же процесс «распыления» под сомнением, потому что технически это невозможно сделать. Однако рисковать не будем. Опасаясь, что Рианна расскажет нам о производстве шеклака, а мы свяжем его с утечкой финансов,

Марго может отдать приказ действовать за рамками соглашения с Конфедерацией, ведь все думают, что девочке известно, где находится производство. Так что забирай нашу подопечную и увози на Землю. Немедленно. Под любым предлогом и объяснением. Сам придумай что-нибудь, мне сейчас не до этого. Разрешение на выезд я сделал. И еще. Постарайся, чтобы в курсе вашего отъезда было как можно больше народу. Есть у меня одно подозрение... В экстренном случае поддержка будет. В общем, к вечеру чтобы духу вашего на Терре не было. Ясно?

Прохладный ветер шевелил лепестки цветов на столе, Иванна, вооружившись тряпкой и засасывающим в себя грязь устройством, сосредоточенно выполняла распоряжение хозяйки, которая шепотом что-то втолковывала хмурому Федору Антоновичу, а Оксана тщательно изучала содержимое шкафов и ящиков, перебирая одежду.

— Что ты ищешь? — поинтересовалась я, когда кухня оказалась рядом.

— Кладки с личинками. Не обнаружишь сразу, потом по всему дому расползутся.

— Они опасные?

— Для человека нет. Но натуральные растительные волокна жрут за милую душу. Больше всего любят цветы, а если их мало, то и тканью не побрезгуют... Вот, я же говорила!

Под триумфальное восклицание Оксана вытряхнула из недр шкафа аккуратно сложенную рубашку, «украшенную» неровными дырками. В точности такими, как на моем платье!

Так вот кто его испортил! Рижды! Наверняка забрались в пакет, который даже не в шкафу лежал, всего лишь на стуле. Им до него было так легко добраться! Сгрызли юбку, а корсаж не тронули, потому что там была вышивка синтетическими нитками, для рижд невкусными. А я на Иванну думала...

— Личинок нет, — вздохнула кухня, осмотрев находку.

— И не будет, — нравоучительно заметила Иванна, забирая пострадавшую вещь из рук девочки. — Размножаются особи, которым больше десяти дней от роду, а этим всего три.

— Позвольте узнать, откуда вам это известно? — Дмитрий, незаметно вернувшийся к нам, замер в дверном проеме, внимательно прислушиваясь к беседе.

— Вообще-то я в школе училась, — не слишком вежливо, можно сказать, грубо, отрезала террианка.

— Я имею в виду не жизненный цикл насекомых, а точность определения возраста. Разве постличиночная стадия у рижд чем-то отличается от половозрелой формы?

— Так это... цветы же три дня как подарены. — Иванна опешила, но все же объяснение нашла, хоть и отступила на шаг, растерянно переводя взгляд с землянина на Анну, заинтересованную направлением, которое принял разговор.

— И что? Рижды, сидящие в букетах, могли быть любого возраста, — поддержала моего опекуна тетушка и ахнула: — Это ты ей дарила! Зачем?!

Надо отдать должное, даже после этого Иванна призналась не сразу. Юлила, категорически отрицала, выкручивалась — ведь улики были косвенные. И лишь когда вмешался Федор Антонович, посоветовав жене запросить у городской службы правопорядка запись с камер наблюдения, чтобы точно выяснить, был ли среди посетителей кафе тот, кто приходил с букетами, преступница сдалась:

— Да, я это сделала, чтобы Рианна на кастинг не пошла. Подумала, что если платье будет испорчено, она дома останется. Но Анна Натановна, я же не для себя старалась! Для вас! — В голосе появились плаксивые, обиженные нотки. — Вы же видите, как выросла прибыль в кафе, когда Рианна петь начала! А если она выиграет конкурс, то от вас уйдет и...

Иванна разрыдалась. Не договорила, но ее логика и без того понятна: виновата, но намерения-то были самые благие! И не оцененные хозяйкой! Оттого и расстроилась «добродетельница», а потом в полный голос разревелась, когда Федор Антонович коротко буркнул: «Выгнать, на фиг». Однако тетушка, кажется, объяснение приняла. Поругала, само собой. Пригрозила уволить, если подобное повторится. Предупредила, что вычтет из зарплаты стоимость платья и испорченной рубашки. Но работы в доме и в кафе не лишила.

Оксана морщилась, ерзала на стуле, но молчала, лишь строила уморительные гримасы. Дмитрий почему-то тревожно посматривал на запястье, похоже, наказание его не интересовало так сильно, как сам факт разоблачения. Я же никак не могла определиться с тем, как относиться к поступку Иванны. С одной стороны, вроде все складно, с

другой — я видела наигранность в старательной демонстрации удрученного состояния и знала, как террианка мне завидует. Наверняка это и было главным мотивом поступка.

Провинившаяся все еще всхлипывала, клялась, что действовала из лучших побуждений, однако ее уже не слушали. По крайней мере, тетушка отвлеклась, потому что ей на коммуникатор пришло сообщение.

— Хм... — Она читала послание, и темные брови удивленно ползли на лоб. — Рианна, это для тебя. То есть мне, но о тебе. «Дирекция музыкальной ассоциации Солнечной системы приглашает на прослушивание Флориану. Просим прибыть по адресу: Земля, Порингтон, Центральный район, офисный комплекс МАСС, шестьдесят пятый этаж», — прочитала вслух и предположила: — Видимо, кто-то из посетителей о тебе сообщил.

— Ого! — не сдержалась Оксана. Даже на стуле подпрыгнула. — Это классно! Ты поедешь?

— Н-не знаю. Если мне позволят...

Да, я обрадовалась: всегда мечтала побывать на родине моих предков, пусть и лишь по маминой линии. К тому же повод самый что ни на есть приятный — я буду петь! Тем не менее все же вспомнила, что решение принимает опекун.

— Она поедет, — не разочаровал меня Дмитрий.

Во взгляде мужчины мне почудилось облегчение, словно именно этого он ждал. Вот только чего? Приглашения? Или того, что я в первую очередь подумаю о его одобрении? Наверное, все же второе. Не мог же он знать о планах на мой счет у этой самой «ассоциации»! Но даже если знал или сам все организовал, поскольку обещал, что у меня будет возможность петь, — я ему за это только спасибо скажу!

— Когда? — не удержалась от вопроса.

— Так сегодня же и переместимся, — улыбнулся моей горячности опекун. — Уверен, тебя ждут с нетерпением и опасаются отказа. Зачем же заставлять людей переживать?

В этом я была с ним согласна. Настолько, что даже вскочила в готовности уйти прямо сейчас. Спихватилась, вспомнив, что мы вообще-то в гостях, а потому подобная поспешность будет выглядеть неприлично. Хотела извиниться, но поняла, что мои моральные терзания волнуют только меня. Федор Антонович уже шагнул к

Дмитрию, протягивая ладонь для пожатия, тетушка пожелала нам легкой дороги, а Оксана, шепнув: «Без меня не уходить! Я мигом!» — умчалась куда-то вглубь дома. Даже Иванна, шмыгая носом у окна, косилась на меня с однозначно трактуемым выражением: «Исчезла бы ты уже! И желательно навсегда».

Кузина догнала нас на улице, зашипела на родителей, мол, у девочек есть свои секреты, зыркнула предупреждающе на Дмитрия и оттащила меня за руку в сторонку.

— Вот, возьми! — зашептала быстро, сунув мне в руку тот самый мячик, с помощью которого мы разговор ее родителей подслушивали. — Он сам реагирует на сигнал, идущий от микрофона, и дрожать начинает. Силу вибрации можно настроить вот здесь. Микрофончик нужно закрепить на любой неподвижной, стационарной поверхности. Только он у меня один, поэтому, если потеряешь, пользоваться уже не сможешь. Бери, говорю, я у бабушки другой попрошу! — возмутилась, когда я попыталась отказаться. — Не верю я этому... Дмитрию. Обязательно установи прослушку в его комнате. Поняла?

Ну вот и как можно сопротивляться такому напору?

В общем, забиралась я в летар, сжимая «игрушку» в кулачке. Мой спутник, проявляя тактичность, вопросов не задал, хотя любопытные взгляды я замечала не единожды за время полета...

— А куда мы? — удивилась, когда осознала, что набравшая высоту техника движется в сторону, противоположную той, где располагались постройки землян.

— В пограничный комплекс, пройдем регистрацию и переместимся на Землю.

— Так сразу? И тебе не нужно домой?

— Зачем? — Теперь пришла очередь Дмитрия удивляться моим вопросам.

— Вещи забрать. Багаж, — вспомнила новое для меня слово, которое часто использовали террианки.

— Останется на Терре, нет смысла тратить на него время, — пожал плечами опекун. — Без пары костюмов я могу обойтись. А ты еще не обзавелась гардеробом. Все, что нужно, я куплю тебе в Порингтоне.

Больше я проблемами себе голову не забивала, в конце концов, Дмитрию виднее, как действовать, он в этом мире с рождения живет.

Думаю, можно просто ему довериться и получать удовольствие от новых впечатлений.

Так я и поступила. И правильно сделала, потому как посмотреть было на что!

Вдали появилась парящая над поверхностью земли гигантская платформа. Под ней — не менее колоссальная черная ровная поверхность, которая казалась провалом на фоне желто-серой равнины. Однако чем ближе мы подлетали, тем явственней становился сложный рельеф переплетающихся линий, в глубине которых вспыхивали перламутровые точки, бежали к центру провала и устремлялись ввысь, словно пытаясь поддержать нависающую сверху громаду.

Зрелище было настолько завораживающим и необычным, что я не отрывала взгляда, отмечая все новые и новые детали. Тонкие штыри, которыми утыкана поверхность снизу. Выступающие вверх на разную высоту площадки, идеально гладкие, на тонких ножках. Медленно вращающееся центральное понижение, словно воронка, ведущая в иное пространство.

Реальные масштабы сооружения стали понятны, только когда летар приблизился вплотную к одному из поднятий. На нем замерло около десятка транспортников и оставалось место для посадки не меньшего количества. А ведь таких площадок много-много! Сосчитать точно было проблематично именно из-за перепадов высот. Да и размеры сильно варьировали.

Изнутри порталный комплекс тоже выглядел внушительно. Прозрачные капсулы, перевозящие пассажиров. Сложное многоярусное пространство, неожиданно свободное, потому что перекрытия и перегородки тоже были полупрозрачными, позволяющими видеть и оценить происходящее за ними. Ну и люди, разумеется. Мужчины и женщины. Старые и молодые. Суесящиеся и неторопливые... Как разобраться, кто из них земляне, а кто терриане, я не представляла.

— Идентификатор, пожалуйста, — потребовал строгий мужской голос.

Теперь я уже не глазела по сторонам, а с интересом следила, как вокруг запястья, которое Дмитрий послушно погрузил в похожее на кольцевую рамку считывающее устройство, возникло голубое свечение, а на голоэкрane перед контролером, облаченным в идеально белую форму, высветились строчки символов языка вайли и объемные

изображения-голографии. Самого Дмитрия и... мое?

Мужчина сверил внешность, но как-то вскользь, больше внимания уделив информации, которую выдала техника. Ввел запрос, по всей видимости, получил ответ, затем еще один. Наконец озвучил то, что поступило:

— Гражданин Лисовский, вы можете пройти в посадочный сектор. Ваша подопечная останется, ее разрешение на выезд аннулировано.

— Кем и на каком основании? Документ предъявите, пожалуйста, — на удивление спокойно отреагировал Дмитрий.

Контролер равнодушно кивнул. Понятно, что он — лицо незаинтересованное, просто выполняет свою работу. Развернувшись к экрану, снял с него копию — полупрозрачный слепок, — и по воздуху отправил моему опекуну.

— Благодарю. — Поймав изображение и зафиксировав его на запястье, Дмитрий подхватил меня под руку и отвел в сторону, подальше от пропускного пункта. — Так... Посмотрим.

Он углубился в изучение документа, я же молча ждала результата. Негаданное препятствие меня не слишком волновало — у меня целых два опекуна, вот они пусть и разбираются. Опять же много ли я понимаю в местных законодательных заморочках? Да ничего не понимаю! Особенно вот в этом:

— В нарушение пункта три пятнадцать и три двадцать семь «Положения о миграционном процессе»... Не представлены надлежащим образом заверенные копии... подтверждающие достоверность сведений... в формах «Рэ-один», «Рэ-два» и «Дэ-восемь дробь пять»: данные о рождении, родственных отношениях и месте проживания до момента оформления опекуинства... В анкете-заявлении на выезд, форма «Бэ-один», отсутствует отметка о пересечении границы Конфедерации...

Это Дмитрий моему дедушке выдал. Причем однозначно в сокращенном варианте!

— Бюрократы, — коротко усмехнулся тот. — Ладно. Зато понятно, откуда ноги растут... Ждите.

Он отключился. Дмитрий продолжил что-то отыскивать на экране, но поскольку ко мне он его не развернул, читать мне было неудобно. Хотя и косилась я на искаженные строчки, а сути не понимала. Вайли — вообще очень своеобразный язык, в нем значение одного и того же

символа от его угла наклона зависит. К бесполезному занятию я быстро потеряла интерес и увлеклась более приятным процессом — осмотром местности.

В пограничном комплексе все пребывало в движении. Здесь статика существовала лишь как фон, на котором перемещались люди, устройства, свет и даже воздух. Здесь не было вялости и ощущения застоя. Здесь все менялось, рождая бодрый, своеобразный ритм. Это была новая, для меня необычная, но, несомненно, музыка техногенного мира!

Тяжелый удар — упал с потолка и шустро рванул в сторону какой-то черный куб. Дробный перестук каблучков — пробежала мимо молоденькая девушка. Тихий скрип — сместилась ставня, закрывая слепящее, бьющее по глазам светило. Рычащий затихающий звук — переключилась вентиляция, меняя направление тока воздуха. Гулкий щелчок — в открывшийся проем шагнули новые пассажиры. А среди них...

— Дмитрий! — Я судорожно дернула опекуна за рукав. — Там эти... Безопасницы.

— Где?

Мужчина, увлеченный своим делом, понял меня не сразу. Однако стоило ему увидеть высоких террианок в серой форме, направившихся к нам, как его рассеянность тут же исчезла.

— Идем!

Перехватив и крепко сжав ладонь, Дмитрий повлек меня за собой. Некоторое время мы петляли между стойками регистрации, пассажирами, платформами с багажом... И все же террианки нас из виду не теряли — полунпрозрачность стен, так восхитившая меня, когда я сюда попала, превратилась в огромный недостаток. Да, они мешали безопасницам быстро до нас добраться, но и нам спрятаться было негде.

Опекун тихо поминал любимого маминого полузверя-получеловека — чёрта, менял траекторию движения, ухитрился снова выйти на связь с бабушкой, бросил ему сердитое: «Где обещанная поддержка?», получил в ответ: «На месте!» — после чего притормозил, чтобы осмотреться.

Я с облегчением перевела дыхание. Пробежки по «Аграну» были, конечно, хорошей тренировкой, но бег по пересеченной местности в корсаже и юбке — тот еще экстрим. Оставалось надеяться, что на этом

он и закончится.

Бросила взгляд на происходящее вокруг и в том, что надежды сбудутся, усомнилась. Да, поддержка, которую, очевидно, имел в виду дедушка, присутствовала: сложно было бы причислить к террианкам затянутых в черную униформу мужчин с оружием. Однако от нас они находились далеко, и их было так мало по сравнению с отрядом безопасниц! А ведь последние еще и разделились, пользуясь возникшей среди пассажиров паникой, тем самым отрезав нам путь к потенциальным защитникам.

Дмитрий понимал это не хуже меня. В очередной раз чертыхнувшись, оттеснил в угол и заслонил собой. Как и чем ему помочь, я даже теоретически не представляла. Наверное, самым правильным будет... Не мешать. Не отвлекать. Не...

— Не препятствуйте нам, отойдите!

— Что происходит?

— Задержание преступницы.

— Основание?

— Постановление на арест.

— Не одобренное отделом внешнего контроля Конфедерации.

— Кому нужно это одобрение?!

— Вы нарушаете закон.

— Мы и есть закон!

— Любопытно, знает ли об этом ваше начальство?

— Не ваше дело. Отойдите или тоже пострадаете!

— Вы мне угрожаете?

— Предупреждаем!

Резкие, отрывистые фразы, а потом...

Глухой звук удара. Еще один, хлесткий, сильный. Вжавшись в стену, я не могла понять, кто и кому их наносит, лишь видела движения рук мужчины и его спину. Он старался оставаться ко мне максимально близко, закрывая собой, однако тактика боя соперниц все же вынудила его шагнуть вперед. Щель появилась. Еще полшага, и в образовавшееся пространство просунулась рука, вцепилась в меня мертвой хваткой и сильно дернула.

Теряя равновесие, я в панике взвизгнула, и в этот момент перед моим лицом вспыхнула яркая точка. Ослепила, заставив зажмуриться. Видимо, не только меня, но и террианку, которая меня держала, потому

что ее пальцы я вдруг чувствовать перестала. А когда осторожно открыла глаза, рядом оставался только Дмитрий, обнимающий меня за плечи и с изумлением наблюдающий, как безопасницы отступают от теснящего их, совершенно невероятного зверя. Черно-желтого, огромного, раза в три больше человека, агрессивного (хоть я видела его лишь сзади) и явно неорганического — уж это я различать научилась.

Что это такое и откуда оно взялось, я так и не поняла.

— Уходите! Разрешение действует! — неожиданно приказал дедушкин голос.

Оказывается, все это время он оставался на связи. Наверное, Дмитрий забыл сбросить соединение. А вот медлить не стал, реакция у землянина была отменная. Я и опомниться не успела, как мы уже стояли у ближайшей стойки регистрации, из-за которой контролер, присев на корточки, с тревогой наблюдал за драматической сценой.

— Идентификация! — сунув руку в считывающее устройство, рявкнул опекун, да так, что служащий аж подпрыгнул на ноги.

К счастью, профессиональные навыки от этого не растерял. Пробежав пальцами по виртуальной клавиатуре, проверил данные и кивнул. Порядок.

Матовая преграда, блокирующая вход, дрогнула и исчезла. Несколько шагов по коридору, и мы попали в зал-полусферу. В центре установлен высокий штырь — абсолютно гладкий черный стержень, по которому поднимаются вверх те самые перламутровые огоньки, которые я видела снаружи. А вокруг него расположилось больше десятка удобных мягких кресел.

На одно из них Дмитрий усадил меня, перебросив через талию широкий эластичный ремень и плотно его зафиксировав. Торопливо сел сам, не забыв пристегнуться, и...

И наши сиденья начали движение. Стремительно заскользили по радиусам от периферии к центру. У меня дыхание перехватило от страха, что мы столкнемся, но тут же пришло осознание, что это движение идет параллельно, ведь кресла не сближаются, а остаются на одном расстоянии. А потом еще и штырь расслоился, превратившись в сложную рамку.

Не силах понять, как такое возможно, я зажмурилась и услышала:

— Все, приехали.

Осторожно приоткрыв глаза, увидела, что наши кресла проскочили

сквозь парадоксальный стержень и теперь вновь стоят в ряду других, терпеливо ожидающих своих пассажиров. Дмитрий же, отстегнув ремень, проделал ту же процедуру с моим и помог встать. Улыбнулся, заметив мою растерянность, и пояснил:

— Это был портал. Добро пожаловать на Землю, Рианна.

Глава 6

РЕПЕТИЦИЯ

*Из архива нагобота с идентификационным позывным
«Деке», категория информации — «аудиозаписи»*

— Где она сейчас?

— Внизу, в кафе. Репетирует. То есть распевается. У нее завтра кастинг.

— И как, на твой вкус?

— Голос неплохой. Клиентов вроде не отпугивает.

— Голос! Мы что, ради этого репутацией кафе рискуем?! Я про... Сама знаешь.

— Марь, я этим больше не увлекаюсь. Федор против.

— Да ладно! Мне-то не ври, знаю я, как он против. До сих пор небось втихую прикладывается, когда тебя в постель тащит... Ну так что?

— Воздействие определенно похожее.

— Определенно?

— Очень похожее!

— Значит, я была права. Нужная девочка, такую бы использовать... Представляешь, перспективы какие!

— Она же родственница!

— Пф! Подумаешь! Отцу ты о ней не сказала, так что он и знать ничего не будет, сестричка твоя невеста когда явится за дочкой, а нашей маме по фигу, кто она там, лишь бы на пользу делу... Ань, а ты уверена, что она вообще человек? Очень уж своеобразно на ее пение народ реагирует. Может, она маскируется просто? Маска какая-нибудь эластичная, а под ней атрионка?

— Нет никакой маски. Кожа, волосы — все натуральное.

— Н-да?.. Кстати! Где образцы? Ты мне для теста обещала! Сколько уже тянешь с этим?!

— Ну не получалось... Обещаю, завтра утром отправлю в лабораторию.

— Утром... А пораньше никак? Ладно. Значит, вечером результаты

будут. Вот и узнаем точно, кто она. А я пока найду способ маме втихую идейку подкинуть, как использовать девчонку, раз родительница у нас такая недогадливая. Старееет, теряет хватку...

— Марь, может, не стоит? Рианна хорошая!

— Хорошая, не спору. Вот и пригодится.

— А если не получится? Если раскроется все? Она же у инвестора была, хоть и не признаётся. Никто другой ей пароля бы не дал. Наверняка ее ко мне отправили, чтобы под присмотром держать, раз уж она в курсе.

— Правильно. Потому и прибрать твою племянку к рукам нужно побыстрее. Найдем чем замотивировать, запугаем в крайнем случае, будет молчать как миленькая, даже если родственники объявятся. Тут главное — успеть... Ну не убивать же ее?

— Нет, конечно! Но... Марь, давай все же маме скажем, что Рианна наша родственница, а? Не будем больше скрывать.

— Анька, не зли меня! Иначе я все твоему отцу расскажу. Он и так с тобой редко общается, а узнав правду, вообще все связи разорвет. Гражданства лишишься моментально. Конфедералы кафе твое с землей сровняют. И производству каюк. Что после этого с тобой мама сделает, сама знаешь. А Федору ты не нужна без... гм... дохода. Разведется, уедет на свою Землю и детей заберет. Все потеряешь, ни с чем останешься. Ты этого хочешь?

— Нет!

— Вот и умничка. Значит, сиди тихо, помалкивай и мне не мешай. И вот еще что... Спустись-ка вниз. Связь не блокируй, я хочу послушать, что там за голос такой...

Звук лился, затапливая пространство, поднимаясь ввысь и обрушиваясь обратно. Стекал по стенам, струился по полу, порождая водовороты. Перекачивался через мебель и через ноги сидящих у стены слушателей. Ласково взбирался по телам, нежно гладил приоткрытые на полувдохе губы, затягивал топкой поволокой глаза и возвращался ко мне.

Я не знала, чем именно его наполнить: основываться на скудной мимике людей и полноценно формировать эмоциональный фон для меня по-прежнему было непосильной задачей. Поэтому использовала единственное, мне доступное, — просто отражала то, что улавливала.

Настороженность расположившейся в крайнем кресле пожилой дамы в идеально пошитом сиреновом юбочном костюме, с убранными в строгую высокую прическу белыми волосами. Сосредоточенность постукивающего пальцами по колену, солидного, с проседью на висках, тучного мужчины, который недостатки своей фигуры пытался скрыть под не менее объемным свитером и широкими брюками. Задумчивость долговязого, похожего на тонкую ветку, землянина в странной, словно не по размеру, растянутой черной одежде, прижавшего ко лбу указательный палец. И замороженность Дмитрия, не отводящего от меня взгляда.

Опрятный бежевый костюм, белая рубашка, ровный боковой пробор на светлых волосах, в основной своей массе переброшенных на другую сторону, маленький шрам над верхней губой... Он ведь защищая меня, его получил.

Я вновь окунулась в события вчерашнего дня. Нервное напряжение после перемещения. Испуг, когда я посмотрела на стоящего рядом спутника и увидела ползущую от разбитой губы к подбородку красную струйку. Моя рука, невольно поднявшаяся к его лицу, и пальцы, скользнувшие по влажной коже...

— Это что?

Вопрос, недоумение и понимание того, насколько же мы разные, когда услышала пояснение:

— Кровь. Не страшно, до свадьбы заживет.

Тревога сменилась благодарностью, которую я не задумываясь выплеснула, окатив ею опекуна. Ну и всех остальных заодно.

Дмитрий побледнел, закрывая глаза, женщина покачнулась, тонкий мужчина вздрогнул и уронил руку, а во взгляде пожилого появилась растерянность.

Упс... Я перестаралась?

Сменила тональность, поспешно нивелируя полученный эффект менее яркими ощущениями. Интересом, с которым я рассматривала гигантские неподвижные дома, напоминающие комплекс на Терре. Приятным и уже знакомым комфортом жилых помещений. Легким волнением в ожидании начала прослушивания. Это наверняка всем землянам знакомо, должно легче восприниматься.

Кажется, не ошиблась, потому что слушатели расслабились. На этом я и решила закончить выступление. На первый раз хватит. Ну а

если им мало, тогда попросят, и я еще что-нибудь придумаю.

Финально подбросила звук, переливчато-нежно опустив его на зрителей, и замолкла. Несколько секунд мне пришлось постоять в тишине, но я не волновалась, помня, что люди — не атрионы и не сразу проявляют реакцию. Наконец земляне зашевелились. Мужчина в свитере принялся растирать подбородок и шею, словно она у него затекла. Женщина повернулась к нему и начала что-то тихо говорить. Долговязый не сразу, но тоже к ним присоединился. А вот Дмитрий почему-то покраснел и смущенно кашлянул.

Надеюсь, ему не за меня стыдно? Решив, что стоять столбом не имеет смысла, подошла, чтобы сесть на свободное кресло рядом.

— Я нормально пела? — шепотом спросила, пользуясь тем, что остальные занялись обсуждением и на меня больше внимания не обращали.

— Да... То есть очень хорошо, — с заминкой ответил опекун.

Голос хриплый, дыхание беспокойное, глаза как-то быстро отвел... Может, ему не понравилось, а обижать не хочет? Ох, как же с людьми трудно! По реакции атриона я бы сразу поняла, что он чувствует!

Голоса тех, кто обсуждал мою кандидатуру, стали громче. Они определенно спорили, и не услышать наиболее отчетливых фраз мог бы только глухой.

— Да не бывает так!

— Тогда что это было?

— Докажи!

— А запись на что?

Долговязый мужчина сорвался с места. Выскочив в распахнувшийся проем стены, через секунду он появился за прозрачной перегородкой, которая отделяла зал для пения от еще одной, совсем маленькой комнатки. Наверное, она была важна в каком-то функциональном смысле, о котором я ничего не знала. А когда в помещении вновь зазвучал мой голос, лишь коротко ахнула, потому что воспринимать его единым с собой — это одно, а слышать независимым, отдельным — совсем иное. Неприятно, надо признать. Как-то неправильно.

Я невольно поморщилась. Звук казался сухим, чужим, лишенным эмоциональности. Он шел ровным потоком из углов комнаты, вызывая колебания воздуха, и потому порождал нечто, аналогичное голосовой

речи, разве что без слов. Но это нельзя было назвать музыкой в привычном смысле. Неужели все, чем я так старательно наполняла звук, исчезало и не воспринималось людьми? Тогда понятно, почему Дмитрию не понравилось.

Бросила на него виноватый взгляд, извиняясь за то, что не оправдала ожиданий, и опешила. Опекун улыбался! Приопустив веки, чуть заметно покачивал головой, вслушиваясь в эти сухие колебания воздуха, и, вне всяких сомнений, наслаждался. Мм... Это как?

Обернулась к комиссии, и мое недоумение усилилось. Земляне внимательно слушали, реагируя совсем иначе, чем на живое пение. В позах — уверенность, в глазах — облегчение, словно они наконец слышат что-то им понятное и знакомое.

Брр... Ничего не понимаю!

— Удачная секвенция, — едва умолкло звучание, вынесла вердикт женщина. — И то, что хроматическая, в данном случае, с учетом специфики голоса, мне кажется вполне уместным.

— Три регистра или мне показалось? Контральто вроде было? — уточнил тучный мужчина и, получив согласные кивки, продолжил: — И все же воспринимается как однородный, эмиссия легкая. Давно такого не слышал.

— Парадокс, — буркнул вернувшийся в зал долговязый землянин. — Откуда тогда такое воздействие?

Комиссия зашумела. Теперь посыпались совсем уж непонятные слова. «Форшлаг», «мелизмы», «вибрато»... Слушая земную терминологию, я растерянно хлопала глазами, надеясь, что все это не означает совсем уж плохого результата. И волновалась, напряженно ожидая вердикта. Нервно стискивала пальцы, вздрагивая от зябкого ощущения прохлады, прокатывающегося по телу, хотя до этого температура была комфортной. Неужели мои надежды не оправдаются?

Видимо, мое состояние Дмитрий заметил. Осторожно спрятал мои холодные ладони в своих, согревая, а во взгляде появилось выражение, которое сложно было трактовать иначе, нежели желание вернуть мне уверенность в себе.

Поддержка была своевременной и приятной. Наверняка потому, что опекуна я больше не воспринимала как чужого. Мне рядом с ним было хорошо. Вернее... ладно, что уж лукавить... мне от его прикосновений было хорошо! Он словно делился со мной чем-то очень

важным. Уютным, добрым, ласковым. Терять этот контакт не хотелось. И, похоже, не только мне. Дмитрий тоже не спешил убирать руки, даже когда прения комиссии закончились и с победным: «В общем, вы поняли, что это не мое» — женщина вышла из зала. Тучный мужчина помедлил, он явно сомневался, но в итоге кивнул долговязому и, буркнув: «Пробуй сам» — тоже покинул помещение.

Оставшийся посидел еще немного в задумчивости. Сначала рассматривал меня цепким взором совсем маленьких черных глаз, затем поднялся и пересел ближе. Неловко подтянув вверх сползшие на кисти растянутые рукава, сцепил пальцы в замок. Облокотился на сведенные колени, нелепо расставив ступни в стороны, и представился:

— Сарсон Яргович Лай, главный режиссер концертного комплекса МАСС.

Имя у него оказалось таким же угловатым и нескладным, как он сам. Да и речь отрывистая, но вполне доброжелательная, и это меня в некоторой степени успокоило.

— Прошу простить моих коллег, у нас музыкальный сезон на носу: гастроли, репертуары распределены. Брать новых исполнителей — настоящая авантюра, а ваш случай сложный, скажем прямо, нестандартный, этим заниматься серьезно надо. Но меня вы заинтриговали, готов рискнуть.

Он улыбнулся и протянул руку. Удивительно, но улыбка моментально его преобразила. Нос стал казаться менее острым, тонкие бледные губы проявились отчетливее, даже выпирающий подбородок словно втянулся, округлив лицо. Лишь глубоко посаженные глаза по-прежнему цепко следили за всем, что происходит.

Вспомнив о том, как на Терре приветствовал меня Дмитрий, я положила пальцы на узкую ладонь. И не ошиблась — Сарсон Яргович склонился над рукой. Вот только кожи он не коснулся, лишь видимость создал. Любопытно... А еще любопытнее то, что опекун, едва моя рука вновь обрела свободу, немедленно вернул ее в свои. Это для меня подтверждение, что он все будет контролировать и без его поддержки я не останусь? Или же для собеседника намек на... на то же самое? Или и то и другое одновременно?

Кажется, последнее. Ведь мне так спокойнее, а во взгляде визави появилось понимание и... вопрос. Только вслух он его не задал, просто смотрел на Дмитрия, ожидая, что тот ответит.

Охватившее меня недоумение длилось ровно секунду, его моментально смела догадка. Вернее, воспоминание о том, что мужчины-земляне умеют общаться телепатически! Ох, сколько раз мне мама это говорила, а я... Я забыла напрочь! Но как я могла об этом вспомнить, если на Терре Дмитрий ни с кем так не разговаривал? Ни со своим братом, ни с дедушкой, ни с Федором Антоновичем. Я слышала лишь обычную речь, даже когда они между собой диалог вели. Стоп! А почему?

— Простите, я не телепат, — коротко сообщил опекун.

О как... Такое бывает? Мама не говорила, что есть исключения.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Сарсон Яргович. — Последнее десятилетие все чаще появляются люди без способностей. А всё наша космическая экспансия! Я уверен, она виновата. Сидели бы на Земле, и проблем бы не было. Куда катится мир...

Он трагично вздохнул. Однако сожаление было проявлением деликатности, поэтому долго не продлилось. Землянин быстро вернулся к текущим делам.

— Так вот... Флориана, верно? — уточнил, хотя наверняка знал, ведь для прослушивания меня в зал по имени вызвали. — Красиво. Броско. Узнаваемо. Хороший выбор. Менять не будем. Так вот, Флориана, голос у вас своеобразный. Не буду мучить вас терминологией, вижу, что она вам ничего не объяснит, вы ведь не профессионал. Скажу только, что потенциал у вашего голоса огромный, но поставлен он ужасно, совсем никакой школы. Вы им пользуетесь, применяя сразу все, что вам доступно. Это... — Он запнулся, подбирая ассоциации. — Это как есть одновременно соленые огурцы и торт. Горчицу и мороженое. Вы не ели мороженого?

Мужчина задумался, сообразив, что я не реагирую с тем эффектом, на который он рассчитывал.

— Тогда кофе и...

Он не договорил, а меня уже передернуло от неприятных воспоминаний. Зато Сарсон Яргович успокоился.

— В общем, с этим надо что-то делать, причем радикально. И быстро, потому что я надеюсь вывести вас в этот сезон. Значит, работать придется много. Очень много. Отдыхать — мало. От слова «совсем». Вы к этому готовы?

— Вполне.

Я даже не раздумывала. Вот еще не хватало — отлынивать от обучения и стенать, что большая нагрузка! Можно подумать, я на «Агроне» отдыхала!

Мой энтузиазм мужчине понравился. Он даже приосанился как-то, принимая невероятно неудобную позу — прямая спина, шея чуть с наклоном вперед, одна рука упирается ладонью в колено, а сама нога приподнята на носок узкой черной туфли, пальцы другой руки лежат на вновь заострившемся подбородке, а локоть почему-то отведен в сторону.

— Очень хорошо. Тогда мне нужен контакт вашего вильюта, я подготовлю и сброшу расписание. Надеюсь, вы будете следовать ему точно, никаких опозданий. Заниматься придется не только со мной, преподавателей у нас много, но жалоб на них я не потерплю. Понятно?

Уверенно кивнув, я протянула ему руку. Наши запястья соприкоснулись, раздался краткий писк... Не сумев сдержать радостного возбуждения, я посмотрела на опекуна и получила в ответ улыбку. Он прекрасно понял, что я чувствую, ведь со вчерашнего вечера я официально стала настоящей землянкой! Да, еще не гражданкой Конфедерации, потому что работы у меня нет, я осталась в категории опекаемых, но зато теперь никто не усомнится в моем статусе! Ведь под кожей на руке у меня тот самый вильют — микроскопический прибор, без которого жизнь человека на Земле не будет полноценной. В нем все: идентификатор, пропуск в здания, ключ от дома, кредитка, коммуникатор для общения, активатор странных устройств для перемещения — флёргов... И это отнюдь не полный список.

Дмитрий первым делом, едва мы покинули пограничный комплекс, отвез меня в Бюро социальных отношений, чтобы я это устройство получила.

— Это обязательно, — убеждал меня опекун. — Иначе такие эксцессы, как на Терре во время нашего отбытия, неизбежны.

Соглашаться на вживление было страшно. Я долго собиралась с духом, ведь на Атрионе не практикуется никаких внутренних вмешательств. А тут во мне будет что-то, да еще и неорганическое! Хотя как раз последнее меня и примирило с процедурой. Неорганика — это что-то инородное, оно не будет «жить» внутри меня. А сам укол... Я ведь и не почувствовала ничего толком. Наверное, потому, что, закрыв

глаза, уткнулась лицом в плечо опекуна. Он меня приобнял и... И на этом все закончилось.

— Готово, — совершенно буднично известил служащий, убирая инструменты. — Настройки стандартные. Обучение требуется?

— Нет, спасибо, я сам этим займусь, — ответил Дмитрий вместо меня.

Я же заворуженно изучала крошечное красное пятнышко на коже. Невероятное ощущение — знать, что я на Земле не чужачка. Я такая же, как все!..

— О чем задумалась? Сомневаешься в своих возможностях?

Мы уже вышли из зала следом за воскликнувшим: «Как время-то летит!» — и рванувшим по коридору, но все же успевшим попрощаться Сарсоном Ярговичем. Теперь Дмитрий крепко держал меня за руку, чтобы быть уверенным в том, что я останусь в очерченных на полу границах флёра, и выбирал на виртуальной панели, зависшей перед его лицом, параметры места, куда нам нужно попасть.

Внимательно наблюдая за тем, как именно и что делает опекун, я его успокоила:

— Нет, что ты! Я очень рада тому, как все удачно складывается. Не верится даже. После всего произошедшего... Можно я попробую?

— Конечно. — Дмитрий осторожно сместил невесомый экран ко мне. — Вот перечень наших последних перемещений. Выбрать из списка и нажать возврат.

— Понятно.

Палец коснулся активатора, и пространство заволочло белым сухим туманом. Вернее, он обрушился на наши головы, скрыв все, что нас окружало, а когда рассеялся, мы уже стояли в холле апартаментов, где жил мой опекун. Я с любопытством проследила за тем, как медленно погасло свечение напольного кольца. Ох, какой же необычный, а главное, удобный и быстрый способ перемещения используют люди, чтобы попасть в нужное место! Флёр... Вчера я засыпала опекуна вопросами, и он честно попытался объяснить мне принцип действия, хотя сам не был специалистом в этой области. Я поняла лишь то, что два таких устройства на небольшом удалении друг от друга при активации образуют между собой соединительный канал — коридор, пролегающий в подпространстве, и сквозь него тебя протаскивает какой-то физический закон. И это было самым удивительным, ведь я

никакого движения не ощущала.

— Замечательно, — похвалил Дмитрий мое стремление все освоить. — Сейчас переоденемся и пойдем ужинать. Точнее, обедать, гулять и ужинать. Ты не против ресторана? Боюсь, что при твоей занятости у нас в ближайшее время не появится возможности полноценно расслабиться.

Я активно закивала, соглашаясь. Как можно отказываться от таких приятных перспектив? Вчера мне мало что удалось увидеть: пара офисных зданий, кабинеты, столовая в апартаментах опекуна и спальня, которую я даже не рассмотрела толком, — на кровать свалилась, как говорит мама, без задних ног. День оказался долгим, нервным и выматывающим. Утром же мне было не до любования интерьерами — я на прослушивание настраивалась. Даже от приобретения новой одежды отказалась, опасаясь не успеть. Надела ту, что носила вчера. К тому же она была удобной, я привыкла, а петь лучше в том, в чем тебе комфортно. Но теперь, когда проблемы позади, примерить что-то другое я не против.

— Вот здесь встань. Замри, — инструктировал Дмитрий, когда мы проследовали из холла в гостиную. Отошел, опустил на диван, потыкал пальцами по маленькому экранчику вильюта и разрешил: — Все, можешь сесть. Посмотрим...

Я так и поступила, а потом не поверила своим глазам — я продолжала стоять там, в центре комнаты! Не сразу сообразила, что это всего лишь мой голографический слепок в полный рост.

— Ну вот, — резюмировал опекун, развернув передо мной виртуальную панель, похожую на ту, что показывает гардероб. — Магазин доступен. Лимит на покупку я выставил, то, что не по средствам, заблокировал, остальное можешь примерять. Понравившееся откладываешь в корзину, потом удалишь, если передумала. Справишься?

А то ж! Я с азартом принялась осваивать новый способ приодеться. С увлечением меняла платья, юбки, блузки, обувь, поворачивая свое второе «я», чтобы как следует рассмотреть результат. Даже не заметила, как Дмитрий, поначалу наблюдавший за моими действиями, исчез из комнаты.

Неведомая мне «корзина» представляла собой перечень желаемых покупок и заполнилась моментально — очень уж много всего того, что

мне приглянулось. Однако я сообразила, что там немало однотипных по функциональности вещей, потому и удалила две трети, оставив только то, что по-настоящему мне нужно. А когда убедилась, что больше ничего не требуется, подтвердила заказ...

Голограмма моргнула и исчезла, вместо нее появилась объемная надпись: «Благодарим за покупку. Время ожидания — 1 минута 10 секунд». Цифры менялись, мигали, и я зачарованно на них смотрела, с нетерпением ожидая, что же произойдет.

Наконец надпись погасла, и... И ничего. Подождав еще немного, я вскочила, рванула на выход искать опекуна. А вдруг я что-то не то сделала?! Ну и столкнулась с идущим мне навстречу Дмитрием.

Он устоял. Почти. То есть устоял бы, если бы не нес в руках свертки. Наверное, хотел меня поддержать, пакеты посыпались вниз, я же, как-то неудачно скользнув туфелькой по полу, подсекла его ногу, рефлекторно схватилась за рубашку...

Вертикальное положение сменилось на горизонтальное. Быстро, но на удивление мягко. Я не сразу сообразила, что Дмитрий в падении ухитрился развернуться и уронить меня на себя, не позволив удариться. Теперь я лежала на нем, он — на пакетах, а те — на полу. Не знаю, кому из нас было менее удобно, но мое сердечко бешено стучало, не желая успокаиваться. Впрочем... Грудь мужчины под моими ладонями тоже неподвижной не оставалась. Дышал опекун тяжело, смотрел с беспокойством. Волосы растрепались, рубашка порвана... Так вот что трещало!

Ойкнув, я попыталась с него сползти. Верное направление нашла не сразу, руки пару раз скользнули по телу. Голому телу, между прочим! Наконец мне все же удалось переместиться на твердую поверхность. Дмитрий сел, пару раз сглотнул, прежде чем заговорить.

— У меня доставка находится в холле... — зачем-то пояснил, словно это было сейчас самым важным. И только после этого поинтересовался: — Испугалась?

— Немного, — выдавила я, отчаянно краснея. — Больно? Я могу помочь? — в свою очередь проявила заботу, увидев, как опекун потирает ушибленный локоть.

И лишь потом сообразила, что я этого делать не умею. Вот была бы не экзотом, а фидером, запросто бы справилась. А так... Толку от меня никакого. Одни расходы и проблемы. Еще и рубашку ему порвала... И

веду себя как ребенок...

В носу защипало, комната поплыла, размылась...

— Ты расстроилась? — спохватился Дмитрий. — Из-за меня? Ну вот еще не хватало! Все хорошо, слышишь?

Он притянул меня к себе, чтобы успокоить, но это почему-то дало обратный эффект. Я позорно разревелась. Всхлипывала, сжимая в пальцах разорванную ткань, но все же слушала, как над ухом раскатисто-мягко искал нужные слова мужской голос:

— Рианна, милая, да если б я переживал насчет каждого ушиба и не умел терпеть! Знаешь, сколько раз мне в детстве доставалось? Я же каждое лето в спортшколе проводил, а иногда и по несколько раз в году, внепланово приходилось ездить, а там синяки и ссадины в порядке вещей. Вот и привык не обращать на них внимания. Мне обиднее другое было — и Гелия, и Эд оставались дома, а меня за тридевять земель отправляли. Я из-за этого даже постоянных друзей не имел и с родственниками редко общался, а уж про гостей и знакомых говорить нечего. Вот твои же родители и брат пару-тройку раз прилетали, а мне так и не довелось с ними пообщаться...

— Мои родители? Брат?

Я встрепенулась. Нет, я знала, что они до моего рождения дедушку навещали, а потом общение прекратилось из-за политических разногласий Конфедерации и атрионов, но знать — это одно, а видеть свидетеля тому — совсем другое. Хотя как раз «свидетель» из опекуна аховый. Зато есть Эд! То есть нет его, он на Терре. Тогда... Гелия!

— А ты меня с сестрой познакомишь? Она на Земле?

— Познакомлю, конечно. Да и родители, уверен, будут тебе рады. Особенно мама. Ну, успокоилась? Вот и хорошо. — Дмитрий улыбнулся, осторожно провел рукой по моим щекам, стирая мокрые дорожки. — Может, ну его, этот ресторан? Останемся дома? Поужинаем спокойно, а Землю потом посмотришь...

«Ресторан» (информация из Мировой энциклопедии по состоянию на 2810 год):

— предприятие общественного питания с широким ассортиментом блюд сложного приготовления (*устар.*);

— место досуга, совмещающее в себе функции обеспечения

потребностей населения в питании, отдыхе, общении и развлечениях (совр.).

Перегнувшись через ограждение, то есть нагло пользуясь тем, что силовой экран не позволит мне свалиться вниз, я восхищенно ахала, Дмитрий сидел совсем рядом за столиком и неторопливо доедал ужин, а под нами медленно скользила идеально ровная водная гладь, перекачивалась через край обрыва, которым заканчивалось плато, и с грохотом всей своей разрушительной мощью обрушивалась на каменные уступы. Закатное желто-оранжевое светило ласкало воду лучами, а брызги разбивали их на многоцветные радужные дуги, утопающие в туманной мгле.

— Как же здесь замечательно! — Подпрыгнув от переполнявших меня эмоций, я с трудом оторвала ладони от ограждения и вернулась на диванчик. С него тоже все прекрасно видно, но мне этого мало, хотелось острых ощущений.

Да, в тот вечер, когда я столь опрометчиво врезалась в своего опекуна, мы никуда не пошли. По просительной интонации, по той легкой скованности, с которой он смотрел мне в глаза, я поняла — ему никуда не хочется. Потому и настаивать не стала. Какой смысл торопиться? У меня вся жизнь впереди! Но Дмитрий все же компенсировал мне мою самоотверженность. И теперь мы пусть полчаса, но каждый вечер (я — после занятий, он — после работы) отдыхали. И общались. Дмитрий много знал и охотно рассказывал мне о Земле. Я с энтузиазмом впитывала новые впечатления. Это же такой багаж эмоций! Для экзота непередаваемо важный!

Полет на стратосферной платформе. Парк с красными деревьями, очень необычными для Земли, где растительность преимущественно зеленая. Берег моря, безумно странного, потому что невероятно спокойного и теплого. Теперь вот водопад...

Бросив последний восхищенный взгляд на природное чудо, я поднялась следом за спутником, вложив ладонь в протянутую мне руку. Усталость, накопившаяся за день, все же давала о себе знать: голова пухла от информации, ужин плотно улегся в желудке и требовал покоя, время позднее, вставать рано...

— А завтра мы куда пойдем? — преодолев нарастающую сонливость, не удержалась от вопроса.

— Завтра?.. — Опекун задумался.

Однако узнать, что же он запланирует, мне не удалось.

— Димочка! — Радостное восклицание, не менее восторженное «ах!» и совсем уж экзальтированное: — Неужели ты вернулся?! Почему не сообщил? Я ждала! И почему не сказал, что сегодня в «Гайяну» собираешься? Я же просто чудом тут оказалась. Утром еще планировала в «Стакоре» отдохнуть, а потом все же решила сюда. Как почувствовала! Жаль, опоздала. Уходишь уже? А это кто?

Воркующий голос приобрел тревожные интонации, голубые глаза впились в мое лицо изучающим взглядом, в котором мгновенно вспыхнуло отторжение. Я незнакомке не понравилась.

Впрочем, она мне тоже. Нет, чисто внешне красивая: высокая, с отличной фигурой, в темно-синем платье простого покроя, очень хорошо на ней сидящем, волосы шикарные, цвета светлого песка, гладкие, блестящие, черты лица приятные. В общем, все в ней чисто внешне неплохо, но... Но звать моего опекуна «Димочка» — это перебор. Даже если он ее на свидания приглашал. Что за фамильярность?! А может...

Мелькнувшая мысль мне не понравилась ничуть не меньше дамы. Может, у Дмитрия с ней серьезные отношения? Не супруга, понятное дело, иначе бы они вместе жили, но, возможно, она таковой станет в будущем? А что? Ведет себя уверенно, претензии предъявляет, вопросы задает без стеснения. Опять же обращение...

Перевела взгляд на опекуна и поняла, что ошиблась. Ну нельзя на женщину, к которой испытываешь настоящие чувства, смотреть с таким унылым выражением лица.

На душе стало спокойнее. И уверенность, вытесненная неприятными мыслями, вновь вернулась. К тому же Дмитрий скрывать мой статус не стал:

— Рианна, моя подопечная. Извини, Дарьяна, у меня не было времени. Я завтра обязательно с тобой свяжусь.

— Подопечная? Как же тебя угораздило?.. — удивленно моргнула женщина, а когда опекун нахмурился, подняла ладони, наглядно показывая, что с вопросами поторопилась: — Ладно-ладно, прости, я, как обычно, бестактна. Завтра все расскажешь. Пока!

Она лучезарно улыбнулась и стремительным движением подалась к Дмитрию. Руки легли на плечи, губы коснулись щеки... Лишь на

мгновение. Отпрянув, Дарьяна взмахнула ладонью и отправилась за столик, который мы освободили. Дмитрий, так и не отпустивший моей руки, потянул меня к флёру. Встреча определенно испортила ему настроение. Он даже тихо чертыхнулся, пока устройство активировал. И не с первого раза нужный маршрут выбрал.

— Почему она так сказала? — спросила я, едва нас окутал конденсат. Даже не стала ждать, пока мы до дома доберемся, очень уж неприятной и непонятной казалась ситуация. Федор Антонович брат опекунство не торопился. Дарьяна на то же самое в отношении Дмитрия намекнула. — Разве быть опекуном плохо? Мама говорила, что это обязанность граждан Конфедерации — заботиться о тех, кто не имеет работы. Правда, это давно было. За это время что-то изменилось?

— Нет, не изменилось. Но опекунство затратно. Не каждый рискнет, если его доходы ограничены.

— А твои? — Я заволновалась. Ведь у него раньше подопечных не было, значит, содержать их он возможности не имел. — Я тебя не очень сильно разоряю? Ой... — спохватилась, сообразив, что каждый наш поход в ресторан обходится ему недешево. — Давай ужинать дома, я прекрасно обойдусь без...

— Так.

Не дав договорить, Дмитрий подхватил меня на руки и вынес из круга. От неожиданности я прикусила язык и замолчала, недоумевая — чего он этим добиться-то хочет? На объяснение его поступок совсем не похож. Впрочем, последнее я тоже получила, когда на открытой террасе опекун поставил меня на ноги, но не отпустил, а прижал, развернув спиной к себе. Видеть его я не могла, зато прекрасно чувствовала гулкие удары сердца, шумное дыхание и голос, хрипловатый то ли от волнения, то ли от усталости. А может, мне это лишь показалось в ночной темноте, опустившейся на здания, контуры которых были подсвечены мягким сиянием.

— Смотри, Рианна. Небо, звезды, космос, Вселенная... Все это всегда меня манило. Тянуло и оставалось недоступным. Телом я находился здесь, а душой стремился туда. Я жил в уютном мире, созданном людьми, а хотел иного. Чего именно? Не знаю. И откуда у меня такая тяга, тоже не могу объяснить. Пока я был маленький, отец говорил, что это просто детские фантазии и нет в космосе ничего привлекательного, потом списывал все на юношеский максимализм и

амбиции... Наверное, поэтому старался организовать мою жизнь так, чтобы не оставалось времени на глупости. По его мнению, глупости. А я все равно мечтал. А еще учился и спортом занимался, потому что надеялся стать одним из немногих, кто отправляется в экспедиции в открытый космос. К сожалению, отбор я не прошел, мне отказали. Тогда Натан Лайрович предложил стажироваться в его отделе. Я согласился. С анализом информации у меня никогда проблем не было, да мне и нравилось. А когда выяснилось, что меня отправляют в командировку на Терру, я был на седьмом небе от счастья! Мне выпал шанс побывать на другой планете, в другом рукаве Галактики! Однако Терра моих ожиданий не оправдала. Она мало чем отличается от Земли. Зато там я встретил тебя... Когда ты пела... когда я в первый раз тебя слушал, ведь голоса почти не воспринимал. Будто в другой мир провалился. Пустыня... Огромные, похожие на корабли живые существа, утопающие в рыхлом песке... Бушующий, практически черный океан... Все это вызвало в душе такой отклик, такую бурю эмоций, словно это и был тот мир, в который я мечтал попасть. Суровый, неуютный, но мой! Рианна, это было бесподобно! Изумительно! Это оказалось круче реальности, глобальнее всех фантазий. Я не знаю, как ты это сделала, но бесконечно благодарен тебе за возможность увидеть мою мечту. А когда ты попала в беду... Рианна, разве я мог отказать в помощи той, которая подарила мне то, к чему стремилась моя душа? Можно ли вообще думать о затратах, если чего-то очень сильно желаешь? Вот так. Понятно?

— Да, понимаю. — Мой голос тоже прозвучал не слишком спокойно. Тронутая его искренностью, я разволновалась. — Хочешь, я для тебя спою? Сейчас. Только тебе, больше никому.

— Очень! Но не здесь, не сейчас... — Мужчина спохватился, словно испугался.

— Почему?

Разговаривать спиной к нему было неудобно, и я все же развернулась в кольце удерживающих меня рук. Заглянула в глаза, совсем темные, ведь света было немного, поэтому их выражение осталось для меня загадкой. Однако стоять вот так, рядом, совсем близко, казалось правильным и неправильным одновременно. Видимо, не только мне, потому что, помолчав, опекун признался:

— Я боюсь, Рианна.

— Чего именно?

— С некоторых пор я боюсь своих желаний, — едва слышно выдохнул Дмитрий.

Ладони ласкающим движением скользнули по моей спине, объятия стали еще теснее. Я замерла, почувствовав жаркое, тяжелое дыхание у своего виска, и... И услышала:

— Время! А ну-ка спать! Быстро!

Он отстранился резко, стремительно. Перехватив мою ладонь, увел с террасы в дом.

Я расстроилась. Да, понимала, что он прав, что на сон мне осталось меньше, чем обычно, но ничего не могла с собой поделать. Мне хотелось побыть с ним еще немного. А еще больше хотелось узнать, как дальше повел бы себя землянин. Он бы коснулся губами моих губ? То есть поцеловал? Мама так называла этот контакт. А еще она говорила, что если мужчина и женщина друг другу симпатизируют, то поцелуй совершенно закономерен. И что после него они не всегда становятся парой и женятся. Ну последнее как раз логично — люди льер не вырабатывают, их организмы иным способом настраиваются друг на друга. А я сейчас не в облике атрионки, значит, и мне поцелуй никакими серьезными последствиями не грозит. Вот и узнала бы, симпатизирует мне Дмитрий или же просто свои опекунские обязанности выполняет. Эх...

Нездоровое любопытство жгло изнутри и мешало уснуть. Подушка была неудобной, кровать — слишком жесткой. То я замерзала, то мне становилось жарко — автоматика комнаты никак не могла подстроиться под мои ощущения. В голове перемешивались воспоминания...

Сильные руки, заботливо меня обнимающие...

Приятно. Томительно.

Сдержанность мужчины, которую так хочется разрушить...

Как заставить его раскрыться?

Признание... «Голоса почти не воспринимал. Будто в другой мир провалился...»

Что-то еще было.

«...словно в другой мир попала. Вернулась обратно и даже не сразу поняла, где нахожусь...» — влажный блеск глаз взволнованной террианки, вручившей мне приглашение на второй тур.

Удивительное совпадение.

«Пустыня... Огромные, похожие на корабли живые существа, утопающие в рыхлом песке... Бушующий, практически черный океан...»

Дмитрий описывал Атрион, вне всяких сомнений. Эх, жаль, я не спросила, что именно увидела девушка. Можно было бы сравнить. И точно узнать, что за видения в головах людей стимулирует мое пение.

В том, что это именно так, я больше не сомневалась. И не только из-за слов опекуна. Вклад Сарсона Ярговича был ничуть не меньше. Правда, от версии о схожести видений пришлось отказаться. Разные люди видят разное, ибо желания и потребности у них различаются. Точка.

Почему я так решила? Да потому, что режиссер прямым текстом об этом заявил, когда я к нему явилась на следующий день, следуя пришедшему на мой вильют расписанию.

— Я был прав, когда заподозрил, что ваше пение сопровождается необычным эффектом. Вы не просто поете, Флориана, вы бьете по воображению в прямом смысле этого слова!

Расхаживающая передо мной по светлому паркету, размахивающая руками, затянутая в белый обтягивающий тонкий свитерок с высоким воротом и не менее узкие бежевые брюки, угловатая фигура Сарсона Ярговича смотрелась еще более нескладной. Даже черты лица казались еще острее из-за возбуждения, которое владело землянином.

— Я думал, это у меня одного такие странные галлюцинации возникают, думал с ума схожу потихоньку. Но нет! У других они тоже появляются. Различные. Основанные на тех мыслях, что в данный момент владеют сознанием.

Ах, так вот почему в предыдущие дни он просил меня спеть что-то коротенькое на свой вкус! И каждый раз моими слушателями были разные сотрудники репетиционного комплекса, с которыми режиссер потом уединялся для беседы.

— С научной точки зрения я это объяснить не в состоянии, я не специалист, но могу предположить некоторую стимуляцию участков мозга, отвечающих за образное мышление. Причем воздействует не сам звук, а что-то иное, неведомое, потому что прослушивание записи такого эффекта не дает.

Я лишь плечами пожала. Если уж он объяснить не может, то я тем более. Я ведь сама об этом побочном эффекте до откровений Дмитрия

даже не догадывалась.

— Ваш опекун сказал, что вы на другой планете жили. Весьма вероятно, что непривычные условия на вас как-то необычно повлияли. Ваш организм отреагировал вот таким странным образом, и... Вуаля! Прорыв в вокале! Это поразительно!

Сбросив ту энергию, которая не давала ему покоя и заставляла бегать по залу, Сарсон Яргович плюхнулся на низенький диванчик, сев вполоборота ко мне. Подался ближе, и нога, закинутая на ногу, смешно дернулась вверх, потому что сиденье было низким, а его голени — намного длинней. Но режиссеру было не до анализа своего облика, он вдохновенно описывал перспективы:

— Ваши выступления, когда мы поймем суть механизма, а вы научитесь его контролировать и дозировать, соберут аншлаг! Флориана, вы же сейчас этим чудным эффектом пользуетесь ничуть не лучше, чем голосом. Это как самую изумительную музыку включить на полную громкость. Вы просто оглушаете своих слушателей. Сбиваете их с ног! Топите в пучине образов и видений. Они даже не понимают, что в этот момент вы еще и поете. Они вас не слышат. А нужно... — Он заговорил тише, словно хотел на собственном примере показать то, о чем говорит. — Нужно мягко, нежно, едва касаясь, пробуждать сокровенное. Заставлять зрителя вслушиваться в ваш голос, искать в нем отголоски мечты, томиться в предвкушении, балансировать на грани между явью и фантазиями. И лишь в финальном крещендо вы можете позволить ему насладиться кратким мигом столь страстно желаемого удовольствия. Вот тогда и только тогда и ваш голос, и ваш дар заиграют теми красками, на которые способны.

Гм... Как-то я об этом не задумывалась. Никто из моих учителей-атрионов даже не намекал на необходимость гасить эмоциональное воздействие, скорее наоборот. Мы и во время репетиций, и на выступлениях всегда отражали эмоции и выравнивали их фон в полную силу. Потому как в этом и заключается суть нашей работы и смысл существования экзотов в доме. А тут на тебе — снижать. Вопрос: как?

— Я попробую, — осторожно пообещала.

— Не «попробую», а «научусь»! Справишься обязательно, — тоном абсолютной убежденности заявил режиссер и пояснил: — Верить в себя, Флориана, для артиста так же важно, как иметь хорошие данные. Без этого не будет отличного результата.

А вот это мне как раз знакомо. Поучение Иты-Ял практически дословно. Да и в глобальности моего воздействия Сарсон Яргович прав, недаром Дмитрий меня вчера остановил и не позволил петь. Его фраза о страхе перед желаниями — тому подтверждение. Кому же понравится, если видения захлестывают с головой? Наверняка страшно не вернуться обратно и потерять связь с реальностью.

Значит, будем над этим работать. Искать способы убрать воздействие вообще. Анализировать, в какой момент оно возрастает до максимума. Сопоставлять с силой звука и тембром. Увязывать с моим собственным эмоциональным состоянием.

Путь проб и ошибок. Он, конечно, долг, но нет у меня иных возможностей. А так хочется оправдать ожидания, уложиться в срок, обрести нужные навыки и... спеть для Дмитрия. Управляемо, чтобы он перестал опасаться и доверился мне. Я ведь вижу, как сильно его что-то беспокоит. Каждое утро, заходя в маленькую столовую, ловлю взгляд, встречающий меня легкой тревогой. Каждый вечер во время ужина сталкиваюсь с задумчивой рассеянностью, владеющей мужчиной. Каждую ночь, уходя в спальню, замечаю напряжение, с которым он желает мне хороших снов. Опекун явно что-то скрывает! Но что?

— Не отвлекайтесь! Вы опять потеряли дыхание!

Возмущенное восклицание репетитора, поспешная коррекция звука и новое погружение в невеселые рассуждения.

Дмитрий откровенных бесед себе уже не позволяет. Да, по-прежнему много рассказывает, но как-то обезличенно, не раскрывая при этом себя. А мои рассказы о жизни на Атрионе выслушивает с молчаливой настороженностью, впадая после этого в еще большую задумчивость.

— Нет-нет-нет! Забудьте об импровизации, даже если это консонанс. У нас отработка шаблона, а не экспромт!

Очередное замечание уже другого наставника, отпечаток образа композиции перед глазами и сосредоточенность, которой не хватает надолго...

Есть вероятность, что у моего опекуна на работе проблемы. Он ведь иногда даже раньше меня из дома уходит, да и возвращается не всегда одновременно. Последние дни все чаще задерживается. Однако эти опоздания могут быть связаны с чем-то иным... Или с кем-то...

— Флориана, немедленно снизьте частоту вибрато! Вы же не

барашек! Амплитуду сохраните...

Да, я не барашек. Я овца! Кажется, так земляне называют совершенно глупую женщину, которая не видит очевидных вещей, творящихся перед носом. Например, того, что кое-кто, кроме нее, имеет свободный доступ в дом! Иначе как объяснить наличие Дарьяны на диване холла?! Причем забравшейся на него с ногами и развалившейся в такой свободной позе, словно это она здесь живет.

Еще до того, как осел конденсат отработавшего флёра, гостя бросила на меня презрительный взгляд и, не соизволив даже поздороваться, совершенно невежливо поинтересовалась:

— Где твой опекун?

— Понятия не имею.

Я церемониться тоже не стала. Надев невозмутимую маску, прошла в столовую. Активировала меню и принялась листать перечень, чтобы выбрать легкую закуску. Уже почти вечер, а я не обедала, лишь позавтракала.

— Не груби мне, — пригрозила за моей спиной землянка. Видимо, не удержалась, пришла следом. — Я тебя рядом с мужем не потерплю. Быстро найду, куда пристроить.

— Ага, учту, — словно между делом отозвалась я, старательно не меняя интонации. — Кстати... — Отвлеклась на мгновение, чтобы посмотреть на нее и наивно похлопать ресничками. — А муж в курсе, что он муж? Или между гражданами браки заключаются в одностороннем порядке?

Наобум спросила. Наугад. Я ведь постеснялась выяснить у Дмитрия, кем именно приходится ему эта... дамочка. Лишь по тому факту, что в ресторане она появилась одна, без сопровождения, вывод сделала, что у нее статус гражданки. Подопечные всегда приходят с кем-то, иначе их система не обслужит.

— Не твоего ума дело! — прошипела Дарьяна, а когда я обернулась, ее уже не было.

Из столовой она удалилась, но не из дома, потому что не успела я доестъ появившийся передо мной салатик, как из ведущего в холл проема раздались голоса. Мужской — спокойный, уставший, тихий. Женский — напористый, уверенный, громкий. То, что требовал последний, я прекрасно разбираю: уважения к ее чувствам, честности, порядочности и немедленной регистрации. С восприятием того, что на

это отвечал мой опекун, были проблемы, поэтому я, прихватив с собой хрустящую хлебную палочку, отправилась к месту выяснения отношений.

— Я отдала тебе лучшие годы своей жизни! — экзальтированно восклицала землянка.

— Разделив их на двоих, — парировал опекун. — Или, когда Эдуард появлялся на Земле, ты не с ним кувыркалась?

— Димочка, я же просто не устояла! Ты со мной виделся редко, я себя чувствовала одинокой, а Эд этим воспользовался, — плаксивым тоном надала на жалость женщина.

— Дарьяна, не нужно оправдываться, это твое право гражданки — распоряжаться своим телом так, как ты сама считаешь нужным.

— Тогда к чему твои претензии? — В голосе вновь появилась настойчивость. — Я же не собираюсь тебе изменять в браке!

От изумления мои челюсти непроизвольно сомкнулись и...

Хрум!

Спорщики вздрогнули, синхронно развернулись ко мне и замолчали.

— Простите, — извинилась я, прожевав и проглотив откушенный кусочек. — Я не хотела мешать. Продолжайте.

— Дима, ты... — начала было Дарьяна капризным тоном, но опекун, не дав ей договорить, подхватил под локоть и потащил... в свою спальню.

Пару секунд я стояла как столб, пытаюсь понять, что он собирается делать, а потом пожала плечами и, доедая палочку, отправилась к себе. Ладно. Не хотите — как хотите, а у меня... У меня подслушивающий мячик есть. Получается, не зря я совету Оксаны последовала...

Спустя минуту в спальне Дмитрия Олеговича Лисовского

— Дарьяна, какого черта ты заявила? И завела этот разговор, зная, что моя подопечная дома?! — грозно рыкнул мужчина, отпустив женскую руку, и решительно отошел в сторону.

— А ты не знал, — закатила глаза к потолку его оппонентка.

— Нет. Я не успел посмотреть отчет «домового».

— Не вижу в этом проблемы. Ну услышала она, и что? Пусть привыкает, девочка взрослая. Ты, надеюсь, замуж ее быстро отдашь?

Зачем нам лишняя обуза. У меня на примете пара кандидатов есть, могу сосватать.

— Себе их сватай!

— Дима?! — обиделась Дарьяна. Настолько, что в расстройстве упала спиной на кровать, «не заметив», что пышная легкая юбка взметнулась и оставила открытыми не только ноги.

— Чего ты от меня хочешь? — сквозь зубы процедил Дмитрий. Однажды уступив напору пожелавшей с ним переспать женщины, теперь он не мог от нее избавиться.

— Я замуж за тебя хочу! Неужели это так трудно понять?! — Дарьяна приподнялась на локте, принимая самую соблазнительную позу, на которую была способна. Прекрасные голубые глаза наполнились слезами.

— Дарь, я похож на идиота? — устало выдохнул Лисовский. — Гражданин среднего класса обеспеченности. Второсортный мужчина без способностей к телепатии... Ты шесть лет жила, не имея в голове даже мысли о замужестве, а теперь что изменилось?

— Теперь появилась она, — ревности в женском голосе было хоть отбавляй.

— То есть если бы не появилась, ты продолжила бы искать лучший вариант, оставив меня на скамейке запасных? Любопытная логика.

— Женская. — По ярко-красным губам скользнула «застенчивая» улыбка и шаловливый язычок. — И что, ты действительно собрался жениться на этой... малолетке?

— Может, и собрался.

— Но... — Дарьяна, поняв, что присоединяться к ней любовник не собирается, легким движением оттолкнулась от матраса, поднялась и грациозно шагнула к Дмитрию. Ладони ласково погладили шелк рубашки, добрались до пуговиц пиджака. Расстегнув, проскользнули дальше, обнимая мужчину за талию. Подняв голову, она томно прошептала: — Между прочим, «второсортные» мужчины — лучшие любовники, потому что сосредоточены только на том, что делают, а телепаты ухитряются даже во время секса переговоры вести... Дим, нам же было так хорошо... Ты ведь не позволишь мне это забыть?

— Я в браке изменять не собираюсь, — вернул ее же слова Лисовский, крепко перехватив ее запястья и решительно отведя руки в стороны. — Так что прости, но на посещение моего дома и на встречи

со мной тебе придется оставлять открытые запросы и получать разрешение, как и всем остальным. Допуска у тебя больше нет.

Нет допуска — это хорошо. Значит, сюрпризов, подобных сегодняшнему, можно не опасаться. И вообще хорошо, что я разговор подслушала, теперь точно знаю: Дмитрий не из-за этой... липучки сам не свой в последние дни. Однако это не снимает с повестки дня вопроса, что с ним происходит. Ну а раз уж сегодня день откровений...

Выключив и спрятав мячик, я стряхнула на пол с платья крошки, оставшиеся от моего «пиршества», посмотрела на маленького робота-уборщика, мгновенно метнувшегося к мусору из угла комнаты, и пошла искать опекуна.

Обнаружила его в холле, задумчиво созерцающего медленно тающую белую дымку флёра. Видимо, выпроводил-таки свою гостью.

— Извини, Рианна, я не ожидал, что она до такой степени обнаглеет и сюда заявится. — Среагировав на мое появление, мужчина постарался прийти в себя. Взъерошил волосы, попытался застегнуть пиджак. Так и не добившись успеха, шагнул к своей комнате. — Сейчас я переоденусь, и сходим в какой-нибудь ресторан.

— Дмитрий... — остановила я его, опускаясь на диван. — Сядь, пожалуйста.

Он замер в недоумении, помедлил, но все же подошел, чтобы опуститься на сиденье рядом.

— Слушаю.

Наконец-то на меня смотрит, а то ведь старательно глаза отводил, словно ему стыдно. Однако во взгляде прежняя настороженность и легкое замешательство, которое я даже не попыталась снизить, скорее наоборот, усилила, взяв опекуна за руку.

— Я хочу знать, что тебя тревожит. Дарьяна не в счет, — решила говорить прямо, чтобы у него не осталось возможности скрыть правду.

— Рианна... — Он так смотрел на мои пальцы, поглаживающие его ладонь, словно я что-то совершенно невероятное делаю. — Это семейные проблемы. Зачем тебе взваливать их на себя? У тебя своих много...

— Но я ведь тоже твоя семья! — не сдержала я возмущения и пригрозила: — Признавайся сию секунду, а не то... спою!

Голубые глаза округлились, взгляд стал совсем уж ошалевшим, а

потом... Дмитрий засмеялся. Негромко, не слишком весело, но, по крайней мере, удрученности в его голосе больше не было. Поэтому и я вздохнула с облегчением — справилась.

— Это была самая приятная угроза в моей жизни.

Теперь уже не я гладила его руку, а он мою. И от этого желание помочь затапливало все сильнее. Наверное, Дмитрий это почувствовал, потому что признание я получила:

— Моя сестра в сложной ситуации, мы с родителями пытаемся найти выход, но пока не получается. Ей тридцать пять лет, она не гражданка, работы нет — Гелия никогда не стремилась к самообеспечению. Замуж вышла десять лет назад, отец настоял и нашел жениха. Она его не любила, но согласилась. Вроде у них нормально все было, только детей так и не появилось. Сейчас Кирай, это ее муж, с ней разводится, а опеку с себя не снимает, хоть и может вернуть права опекунства моему отцу. Не отпускает, потому что хочет выдать замуж за своего друга, который Гелии симпатизирует. Сестра против, но это ничего не меняет. Либо она повторно выйдет замуж за того, кого одобрит опекун, либо так и останется его подопечной. Все законно.

— А найти работу и стать гражданкой она не может? Чтобы быть самостоятельной?

— Сейчас получение статуса уже ничего не даст. Она замуж выходила опекаемой, значит, после развода новый брак должен быть одобрен тем, кто на момент получения гражданства выполнял функции опекуна.

— Сложно как. И несправедливо! И... жаль, что вы ничего не придумали... — Вздохнула, понимая, что если уж те, кто знает все нюансы земного законодательства, не в состоянии найти решение, то мне тем более нечем помочь. Разве что морально поддержать. — Ничего. Вот появится дедушка, с ним посоветуемся. Он обязательно найдет выход... Дмитрий, а помнишь, ты обещал меня с родителями познакомить? И с Гелией.

— Да, помню. Но, сама понимаешь, сейчас не самый лучший момент.

— Как раз наоборот, — не согласилась я. — Новые впечатления раскрывают новые грани восприятия. Когда я заикливалась на проблеме и начинала паниковать, мама всегда говорила: «Расширь сознание! Вокруг тебя целый мир, который готов тебе помочь. Нужно

лишь его увидеть!»

Убедила. Настолько, что он больше не стал спорить и даже активировал свой вильют, чтобы договориться о встрече. В общем, на ужин мы не в ресторан пошли, а в гости. Чему я была безумно рада. Красоты Земли — это замечательно, но общение с теми, о ком мне так много рассказывали родители, намного желаннее.

— Олег Романович Лисовский, — едва мы вышли из флёра, представился ожидающий нас в холле крепко сложенный немолодой шатен в объемных тапочках и теплом домашнем халате, надетом поверх рубашки и брюк.

Седины в волосах не было, но морщины у глаз и в уголках рта имелись, да и на лбу тоже. Однако меня другое поразило — фактически я увидела постаревшего Эдуарда, настолько сильным было сходство.

Хотя, конечно, и от своей мамы, Аиды, второй сын Лисовских тоже взял немало. Правда, это «немало» в большей степени касалось не внешности, а характера — импульсивного, активного, легкомысленного. Я это сразу поняла, когда мы прошли вглубь дома — настоящего дома, отдельного, а не маленьких жилых апартаментов, — и на меня обрушилась эмоциональная лавина:

— Ой, Таечка! То есть Риечка! Иди ко мне, девочка! Как же я ждала! Уже и отчаялась, и не верила, а оно вон как...

Словами мамина подруга не ограничилась. Она меня тискала, целовала, гладила... И продолжала причитать:

— Хорошенькая какая! А худенькая какая! Дима, ты ее впроголодь держишь? Ну-ка, детки, за стол, за стол, быстренько...

Она действительно могла говорить без умолку, а я маме не верила! Думала, преувеличивает. Нет, разумеется, тетя Аида не только болтала, но и меня вопросами засыпала, и на стол новые блюдаставляла, и в тарелки еду подкладывала. Однако выслушивать ответы спокойно и молча была не в состоянии. Ахала, охала, поддакивала, ужасалась, выводы делала...

— Как я рада, что все у Таечки хорошо... Лаш, твой папа, мне всегда нравился... Олежек, не ревнуй, я в общем смысле... Понятно, что на «Дизаре»... Что за «Агран»?.. Как это «сбежала»?.. Как шеклак?.. Да что ж творится-то?!.. Кошмарики... Нет, я на Терру ни ногой, если только к Таис... Прилетит? Олег, слышишь?! Собираемся!

Я, конечно, не все рассказала, можно сказать, даже меньше, чем

дедушке, но этого хватило почти на час задушевного разговора с этой полненькой привлекательной женщиной, с гладко зачесанными русыми волосами и в опрятном домашнем платье. Дмитрий в беседу не вмешивался, лишь внимательно слушал, ведь кое о чем я ему не сообщала, не было подходящего случая. А Олег Романович периодически что-то отвечал жене, но несущественное, делая вид, что увлечен ужином.

Гелия пришла, когда я свою порцию уже доела. Миниатюрная симпатичная шатенка в длинном темно-зеленом платье появилась в проеме столовой совершенно неожиданно для всех. Прямые волосы до плеч, чуть вздернутый носик, кругленькое миловидное личико. И вся она такая мягкая, уютная, располагающая к себе. Мне сразу понравилась.

— Отпустил-таки, — с явственным облегчением выдохнула Аида. Видимо, были у нее сомнения.

— На час всего, — грустно пояснила Гелия. Подошла к матери, невесомо поцеловала ее в щеку, кивнула отцу, улыбнулась Дмитрию и лишь затем посмотрела на меня: — Рианна? Ну надо же... Совсем не атрионка.

— Я тоже удивилась, — тут же подхватила благодатную тему Аида, набрав в грудь побольше воздуха. — Это так неожиданно! Ал-Риф был такой зелененький-зелененький! Мне за него до слез было обидно. Зато Рианна — вылитая Таис, от Ис-Лаша я вообще ничего не нахожу. Хотя, конечно, я его давно не видела, могла забыть...

— Такое можно забыть? — Олег Романович поперхнулся и закашлялся, чем спас нас от очередной порции болтовни, потому что тетя Аида отвлеклась и теперь хлопотала, стуча мужа по спине и бегая за водой.

— Ал тоже прилетел? — пользуясь отсутствием внимания, тихо спросила присевшая на соседний стул Гелия.

Вопрос меня поразил до глубины души. Первое, о чем она захотела узнать, — о моем брате? Почему? Да, в детстве она его видела, но ведь не только его! Мою маму и отца тоже.

Старательно сдерживая любопытство, я отрицательно качнула головой.

— Остался на Атрионе с женой?

Второй вопрос ввел меня в еще больший ступор. И даже не столько

сам вопрос, сколько интонация. Обреченная, тоскливая, безысходная.

— Ал не женат, — растерянно ответила я, а когда на лице женщины отразилась целая гамма эмоций — от неверия до надежды, ахнула от резанувшей сознание догадки: — Ты с ним?.. Ты его?.. Он тебя...

Я сбивалась, фразы никак не желали формулироваться, потому что мне не хватало информации и времени для анализа. Хорошо, что Гелия правильно все поняла. Прихватила мою руку, вскочила, потянув за собой, и объявила:

— Мы скоро вернемся! Нам надо.

Последнее предложение прозвучало незавершенно, но безапелляционно, поэтому и тетя Аида, которая уже возмутилась было на предмет «пришла и не поела даже», вдруг замолчала и махнула рукой. Мужчины тем более останавливать не стали, проводив нас заинтригованными взглядами. Но мне было не до них. Мой мозг просто разрывался от одной-единственной мысли: вот она — причина, по которой Ал так и не перешел от свиданий к серьезным отношениям! Я же всегда о девушке из другого дома думала, а его любовь, оказывается, на Земле осталась! Ох, как же так-то?!

— Неужели помнит?..

Упав на диван в маленькой комнатке, дверь в которую не забыла плотно закрыть, Гелия всхлипнула и тут же зажала рот ладонью. Помотала головой и другой рукой остановила меня. Дескать, не мешай, сейчас пройдет. И тут же снова схватилась за мое запястье, словно испугалась, что я исчезну, как и тот, кто...

— Обещал... Обещал, что вернется, а сам больше не прилетел.

— Он не мог, — вздохнула я, присаживаясь рядом с разволновавшейся землянкой. — Наверняка хотел, но не мог. Конфедерация не поладила с Атрионом. Это не его вина.

О том, что Ал-Риф — майнер и именно поэтому не мог пойти против воли отца, который категорически против полетов на Землю, упоминать не стала. Совершенно незачем.

— Я знаю, — грустная улыбка скользнула по пухлым губкам. — Мне говорили. Но я все равно надеялась... Папа злился, мама недоумевала, а я его ждала. Тринадцать лет... Потом отец все же заставил замуж выйти. Мне ведь всего двенадцать было, когда мы в последний раз виделись. Алу шестнадцать. Тебя еще не было.

— Почти была, — не удержалась я. — Мама беременная с Земли улетаала. То есть сбегала. Правда, об этом почти никто не знал.

— Ал знал. — Гелия погладила меня по голове. — А с меня клятву взял, что я никому-никому не скажу. У нас друг от друга секретов не было. Он тебе не рассказывал?

— Молчал как этот... «партизан». — Я с трудом, но вспомнила непонятное, любимое мамино словечко. Вернее, одно из любимых.

— Странно.

Женщина помрачнела. Наверняка подумала, что это был способ ее забыть. Вот только проникнуться пессимизмом я ей не позволила. Экзоты для того и существуют, чтобы помогать. И объяснять. Ведь моя уверенность в правоте догадок относительно чувств брата росла в геометрической прогрессии. Я вспомнила и его слова про настоящую любовь, и убежденность в том, что истинные чувства сразу проявляются, и то, что посчитала его плохим советчиком, не имеющим опыта... Какая же я была глупая!

— Он дорожил воспоминаниями. Жил ими. Не хотел, чтобы его жалели. Разве это достойно мужчины — сетовать и жаловаться на несбывшиеся мечты? Так что ты в нем не сомневайся.

Гелия закрыла глаза, вот только слезинки все равно сорвались с ресниц, оставив дорожки на пухленьких щеках.

— Жил мечтой, не предал... А я? — Горечь в голосе от меня не укрылась. — Может, и к лучшему, что Ал не прилетел. Не будет разочарован. Я ведь замужем...

— Была замужем, — не согласилась я. — Теперь-то свободна. Свободна! Потому что в разводе, — повторила с напором, хотя Гелия и попыталась меня поправить. — А от опекуна и навязанного брака будем избавляться. Ты мне лучше скажи, что за придурь такая — бывшую жену отдавать лучшему другу. Брр... Это из-за того, что нет детей? Или он мстит за то, что ты его не любила? Я правильно поняла?

— Нет, что ты! Кирай мне не мстит. Ему никогда не была нужна моя любовь, и сам он не любил, хотя как женщина я его привлекала. Главным в его намерении жениться была протекция моего отца. Папа в то время курировал контракты с Террой, а Кир пытался расширить рынок сбыта — у него завод по производству бытовой химии. Разумеется, моему мужу было отдано предпочтение в праве на поставки.

— Что изменилось сейчас?

— Год назад папа сменил место работы. Да и бизнес Кирая встал на прочную основу. Ну и зачем в таком случае невыгодная жена? Тем более нелюбимая и бездетная.

— Понятно. А с другом что за история?

— Друг — партнер по бизнесу. Они с Кираем вместе его начинали. Жерар сырьем занимался, а Кир — переработкой и упаковкой. Поначалу они хорошо ладили, хоть Жер иногда и вносил разлад, проявляя ко мне симпатию и делая недвусмысленные намеки. Когда денег стало больше, отношения изменились. Если раньше все строилось на доверии и бескорыстной помощи, то теперь в основу легли исключительно меркантильные соображения и деловые интересы. Жер в общем-то и подтолкнул нас к разводу. Пообещал Киру, что если я за него замуж выйду, сделает тому хорошую скидку на сырье как «родственнику».

У меня волосы на голове зашевелились. Скидка, поставки, обмен с Террой, брак, мнение невесты спросить «забыли»... Невероятно! Полный комплект совпадений! С моей судьбой — совпадений! А ведь я думала, что это только мне так «повезло» с женихом и деловой хваткой его отца.

— Да уж... — потрясенно пробормотала, пытаюсь прийти в себя. — Неужели нет способа заставить твоего бывшего мужа отказаться от опеки? Мама говорила, что у опекаемых нет социальных прав и за них все решения принимают опекуны, но еще она говорила, что контроль за исполнением опекунских обязанностей в Конфедерации очень строгий. И за нарушение правил опеки опекун может даже лишиться гражданства.

— Все правильно. Но ведь это только я знаю, как обстоят дела на самом деле. Мои слова никто на веру не примет. В отчетах системы наблюдения службы социального контроля Кирай — добросовестный опекун, который все делает исключительно в моих интересах, а Жерар — влюбленный мужчина, готовый ухаживать и ждать, пока я соглашусь.

Гелия печально вздохнула, а я... Я осталась в недоумении. Как же так? Разве можно скрыть столь явную прагматичность и попытку использовать другого человека в своих целях? Да любой разговор наедине докажет обратное! Это же очевидно! Его нужно только правильно провести и записать.

Открыла рот, чтобы высказаться и закрыла. Не потому, что передумала. Причина была иной — внезапной, настойчивой, яркой... Я вызывной сигнал вильюта имею в виду. Вот только не моего, а моей собеседницы, которая вздрогнула, напряглась, но все же коснулась пальцами запястья.

Перед ней тут же развернулась голограмма торса мужчины в белой рубашке и темном жилете. Серьезного, короткостриженного, темноволосого, круглолицего. Узкие, словно прищуренные глаза смотрели внимательно, но спокойно, а уголки тонких губ приподнимались, создавая эффект доброжелательности.

— Гелия, дорогая, будь добра, переместись от родителей сразу в клинику. Я тоже прямо с работы приду. И не опаздывай, пожалуйста.

Голос звучал очень мягко, заботливо. Слушая его, кто угодно пришел бы к мысли, что о принуждении и речи не идет.

— Да, конечно, — согласилась женщина, а когда голограмма погасла, едва слышно вздохнула. Посмотрела на мое растерянное лицо и объяснила: — Он всегда так со мной разговаривает, даже когда мы наедине, даже когда я возмущена его решениями. И всегда находит способ меня ограничить так, что придраться не к чему. Я попросилась к родителям, а он: «У тебя запись к врачу». Если откажусь — ко мне будут вопросы у социальных служб, а не к нему. Инцидент попадет в базу нарушений, а когда их количество превысит установленный законом лимит, то меня могут и в тюрьму отправить. Как лицо, не принимающее социальных норм и правил.

Н-да... Вот и «очевидность»...

— И Жерар тоже очень умно действует, — продолжила Гелия. — Ухаживает, с разрешения опекуна подарки дарит, цветы, в рестораны приглашает. А я даже отказаться не могу, потому что для всех это будет выглядеть так: ко мне со всем вниманием и заботой, а я нос ворочу.

Логика ясна. Какая-то подопечная, не работающая и не приносящая пользы обществу, отвергает гражданина! А он после этого будет страдать из-за неразделенной любви и плохо выполнять свою работу? Непорядок!

Страшно. Страшно, когда плохие намерения не скрывают и тебя принуждают. Но когда все прячут под маской благопристойности — это еще ужаснее. И ведь такое не только на Земле происходит. Вот Ол-Чес, например, он ведь тоже, прикрываясь благими намерениями, свою

линию гнул. Все делал, лишь бы рэд получить...

Перед глазами как наяву возникли упаковки — опутанные прозрачным тонким материалом серые баллончики с оттиском маленького рисунка в нижней части: зеленый знак бесконечности в черном круге.

Стоп! Я ведь такой же только что видела! Только куда большего размера.

— Гелия, а что за изображение было за спиной Кирая?

— Это логотип фирмы. Он на всей продукции стоит... Так, — она спохватилась, бросив взгляд на запястье, где начал мигать розовый огонек, — пора мне, а то и вправду к доктору опоздаю.

— А зачем тебе в клинику? — успела все же спросить я, пока мы выходили из комнаты.

— Врачи пытаются определить причину бесплодия. Обычное обследование. Я сама попросила его провести. Жерар детей хочет, и, возможно, если специалисты дадут заключение, что у меня их не будет, он откажется от идеи жениться.

Больше я вопросов не задавала. Подождала, пока Гелия попрощается с родителями, вместе со всеми проводила ее в холл к флёру, выслушала расстроенное: «Бедненькая! Как же теперь быть-то?» — от тети Аиды и ответное недовольное: «Сама не захотела вовремя гражданство получить», — от Олега Романовича. Едва дождалась, когда и мы наконец доберемся до дома. И, по всей видимости, ждала этого не только я. Дмитрий даже в гостиную не потрудился пройти, прямо в холле усадил меня на диван, чтобы поговорить.

— Рианна, я понимаю, как жутко теперь в твоих глазах выглядит опека, и, наверное, я тут тоже не в лучшем свете, но, поверь, все не так страшно. Для гражданина угроза лишиться гражданства и оказаться в положении бесправного опекаемого — самая сильная мотивация для добросовестного выполнения своих обязанностей. Ведь если вскроется факт того, что опекун, принимая решение, действовал в своих личных интересах, а не в интересах подопечного, — его самого лишат статуса гражданина. На всю жизнь. Без права снова его получить. К сожалению, доказать личную заинтересованность Кирая в браке Гелии и Жерара мы не можем. Хотя я и пытаюсь придумать, как это сделать, чтобы функции опекуна вернулись к нашему отцу.

— Да я в общем-то не слишком шокирована, все же мама мне

многое объясняла, — успокоила я Дмитрия, понимая, как сильно он переживает, что я могу и его заподозрить в преследовании личной выгоды. — А если найдутся другие нарушения? Не связанные с опекаемой. Это поможет? Кирая за них могут лишить гражданства?

— Смотря какие нарушения. Зависит от степени вины перед Конфедерацией. — Дмитрий удивленно поднял брови: — Ты на что-то конкретное намекаешь?

— Я не намекаю. Я уверена, что его фирма изготавливает психотроп, который террианки потом меняют на льер. Я логотип на баллончиках узнала. Это серьезное нарушение?

— Очень, — хрипло выдохнул опекун. — А подробнее можешь рассказать?

Для меня не составило труда описать упаковки, привезенные контрабандистками на обмен, и их содержимое. Дмитрий ловил каждое слово, запоминал, буквально в рот мне смотрел, а когда закончила...

Когда закончила, он уже не сдерживался. Подскочил с дивана и меня за собой увлек. Прижав к себе, приподнял над полом, закружил и поставил, лишь когда я засмеялась.

— Какая же ты умничка...

В его голосе было столько облегчения, нежности, благодарности, что я просто растаяла. Хотелось слушать и слушать эти ласкающие интонации. Наслаждаться тесными объятиями и...

Подняла голову, встречаясь с потемневшим взглядом, — освещение холла стало менее ярким, автоматика почему-то его приглушила. Впрочем, меня в этот момент другое волновало: близость мужчины, его руки, лежащие на моей талии, тяжелое дыхание, которое становилось все чаще, приоткрытые губы, с которых сорвалось:

— Так поздно... Давай-ка спать.

Как? Опять спать?! Безобразие. Он вообще поцелует меня когда-нибудь?! И кстати, ничего не поздно — мы раньше обычного домой вернулись.

Вот только не могу же я высказать все это мужчине, который, более ни о чем не спрашивая, проводил меня до двери в спальню и исчез?

Забралась с ногами на кровать, безжалостно сминая юбку, и сердито уставилась на плавно меняющиеся цветные переливы на стене. Почему он уже второй раз отказывается от принятого у людей выражения симпатии, хотя ситуация очень даже... подходящая? Может,

ждет, пока я инициативу проявлю?

Перебрала в голове все, что слышала на этот счет от мамы, но так ничего и не вспомнила. Был бы Дмитрий атрионом, а я — влюбленной в него атрионкой, я бы точно знала, что делать. А тут... У кого бы совета попросить? Оксана на Терре, с ней на связь не выйти, даже если и есть такая возможность. Тетя Аида — точно не вариант. Она, вне всяких сомнений, отзывчивая женщина, но ведь мама, то есть будет волноваться за сына. Да и болтушка та еще. Гелия? У нее, конечно, хватает проблем, но... Но ведь не откажет. Хотя, с другой стороны, она Дмитрию сестра и тоже будет потом за брата переживать. Эх...

В общем, спать я легла, так ничего и не придумав. Нащупала под подушкой мячик-прослушку, вытащила и хотела было включить — ну как вдруг повезет и узнаю что-нибудь интересное, — но потом покрутила устройство в пальцах и передумала. Опекун в спальне один, спит наверняка, что я услышать-то хочу?

Вернула упругий шарик обратно и закрыла глаза. Пусть все идет как идет...

Этой же ночью в спальне Дмитрия Олеговича Лисовского

Разбуженный легкой вибрацией, Дмитрий несколько секунд лежал неподвижно, всматриваясь в темноту, озаряемую голубоватым переливом, пока наконец не сообразил нащупать указательным пальцем запястье левой руки.

— Дмитрий? — раздался в тишине спокойный голос. — Спишь? Прости, если разбудил.

— Натан Лайрович?

Сонную расслабленность как рукой сняло. Дмитрий даже сел, натянув на ноги одеяло, хотя и знал, что связь исключительно голосовая.

— Я твое сообщение прочитал. Очень занятная информация. Будем ее увязывать с основным расследованием. Как раз удачно, что ты на Земле. Я распоряжение в отдел отправил, так что завтра займись финансовыми отчетами по деятельности Кирая, поищи, где у него сомнительные источники дохода. Психотроп однозначно производится нелегально, и нам зацепки нужны, чтобы понять, где именно.

— Хорошо, сделаю.

Дмитрий замолчал. Молчал и его собеседник, словно ждал чего-то. Наконец не выдержал:

— «Хорошо» — и все? Даже не поинтересуешься, как на Terre дела?

— Разве я имею право об этом спрашивать?

— Да? — будто бы удивился Натан Лайрович. Впрочем, вопросом подчиненного он определенно остался доволен. — А у меня как раз есть что тебе сообщить. Твой брат не причастен к утечке, разве что косвенно, потому что без проверки одобрил решение, принятое его заместителем. Говорил я твоему отцу, что Эдуард не потянет эту должность, — все же не сдержав возмущения, презрительно фыркнул. — А что мне Олег сказал в ответ? «Ответственности же минимум! Это несложно — следить, чтобы выделяемые средства шли по назначению», — процитировал и печально вздохнул: — Вот и результат.

— Теперь Конфедерация перестанет инвестировать строительство?

То, что Лисовский-старший предпочел видеть во главе созданной им когда-то корпорации младшего сына, не мешало старшему переживать за будущее «Вектора».

— Нет, к счастью, не настолько все плохо. Ограничатся штрафами и компенсацией. Да и та вернется, как только мы выясним, где осели финансы... Ты мне лучше скажи, как у девочки нашей дела? Освоилась? Может, лучше было бы все же жить в моем доме, а не у тебя?

— Нам места хватает, — упрямо не согласился Дмитрий.

— Маленькая площадь — теснее контакт? — не удержался от насмешки Натан Лайрович. — Ладно-ладно, — миролюбиво отступил, поняв, что переигрывает, — не обижайся на старика, который глупеет и забывает, каково это — быть молодым... Ты, Дмитрий, только не увлекайся. Строить личные отношения с опекаемой — это тебе не с гражданкой в постели барахтаться. Другая ответственность. Смотри, как бы Рианна не решила, что ты пользуешься своим положением и ее зависимостью.

— Я ее не принуждаю. И не тороплю.

— Вот и славно.

Связь прервалась, сигнал вызова пропал, погрузив комнату во тьму, но Дмитрий так и остался сидеть, обдумывая разговор. Последнюю часть разговора, потому что именно она волновала его больше всего.

Проснуться, потянуться, улыбнуться... От последнего трудно удержаться, если обнаруживаешь утром в постели цветок.

Скользнув пальцами по длинному толстому стеблю с темно-зелеными листочками, я погладила огромный бутон из нежных, плотно прилегающих друг к другу лепестков. Поднесла к носу, утонув в будоражащем запахе, который теперь стойко ассоциировался с моим опекуном. В радостном волнении поставила растение в вазу, присоединив к другим, подаренным мне вчера, позавчера, позапозавчера... Одинаковым и разным одновременно, потому что первый цветок был белым, второй — едва заметно розовым, третий — куда более насыщенным, почти красным. Тот, что появился сегодня, — пурпурный. Любопытно, какой будет завтра, почему Дмитрий выбирает именно такую цветовую гамму и чем все это закончится?

Пока одевалась, не раз возвращалась к ним взглядом. Эти цветы нравились мне куда больше, чем тот шикарный букет, что я благополучно оставила в доме тети на Терре, потому как не смогла перебороть брезгливость и взять его в руки. Видела же, как туда один рижд забрался. И его никто не прихлопнул, он там и остался сидеть. Брр...

Вздвогнув от отвращения, тряхнула головой, прогоняя неприятные воспоминания. Не хватало еще порции негатива перед генеральной репетицией! Значит...

Забуть о жутких тварях. Поправить волосы. Оценить голограмму, сформированную гардеробом. Убедиться, что бирюзовое платье мне идет больше, чем вчерашнее бежевое. И на выход. Завтракать.

— Доброе утро! Как спалось?

Теперь каждый день в столовой меня встречает этот вопрос и улыбка мужчины, поднявшегося навстречу, чтобы взять за руку и усадить рядом с собой за стол.

— Отлично спалось! — Мой ответ тоже традиционный, хотя, конечно, куда больше хотелось сказать Дмитрию, что, если бы он поцеловал меня на ночь, спала бы я еще лучше.

— Волнуешься? — поинтересовался опекун, неторопливо поедая приготовленный автоповаром завтрак и наблюдая, как я расправляюсь со своим.

— Нет, что ты! У меня все отработано идеально, я уже даже не знаю, где еще шлифануть.

Последнее слово — любимое в жаргоне Сарсона Ярговича. «Ребятки, давайте-ка шлифанем последний куплет, не лег он мне на ушки». «Флориана, ты бы шлифанула с Татьяной Сергеевной фиоритуру, пригодится». И я, и инструменталисты оркестра к нему привыкли.

— Тогда удачи на репетиции. Буду ждать сообщений.

— И тебе легкой работы!

Обмен пожеланиями перед флёротом тоже традиционный. И вообще, жизнь на Земле стала для меня привычной. Я перестала замечать те различия, что так сильно поражали воображение в первые дни пребывания на этой планете. Мне стали казаться обычными неживые дома, знакомыми — те, кто их населяет, естественными — привычки, присущие людям. Я приняла этот мир, он принял меня.

— Микуся, привет! — радостно поздоровалась, врываясь в ближайшую свободную гримерную.

Плюхнувшись на сиденье парящего кресла, склонилась над косметическим столиком, выбирая подходящий к платью стиль грима.

— Добрый день, Флориана, ваш выход на сцену через полчаса, — мягко отозвался певучий женский голос местной системы контроля и, реагируя на сделанный мной выбор, попросил: — Лицо погрузите в мембрану, пожалуйста.

Вскоре я придирчиво рассматривала изумительно выразительные глаза, четко очерченные губы, приятный тон кожи, чуть более яркие, чем обычно, скулы. Еще немного времени потратила на укладку, которую столь же предупредительно предложила Микуся. Практически вприпрыжку шла по коридору, в счастливом предвкушении. Новая манера пения меня ничуть не угнетала — учителя прекрасно справились со своей задачей, а Сарсон Яргович приложил немало усилий, чтобы разобраться с эмоциональным наполнением, так своеобразно влияющим на людей.

Уверенная в себе, с легким сердцем я выпорхнула на сцену, где разноголосно настраивал инструменты оркестр.

— Пришла? Отлично! — тут же обернулся ко мне разговаривающий с приемной комиссией режиссер. Опустился в кресло и скомандовал дирижеру: — Виктор, начинайте, пожалуйста. Без выхода. Первая композиция. «Адажио небесных сфер».

Эту вещь я любила, пожалуй, больше остальных. Она рождалась

свободной, как космос, расширялась медленно, как Вселенная, лилась неукротимым потоком, как звездная плазма... И лишь на последних аккордах я влила в нее переполнявшую меня эйфорию, стремясь убрать надменность с лиц и скептицизм из взглядов строгих, придирчивых слушателей.

Мне удалось. И пусть к началу следующего номера они успели прийти в себя, я отлично видела растерянность, изумление, даже шок тех, кто впервые испытал погружение в мечту. Краткое, но именно поэтому теперь ожидаемое с нетерпением и стремлением к большему.

Я их не разочаровала. Поощряемая довольной улыбкой Сарсона Ярговича, в следующей композиции сменила эмоциональный фон дважды: подразнила в середине и в полной мере позволила насладиться в конце.

Эффект был именно тот, о котором говорил режиссер: гармония земного звучания и атрионских возможностей покорила всех. Стоя на сцене в ожидании решения, я в этом даже не сомневалась, и все равно сердечко радостно забилося, когда услышала: «Репертуар одобрен. Вы получаете официальное приглашение на работу, будьте добры завтра с утра зайти в отдел кадров для оформления...»

Вот оно! Я больше не любитель, не ученица и не стажер! Я квалифицированная певица, признанная музыкальной ассоциацией!

— Поздравляю, Рианна! Ты такая молодец!

— Ой... — Я аж задохнулась от восторга, когда, закончив репетицию и сняв грим, направилась на выход и не дошла, потому что на полпути меня остановил огромный букет белых цветов.

Дмитрий сегодня изменил привычному распорядку, встретив меня в самом комплексе МАСС. Ему как моему опекуну пришлось на вильют сообщение о приглашении на работу, а ведь это для любого землянина еще одна причина для радости.

— Завтра сможешь получить гражданские права. Я отведу тебя в комитет после трудоустройства, — озвучил мои мысли Дмитрий, подхватывая меня под руку и увлекая к флёру.

— А если не получу? Не захочу получать? Я могу остаться опекаемой и при этом работать? Так бывает? — забросала я его вопросами, крепче прижав к себе букет.

— Бывает, но очень редко. Работа дает человеку личный капитал, а гражданские права — возможность им распоряжаться и свободу

решений. Иногда суд лишает человека гражданства за нарушение закона, но чтобы он захотел этим пожертвовать по собственному желанию... Тут должна быть веская причина, ведь зарплата опекаемого будет начисляться опекуну. Неужели ты не хочешь независимости?

Как сложно. Хочу. Но не от него.

— Флориана, подождите! — почти у самого флёра остановил нас громкий окрик.

Догоняющий меня Сарсон Яргович шел неуклюже, смешно выбрасывая вперед тонкие ноги, но оказался рядом быстро. Кивнув Дмитрию, торопливо заговорил:

— Завтра начинается сезон, пойдут премьеры, я не хотел вас заранее обнадеживать, мало ли каков был бы итог сегодняшнего прослушивания, но, раз он положительный, сообщаю: у вас два номера в программе «Трепет ночи». Поете «Адажио» и «Лунную». Восьмая концертная площадка главного корпуса МАСС, в семь начало, прибыть за час. Все понятно? Тогда до завтра.

— Сарсон Яргович, — теперь уже я его остановила. — А можно билет? Наверняка ведь нет свободных мест в продаже.

Он лишь на мгновение опешил, но тут же перевел взгляд на моего спутника, и в глазах появилось понимание.

— Конечно, пришло. Стоимость вычту из зарплаты! — предупредил, рассмеялся, подмигнул Дмитрию и исчез за нашими спинами.

— Я смогу сделать тебе этот подарок? — заволновалась я, заметив, что Дмитрий активировал вилlyот и, пробежав пальцами по маленькому экранчику, вчитывается в появившуюся на нем информацию. И это однозначно были расценки на билеты! — Он не будет слишком дорогим, чтобы тебя скомпрометировать?

— Сегодня мог бы, вне зависимости от стоимости, все же ты иждивенка, и это я должен тебя содержать, а не наоборот. Но ведь билет ты получишь только завтра, в это время твой статус уже будет другим. А цена... — Он снова пробежал глазами по символам. — Нет, моего лимита не превышает. Но теперь тебе точно нельзя от гражданства отказываться, — улыбнулся опекун, выключая технику.

Ну что ж, нельзя так нельзя. Может, и к лучшему, что решение пришло само собой.

— А мы разве не домой? — удивилась, когда из рассеявшейся

дымки мы шагнули на глянцево-кремовое покрытие, настолько гладкое, что, казалось, ходить по нему невозможно. Однако подошвы на удивление прочно фиксировались и даже не думали скользить.

Впрочем, необычным был не только пол. Огромное, наполненное свежим воздухом пространство сияло чистотой, играло нежными пастельными красками, сверкало бликами, отражающимися от зеркальных, стеклянных и золотых поверхностей. Насыщенный цвет зеленых растений в прозрачном, разноцветном, желеобразном грунте лишь усиливал эффект воздушности помещения, в котором хотелось парить. Ну или хотя бы сидеть в уютных объятиях пушистых белоснежных диванчиков, упруго покачивающихся над полом.

— Я тоже хотел тебе подарок сделать, — неожиданно признался Дмитрий, притормаживая у одной из прозрачных стен, за которой медленно вращались неведомые мне изделия. Именно на них и были направлены потоки света. Именно они играли его лучами, рождая новые. — Завтра ты его не примешь, а сегодня... Ведь не откажешься?

Голубые радужки искрились, отражая сверкающее великолепие, а взгляд... взгляд горел надеждой и искренним желанием доставить мне удовольствие. Завороженная этим сочетанием, я кивнула, хоть и осталась в неведении относительно самого подарка.

Ненадолго. Через минуту, стоя в слепящем потоке света перед зеркалом, приоткрыв рот, смотрела на свое отражение, в то время как Дмитрий надевал мне на шею сложное сплетение ярко-желтого металла с красными прозрачными камнями. Отступил, скользнул глазами по лицу и украшению, недовольно поморщился и снял, чтобы надеть другое, иного дизайна, но ничуть не менее прекрасное.

В итоге он штук десять перемерил, но так и не сделал окончательный выбор. Я же пребывала в недоумении, почему опекун так придирчив? По мне, так они все изумительные! И желтые, и белые, и серые — цвета моих глаз, когда я в облике атрионки. Мне все нравились! Витые, гладкие, узорчатые — я такие даже представить себе не могла.

— Давай вот это примерим.

Ушедший куда-то уж совсем далеко в поисках, Дмитрий вернулся, а на мою шею легло нечто широкое, отлитое из темного, почти черного металла, практически скрытого под россыпью камней: зеленых, бирюзовых, розовых и бледно-желтых.

— Идеально, — восхищенно выдохнул мужчина.

Смотрел он при этом вовсе не на украшение, мои глаза привлекали его куда больше. Да и мне отвести взгляд становилось все сложнее. Я не сразу осознала, что на запястье правой руки защелкнулся браслет, ведь Дмитрий ни на секунду не отвлекся, чтобы на него посмотреть.

— Тебе нравится?

— Очень.

Я даже не уверена, что он это вслух спросил, а я ответила. Происходящее казалось нереальным и восхитительным. А когда моей кожи на тыльной стороне запястья коснулось теплое дыхание, когда Дмитрий поцеловал ладошку, когда губы сместились на подушечки пальцев, приласкав каждый по очереди... я едва не застонала в голос. Приятно, безумно приятно и так хочется большего!

Но все же я сдержалась. Не подалась навстречу, не обвила руками шею, не зарылась пальцами в светлые волосы, растрепав укладку. Просто улыбнулась, коротко вздохнула, реснички скромно опустила...

— Значит, берем, — услышала над головой.

Дмитрий отпустил мою руку, чтобы скользнуть пальцами по запястью и подтвердить покупку. Подхватил со столика букет, который я положила, чтобы не мешал, вновь вручил его мне и приобнял за талию:

— А теперь — ужинать.

— Где? — весело отреагировала я, послушно шагая рядом с ним к флёру. Сожалеть об упущенной возможности стать ближе мне и в голову не пришло — вон сколько народу здесь гуляет, не хватало еще на глазах у всех целоваться!

— Любопытной Варваре на базаре нос... прищепили.

Опекун определенно подхватил мой игривый тон, вот только я мало что поняла и потому растерялась:

— Чего сделали? Почему Варваре? И при чем тут ужин?

— Это поговорка. Я потом тебе объясню, — вздохнул Дмитрий, набирая код на панели флёра.

Моего недоумения это не уменьшило. Странная у землян особенность — говорить загадками. Я и от мамы постоянно какие-то несуразности слышала, теперь вот опекун их же демонстрирует. Кстати, губа-то у него уже почти зажила, а он ведь сказал...

— До свадьбы заживет.

— Что? — вздрогнул мужчина, впиваясь в мое лицо изумленным взглядом.

— Ты сказал: «До свадьбы заживет». Когда мы через портал прошли, — напомнила я и уточнила: — Это тоже поговорка была или... — Не договорила и ахнула: — Ты хотел жениться на Дарьяне? И даже знал, когда это сделаешь?

Вывод логичный. Скорость регенерации рассчитать несложно. А у Дмитрия с землянкой серьезные отношения были. Получается, своим появлением я все планы разрушила? С другой стороны, он ведь сам категорично ей отказал. Правда, это намного позже случилось. Да и опекун не знает, что я в курсе их приватного разговора.

— Мм... — опешил он, но все же ответил: — Нет, не на Дарьяне.

— Тогда на ком? — напряглась я, не обращая внимания на то, куда мы пришли и почему Дмитрий упрямо тянет меня куда-то вниз, вынуждая сесть.

Меня в этот момент иное волновало. Может, у него еще одна пассия есть? Просто мне не довелось с ней пересечься? И он поэтому меня не целует? Это очень... неприятно.

Неприятно? Да это возмутительно! Я тут мечтаю, видите ли, страдаю, понимаете ли, а он?.. Он!.. Он...

Он зарылся пальцами в волосы на затылке, мягко провел ладонью по спине, склонился к лицу, коснулся губами лба, переносицы, кончика носа, верхней губы, поймал мой полувздох-полувсхлип и... И я напрочь забыла обо всем, что только что владело моим сознанием.

В ушах зазвенело, в голове возникла пустота, в теле поселилась такая легкость, что начало казаться — еще немного, и я улечу далеко-далеко ввысь. Вот только руки, прижимающие меня к твердому корпусу, крепко удерживали, а губы, лаская, все сильнее льнули к моим, становились настойчивее, увереннее, требовательнее. В какой именно момент поверхностный контакт превратился в нечто совершенно невообразимое — глубокое, тягучее, подчиняющее, я так и не поняла. Мне было не до анализа происходящего. Я тонула в новых ощущениях, задыхалась и не находила сил освободиться, судорожно хватала воздух, когда Дмитрий на краткий миг отстранялся, и послушно замирала, едва вновь увлекал за собой в темную глубину, окрашенную яркими всполохами эмоций.

Сколько это продолжалось? Не знаю. Время тоже изменилось,

странным образом перемешиваясь с фрагментами реальности, все же прорывающимися в сознание. В один из таких моментов я поняла, что опекун меня больше не целует, просто прижимает к себе. Я же, положив голову ему на плечо, бездумно рисую нечто абстрактное пальцем на шелковой рубашке под расстегнутым пиджаком.

Встрепенулась, убирая руку, и с изумлением осознала, что уютно устроилась у мужчины на коленях, а он сам сидит на траве, плотной подушкой покрывающей землю. Над нами полусферой раскинулось звездное небо, неподалеку покачиваются светящиеся бледно-голубые кольца флёра, а совсем рядом завис маленький столик, на котором вместо меню стоят уже готовые блюда.

— Я ответил на твой вопрос? — Жаркое дыхание обожгло висок.

— Какой вопрос? — пролепетала я, не сразу вспомнив свои терзания.

Посмотрела на ставшего таким близким землянина и смутилась — настолько выразительным был взгляд голубых глаз.

— Однако... — хрипло посетовал Дмитрий.

Руки сжались, возвращая меня в объятия, из которых я почти выбралась. Вот только вовсе не для нового поцелуя. Сильным движением опекун поставил меня на траву, а сам остался у моих ног, опираясь на одно согнутое колено и удерживая мои ладони в своих. Я понимала, что в его поступке скрыт какой-то смысл, какая-то традиция землян, а потому приготовилась к неожиданностям. И все равно оказалась не готова к тому, что услышала.

— Рианна, ты — музыка моей души. Единственная, навсегда пленившая мое сердце. Для меня счастье — даже просто быть рядом с тобой, слышать твой голос, смотреть в глаза. Я люблю тебя. Люблю твою непосредственность, порывистость, открытость. Все в тебе для меня желанно. И потому я больше всего на свете хочу, чтобы ты стала моей женой. Прости, если тороплюсь, если слишком рано говорю об этом, но я очень боюсь тебя потерять. Я не прошу немедленного ответа, просто хочу, чтобы ты знала о моих чувствах и знала, с каким нетерпением я жду твоего решения.

Он замолчал и опустил голову, прижав мои руки к своему лбу. И, наверное, хорошо, что не видел, как я судорожно борюсь с организмом за каждый вдох, за слова, которые застревали в горле и никак не хотели появляться на свет, за спокойствие, которого не было в душе,

растрепанной признанием. Нежным, искренним и таким желанным! Я ведь только сейчас поняла, как хотела услышать от него именно это.

Стоять на теряющих опору ногах стало уже просто невозможно, и я опустилась вниз, оказываясь на одном уровне с Дмитрием. Осторожно освободила руку, чтобы скользнуть пальцами по линии бровей, носу, очертить скулы, коснуться губ...

— Дмитрий... — запнулась от волнения, не в силах выдержать взгляд, наполненный нежностью. — Мне кажется, я тоже тебя люблю.

— Кажется? — как-то грустно улыбнулся опекун.

— Люблю! — спохватилась я.

Мне совсем не хотелось его расстраивать! Ведь я невольно так сказала, и мои сомнения связаны вовсе не с моими чувствами в земном облике, а со страхом потерять их, не испытать в атрионском. И проверить ведь нет никакой возможности! Если я сейчас позволю себе трансформироваться... Дмитрий будет в шоке. Ой! Может, он вообще не захочет иметь со мной ничего общего!

От захлестнувшей сознание паники потемнело в глазах. Наверное, я и в лице тоже переменилась, потому что опекуна перепугала основательно.

— Рианна, любимая, что случилось? Плохо? Да что ж такое... Потерпи, сейчас домой попадем и...

— Нет-нет, все нормально! — встрепенулась, почувствовав, как он сгребает меня в охапку. — Не надо домой! Это от голода! Я есть хочу. И от нервов: Столько событий за один день!

Успокоился Дмитрий не сразу, но постепенно его напряжение исчезло. Я, удобно устроившись в его руках, с аппетитом дегустировала блюда, приготовленные на ужин. Опекун же совсем не ел, только пил сок, да и то редко и как-то вяло, словно еда его не слишком интересовала. А может, я мешала? Все же руки-то заняты...

— Дмитрий, давай я тоже на траву сяду, — предложила, а когда он отрицательно мотнул головой, засмеялась и шутя пригрозила: — Если не отпустишь, тогда я сама буду тебя кормить!

— Ну, во-первых, я не на траве сижу, а на воздушной подушке. А во-вторых, мне нравится ход твоих мыслей. Корми, — с напускной серьезностью ответил опекун и еще крепче сжал пальцы в замок.

— Да? — удивилась я. — Ну ладно.

Подтянула ближе столик, развернув его чуть иначе, села

вполоборота к высказавшему столь своеобразное желание мужчине, поправила юбку и взялась за вилку. То есть за две сразу. Однако быстро поняла, что удобства в этом немного, поэтому, поощряемая одобрительным взглядом, с одной все же рассталась. Да, это негигиенично, но ведь мы целовались, значит, микрофлора уже общая.

— А почему здесь никого больше нет? — Аккуратно скормив Дмитрию очередной кусочек нежного мяса в соусе, вспомнила, что еще не так в этом ресторане. Обычно в них много людей.

— Я заказал индивидуальный столик, чтобы нам никто не мешал. Видишь вон там огонек? И вон там. И чуть дальше, совсем маленький, но вроде заметен.

Проследив за его рукой, ради этого оторвавшейся от моей талии, действительно заметила вдали клубочки такого же мягкого голубоватого свечения, как и то, что окружало нас, совершенно не мешая наслаждаться темнотой и звездным небом. Светилась трава. Или земля под ней. Я так и не поняла, где находится источник света.

— Это соседние столики, — пояснил мой спутник. — «Сагиварра» — самый большой по площади ресторан, он занимает несколько километров. Производственная часть — кухня, находится под землей, как и климатические установки. Потому и условия вокруг столика комфортные. Тебе же не холодно? Просто неудобно? Как же я сразу не подумал?..

Ну вот, опять в голосе беспокойство. И новая порция движений, по завершении которых мои ноги укутал теплый пушистый плед. Такой же закрывал плечи и спину — мои и Дмитрия, потому как набросил он его на нас обоих. Забота, может, и излишняя, но необычайно приятная. Как и близость наших тел, которая стала ощущаться еще острее, напряженнее, желаннее...

Сладко-кислый вкус ягод, к которым я успела перейти, потому как ужинать начала раньше, смешался с терпким привкусом сока, оставшегося на губах опекуна. Руки все же добрались до волос — мягких, шелковистых, в которые я давно мечтала запустить пальцы. А сознание, успев уловить странное «дзынь», уплыло в мир чувственного восприятия, в котором мне было так хорошо!

Оказывается, целоваться так приятно... Интересно, а при полноценном обмене льером такие же ощущения возникают? Или еще более сильные? Или, наоборот, слабые? И как будет ощущаться

односторонний вариант, когда Дмитрий меня целует, а я ему льер отдаю?

Рия, стоп, стоп! С такими мыслями недолго и до эксперимента дойти, а землянин к нему точно не готов. Он же с атрионами не сталкивался никогда, в лучшем случае изображения видел, а может, вообще только по словесным описаниям Гелии облик представляет. Так что пусть сначала с моим отцом и братом встретится, а там уже я посмотрю на его реакцию и пойму, как действовать. Сразу признаться, как-то осторожно к этому подвести или вовсе не говорить. В принципе мне же не сложно постоянно в земном облике находиться, особенно если мы на Земле жить будем.

Как ни крути, мне нужно время. А его-то как раз опекун мне предоставил, сказал же, что не требует немедленного ответа.

— Я теперь буду твоей девушкой? — уточнила, когда у меня появилась возможность это сделать.

— Да, — просто ответил Дмитрий, ласково перебирая мои кудряшки. Немного подумал, но все же спросил, тихо, мягко, совсем ненавязчиво: — А невестой не хочешь?

— Какой же ты нетерпеливый! — Я засмеялась, быстро коснулась его губ и тут же отстранилась, не позволив увлечь себя в новый водоворот эмоций. — Дело ведь не в моих чувствах, а в том, что ты совсем незнаком с моей семьей.

— Думаешь, они будут против?

— Мама точно тебя примет, а вот папа, может, и не сразу. Ему непросто пришлось, пока земляне не признали его в качестве мужа мамы. А дедушка отдал ему права на опеку, только когда Ал-Риф уже подростком был. Да и вообще у Атриона с Конфедерацией отношения сложные. Скажем прямо — дистанционно-отторгательные. Не хотят гайды, чтобы кто-то влиял на их мир. Если ничего не изменится, мне, как и моей маме, придется выбирать, где жить, а ты... Вдруг ты не захочешь следовать моему выбору? Не стоит загонять себя в жесткие рамки, из которых потом будет невозможно выбраться.

— Я понял, — кивнул Дмитрий. — Не волнуйся, я же сказал, что буду ждать твоего решения и... — Многозначительно не завершив фразу, зарылся носом в волосы у виска и, щекоча дыханием, хрипло выдохнул: — Я не передумую, даже не мечтай.

Как приятно это слышать. Хотя сомнения остаются — все же я

знаю больше, чем мой опекун, — но его настрой мне нравится. Оптимистичный, дающий надежду и вызывающий такой сладкий трепет в груди! Предвкушение. Нетерпение... В этот момент я даже пожалела, что приходится ждать.

— Так... Одной вилки мы лишились, — констатировал Дмитрий, отыскав глазами упавший на траву столь важный предмет. Оказывается, это она, задев столик, так своеобразно звякнула.

— У нас вторая имеется! — Я триумфально схватила и продемонстрировала ему отложенную в «запас». — Только ты больше меня не целуй, пока мы ужинать не закончим. А то уйдем из ресторана, так и не насытившись.

— Не целовать? — Мужчина с таким выражением посмотрел на мои губы, что я смущенно хихикнула. — Рианна, ты просто в невыносимые условия меня ставишь. Нет, я не согласен. Лучше уж голодным останусь. Или буду потом руками есть.

Наверное, последнее было бы занятно, но все же грязно, поэтому я старалась контроль над столовым прибором больше не терять. А когда есть не хотелось, просто сидела, наслаждаясь новыми ощущениями и завороченно созерцая звездное небо.

— Аш-Хори отсюда не видно, — задумчиво не то спросил, не то посетовал Дмитрий.

— Верно, — вздохнула я.

— Ты любишь Атрион и скучаешь по нему. — И снова непонятно, то ли вопрос, то ли сочувствие. — Ты рассказывала о семье, о доме, о том, как оказалась на Терре, но никогда не говорила о самом мире. Какой он?

— Не похож на Землю. Там совсем нет растительности, условия почти везде одинаковые. Влажный воздух, бескрайние песчаные равнины, редкие горные поднятия и океан... Помнишь, ты мне о видении рассказывал? Которое возникло от моего пения на кастинге. Мне кажется, ты что-то очень похожее себе представил. Правда, понять не могу почему.

— Родство душ? — неуверенно предположил мужчина, грудь которого согрела мою спину.

Я не знала, что на это ответить. Некоторые вещи невозможно объяснить с точки зрения разума и науки. Их можно только чувствовать. В них можно верить. На них можно опираться, строя свою

жизнь. Так же, как это сделал Сарсон Яргович, слепо поверив в невесть откуда взявшиеся способности стимулировать видения и подтолкнув меня учиться их контролировать.

Ветер всколыхнул траву, пробежав зелено-голубой волной, обнял силовой экран, защищающий наш маленький мирок, и унесся с тихим присвистом атаковать других. Потревоженные обитатели равнины тут же проявили себя. Маленькие светящиеся точки разлетелись в разные стороны, кто-то невидимый возмутился, издав совершенно необычный, стрекочущий звук. Я сплела с ним свой, более плавный и тягучий. Качнула, меняя тональность и диктуя свои правила. Треск стал отчетливей, а потом так же неожиданно, как появился, стих, не желая соперничать. Но я этого уже не замечала. Я пела, выплескивая все то, что чувствовала. Тоску, радость, счастье, надежду...

Где-то далеко ворчал гром, световые зарницы все чаще лизали горизонт, Земля застыла в ожидании, а мелодия уносилась вдаль, к звездам, которые медленно гасли, скрываясь в нарастающей массе практически невидимых облаков.

Глава 7

КОСМООПЕРА

«Мероприятия по выявлению путей распространения запрещенных к употреблению веществ в стадии завершения. Узловые пункты накопления и перераспределения выявлены. Пункт производства не обнаружен. С целью его локализации установлена связь с Атрионом и проведен розыск объекта-нарушителя, неоднократно вступавшего в контакт с производителем. В настоящее время объект конвоируется к Терре тремя кораблями атрионов в сопровождении крейсеров резервной эскадры „М-7“.

В дальнейшем планируется:

1) камуфлировать присутствие на планете атрионов маскарадом, организованным в рамках мероприятий, приуроченных к коронации;

2) для обеспечения безопасности главного свидетеля, Рианны ВерДер-Саталь, включить ее как певицу Флориану в число лиц, приглашенных для выступления на концерте;

3) усилить оперативный штурмовой отряд, замаскировав прибытие бойцов и их присутствие на празднике под действия гражданских лиц;

4) увеличить штат службы охраны на основании инцидента, произошедшего в пограничной зоне портала, и под предлогом обеспечения безопасности прибывающих с Земли гостей;

5) пресечь возможные попытки фигурантов дела избежать ареста, для чего следует обеспечить присутствие на Терре в момент проведения активной фазы операции всех лиц, причастных к вышеуказанным преступным действиям либо подозреваемых в их совершении (подданных Терры и граждан Конфедерации, в том числе находящихся в настоящий момент на Земле) согласно прилагаемому списку».

(Из доклада о ходе операции «Танец с королевой» Н. Л. Саталя, агента-координатора спецподразделения «Рикс» разведслужбы Конфедерации, действующего под прикрытием)

— Я сама удивилась, когда Кир сообщил, что мы на Терру собираемся. — Изображение Гелии на маленьком экране моего вильюта поправило волосы и продолжило говорить: — Он, оказывается, уже

дней пять как приглашение получил, а сказал мне об этом только вчера. И то лишь потому, что Жерар убедил его взять меня с собой. Его ведь тоже пригласили, и он боится, что я останусь без контроля. Намертво в меня вцепился, когда узнал, что это не я в репродуктивном смысле бесперспективна, а Кирай. Прямым текстом сказал, что по возвращении с Терры сделает мне официальное предложение через Бюро социальных отношений. А они при регистрации брака мнение опекаемых, которые никогда не имели гражданства, вообще не учитывают, только согласие опекуна требуется.

— Ты расстроилась? — Я вспомнила, как Гелия надеялась найти повод избежать повторного замужества.

— Я боюсь, — призналась землянка. Оглянувшись, видимо убеждаясь, что рядом никого нет, и перешла на шепот: — Думала, может, сбежать? На Терре это легче сделать, чем на Земле. С другой стороны, Дима пообещал, что все уладит...

— Пообещал, значит, так и будет, — поддержала я. Уверена, после моей наводки способ отыщется. Да и я кое-что придумала как запасной вариант. Мне бы только с братом встретиться. — Ты о плохом даже не думай... Гелия, скажи, а почему ты гражданкой не попыталась стать? Ни до замужества, ни после. Работу не нашла?

— Работу?.. — смутилась моя визави. — Нет... Тут другое... Я просто... В общем... — Она беспомощно взглянула на меня через экран и все же призналась: — Нет у меня никаких способностей. Творческих талантов не проявилось: пою ужасно, мои рисунки лучше не видеть, для танцев и спорта комплекция и выносливость не подходят. Интеллектуальная сфера тоже не для меня — в основной школе я едва-едва базовый уровень освоила и поняла, что высшую школу точно не потяну. А кто же на работу возьмет неквалифицированного сотрудника? Это только на Терре еще есть ручной труд, где не требуется каких-то специальных знаний, а на Земле все автоматизировано. Такие, как я, остаются невостребованными и потому опекаемыми.

— А на Терру тебя отец не отпустил, — легко догадалась я.

— Он к этой планете настороженно относится, несмотря на то, что мама — террианка. Отчего-то вбил себе в голову, что взаимодействие наших планет человечеству исключительно во вред и ни к чему хорошему не приведет. Правда, об этом молчал, пока дедушка Рома был президентом. Боялся. А когда дедушка скончался и президентом стал

Грозов, папа попытался свои выводы доказать на правительственном совете, какие-то факты приводил... Его поэтому и перевели на другую должность, хорошо хоть совсем не уволили. К тому же ведь просто работать на Терре недостаточно, чтобы гражданство получить. Должен быть высокий уровень дохода, тогда с него идут отчисления в бюджет Конфедерации, а за неквалифицированный труд платят совсем мало.

Вот как... Значит, Терра все же не влилась полноценно в Конфедерацию, как колонии на планетах Солнечной системы. В ней старые устои и новые веяния смешиваются в своеобразный коктейль весьма сомнительного качества. Оттого и террианки в отношении землян настроены не слишком позитивно.

— Флориана, ваш выход через десять минут, — строго напомнила Микуся, и я встрепенулась, сообразив, что за разговором совсем забыла о времени.

Впрочем, Гелии объяснять ничего не понадобилось, она и без слов все поняла, поскольку оповещение системы услышала, да и мой сценический образ тоже отличался от повседневного.

— Прости, я тебя отвлекла так не вовремя. Встретимся на Терре. Удачного выступления!

Я заблокировала вильют, чтобы не сработал в самый неподходящий момент, и, прежде чем отправиться на выход, еще раз придирчиво осмотрела свое отражение. Изумрудное платье сидит изумительно, украшения, подаренные Дмитрием, превосходно с ним сочетаются, как и туфельки на небольшом удобном каблучке, распущенные волосы лежат на плечах красивыми волнами, грим ярковат, но нельзя же выйти на сцену «бледной молью», как говорит Сарсон Яргович. И он прав. Люди приходят на концерт, желая увидеть яркое, запоминающееся зрелище. Не только проникнуться красотой звука, но и насладиться визуальными образами. Мы ведь и на «Дизаре» этим приемом пользуемся. Правда, там он помогает экзотам настроиться на зрителей, а здесь скорее наоборот — зрителям на артиста. Оттого и одежда, и внешний вид имеют такое большое значение.

— Я завтра выходная! Вот счастье-то!

— А мне еще два дня...

Мимо меня проскользнула пара девушек, затянутых в ярко-красные блестящие обтягивающие костюмы. Сапожки с высокими голенищами, пушистые веера в руках, гладко зачесанные волосы. Гимнастки.

— Фух, я выдохлась совсем...

— Соберись! Нам три номера отрабатывать.

— Я, кажется, связку потянула...

Танцоры столь же быстро, как и акробатки, исчезли у меня за спиной.

Для артистов МАСС выступления — всего лишь работа. Выполняемая качественно, с полной отдачей, как того требуют правила, придуманные самими людьми. И все же остающаяся обязанностью, дающей возможность быть свободной личностью.

— Привет, Фло! — Выскочив навстречу из-за драпировок сценической зоны, приветственно взмахнула рукой молоденькая блондиночка. Моя коллега, тоже певица, устало выдохнула и пожаловалась: — Зал сегодня ужасный. Сидят как истуканы, не расшевелить. Совсем зажра... Ой... — Она спохватилась, испуганно прикладывая ко рту ладонь, и покосилась на старающихся держаться незаметно мужчин из службы безопасности.

С некоторых пор их здесь стало немного больше, нежели раньше. С чем это связано, мы не знали, но гарантировать, что стоят они тут не для того, чтобы доносить руководству именно о таких пренебрежительных высказываниях, никто не мог.

Я понимающе улыбнулась и кивнула. Прикрыла глаза, прислушиваясь к происходящему на сцене, где игривая быстрая музыка не могла заглушить основательный топот, задорные взвизгивания и хлопки. Артисты исполняли «Зеленый шум». Когда этот номер закончится, наступит моя очередь.

Волнения я не испытывала. Просто ждала. Когда выходишь на сцену десять дней подряд, раз за разом повторяя одни и те же действия, потому как концертную программу не меняют, поневоле перестаешь нервничать. Впрочем, я и в первый раз не слишком сильно переживала, потому как в себе была уверена. В тот день меня будоражило и заставляло проявлять нетерпение лишь одно желание — увидеть восторг и нежность в глазах мужчины, сидящего в первом ряду.

Я для него пела. Именно поэтому меня не особо интересовала реакция зала. С профессиональной точки зрения я поступала неправильно, но мне почему-то это казалось не столь значимым. Мне было мало утром, выходя из спальни, нырять в жаркие объятия, а вечером, заставив себя закрыть проем перед оставшимся за дверью

землянином, падать на кровать с распухшими от поцелуев губами. Хотелось большего. Жить для него одного. Чтобы он жил только ради меня. И от этого желания в мышцах поселялась предательская слабость, в животе что-то скручивалось в тугой узел, а сознание уплывало в грезы. Оставалось только удивляться, как в таком состоянии мне удавалось петь и контролировать эмоциональный поток. Гасить, а потом отпускать, обрушивая на зрителей одновременно со стекающей с моих губ мелодией.

Сегодня Дмитрия не было среди людей, сидящих в обитых бордовой бархатной тканью креслах. Он просто стоял у одной из дверей, оконтуренных изящным золотым барельефом, опираясь руками на высокие перила, идущие по периметру помещения. Покупать билет на каждый концерт — настоящее расточительство, и мне удалось договориться с дирекцией, чтобы моего бывшего опекуна пропускали в зал, а затем за кулисы. Теперь я знала цену всему, что могла предоставить Земля своим обитателям. И это знание отнюдь не радовало. Получив гражданство и, соответственно, допуск к ценовой базе, я беззвучно ахала, потрясенно хватаясь за голову и недоумевая, как Дмитрий не разорился, будучи моим опекуном?! Стоимость подаренного мне украшения, оплата жилых апартаментов, одежда, цены на ужины в ресторанах... И это притом, что уровень дохода у него отнюдь не самый высокий. Вот я и старалась компенсировать ему затраты так, чтобы это выглядело простой экономией. Потому как иного варианта ни он не примет, ни отдел социального финконтроля не пропустит, а не пойти на концерт и оставить меня без поддержки Дмитрий не мог.

Кстати, поддержка ведь заключается не только в присутствии на выступлении. Не менее важна она по завершении, когда в контрасте с оглушающей тишиной, в которую погружался зал, на меня обрушивался шквал оваций, цветов и... поклонников.

— Браво! Флориана, браво!

Едва придя в себя, зрители вскакивали с мест, хлопая в ладоши и требуя повторения. Но все же я, бросив взгляд в глубину зала и убедившись, что Дмитрий исчез, кланялась и старалась побыстрее уйти со сцены. Сарсон Яргович четко сказал: никаких выходов на бис. Время концерта лимитировано, и никто из артистов не имеет права отнимать его у других.

Вот и сегодня, скользнув между драпировками, я вышла в задний коридор. Через боковой уже давно зареклась уходить — там самым непостижимым образом оказывались эти самые поклонники. Их не смущала даже охрана, встающая на пути. Мне кидали букеты, записки с приглашениями, просили подойти, настаивая на личном знакомстве...

Подобное поведение землян меня тяготило. Оно было раздражающе неприятным. А особенно нервировало, когда кому-то удавалось невесть как пробраться мимо безопасников и неожиданно перегородить собой коридор, отрезав путь в гримерную.

— Мои комплименты, Флора. Ты изумительна.

Незнакомец, которого я раньше точно не встречала, вручил мне букет. Буквально вынудил его принять, потому как шагнул навстречу, вжимая в стену, а возможности просочиться мимо внушительной фигуры я не видела.

М-да... Кажется, теперь и этот ход небезопасен.

— Я с ума схожу, когда слышу твой голос. — Сделав еще один шаг, землянин окончательно меня заблокировал, уперев ладони в стену по бокам от моей головы. — Вторую ночь спать не могу. Ты невероятная, такая желанная. Флора, я прошу, впрочем, нет, не прошу, а настаиваю на приватной встрече.

— Предпочту обойтись без нее. Подарок заберите, пожалуйста. — Я ткнула в недешевый пиджак не менее дорогой букет.

— Неужели я так неприятен? — Темные глаза с неудовольствием покосились на цветы, но позы мужчина не поменял. — Почему отказываешь, птичка?

— Потому что предложение вы делаете моей невесте, — жестко отрезал суровый голос.

Пользуясь возникшим замешательством, я уронила букет, поднырнула поклоннику под руку и метнулась к Дмитрию. Оказавшись в его объятиях, вздохнула с облегчением, а бросив настороженный взгляд назад, увидела злую гримасу, которую незнакомец даже не попытался скрыть, несмотря на появившуюся охрану, теснившую его к выходу.

— Пожалеешь, — прошипел, угрожая непонятно кому. То ли мне, то ли моему спасителю.

Но я все равно инстинктивно прижалась к Дмитрию теснее.

— Испугалась? — спросил тот, заглянув мне в глаза.

— Немного.

— Наверное, мне все же лучше во время выступления сразу ждать тебя за кулисами, а не в зале стоять. Я не успеваю за этими шустрыми субъектами.

Он с нетерпением, граничащим с досадой, посмотрел на мои накрашенные губы, совсем кратко поцеловал в темечко и, не выпуская из объятий, повел в гримерную. Пока я возилась с мембраной, чтобы убрать с лица косметику, мерил шагами маленькое помещение, а едва закончила, оказался рядом.

— Я соскучился, — выдохнул в губы, зарываясь пальцами в волосы и притягивая к себе.

— Я тоже... — успела ему ответить до того, как лишилась возможности говорить. Зато теперь я хотя бы не задышалась — научилась целоваться и дышать носом. Кстати, это не только давало больше комфорта, но и усиливало рождающиеся ощущения, окрашивая их новыми красками — запахами.

О! В мире людей было так много естественных ароматов! Однако, словно этого недостаточно, земляне создавали искусственные комбинации, придавая дополнительную привлекательность себе и вещам.

Вот и сейчас, хоть Дмитрий и пришел без цветов, потому как их и без того уже некуда ставить, аромат подаренных им роз в сочетании с чем-то травяным и чуть горьковатым я все равно ощущала. Другие мужчины иначе пахли. Сарсон Яргович обожал свежий, который называл «морской бриз». От дирижера оркестра на десяток метров шла тяжелая пряно-дымная волна. Олег Романович, отец Дмитрия, предпочитал что-то легкое, едва ощутимое.

— Ванилька моя сладкая, — простонал Дмитрий, доказывая, что не я одна так остро все воспринимаю. — Я тебе не говорил, что после выступлений ты особенно сильно пахнешь? Не перебарщиваешь с духами?

С учетом того, что этими самыми «духами» я не пользуюсь вообще, заявление своеобразное. Получается, что моя атрионская сущность себя проявляет, воздействуя не только на воображение людей, но и на обоняние.

— Не говорил, — ответила я только на первый вопрос и поспешила уйти от скользкой темы: — А ты почему меня невестой назвал? Я вроде

как твоя девушка.

— Не «вроде как», а самая настоящая. — Дмитрий щелкнул меня по кончику носа. — Только таким, как этот мажор, лучше думать иначе. Оптимальнее всего, что ты чья-то жена и как минимум с тремя детьми.

— Понятно. А кто такой «мажор»?

— Тот, кто привык, что все достается ему без особых усилий, просто потому, что он этого пожелал.

— Как твоему брату? — ляпнула первое, что пришло в голову, ведь образ Эдуарда был так близок к описанию.

— Да. Эду, как и Гелии, учеба совсем не давалась. Я думал, что он тоже в итоге опекаемым останется. С его уровнем знаний невозможно найти работу. Но отец решил иначе. Поспособствовал развитию строительной корпорации и брата туда пристроил. На Терре на уровень образования не смотрят.

— А Гелия? — ахнула я, осознав всю несправедливость ситуации. — Почему ей не нашли хорошую и легкую работу на Терре, а банально выдали замуж, даже не особенно интересуясь ее мнением? Почему ты ничего для нее не сделал?

— Не мог, любимая, — вздохнул Дмитрий. — Опекуном Гелии, как и Эда, был отец, он принимал решения, не особенно прислушиваясь к тому, что об этом думают другие.

— Но ведь он был твоим опекуном тоже? До момента получения гражданства.

— Н-нет, — замялся Дмитрий. — Когда я на свет появился, родители еще на Терре жили, поэтому меня сразу на Землю забрали. Так со всеми мальчиками поступали, которые у террианок рождались. Я до трех лет в социальных яслях жил, а официальную опеку взял на себя твой дедушка — он ведь с нашей семьей в дружеских отношениях был. А когда родители обосновались на Земле, тогда и я к ним переехал. Но опекуна мне не поменяли.

— Так вот почему на Терре до сих пор так мало мужчин! — осенило меня. — Но зачем же забирать? У них же мамы есть!

— И отцы, — добавил землянин. — А кто лучше воспитает мальчика? Тем более что у террианок в этом не было никакого опыта. Так... — Он вдруг спохватился, осматриваясь, словно забыл, где именно мы находимся. А чего это мы тут зависли? Домой ужинать? Или в ресторан?

— Домой! — решительно пресекла я траты, которые не считала нужными. — У меня на сегодня и без того впечатлений... во! — провела ладонью над головой. — Кстати, ты по работе-то все сделать успел? — заволновалась, вспомнив, что завтра меня ждут на Терре.

Дирекция МАСС отправила нескольких артистов, и меня в их числе, в рабочую командировку — выступать на том самом праздничном концерте, посвященном коронации, попасть в число участников которого я мечтала как дебютантка. Ехать без Дмитрия совсем не хотелось, а он утром сетовал на незавершенные дела и документы, которые лились на него как нескончаемый дождь.

— Да. Проверку закрыл, отчет написал. Теперь я в отпуске.

— Вот и отлично! — обрадовалась я. — Значит, можем уехать вместе! А сегодня, пока будем ужинать, ты мне о взаимоотношениях мужчин-землян и террианок расскажешь. И об их детях. Если это не секретная информация, конечно.

— Ну какие секреты? — удивился Дмитрий, обнимая меня за талию и уводя к флёру. — Тут все просто. Когда Терру обнаружили...

Когда Терру обнаружили, первыми, кто ее посетил, были военные. Опытные, прошедшие подготовку десантники, новичков и молодежи среди них не было. То есть практически не было тех, у кого на Земле не осталось бы женщины — жены или просто любимой. Однако это не помешало им завязывать интрижки с симпатичными и не избалованными вниманием террианками, благо начальство на подобные «шалости» не только смотрело сквозь пальцы, но и негласно выражало одобрение.

Террианки изначально не настраивались на серьезные отношения с теми, о ком они до этого не имели ни малейшего представления. Им нужна была только возможность иметь детей естественным, предусмотренным природой способом. И они ее получили. А вот результат стал своеобразным — из десяти случаев в девяти рождались девочки. Статистика парадоксальная, и понять причин никто не мог, разве что предположить, что это какой-то дефект, возникший из-за длительной изоляции и странного способа репродукции, к которому прибегали женщины, лишённые мужчин.

Совет Конфедерации и королева Терры сошлись во мнении, что ситуация изменится, когда появятся потомки у этого самого нового поколения. Потому террианки и не возражали, чтобы девочки

оставались с ними, а мальчики получали образование на Земле и росли с отцами. Ведь их было не так уж много, и они все равно вернулись бы на Терру после того, как повзрослеют.

Прошло несколько лет, дети подрастали, и тут раскрылся еще один побочный эффект — ни один из мальчиков не унаследовал способности к телепатической трансляции. Мало того, и у их потомков, на что все надеялись, она в итоге так и не проявилась. Мужчины в совете Конфедерации схватились за голову. То, что возвращалось и сохранялось неизменным почти семьсот лет, то, ради чего землянам пришлось пройти через трехсотлетнюю войну, то, что мужчины считали важнейшим преимуществом, потому что этого были лишены женщины, в один миг стало прошлым. Генетики в шоке разводили руками. Одним росчерком пера судьбы мутация пропала. Исчезла. Словно ее и не было.

Потому мужчины-земляне не особенно стремятся на Терру, и на террианках женятся единицы. Кому же хочется иметь ущербных детей? А мужчин без способностей пока не так много, чтобы уравновесить соотношение полов на этой планете.

— То есть у Эдуарда, как и у тебя, нет способностей к этой самой телепатии? — Потрясенная, я все же не перестала анализировать информацию.

Ужинать мы закончили и теперь сидели на диване в гостиной, расслабляясь под тихую ненавязчивую мелодию и продолжая разговор.

— Все верно, — улыбнулся Дмитрий, ласково поглаживая мою ладонь. — Мы как раз относимся к той самой «ущербной» категории. И то, что я имею возможность работать на Земле, — исключительно заслуга Натана Лайровича. Если бы не он, меня бы уже давно «попросили» уехать и обосноваться на Терре, где я никого не буду смущать своей ненормальностью. Насколько мне известно, по той же причине уже года два мальчиков-младенцев не забирают на Землю, лишь оформляют опеку, чтобы контролировать.

— Да уж, ситуация... — только и удалось выдохнуть мне.

— Совет Конфедерации в сложном положении, — пояснил Дмитрий. — С одной стороны, всем хочется избежать потери способностей в глобальном масштабе, а для этого идеальным вариантом была бы полная изоляция Терры. С другой... Кто же хочет выглядеть опекуном, не желающим нести ответственность, особенно на планетарном уровне? Это как убеждать граждан проявлять

сознательность и лояльность в отношении своих подопечных, а среди верхов продемонстрировать пример обратного поведения.

— Значит, изоляции не будет.

— По крайней мере, официальной.

Уже оказавшись в своей кровати, в комнате, за проживание в которой теперь шли отчисления из моей зарплаты, я рассеянно следила за успокаивающими переливами потолка, мысленно прокручивая в голове услышанное.

Конфедерация от сотрудничества с Террой не откажется. Хорошо это или плохо? Не знаю даже. Не уверена, что без поддержки Земли террианкам жилось бы хуже. Разве что проблема с зачатием стояла бы по-прежнему остро. В остальном же, судя по тому, что рассказывала мама, они прекрасно существовали самостоятельно. Так же как без контактов с Конфедерацией обошелся Атрион, гайды которого отвергли идею взаимодействия наших цивилизаций. Наверное, с учетом всех нюансов и различий, они поступили правильно, но... Но ведь из-за этого я едва не лишилась шанса найти свою любовь.

*В это же время на Терре, рабочий кабинет королевы
Марго Семнадцатой*

— Послезавтра коронация, — ровным голосом сообщила сидящая за массивным столом седовласая, но не потерявшая властности и уверенности в себе женщина.

— Знаю, мама, — смиренно ответила ее копия.

Молодая, черноволосая, броская, в домашнем, но от этого не менее эффектном платье, она стояла перед королевой, скромно потупив взор. Впрочем, это вовсе не означало, что в ее мыслях была столь же высокая степень послушания.

— Конфедералы добрались до кафе, — не меняя тона, продолжила старшая.

— Жаль, — печально вздохнула младшая, настороженно рассматривая родительницу из-под опущенных ресниц.

— Жаль, и все? — Действующая королева прищурилась, гася клокочущий в душе гнев. — Завтра, когда они во всем разберутся, Анну лишат гражданства, ее мужа депортируют на Землю, и ей придется последовать за ним, опеку над Оксаной заберет Натан... И тебе всего

лишь «жаль»?!

— А при чем здесь мои чувства? — презрительно дернулись изящные плечи. — Почему я должна сочувствовать сестре и ее семье? Ты же сама меня учила, что королева должна быть прагматичной, расчетливой и иметь холодное сердце. И вообще, разве не ты хотела сделать больно отцу Анны и отомстить за то, что он тобой пренебрег? Ну вот. Теперь ему будет очень больно, когда он узнает, что именно его дочь распространяет шеклак.

— Но теперь он точно знает, кто ее к этому подтолкнул! — прошипела королева. Моя причастность не должна была раскрыться! Анна бы меня не выдала! Она преданная дочь и готова была взять вину на себя, так же, как все эти годы скрывала от Натана, что за «продукт» продается в ее кафе. Но конфедералы вышли на меня, найдя зацепки с другой стороны. И в этом ты виновата!

— Я? — округлив глаза, удивилась ее дочь.

— А разве не от тебя шла та самая «анонимная» информация, что девчонка, которую приютила Анна, в курсе поставок шеклака? Более того, связана с теми, кто производит шеклак в какой-то новой, невероятной форме? Но при этом ты почему-то «забыла» сообщить, что она — внучка Натана и дочь Таис! Ты вынудила меня нервничать, принимать опрометчивые решения и не думать об угрозе разоблачения!

— Я не виновата, что твои безоисницы не умеют действовать быстро и незаметно. Всего лишь хотела помочь тебе не упустить новый вид шеклака, — обиженно насупилась Маргарита.

— Которого нет, — припечатала старшая Марго. — Зато есть обвинение в нарушении подписанного мной соглашения с Конфедерацией, по которому я была обязана еще сорок лет назад уничтожить остатки запасов шеклака, а не распространять его по сей день! Теперь мне придется сложить с себя королевские полномочия.

— Тебя это расстраивает? — хмыкнула дочь. — Ты же все равно послезавтра отдала бы мне корону.

— Отдала бы. Но у нас осталась бы возможность в будущем получить власть не только над террианками, но и над Конфедерацией! Землянами легко манипулировать, когда они сами попадают под влияние шеклака! А ты своими необдуманными действиями все разрушила. Все, что я столь тщательно создавала! Ты недостойна править Террой, — яростно отчеканила королева. — Вон!

Младшая гневно сверкнула глазами и стремительно развернулась, шагая к двери. Широко ее распахнув, вышла и с силой захлопнула, демонстрируя свое возмущение решением матери. Сопровождаемая недоуменными взглядами придворных, прошла в свои покои, не позволив лицу ни на миг изменить спесиво-обиженного выражения. И лишь запершись в своей спальне, радостно взвизгнула. Упав спиной на мягкий матрас, раскинула руки и счастливо рассмеялась.

Она все же получила свободу, которой, сложись все иначе, ей никогда бы не обрести. Да, для этого пришлось действовать жестко, неэтично. Но ведь результат того стоил! Мать не приняла бы нежелания своей копии взойти на трон, продолжить династию Маргарит и попытаться подчинить Конфедерацию. Она бы заставила, надала, как делала все эти годы. Убила надежды и мечты о свободной жизни, максимально далекой от интриг, власти и ответственности. Что делать? Довериться сестре, сердце которой столь мягко, что она не в силах никому отказать? Ну уж нет. Сбежать? Как вариант — возможно. Но ведь это ничего бы не изменило на самой Терре. Тайно сообщить в Конфедерацию о шеклаке и дать наводку на кафе? Этого мало. Виновной в итоге окажется Анна — мать тщательно скрывала инвестора и место производства. Впрочем, даже если подозрение падет на королеву, ее клон все равно коронуют. Значит, нужно, подставиться самой, заставив мать разозлиться и разочароваться в дочери, при этом одновременно дискредитировать королеву в глазах Конфедерации. Лукавить, лгать, подтасовывать информацию, шантажировать. Но все это... Пусть это останется маленькой тайной принцессы, не желающей становиться королевой.

— Я думала, мы будем жить в дедушкиных апартаментах...

Выпрыгнув из летара, я пристально рассматривала огромную площадь перед дворцом. Выложенная серым камнем, она была на удивление ровной и пустой. Если не считать еще нескольких летающих машин, стоящих чуть в отдалении. Дворец — приземистое сооружение из чуть более темного камня, имеющее несколько башен, возвышающихся над остальными корпусами, полукольцом окружающими площадь, — тоже казался безжизненным и каким-то давящим, неприятным.

— Мне тоже там было бы комфортнее и привычнее. — Дмитрий,

крепко взяв меня за руку, направился к одной из башен, в основании которой виднелись широко распахнутые створки то ли ворот, то ли дверей. — Но Натан Лайрович решил, что здесь безопаснее. Да и ближе ко всем мероприятиям. В главном церемониальном зале пройдет коронация, на этой площади завтра соберут сцену для выступлений, а на прилегающих улицах города и в парке будет идти трансляция мероприятий и маскарад.

— А выйти в город, погулять, например, нам позволят? Я хотела тетю навестить и кузину, — забеспокоилась я, прислушиваясь к гулкому эху шагов, которое возвращалось к нам, отражаясь от стен. — Или мы до завтра должны тут сидеть безвылазно?

— Мне никаких указаний на этот счет не давали. Но я обязательно узнаю, — пообещал Дмитрий.

Поднялся на ступеньку и придержал меня, чтобы не оступилась. Даже шаг чуть замедлил, потому как я, все еще во власти какого-то смутного предчувствия неприятностей, не стремилась попасть в сумрак помещения — холодного безликого коридора с нишами, закрытыми плотными занавесями и освещенного лишь слабым светом из узких, похожих на трещины, оконных проемов.

— Ты уверен, что здесь безопасно? — тихо шепнула я, теснее прижимаясь к своему спутнику.

Опасения мои понять легко: трудно не занервничать, когда навстречу идет отряд из шести вооруженных террианок во главе с той самой офицершей, которая пыталась арестовать меня на кастинге.

Дмитрий остановился, помедлил, но на всякий случай выдвинулся чуть вперед, чтобы в случае опасности я могла спрятаться ему за спину. Вот только много ли это нам даст на чужой территории? Однако и террианки, серые и невзрачные, как стены, быстрые и тонкие, как... как Сарсон Яргович, тоже остановились.

— Даная, старший офицер службы безопасности Терры, — представилась главная. — Приношу свои извинения за неприятный инцидент, произошедший в зоне портала. Мы получили недостоверную информацию, были введены в заблуждение и действовали излишне жестко. Подобных эксцессов больше не повторится. Вам не о чем беспокоиться. — Она позволила себе усмехнуться, оценив дислокацию, перевела взгляд на губы землянина и вновь стала серьезной: — Гражданин Лисовский, вы вправе потребовать компенсацию за

причиненный вам физический вред и моральный ущерб, нанесенный вашей подопечной. — Спыхватилась, взглянув на меня, и уточнила: — Бывшей подопечной.

— Спасибо за напоминание, — с легким налетом иронии поблагодарил Дмитрий. — Мы можем идти?

— Да, вас ждут.

Охранницы расступились, пропуская нас дальше. Коридор закончился услужливо распахнувшейся при нашем приближении дверью, а за ней оказался внушительных размеров зал. При беглом осмотре у меня возникла только одна ассоциация: мощно! Массивные ступени двух боковых лестниц, ведущих на второй ярус зала и, по всей видимости, еще дальше. Объемные вазы из черного материала, даже на вид очень тяжелого. Устилающие пол белоснежные ковры с настолько толстым ворсом, что ноги утопают в нем по лодыжки. Стены серого камня даже здесь ничем не покрашены и плавно переходят в свод потолка, с которого на трех совершенно тонких цепочках свисает массивное металлическое кольцо. Как только они его удерживают?! Но все же самым примечательным были развешанные на стенах портреты. Семнадцать брюнеток в полный рост, красивые, статные, но на одно лицо, хоть и в разных платьях... Видимо, это и есть те самые Маргариты, которые правили Террой. А скоро появится и восемнадцатая.

М-да... Любопытно, на какой из этих королев династия клонов закончится? Не будет же она продолжаться вечно! Хотя вполне вероятно, что и вечно, если учесть присущие этим Марго упертость в достижении целей, зашкаливающее самомнение и способность действовать невзирая на последствия, применяя отнюдь не самые этичные методы. Моя мама и об этом часто вспоминала.

— Добро пожаловать, — отвлек меня от изучения художественных шедевров негромкий женский голос. Его обладательницей оказалась невысокая женщина в возрасте, в опрятном длинном бежевом платье, скромная, с совершенно добрым, располагающим взглядом карих глаз. — Меня зовут Ясна, я распорядитель гостевых покоев. Прошу следовать за мной.

Лестницы, коридоры, снова лестницы... Ставшие более разнообразными интерьеры, в которых появились элементы романтизма и оттенки поярче. Но по-прежнему полное отсутствие людей. Я не

выдержала:

— Ясна, скажите, а разве во дворце никого нет? Так тихо...

— Ну что вы, — заулыбалась распорядитель, — тут немало народу. Просто дворцовая жизнь начинается только после обеда и заканчивается под утро. Сейчас большинство из тех, кто здесь живет, еще спит. А для обслуживающего персонала существуют параллельные ходы-коридоры. Вот где настоящая сутолока в любое время суток.

Как интересно. Иерархия здесь на первом месте.

— Это ваши комнаты, Флориана. — Женщина толкнула рукой украшенную изящной резьбой деревянную дверь, открыв взору довольно милую гостиную в бежево-зеленых тонах. — Ваши, Дмитрий Олегович, — напротив. — Теперь я увидела черно-фиолетовый, но необычайно интригующий дизайн. — Располагайтесь. Багаж уже доставили. Если понадобится помощь или возникнут вопросы, на двери есть коммуникатор.

Я вопросительно посмотрела на Дмитрия, который, поблагодарив Ясну, обернулся ко мне.

— Отдохни немного, — посоветовал он. — Переоденься. Я планы выясню, наши возможности по времени, все же ты в командировке, а не в отпуске, и к тебе приду. Хорошо?

Предоставленные мне в пользование три комнаты я изучила быстро. Гостиная, спальня и комната для гигиены — с задрапированным тканями окном, изящной мебелью, коврами, и потому больше похожая на еще одну гостиную, только маленькую. Вид из окон открывался приятный: несколько улочек, расходящихся веером, между которыми росли невысокие кустики и деревца, а чуть дальше — низенькие, традиционные для Терры домики.

Опираясь на подоконник, я выглянула наружу, чтобы получше рассмотреть растительность, — все же высота значительная, — потому и не сразу осознала, что за вибрация прокатывается по одной из ладоней. Похожая на ту, что создавал вильют, но... Но он же на левой руке. И лишь отпрянув назад и впившись взглядом в палец, который опоясывала дрожь, сообразила — кольцо! Я же сделала его невидимым, а не пользовалась так давно, что совсем о нем забыла!

Торопливо нащупала едва ощутимый рельеф на гладком ободке и радостно взвизгнула, когда рядом начало формироваться изображение.

— Мама! Ты где? Почему связи так долго не было? У вас все

нормально? — засыпала ее вопросами.

— Да, все в порядке. Мы на орбите Терры, совсем близко, поэтому и связь появилась. Я тебе обо всем чуть позже расскажу, нас тоже пригласили на праздник. Только сначала дела завершим, тут твой дедушка... гм... в общем, активность проявил. С твоей подачи, между прочим.

— Я не специально.

— Знаю-знаю, нам все в красках рассказано, в записи показано, в перспективах обрисовано... — Мама хитро прищурилась. — А ты хорошо выглядишь, дочурка. Румянец, глазки горят, платье симпатичное, волосы в порядок привела. Пребывание на Земле пошло тебе на пользу.

— Ой... — Я растерялась, потому как напрочь забыла, в каком облике нахожусь.

— Вот именно — «ой», — ласково заулыбалась родительница. — А теперь признавайся, как ты от дедушки ухитрилась скрыть второй облик? Он ведь и сейчас в полной уверенности, что ты настоящий человек. Твой папа, когда с ним общался, даже не понял, откуда у нас дочка-землянка, пока я ему не объяснила.

— Я не скрывала особенно. Специально не трансформировалась, а спонтанных превращений почему-то не было... — Я пожала плечами и лишь потом спохватилась: — А ты разве знала?

— Ох, Рия, — засмеялась мама, — я ведь давно живу среди атрионов, и поверь мне, могу отличить наведенный галлюциногенный образ от настоящего облика. К тому же у меня есть маленький помощник, который, если я в чем-то сомневаюсь, всегда поможет узнать точно.

— Диспетчер? — хмуро поинтересовалась я. Не хочется верить, что бывают среди них не умеющие хранить тайны.

— Нет, его зовут Деке. Он, кстати, постоянно с тобой жил, то есть на тебе. До того момента, пока ты в портал на Землю не ушла, а он отвлекся и не успел. Хорошо хоть сообразил, что можно на твоём дедушке путешествовать и ждать, когда тот с нами встретится. И все это время Деке переживал, потому что оставил тебя без присмотра и не выполнил до конца поставленное перед ним задание.

— Ты меня интригуешь. — Мое любопытство зашкалило. Это же наверняка что-то из маминых шпионских приспособлений! — А сейчас

он с тобой? Покажешь?

Мама подняла вверх ладонь. Сначала на ней было пусто, потом вспыхнула, почти ослепив, крошечная искорка, которая быстро разрасталась, превращаясь в черно-желтое нечто размером с кулак.

— Это нагобот, — пояснила родительница. — Видно? — спросила, наверное, опасаясь, что колечко связи может не передать виртуальную картинку.

— Да. — Я кивнула и ахнула: — Так вот кто террианок напугал! Только он намного больше был!

— Ну, — довольно хмыкнула мама, наблюдая, как нагобот уменьшается и исчезает. — Деке и размером с дом может стать, а может быть совершенно невидимым. Так что собирать информацию для него не проблема. Как и защищать, если возникнет реальная угроза жизни. Мы с папой потому тебя так легко на «Агран» и отпустили.

Значит, страховка все же была. Так приятно! И все равно непонятно...

— Мам, но если ты знала про трансформацию, почему же делала вид, что не в курсе?

— Рия, вы с братом взрослые самостоятельные личности, способные принимать осознанные решения. Если вы не хотите что-то афишировать, разве я должна обвинять вас в скрытности и заставлять говорить правду?

— Подожди... — Я аж головой встряхнула от шока. — Ал-Риф тоже... хамелеон?

— Да. Только я надеюсь, ты проявишь деликатность и ничем не покажешь, что в курсе. Он, когда про тебя узнал, нервничал сильно. И о себе пока не признаётся, но фонит от него... — Она подняла глаза вверх, помахав при этом перед носом ладонью. — Хамелеон, говоришь? Отличный термин. Очень правильный. И объясняет, почему наступают спонтанные трансформации. Ты так и не поняла?

— Из-за окружения? — высказала я догадку, которая давно уже не давала покоя. — Организм инстинктивно стремится принять тот облик, который удобен в данный момент и будет запросто воспринят теми, кто рядом. Так?

— Это древняя способность. Она была у наших далеких предков, когда на Атрионе жили разные виды. Потом утратилась, когда все атрионы приобрели однотипный облик. Теперь же снова проявилась из-

за смещения генов и воскрешения различий, — мягко пояснил мужской голос, а я тихо пискнула:

— Папа...

— Вы закончили? — Мама обернулась, отыскивая глазами мужа.

Впрочем, через секунду он уже стоял за ее спиной, потому и я его увидела. Такого непривычного, с позиции земного восприятия, но необычайно эффектного — с атрионской. Папа у меня красавец!

— Да, адиза, боты готовы. Может, ты все же останешься?

— Лаш, ты опять за свое? — засмеялась мама. — Мне еще больше года до родов. Два земных месяца. Рия, ты пересчитывать время научилась?

— Ага, уже привыкла, — подтвердила я, наслаждаясь общением, по которому так соскучилась!

Папа, скользнув глазами по моему изображению, остался бесстрастным, и я пожалела, что колечко не может передавать эмоции атрионов. Лишь картинку и оттенки голоса. Но хоть по последнему понятно, что отец на меня не сердится.

— Нам пора, дочка. Надеюсь, вскоре управимся, встретимся и обо всем поговорим. О том, что происходило на «Агрane» и Терре, мы знаем, а вот что на Земле было, очень хочется от тебя услышать. Да и нам есть что тебе рассказать.

Конечно! И мне многое узнать хочется! Особенно любопытно, с чем они «управляться» собираются. Однако спрашивать уже некого. Изображение потускнело, размылось... Я снова осталась одна в гостевой комнате террианского дворца.

К счастью, ненадолго. Первой нарушила мое одиночество курирующая концерт режиссер. Та самая Надежда, которая работала с претендентками на кастинге. Не лично нарушила, а, скажем так, заочно, потому что прислала на мой вильют время репетиции и сценарий концерта, чтобы я точно знала, когда и после кого мне выступить.

Вторым, как раз к тому моменту, когда я закончила изучать информацию, появился Дмитрий. Серьезный, сосредоточенный, напряженный, словно это он на Терре в командировке, а не я.

— Что-то случилось? — Остаться в неведении я не желала, поэтому решила прояснить все сразу.

В ответ получила задумчивый, можно даже сказать, беспокойный взгляд и неуверенное:

— Пока нет. Служба безопасности Конфедерации только что арестовала пытавшегося покинуть Терру фигуранта по делу, связанному с утечкой выделяемых на техническое обслуживание «Западного вектора» финансов. Большая их часть обходными путями шла в фирму Кирая в качестве платы за поставки полуфабриката косметического средства, а по факту — того самого вещества, которое ты называешь рэдом. Самого Кирая и его партнера Жерара тоже должны были арестовать, но они так и не прошли через портал. Хотя приглашение получили, и сестра должна была прибыть с ними...

Теперь волнение Дмитрия стало понятным. Мало того, я сама испугалась, когда представила, что с Гелией может случиться что-то нехорошее. Однако впадать в панику я себе не позволила:

— Ты говорил, что вильюты легко отслеживаются, и поэтому все перемещения граждан под контролем. Может, Кирай и Жерар сбежать попытались и их на Земле арестовали? Будем надеяться на лучшее. Все же в службе безопасности не дилетанты работают. Знают, что делают.

— Верно, — вздохнул мужчина, притягивая меня к себе.

Мы несколько минут стояли молча, обнявшись, поддерживая друг в друге уверенность в благополучном исходе, пока наконец Дмитрий не решил, что в бездействии нет никакого смысла.

— Так, ладно. Мы сейчас идем на завтрак, потом для гостей проводится экскурсия по дворцу и парку, после обеда у тебя репетиция. Во сколько и где, знаешь? Ага, хорошо, — одобрил, бросив быстрый взгляд на программу, которую я ему показала.

— А в гости? — напомнила я.

— Возможно, вечером. Я с Анной связался, но она сказала, что сейчас занята, попросила сделать это позже.

Завтрак был отличным, ничем не хуже тех, что готовил земной автоповар, а экскурсия — познавательной. Мы почти четыре часа бродили. Сначала по залам, переходам, кабинетам, потом по парку и наконец — по жутковатым подземным лабиринтам, сохранившимся невесть с каких времен, потому как построенных иной цивилизацией, которая то ли вымерла, то ли покинула Терру задолго до появления на ней террианок.

Большинство гостей, участвующих в этой необычной прогулке, были мне незнакомы. Я знала лишь двух коллег, приглашенных выступать на концерте. С ними и отправилась после обеда на

репетицию. Дмитрий решил меня сопровождать, но не успели мы дойти до выделенного нам зала, как он переменился в лице и занервничал, — ему на вильют пришло сообщение об аресте Кирая. Видя, как землянин разрывается между необходимостью остаться со мной и желанием выяснить, что с сестрой, удерживать его я не стала. Все равно занята, а он хотя бы переживать перестанет.

Я, конечно, тоже волновалась, но режиссер своей активностью и напором вытеснила из головы все мысли, кроме тех, что были непосредственно связаны с концертом.

— Что значит «зачем все сразу на сцену»? Вы сценарий читали, милочка? У вас сначала общий выход!.. Ку-у-уда пошла?! Я сказала — на зал, а не в сторону!.. Еще раз ушли-зашли! Меняемся, меняемся... Так! А почему не все на репетиции?

Последнее сорвалось с ее губ именно в тот момент, когда в зал торопливо вбежала молоденькая стройная блондиночка.

— Леди Гарэтта! — возмутилась Надежда. — Вы заставляете меня жалеть о решении жюри! Да, вы победили в конкурсе, но, поверьте, до идеала вам еще очень далеко! Работать надо, а вы позволяете себе опаздывать!

— Простите! — жалобно пролепетала несчастная. — Меня досматривали долго!

— Вчера нужно было заселяться! — отрезала режиссер.

— Я не могла... — попыталась оправдаться Гарэтта, но Надежда ее уже не слушала, властно взмахнула рукой, указывая место, где девушка должна встать, и репетиция продолжилась.

Вздохнуть свободнее мы смогли, только когда пошла отработка номеров. У нас даже появилась возможность тихо разговаривать, пока Надежда придирчиво рассматривала, а потом распекала за дефекты выступления очередную жертву.

— Здорово, что ты победила. Поздравляю! — Я искренне радовалась за девушку, которая по отношению ко мне, по сути сопернице, проявила чуткость и сострадание.

— Замечательно, что ты добилась своего! — шепотом отвечала Гарэтта, настороженно поглядывая на режиссера. — Знаешь, как конкурсантки язвили и радовались тому, что тебя исключили? Ведь ты лучше всех выступала. У тебя сейчас тот номер, что на кастинге? «Огненный цветок»?

Узнав, что другой, блондинка расстроилась, а я взяла себе на заметку по возвращении на Землю поговорить с Сарсоном Ярговичем и довести эту композицию до ума. Она ведь действительно эффектная, тут надо отдать Надежде должное — сразу ухватила суть и правильно подобрала аранжировку. Да и насчет визуальной подачи моих новых номеров режиссер не особенно долго размышляла, фантазия у нее работала просто изумительно. Что, однако, ничуть не уменьшило времени и сил, затраченных на репетицию, — когда нас наконец выпустили из зала, за окнами уже стемнело.

Первое, что я вспомнила, — где же Гелия и Дмитрий? Судорожно схватилась за вильют и успокоилась. Я ведь на время репетиции поставила его в режим блокировки, то есть не видела ни одного сообщения из тех, что мне присылали.

«Кирай и Жерар в следственном отделе, дают показания. Гелия там же, в порядке, только напугана. Мне нужно подождать, пока ее отпустят».

«Летим к Эду. У него разместились и родители, они еще вчера на Терру прибыли».

«Немного побуду с Гелией, она расстроилась, это по ее вине они на Земле задержались — собиралась долго. Отец ее отчитал».

Последнее сообщение пришло совсем недавно, и я задумалась, стоит ли оставлять Гелию с родителями? Не факт, что в этом случае она сможет с Алом встретиться.

Спешно активировала связь, надеясь, что дедушка ответит, и когда над запястьем появилось его лицо, торопливо протараторила:

— Можно получить разрешение для сестры Дмитрия на проживание во дворце?

— Зачем? — опешил родственник. Впрочем, я даже начать объяснять не успела, а он уже меня остановил: — Не важно. Сделаю. Перешлю как только смогу, сейчас немного... занят.

Я только после этих слов осознала, что вид у дедушки своеобразный. Волосы дыбом, словно он беспрестанно их взъерошивал пальцами, лоб прорезала морщина, взгляд колкий, напряженный.

— Прости, я не вовремя... — попыталась было извиниться, но другой голос из динамика меня перебил и отвлек:

— Треков по доставкам не обнаружено. Придется иначе. Вы идете? Дедушка на мгновение обернулся, бросив:

— Одну секунду! — и вновь повернулся ко мне: — У тебя все в порядке? Хорошо. Тогда завтра увидимся. Надеюсь, мы управимся до коронации.

Ну вот, и дедушка туда же. Жаль, непонятно, связано ли его «управимся» с тем, которое имела в виду моя мама. Оставалось верить, что завтра все это выяснится. И топать в обеденный зал в одиночестве. То есть вслед за весело гомонящими участниками концерта, успевшими уйти далеко вперед. Время ужина приближалось, да и проголодались все.

Вот только, добравшись до конца коридора, я поняла, что не очень понимаю, куда именно идти. То ли свернуть и пройти через анфиладу комнат, то ли подняться по лестнице. Или же вообще по ней спуститься нужно?

Прислушалась к затихающим голосам. Вроде бы наверху звучат.

Туда и отправилась. Помедлила на первом пролете, заглянув в расходящиеся в стороны безлюдные коридоры, решила, что обедали мы выше, и поднялась еще на один этаж. Голоса пропали, и я совсем растерялась. Хотела уже вернуться обратно, но все же услышала неразборчивую речь, идущую из глубины помещения у меня за спиной.

Обрадовалась, естественно. Если это и не мои коллеги, то наверняка тот, кто поможет мне в столовую попасть. И пошла на звук, отыскивая его источник.

— А мне глубоко шеклаково, что ты об этом думаешь! Прими как есть и перестань истерить. Забыла, что беременная?

Мои шаги становились медленней, женский голос — громче:

— Нет, я унижаться не буду. Решила — значит решила... Да, я пошла на принцип. И что с того? Даже если... Как? Ты шутишь? Откуда?.. Нет! Я не позволю! Нельзя же так!

Последние слова были сказаны с таким волнением, что мне стало не по себе. Наверняка эта незнакомка сильно переживает. А когда распахнулась дверь совсем рядом с тем местом, где я остановилась, я поняла, насколько сильно. В коридор выскочила взбудораженная брюнетка. Дыхание частое, черные глаза сверкают, руки сжаты в кулаки...

Бросив на меня негодующий взгляд, она рванула было по коридору, но остановилась и обернулась, присматриваясь внимательнее.

— Заблудилась? — резко выдохнула, моментально определив причину моего появления. — Ясна! — раздраженно позвала через настенное переговорное устройство, к которому приложила ладонь. — Почему гости без присмотра? Безобразие, не дворец, а проходной двор! — зашипела сердито и чуть более спокойно бросила мне: — Подожди, тебя проводят.

Больше ничего не сказала и ждать не стала, продолжив путь, который из-за меня прервала. Я же, послушно ожидая распорядительницу, неотрывно следила за крепко сложенной женской фигурой в темно-синем длинном платье с эффектными открытыми плечами. Вот она какая, восемнадцатая Маргарита.

Спустя пять минут в королевском парке

Марго стремительно удалялась от дворца, желая оказаться в глубине парковой зоны, подальше от всевидящих глаз и вездесущих ушей. Она бы бежала, да только привлекать внимание опасно. А так можно было надеяться, что ее прогулку спишут на желание сбросить нервное напряжение перед коронацией. Королева-мать ведь так и не объявила официально о своем решении.

Наконец добравшись до безопасного места, прислонилась спиной к колонне, поддерживающей широкий вазон. Осмотрелась, убеждаясь, что рядом действительно никого нет, и, осторожно вытащив из щели под каменным украшением тонкую пластину, присоединила ее к коммуникатору.

— Светлана, — позвала негромко.

Почти минуту ответа не было. Женщина начала нервничать, однако повторно вызывать абонента не торопилась. И с облегчением выдохнула, когда в наушнике раздалось спокойное:

— Что случилось, Марь?

— У тебя все в порядке? Тихо?

— Тише не бывает. А что?

— Бросай все. А еще лучше — уничтожь. Уходи сама и девочек отпусти на все четыре стороны. Немедленно. Конфедералы арестовали поставщика рэда. Закрыли кафе. Теперь ищут производство. Мне Анна проговорилась.

— Почему Маргарита не сообщила сама?

— Она под колпаком. Ее обвиняют в нарушении соглашения с Конфедерацией. Это только я вне подозрений.

— И решила сделать доброе дело?

— Светлана, ты же знаешь, как я тебе благодарна за все...

— Знаю, не дура. Думаешь, если я останусь на свободе, у тебя будет возможность с ним встретиться?

— Да! — едва ли не выкрикнула Марь. Вовремя приглушила голос, продолжая: — У тебя есть маячок и система оповещения. Прошу, забери их. Когда «Агран» прилетит в установленный срок, мы выйдем с ними на связь. Я улечу с Терры.

— Ол-Чес тебя не возьмет. Он будет в ярости, потому что не получит рэда.

— Это мои проблемы, — упрямо процедила Марь. — Я договорюсь.

— Хм... — Сомнение в голосе Светланы было явным. — Хотя, конечно, может и взять. Забрал же эту девочку, Рианну, чтобы выдать замуж за своего сына. Кстати, как она? Все еще на Земле?

— Нет, на Терре, во дворце. На концерте петь будет.

— Ух! На концерте? Вечером? Может, даже я успею, раз уж тут все... Марь, а ты уверена в сведениях? Если я уничтожу производство и склады, назад пути не будет.

— Да, уверена. Конфедералы пойдут до конца, они всю Терру перероют, чтобы производство найти. Но с чего у тебя сомнения? Мне казалось, ты обрадуешься. Сама же хотела все бросить, говорила, что если бы не старая договоренность с моей матерью, давно бы перестала заниматься шеклаком. И я тебе обещала, что помогу. Так все и происходит. Теперь либо тебя арестуют с поличным, на месте, и тогда ты погубишь не только свою жизнь, но и мою, либо мы обе будем счастливы, каждая так, как хочет. Решайся, Светлана, время пришло.

Утро встретило меня прохладой, стекающей в приоткрытую створку окна, традиционной розочкой бордового цвета, лежащей рядом на подушке, и сообщением, доставленным вчера поздно вечером, а сейчас услужливо раскрывшимся на маленьком экранчике вильюта.

«Рианна, любимая, как же рано ты легла... Устала на репетиции наверняка. Заглянул в твою комнату, но ты так сладко спала, что я не стал будить. Сделаю это утром. Целую нежно. Дмитрий».

Не считая нужным сдерживать своей радости, я широко улыбнулась, лениво потянулась, распластываясь на гладком бледно-сиреневом белье, и перебрала лепестки цветка, наслаждаясь ароматом, напоминающим мне о Земле и землянине, ставшем таким близким! Настолько близким, что скрывать от него что-либо категорически не хотелось. Однако и пугать тоже. Как хорошо, что сегодня должны появиться родители и брат. Можно познакомить с ними Дмитрия, на реакцию посмотреть и решить, каким способом ввести его в курс трансформаций.

Осторожный стук, и мое сердечко бешено заколотилось, а организм среагировал так резко, что я даже не поняла, как у двери оказалась. Рванула на себя и...

— Рианна! — Громкий вопль оглушил, а бросившееся на меня тело едва не сбило с ног, заставив пошатнуться и отступить вглубь комнаты. — Ты не представляешь, что тут творится! Нас бабушка все же пригласила! Мы тоже на празднике во дворце будем! Я еще вчера хотела тебя найти, но не получилось. Сначала бабушка меня допрашивала, потом мама просила ее не оставлять. А еще я слышала, как дедушка Натан говорил бабушке Маргарите, что она дура ревнивая, что только полная идиотка могла из-за надуманной обиды и амбиций подставить свою дочь. И что если она не возьмет всю вину на себя, то больше не увидит ни его, ни Анны, ни меня. Бабушка тоже злилась, кричала, что он бесчувственный чурбан и эгоист, которому никогда не было никакого дела до того, что она его любит. А дедушка возмутился, сказав, что она сама от него отказалась, когда решила остаться королевой. В общем, сначала они долго ругались, а потом целовались. Фу-у-у...

Оксана скривилась и помотала головой. Я же лишь улыбнулась ее непосредственности, горячности и привычной осведомленности. Потому что знала, как изобретательно кузина подходит к последнему.

Хоть и ждала я вовсе не ее, а все равно было приятно и новости узнать, и об изменениях в своей жизни рассказать. Оксана же была пока единственной, с кем я могла поделиться своими чувствами.

— Влюбилась все же, — выслушав, вздохнула девчушка, посмотрев на меня с сочувствием. — Говорила я тебе, будь осторожнее! Глупостей хоть не наделали?

Она с таким выразительным подозрением скосила глаза на мой

живот, что я не выдержала и рассмеялась. А когда Оксана, подмигнув, выскочила за дверь, мне пришлось объяснять причину веселости заинтригованному Дмитрию, как раз в этот момент заглянувшему в комнату. Вот только он почему-то расстроился:

— Я надеялся тебя разбудить...

— У тебя еще будет возможность это сделать.

— Когда именно? — провокационно выдохнул землянин, обнимая меня и прижимаясь губами к коже за ушком.

— Скоро, — засмеялась я, уворачиваясь, потому что было необычайно щекотно. Не получилось. То есть получилось, но иное — теперь его губы томительно медленно путешествовали по лицу, заставляя меня задыхаться и терять терпение. А потом — забыть обо всем. И даже не сразу обратить внимание на вызывной сигнал вильюта. Если бы Дмитрий не прекратил меня целовать, я бы так и не поняла, что же так настойчиво вибрирует на запястье.

С трудом сосредоточилась на пришедшем сообщении и восторженно ойкнула. Дедушка все же выполнил свое обещание.

— Ты можешь привезти сюда Гелию! — радостно сообщила напрягшемуся мужчине.

— Точно? — не поверил он, а увидев разрешение, удивился: — Ну надо же...

— Давай ты прямо сейчас поедешь, — принялась уговаривать я. — Успеешь вернуться до обеда. Как раз мои родители появятся и Ал-Риф... — заговорщически понизила голос.

— А как же ты? — Дмитрий явно не хотел оставлять меня одну.

— Переоденусь, позавтракаю и буду ждать, — успокоила я его.

Видимо, очень уверенно это сделала. Убедила. Теперь осталось лишь выполнить то, что сама же запланировала. Правда, с небольшими коррективами. Внести их пришлось не по моей инициативе, а потому как Надежда после завтрака нежданно и приказным тоном распорядилась выйти на репетицию. Уже на ту самую сцену, которую, как выяснилось, не только возвели за ночь, но и украсили. Яркая, броская, она словно ждала нас. Точно так, как ждали гостей праздника расставленные на площади симпатичные невысокие скамейки.

Народу во дворце стало больше. Это вчера он казался необитаемым, а сегодня его коридоры были похожи на оживленные улицы. Нарядно одетые люди куда-то спешили или, наоборот, шли

неторопливо, останавливаясь и разговаривая друг с другом. Платья, костюмы, перчатки, шляпы, прически и... маски! Такого разнообразия я не ожидала. Они имитировали самые невероятные вещи. Раскинувших крылья земных птиц, ошетилившееся острыми лучами местное светило, струящиеся со лба на щеки потоки воды, нарисованный на коже жуткий и одновременно веселый оскал до ушей, покрытое сине-зелеными чешуйками лицо... атриона?!

От неожиданности я даже споткнулась на ровном месте.

— Маскарад объявили, — засмеялась Гарэтта, подхватив меня под руку, по-своему расценив мое изумление. — Нам тоже надо масками обзавестись. Здесь есть специальный магазин. Пойдем?

С моей способностью трансформироваться мне этот аксессуар точно не нужен, но все же я решила не рисковать. В итоге в свою комнату вернулась с трофеем — симпатичной тканевой полумаской, закрывающей не все лицо, а только его низ, оставляя открытыми глаза. Такую защиту носили террианки, когда атрионов в их городе было много. Теперь, во время праздника, она была едва ли не самым популярным вариантом маски. По крайней мере, в магазине их моделей продавалось больше всего.

Стоя у зеркала в наряде, который еще на Земле специально купила для выступления, я не удержалась и примерила «защиту». Сетчатая черная ткань идеально подходила к темно-зеленому бархату платья, расшитому стразами. Мрачной одежда не выглядела, наоборот, смотрелась загадочно, завораживающе...

— Изумительно, — продолжил мою мысль громкий женский голос, и я, лишь вскользь бросив взгляд на появившиеся в отражении фигуры, метнулась к двери.

— Мама! Папа!.. Ой, братик! Дедушка!

Сначала я пыталась обнять их всех вместе, потом все же оставила невыполнимую задачу. Эффективнее было сделать это по очереди, да не по одному разу, — эмоции от встречи никак не желали утихомириваться. И не только у меня. Вскоре комната наполнилась запахами, которые террианская маска почти полностью убирала, несмотря на то, что даже не прилегала плотно к коже. А вот у мамы и дедушки масок не было, зато наверняка имелись фильтры, потому что на своеобразные ароматы они внимания совсем не обращали.

— Да, дочка, удивила ты меня, — первым пришел в себя нэпа.

Искоса посмотрев на маму и брата, поправился: — Нас всех. Ты столько выдержала, так много узнала и сильно изменилась...

— А кто в этом виноват? — воскликнула я шутливо-потрясенно. — Это же вы отправили меня на «Агран»! Кстати, вы его нашли?

— Нашли, — смешливо фыркнула мама, намекаясь глянув на диван.

Папа, заметив этот взгляд, тут же подхватил ее под локоть, чтобы помочь сесть. Опустился рядом, но ничего не сказал, хотя наверняка беспокоился. Дедушка, подмигнув мне, занял свободное кресло, а брат предпочел остаться на ногах. Лишь отошел к окну и оперся бедром о подоконник. На меня он старался не смотреть, видимо, так и не решил, как относиться к смене облика.

— Когда ты на связь перестала выходить, мы сразу заподозрили неладное. Но все же ждали, — продолжила мама. — А когда срок прошел, а «Агран» так и не появился, мы попытались его засечь. К сожалению, мои возможности были ограничены, а твое колечко не отзывалось. Как и Деке. Я тогда не понимала почему. Узнала, когда со мной на связь вышел кое-кто...

В ее голосе появились многозначительные нотки, и этот «кое-кто» не выдержал:

— Помощь важна, даже когда от нее отказываются.

Глаза дедушки так выразительно впились в лицо моего отца, что я сразу поняла — тот воспринял появление землян с крайним неодобрением. Но мама изменила его позицию, о чем и сообщила:

— Земные крейсера, получив ориентировку, быстрее обнаружили нужный нам объект. И задержали. Ол-Чес отказался что-либо объяснять. Даже узнав, что ты жива и мы просим всего лишь помочь найти место приземления, где он обменивал рэд на льер, своей позиции не изменил. В общем, сотрудничать не стал.

— Его семья тоже неохотно шла на контакт, — продолжил папа. — Нам старались помочь единицы. Но они не были ни гайдами, ни майнерами, соответственно, главного — маршрута, не знали.

— Тогда я предложил сделку, — снова заговорил дедушка. — Помощь в расследовании в обмен на право свободного пребывания в космическом пространстве, контролируемом Конфедерацией. И приглашение на праздник для желающих его посетить. — В его голосе звучало нескрываемое удовлетворение. Оно и понятно, ведь атрионы на

условия согласились.

— Так вы нашли производство? — не выдержала я, маскируя нетерпением свое беспокойство.

Светлана Марьевна мне нравилась, и очень не хотелось узнать, что и она пострадала.

— Нашли, — вздохнула мама. — Думали, быстро управимся, но потребовалась уйма времени. Лишь под утро вышли на него, и то лишь потому, что служба спутникового наблюдения сообщила о начавшемся пожаре в одном из незаселенных районов. Когда мы прибыли, от складов и производственных помещений остались только угольки. И никого из тех, кто там жил и работал.

— М-да...

Я не успела определиться, радоваться этому сообщению или продолжать волноваться. А все потому, что на вильют пришло сообщение Дмитрия с вопросом, можно ли зайти в гости, и это разом изменило как направление моих мыслей, так и положение в пространстве. Я подскочила, заработав изрядную порцию любопытных взглядов.

— У меня тоже есть что вам рассказать, но лучше сначала покажу. То есть он сам покажется. Вы уж, пожалуйста, не волнуйтесь сильно. И еще будет маленький сюрприз. Вернее, целых два.

Я торопилась, потому и говорила сумбурно. Едва успела до того, как раздался деликатный стук.

— Это Дмитрий, — представила шагнувшего в комнату землянина и крепко взяла его за руку, чтобы проще было решиться на признание. — Он мне очень помог. Сначала был хорошим другом, а теперь мы пара, потому что встречаемся. И его сестра, Гелия. Вы с ней знакомы, хоть и не виделись давно.

Ее я специально второй представила, чтобы хоть немного уменьшить шок папы от понимания, что мой избранник — не атрион. Поступила, безусловно, правильно, ведь едва родительница увидела девушку, как внимание к Дмитрию потускнело за ее ахами-охами. Теперь мама радостно расспрашивала присевшую рядом с ней на диван Гелию, которой папа уступил свое место. Мне даже показалось, что он намеренно это сделал, чтобы иметь возможность подойти к нам и остановиться напротив.

— Ис-Лаш ВерДер.

- Дмитрий Лисовский.
- Благодарю за помощь моей дочери.
- Я действовал от чистого сердца.
- Приятно это слышать. Мы переживали за дочь.
- Отлично вас понимаю.

Они обменивались сухими, официальными фразами, и от этого мне становилось не по себе. Нет, понятно, я не ждала, что папа примет Дмитрия как родного, но все же рассчитывала на большую... теплоту, что ли.

Посмотрела на брата и еще сильнее расстроилась. Ал и вовсе на Гелию не смотрел. Отвернулся к окну, словно там было что-то невероятно интересное, словно присутствие девушки его совсем не волнует. Она же стопроцентно стеснялась его рассматривать и уж тем более не рискнула бы к нему обратиться.

М-да... Кажется, я упустила из виду как специфику общения незнакомых друг с другом мужчин, так и ненормальный тип демонстрации отношения друг к другу влюбленных особей. Стоп! А дедушка почему никак себя не проявляет? Словно и нет его. Может, ушел незаметно? Обернулась и растерялась окончательно. Нет, он по-прежнему сидел в кресле, но в напряженной позе, вцепившись в подлокотники, словно готовый сорваться с места. Глаза буквально впились в пару «Дмитрий — папа», неотрывно отслеживая малейшее движение, а уши наверняка с той же чуткостью ловили сказанные слова.

- Рия благодаря вам стала гражданкой Конфедерации?
- Нет, она сама все для этого сделала.
- В получении гражданства была острая необходимость?
- Были важны устойчивый статус в социуме и работа.
- Надеюсь, это временно и обратимо.

В общем, поняла я, нужно действовать, причем срочно, пока ситуация еще управляемая. На мгновение замешкалась, решая, с чего начать, и шагнула к брату. Подцепила его под локоть, почувствовав, как Ал вздрогнул всем телом, потянула на себя, заставив наклониться, — все же он выше на полторы головы, и прошептала на ухо:

- Гелия тебя до сих пор любит. И очень боится, что ты ее забыл.

Может, это и неэтично — выдавать чужие секреты, зато действительно. И оправдывается пользой для тех, кто эти самые секреты насоздавал. Вон сколько сразу эмоций полыхнуло во взгляде

посмотревшего на меня Ала. Изумление, неверие, радость... Похоже, отразились они не только в глазах, потому что папа запнулся на полуслове, не договорив фразы, и беспокойно окликнул:

— Ал? Ты в порядке?

— Да. — Брат встрепенулся. — Спасибо! — Негромко меня поблагодарив, решительно шагнул он к дивану, где мама, среагировав на вопрос папы, тоже замолчала и теперь вопросительно смотрела на сына, который протянул руку замершей от неожиданной смены его поведения землянке. — Мама, прости. Нам поговорить нужно. Мы немного погуляем. Гелия?

— Да... Конечно...

Даже я, хоть и в стороне стояла, видела, как дрожит бледно-розовая рука, которую девушка неуверенно положила на зеленую ладонь. Да и голос срывался. Наверняка в душе у Гелии спокойствия не было, и я надеялась, что брат найдет правильные слова. Если он считал, что у его мечты нет будущего, и все равно думал о ней столько лет, то теперь, увидев перспективы, точно сделает все, чтобы ее не потерять.

— Вот так, Лаш. А ты меня убеждал, что это «детское увлечение», — округлив глаза, ошарашенно прокомментировала мама, когда дверь за парой закрылась. — Зря я поверила... Рия! — спохватилась она, впиваясь в меня требовательным взором. — Гелия хоть не замужем? А то ведь проблемы не разгребем!

— Уже нет. Она в разводе, — улыбнулась я.

— А опекун кто? То есть кто у нас бывший муж? С ним можно будет нормально договориться? — тут же потребовала ясности родительница. Удивительно, столько лет прожила не на Земле, а прекрасно помнит всю специфику отношений. Сразу ухватила главное.

— Право на опекунство возвращено Олегу, — подал голос дедушка. — Бывшего мужа Гелии лишили гражданства за поставки на Терру нелегальных веществ.

— Очаровательно, — подняла глаза к потолку мама.

Правда, мне так и осталось непонятно, что именно она имела в виду. Но выяснять не стала. Потому что увидела растерянный, можно даже сказать, потерянный, взгляд Дмитрия, а мне его душевное состояние сейчас точно важнее, чем логика родительницы.

— Надеюсь, простите, нам с Дмитрием тоже погулять нужно... — начала было, но мама моментально среагировала, даже быстрее, чем папа, который тоже собрался что-то сказать.

— Зачем гулять? Это же твоя комната. Это мы тут лишние. Свалились тебе на голову, увлеклись разговорами, а сами еще не

обустроились. И не обедали. И коронация уже скоро! А тебе на концерт настроиться нужно и лучше всех выступить! Я хочу тобой гордиться! Мы все этого хотим. Так что продолжим знакомство и пообщаемся завтра. Кто в курсе, где нас поселили? — перевела требовательный взгляд с дедушки на папу.

Никто с ней спорить не стал. Дедушка тактично переместился к двери, папа помог встать, ведь мама, охая и обхватив руками объемный животик, с невероятным трудом поднялась на ноги. И мне показалось, что она специально это сделала! Привлекала к себе внимание, не позволяя отцу сконцентрироваться на мужчине, который остался со мной.

Дверь за гостями закрылась, а Дмитрий по-прежнему стоял, задумчиво покусывая нижнюю губу, настолько сильны были впечатления от встречи.

— Прости, что не сказала, — повинулась я.

— Что?

От звука моего голоса мужчина вздрогнул и посмотрел так, словно не понимает, о чем я говорю. Пришлось объяснять:

— Не сказала про Гелию и Ала. Про их чувства.

— А... Я удивлен, конечно, но в принципе... можно было ожидать. Она ждала встреч... Неохотно вышла замуж... И поздно. Да.

Говорил он о сестре, но думал определенно о чем-то ином. И в том, что предметом размышлений был облик моего отца и брата, я ни на мгновение не усомнилась.

— Все не так, как ты ожидал? Тебе неприятно видеть таких...

Как ни старалась, а голос все равно дрогнул. Обидно стало, больно, даже слезы невольно навернулись на глаза.

— Нет-нет, не в этом дело, — спохватился Дмитрий. Я моментально оказалась в его объятиях, таких тесных и заботливых. Он гладил мои волосы, целовал макушку, обжигал дыханием кожу на висках и объяснял. Вернее, пытался объяснить, продолжая путаться и сбиваться: — Внешность нормальная. Необычная, не более... Важна не она сама, а то, как... то есть откуда... Я не понимаю.

Его волнение росло, а мне так и оставались неясными причины.

— Прости, Рианна, мне нужно выяснить кое-что. Убедиться. И подумать немного. Я зайду за тобой перед коронацией.

Подарив мне еще один поцелуй в лоб, Дмитрий исчез, оставив в

недоумении и растерянности. Теперь я смотрела в никуда, не понимая, как мне быть и что дальше делать. Я ведь хотела измениться и ему свой облик показать, но не успела, он сбежал... Какое странное поведение. Что-то Дмитрия взбудоражило. Но что? Разговор с отцом? Надеюсь, все вскоре прояснится.

Так. Ладно. Дмитрий занят, родители тоже. А я? Мне чем все это время заниматься? Разве что пообедать пораньше, раз уж есть возможность. Ну и погулять по парку заодно.

Значит, во-первых. Переодеться. Не идти же в бальном платье? Это я только на репетицию вынужденно его надела, потому как Надежда приказала явиться при полном параде, а для обеденного зала вполне сойдет нейтральное серебристое платье, лаконичное и менее объемное.

Дальше, во-вторых. Мне меньше всего сейчас хочется расспросов Гарэтты или кого-либо еще. Маска в этом смысле не поможет... Может, пойти в атрионском облике? Таких «имитаций» сейчас по дворцу гуляет немало. На меня точно внимания не обратят и уж тем более не узнают.

Хорошая мысль. Так и поступлю.

Сосредоточилась, закрывая глаза. Глубоко вдохнула, втягивая в себя будоражащие сознание запахи, все еще витающие в воздухе. Ваниль, клубника и мята... Отец всегда проявлял нежные чувства к маме, а теперь еще и волнение за ребенка прибавилось. Горьковатый, пряный, похожий на дымный аромат, поверх которого легла цитрусовая волна... Это брат фонил, когда боялся разочароваться, а потом обрел надежду.

Открыла глаза, подняла к лицу руки, рассматривая чешуйчатый узор сине-зеленой кожи. Развернулась к зеркалу, буквально впиваясь глазами в себя иную. Ставшие серебристыми радужки, плотными спиралями скрутившиеся волосы, удлинившиеся ресницы, бледные точки готовых раскрыться флуоресцентных пор. Такой забытый облик... Привычный и необычный одновременно. Все же я непростительно долго им пренебрегала!

Волнение, с которым я шагнула за порог комнаты, было запредельным. Наверняка, не имея обитатели дворца защиты, они были бы наповал сражены той эмоциональной волной, которую у меня при всем желании не получалось сдерживать. Однако люди проходили мимо совершенно спокойно. И те, кто предпочел образ сборщиц шеклака, и те, кто изображал атрионов... Я даже успокоилась немного. В столовой

присела за одноместный столик, заказала кашку и коктейль, запоздало, но все же вспомнив, что жевать-то мне нечем. Мысленно посмеялась над своей памятью, которая очень избирательно подошла к процессу ностальгии по исходному телу. Закончив трапезу, спустилась по лестнице в главный холл и по боковому коридору вышла в парк.

Неторопливо прогуливаясь среди растительности, которая обрамляла посыпанные мелким гравием дорожки, я наслаждалась яркими полуденными лучами местной звезды — Солнца. Кожа, закрытая тканью платья, трепетала в нетерпении, пульсировала, недвусмысленно намекая: пора бы уже принять световую ванну! Я столько дней лишала себя этой возможности! Пусть земной облик и не требовал энергетической зарядки, но атрионский просто не мыслил существования без нее.

Понимая, что место для процедур крайне неудачное, я терпела, терпела, терпела... Однако игнорировать потребности тела становилось все труднее, а потом и мысль тревожная мелькнула, что, не пополнив энергетический ресурс, я могу и с трансформацией проблемы получить. А мне еще выступать...

Осмотрелась и рванула в направлении самых высоких кустов и самой низкой плотности местного населения. Отыскала укромное местечко, хорошо освещенное и закрытое от чужих глаз. Стянула с плеч ткань, досадуя, что она не имеет той эластичности, которая мне нужна. Пришлось расстегнуть платье почти до талии, а от этого одежда категорически отказалась держаться в пределах земных норм, оголяя те части тела, которые люди предпочитали друг от друга тщательно скрывать. Люди, но не атрионы. Потому и я решительно отбросила несвойственные моему облику предрассудки. Раскинула руки, разворачиваясь навстречу таким ласковым лучам, и зажмурилась от удовольствия. Да-а-а... Ощущение непередаваемое. И даже то, что я предпочла бы излучение более сильное, жесткое, не портило наслаждения.

Повернувшись к солнышку спиной, меняя положение. Глаза приоткрыла, осматривая свое убежище, — а вдруг как в эти минуты сюда кто пожаловал? Никого не обнаружив, успокоилась. Прислушалась к тихому шелесту листиков, далекому скрипу камешков под подошвами гуляющих людей, и едва слышно начала напевать. Потребность делать это была так же сильна, как и загорать.

Вот честно, я делала это тихо! Очень тихо! Поэтому никак не ожидала, что привлеку чье-то внимание. И уж тем более не думала, что этим «кем-то» окажется... атрион. Настоящий! Не примитивная имитация, хотя одежда на нем и была обычная, человеческая — простые черные брюки и белая рубашка. Такие многие здесь носили.

Высокий, с волосами кофейного цвета, взрослый мужчина — может, чуть моложе Ал-Рифа, но вроде старше Ми-Лара. Мне он был совсем незнаком. Не из моей семьи, точно. Значит... с «Аграна»? Я ведь не со всей семьей Ол-Чеса общалась, а этот атрион, вероятно, один из тех, кто согласился сотрудничать и потому получил приглашение посетить праздник.

— Простите, я помешал, — замешкавшись, все же извинился он.

Однако голос звучал странно, волнующе, словно играл струнами, туго натянутыми в моей груди. Рождал безумные вибрации, заставляя прикладывать немало усилий, чтобы дышать. Глаза, такие же серебристые, как и у меня, лучились нескрываемым изумлением, практически осязаемо скользя взглядом по моему лицу и груди, а воздух между нами моментально заполнился влечением, окутал симпатией, заискрился потребностью приблизиться, коснуться.

И даже то, что мужчина отступил на шаг, пытаясь снизить интенсивность эмоционального фона, не помогло. Тело, отзываясь на его присутствие, трепетало, рвалось навстречу. Я задыхалась, судорожно натягивая ткань платья на плечи и вздрагивая от окатывающих меня волн притяжения к тому, кого видела первый раз в жизни.

Вот оно. То, о чем предупреждал брат, скрывая свои чувства к Гелии. То, о чем с нежностью говорил папа, лаская взглядом маму. То, чего мне не хватало во время свиданий с Ми-Ларом. Но ведь это... это ужасно! Я Дмитрия люблю! А как можно любить двоих? Вернее, любить одного и страстно желать при этом совсем другого?! Никак! Рия, Рия, надо действовать! Разорвать зрительный контакт, заставить себя перестать чувствовать, забыть и... бежать!

Именно это и сделала, проскользнув мимо незнакомца. По дорожке, ведущей к замку, пронеслась метеором, игнорируя удивленные взгляды людей. Буквально взлетела по лестнице, вот только вместо того, чтобы спрятаться в своих покоях, остановилась у двери напротив.

— Дмитрий, открой, пожалуйста! — едва ли не выкрикнула, поняв, что ни на мой стук, ни на сигнал оповещения никто не отзывается. Его там нет?

Отступила, чувствуя, как тает моя решимость. Я ведь землянину атрионкой показаться хотела. Принял бы, не принял... Мое сердце, по крайней мере, перестанет рваться на части, потому что разуму придется смириться с его выбором. А теперь вновь захлестнули сомнения — правильным ли будет такой поступок?

Услышав далекие шаги, метнулась к себе. Постояла, прижавшись затылком к плотному материалу, успокаиваясь и заставляя себя мыслить разумно. Получалось плохо. Эмоции затапливали, окутывали, не позволяя этого сделать. А когда я трансформировалась, решив, что в земном облике будет проще, то едва не задохнулась от обрушившегося на мой нос коктейля запахов.

Решительно распахнула створки окна, позволяя чистому воздуху уничтожить следы паники. Скинула и засунула в отсек для стирки платье, потому как ткань насквозь пропиталась всем тем, что я испытывала. Принюхалась к коже, скривилась и полезла в ванну. Отмываться.

Прохладные струи вернули мне самообладание. Воспоминания о встрече стали иными, не столь яркими, потеряли остроту и катастрофичность. Вернулась критичность мышления, а с ней и чувства к землянину, погребенные под лавиной влечения к атриону. Нежность, которую мне дарил Дмитрий. Забота. Понимание. Доверие. Страсть, которую так тщательно сдерживал, понимая, что проявлять ее рано. Могу ли я от этого отказаться?

Замерла с полотенцем в руках, прислушиваясь к себе. Ответ пришел ясный и четкий — нет, не могу. Потому и обрадовалась, когда услышала осторожный стук и приглушенное: «Рианна, можно к тебе?» Сердечко затрепетало, дыхание участилось. Была бы я сейчас атрионкой — в комнате наверняка снова стало бы невозможно находиться. Но я осталась человеком, а потому легко скользнула к двери.

Дмитрий, сделав пару шагов внутрь комнаты, развернулся ко мне и замер. Зрачки расширились в потрясении, рот приоткрылся. Я не сразу сообразила, что явилось причиной, а ведь ему открыла, даже не задумавшись, что из одежды на мне только полотенце, в которое я завернулась. Мгновенной вспышкой окатило смущение, но тут же

схлынуло. Что-то непонятное толкнуло навстречу землянину, заставило забыть о приличиях. Прильнула, потянулась к губам, запустила пальцы в волосы... Влажные.

Он тоже в душе был? Наверное, поэтому дверь не открыл.

Мужские руки неуверенно скользнули по голым плечам, обнимая. Голубые глаза смотрели испытующе, словно что-то искали в моих. Дыхание сплеталось, становясь одним на двоих, но так и не превращаясь в поцелуй...

Пытка была невыносимой. Я застонала от рвущихся наружу желаний и зажмурилась, потому что сдерживать себя не оставалось сил. И когда губы Дмитрия томительно медленно коснулись моих... Кажется, я вообще перестала себя контролировать.

Прикосновения, ласки, поцелуи — все это смешивалось, бурлило, влекло. Шепот, дыхание, стоны — они застилали реальность, заставляя о ней забыть. Нежность, настойчивость, напор — границы стирались, рождая единение. Роза, ваниль, малина — запахи окутывали, топили в себе, будоражили. Терпко, тягуче, до невозможности сладко...

— И когда ты мне сказать собирался?

Перебирая в пальцах плотные темные спиральки волос, я наслаждалась близостью, которую ощущала как на физическом, так и на эмоциональном уровне.

— А ты? — Дмитрий приподнялся на локте, упираясь в матрас. Серебристые глаза с вертикальными зрачками смотрели требовательно. — Я же с ума сходил, думал, только я один такой... неправильный.

— Я сегодня хотела, после того как ушли родители. Но ты сбежал. Кстати, почему?

— Потому что хотел тебе сразу в этом облике показаться, без трансформации. Боялся напугать. А когда пришел, тебя в комнате уже не было. Программа навигации в моем вильюте показывала, что ты в парке, вот я и пошел искать. Только точность наведения на Терре аховая, примерно десяток метров. Прибор показывал, что ты где-то рядом, но я тебя не видел. А потом пение услышал, ну и пошел на звук. И знаешь, ведь так и не понял, что это ты. Не узнал. Лишь потом по движению на карте догадался. А увидев тебя в одном полотенце, такую милую, желанную, не смог сдержаться. Ты не сердишься? У землян допустимы добрачные отношения, но приняты ли они у атрионов?

— Ну-у... — протянула я таинственно, проводя пальцем по нежным чешуйкам на его шее. — Вообще-то нет. Но моего папу это не остановило, судя по тому, что замуж моя мама уже беременная выходила... Стоп! — спохватилась, сообразив, что не это на самом деле главное. — Если ты — хамелеон, а родители — люди, то откуда в тебе гены атрионов?

— Понятия не имею, — совершенно серьезно признался Дмитрий. — Когда начались первые трансформации, мне почти восемнадцать было. Сначала я жутко испугался. Потом решил, что это болезнь. Потом понял, что все же мутация, правда, легче от этого не стало, тем более мне даже не с чем было сравнивать. Я ведь никогда не видел атрионов, лишь по рассказам Гелии догадался, в кого превращаюсь. Приходилось прятаться, пока я не научился это контролировать и возвращать себе нормальный вид. А потом спонтанные изменения вообще пропали, но возможность меняться осталась.

— Как же тебе было сложно, — посочувствовала я. — У меня так же изменения шли, но я хотя бы понимала, что мне земное обличье от мамы досталось. Дим, тебе обязательно нужно нормально с моим отцом пообщаться. В этом облике. Он будет рад, я уверена, и многому тебя научит, подскажет. Ну или хотя бы с моим братом подружиться. Ал точно не откажется помочь тебе освоиться. Ведь сам такой же.

— И Ал? — Хамелеон окатил меня волной изумления, которую почти сразу сменил иной фон — уверенный, решительный. — Впрочем, это логично. Следовало ожидать. Мне бы информации побольше, чтобы со своей родословной разобраться.

Мм... Я едва не застонала от удовольствия. А ведь он действительно гайд! Как же приятно это осознавать. Я не ошиблась, хоть и давала оценку, видя его в облике человека.

— Добудем информацию обязательно, — пообещала, точно зная, что если не отец, то моя мама непременно до истоков докопается.

Ей ведь только толчок нужен, самая маленькая зацепка. И она ее получит, когда Дмитрия в облике атриона увидит. Хотя он ей как человек наверняка больше будет нравиться. А по мне, так оба облика симпатичны. И притягательны. Любопытно, это желание и в земной ипостаси сохранится?

Немного подумала и провокационно облизнула губы, увлажняя их

льером.

— Дим, как думаешь, если мы экспериментировать продолжим, на коронацию не опоздаем?

*На следующий день в апартаментах Лисовских,
жилой комплекс «Западный вектор»*

— Тая! Таечка, наконец-то! Как же я скучала! Ох, да тебе рожать скоро... Лаш, проходи, не стой. Натан Лайрович, и вы тоже не стесняйтесь, мы дома одни, Эдика теперь с работы не вытащишь, он после вашей взбучки решил в дела вникнуть, за ум взяться... Олег, ну где же ты?!

Аида причитала, радовалась, хлопотала, усаживая гостей, торопила мужа, который не спешил на встречу и вышел, лишь когда все разместились на диванах в голубой гостиной. Сухо поприветствовал атриона, коротко кивнул Натану Лайровичу и пробормотал: «Здравствуй, Таис». Он и дальше, пока шел разговор, предпочитал молчать, словно намекая гостям, что не стоит здесь надолго задерживаться. Впрочем, его жена с лихвой компенсировала дефицит внимания. Расспрашивала, как все устроились, восхищалась тем, как изумительно пела на концерте Рианна, пока наконец не спохватилась:

— А дети наши где? Гелия мне только сообщение оставила, что все в порядке. Дима же как ее забрал, так больше и не объявлялся...

— Отсыпаятся после вчерашнего бала. Он часа три как завершился, — пояснила Таис и восторженно воскликнула: — Кстати! Давайте-ка, дорогие мои, признавайтесь, откуда взялся Дмитрий? Аида, вот только не надо меня убеждать, что это твой сын. Родился он, конечно, примерно через год после вашего с Олегом знакомства, но твоих генов в нем ноль, я проверила. А вот твои, Олег, имеются. И гены атрионов тоже. У меня, конечно, нет возможности убедиться прямо сейчас, но почему-то мне кажется, что это гены гаранта. Да вы еще и ребенка от нас скрывали, ведь ни разу, пока мы имели возможность прилетать, ничем не выдали, что у вас есть еще один сын. Ну? И чья была... гм... инициатива?

Прямота Таис вогнала Аиду в краску, Олег побледнел, даже Натан Лайрович смутился, начав покашливать. Наверняка поэтому взор дочери требовательно впился именно в него:

— Папа?

— Случайно получилось, — буркнул тот, покосившись на напряженного атриона.

— Занятно. — Таис подняла брови, теперь испытующе рассматривая бывшего мужа. — Олег, ты случайно с Олой-Ри переспал? А потом сына признал и в семью забрал?

— Я с ней не спал, — испугался землянин, почувствовав, как в воздухе скапливается невероятно знакомый, пугающий аромат, который однажды едва его не убил. — Натан Лайрович, да скажите вы уже!

— Это было искусственное оплодотворение, — вздохнул тот. — И развивался Дмитрий в эмбриокапсуле, мы такие используем, если женщина не может самостоятельно выносить ребенка.

— А как же наш договор? Эксперименты не были его условием, — прошипел Ис-Лаш. Он сдерживался изо всех сил, и лишь потому, что жена крепко держала его за руку, напоминая, что она на его стороне.

— Вашего Ол-Чеса и поставок на Терру шеклака условия тоже не предусматривали, — вызывающе бросил Натан Лайрович. — А договор... — Он задумался, вспоминая, и процитировал: — «Не допускать возникновения ситуаций, вследствие которых гаранту может быть причинен физический или психический вред». Верно? Так вот, мы как раз заботились о физическом состоянии Олы-Ри. Девушке плохо стало, она мучилась, а у нас никаких данных. Не понимаем даже, чем помочь. Пришлось провести обследование. А оно как-то незапланированно перешло в эксперимент.

— Почему гарант об этом не знала? Когда Ола-Ри вернулась, ни о чем подобном не упоминала.

— Информация об эксперименте навредила бы ее психике. Пришлось умолчать, чтобы не нанести психологической травмы.

— Вы нас обманули, — снова не удержался от обвинения Ис-Лаш.

— И вы тоже, — одними уголками губ улыбнулся его оппонент. — Что было в присланном нам запросе? «Оказать содействие полномочному представителю министерства обороны звездной системы Аш-Хори гайду Ис-Лашу ВерДеру...» — вновь процитировал и осуждающе покачал головой. — Разве таковой имеется? Вы присвоили себе фиктивный статус, когда обратились в Конфедерацию за помощью. А кто нам этот запрос прислал? «Генеральный консул Атриона Ди-Лер Оли-Ром». Разве он существует?.. Гайд ВерДер, — тон землянина стал

примирительным, — давайте на этом остановимся. Обе стороны допустили многое, достойное порицания. И если продолжим предъявлять взаимные претензии, ни к чему хорошему не придем в итоге. Да, мы поступили неэтично в отношении гаранта, но при этом сделали все, чтобы нивелировать последствия. У Дмитрия была семья, возможность учиться, стать полноправным членом общества, мы ни в чем его не ущемляли, ведь он родился человеком... Кстати, я этому очень удивлялся, ведь Ал-Риф — атрион. Сначала думал, что, возможно, облик ребенка зависит от того, кто отец, но теперь, глядя на Рианну, вижу, что ошибся. Похоже, здесь нет прямой закономерности...

Слушая уверенные рассуждения отца, Таис опустила голову, чтобы скрыть улыбку. При всем желании не могла ее сдержать, потому что знала, какое огромное потрясение ждет Натана Лайровича, когда он воочию убедится, насколько сильно ошибся.

— Любимая, ты скоро?

Голос из-за неплотно прикрытой двери звучал волнующе. Хотелось немедленно выскочить навстречу его обладателю, оказаться в жарких объятиях, увидеть восхищение в глазах. Однако я сдержалась. Вместо этого неторопливо прошла руками по бокам, оглаживая мягкую, струящуюся белую ткань, и расправила воздушные коротенькие рукавчики. Коснулась украшения, плотно прилегающего к шее. Иного, нежели то, что подарил мне Дмитрий на Земле. Сейчас кожи касались крошечные перламутровые шарики, собранные в несколько нитей. Такие же были прикреплены к лифу платья, создавая изумительную гармонию нежности и чистоты. Наверное, будь мои волосы светлыми, образ казался бы еще совершеннее, но даже черные кудряшки смотрелись своеобразно, оттеняя наряд. К тому же и в них вспыхивали перламутровые искры на заколках, удерживающих прядки.

Я улыбнулась своему отражению, запоминая себя такой — предвкушающей, счастливой невестой-землянкой. Как же здорово, что свадьба у меня будет не одна! И я хочу, чтобы обе прошли незабываемо!

Более не мешкая, распахнула дверь и влетела в гостиную, которую нетерпеливо мерил шагами Дмитрий. Жених мгновенно развернулся ко мне и замер.

— Красавица... — зачарованно выдохнул.

Протянул руку как-то несмело, словно не верил, что я настоящая. Словно не он всю ночь проверял силу наших чувств... То есть влечения тел... То есть и того и другого одновременно!

— Ты тоже прекрасен, — не осталась я в долгу.

И ведь несколько не лукавила — выглядел Дмитрий шикарно. Матовый, идеально подогнанный по фигуре темно-синий костюм, голубая рубашка в тон глазам, жилет. Аккуратно подстриженные светлые волосы, привычно переброшенные на одну сторону...

Я долго не раздумывала, переплела наши пальцы и нетерпеливо позвала:

— Идем?

Сиротливо опустевший со вчерашнего дня коридор гостевого крыла королевского дворца мы миновали быстро. Не встречая преград, спустились по лестнице, на которой совсем недавно было сложно не столкнуться с веселящимися гостями и не услышать: «Какие классные костюмы шеклян! Выглядят как натуральная кожа. Наверное, в дорогой мастерской заказывали?» Да, мы с Димой не удержались от шалости и пару раз облик меняли. Но все равно никто не догадался, что на празднике присутствовали самые настоящие атрионы: мой отец, Ул-Тэм, Ан-Тер — тот самый фидер, что летел с нами в боте на Терру, их пригласили в знак благодарности за помощь, ну и Ал-Риф, который так и не рискнул трансформироваться. На празднике брат остался в своем исходном облике, зато теперь рядом с ожидающей нашего появления Гелией стоял высокий брюнет. Песочного цвета костюм, белая рубашка, пронзительные зеленые глаза и черты лица узнаваемо мамины, длинные волосы, сплетенные в сложную косу, — это определенно землянка постаралась. Впрочем, она и сама была достойна восхищения. Маленькая, на две головы ниже Ала, в свободном длинном платье, таком же белом, как и мое, русые волосы убраны в косу, короной скрученную на голове и украшенную белыми цветочками, совсем мелкими, не в пример тем, что девушка держала в руках. Букет, в котором было всего три раскрывшихся бутона, полностью закрывал ее кисти.

— Прямо заждались вас. Опоздаем же, — упрекнул нас брат.

— Не надо, милый, мы все успеем, — мягко попросила Гелия.

Она посмотрела на своего возлюбленного и отчаянно покраснела. Наверняка ей было приятно видеть его человеком, и одновременно она

стеснялась этого нового Ала, которого никогда раньше не знала. По-моему, ей был ближе его атрионский облик.

Однако появиться атрионом в филиале земного Бюро регистрации социальных отношений на Терре брат не мог, а отказаться от возможности получить, пусть на правах иждивенца, но статус землянина и мужа Гелии — не захотел. Идею эту, кстати, Дмитрий предложил, когда на следующий день после бала, в отсутствие исчезнувших по своим делам родителей, мы все же вынудили Ала признаться в способностях к трансформации. Да, для этого нам пришлось показать ему наши возможности и изрядно шокировать Гелию, но результат того стоил. Дима даже хотел взять на себя опеку, но я его переубедила и сама отправила запрос в правовой комитет. В общем, братик уже два часа как мой опекаемый!

— А мой букет?.. — спохватилась было и осеклась.

Словно из ниоткуда передо мной появился этот милый свадебный атрибут, из-под которого выглядывали хитрые карие глаза...

— Оксана! — засмеялась я, обнимая девчушку и принимая из ее рук цветы. — Маскируешься? Или тебе разрешили пойти с нами?

— Нет, — честно призналась кузина. — Но я все равно с вами полечу, а потом быстренько вернусь. Сейчас до меня никому нет никакого дела. Бабушка в своих покоях заперлась и сказала, что, пока дедушка Натан не соизволит к ней явиться, она оттуда и шагу не сделает. Папа с мамой возится — она после церемонии никак в себя прийти не может. Тетя Марго вообще исчезла, ее нигде найти не могут. Бабушку спросили, та лишь фыркнула, чтобы к ней не приставали с глупыми вопросами. Мол, она даже знать о ней ничего не хочет. А Иванну я снотворным напоила, достала она меня своим надзором...

Над незадачливой официанткой, то ли мстительницей, то ли добродетельницей, которой снова выпало «счастье» стать няней, я посмеялась, а вот остальное заставило задуматься. Мне Маргариту-младшую после той памятной встречи в коридоре более не довелось увидеть. Наверняка не только мне, раз ее найти не могут. Сбежала она или где-то во дворце спряталась, не важно. Важен факт нежелания с кем-либо контактировать. И я прекрасно понимаю, почему она так поступила: у меня, как и у всех, кто ждал на коронации ее появления, был шок, когда из-за занавеси к старой королеве, объявившей о смене правительницы, шагнула наряженная в подобающее торжеству

роскошное платье Анна, а вовсе не Маргарита.

И уж если мы ощутили какую-то неправильность, словно нас обманули (хотя на самом деле это прерогатива королевы — изменить решение, никого не ставя в известность), то каково было отвергнутой дочери? Ведь она всю жизнь училась управлять и разбираться в политических и экономических перипетиях, готовилась к коронации, надеялась и вдруг узнала, что преемницей станет другая. Пусть сестра. Пусть даже старшая. Все равно это горько и обидно. Несмотря на не самые лестные отзывы о характере младшей Марго, мне ее было жаль. Таких разочарований и врагу не пожелаешь.

Рассматривая террианские домики, улицы, парки, проплывающие под скользящим на малой высоте летаром, который ждал нас на дворцовой площади, я невольно искала глазами маленькую фигурку. Иногда мне даже чудилось, что я ее вижу — расстроенную, понуро бредущую по дороге, а в итоге понимала, что это кто-то другой. Вроде я осознавала, что занятие бессмысленное, а ничего не могла с собой поделать.

— Почему грустишь, любимая? — забеспокоился Дмитрий. Мягким движением притянул меня к себе и коснулся губами виска. — Ты ведь ждала этого момента, радовалась. Что не так?

— Не знаю. Просто... У меня ощущение незавершенности. Будто не хватает чего-то.

— Это потому, что все в нашей жизни только начинается, — успокоил жених. — Мы начинаем ее не с чистого листа, но понимаем, что и прежней она не будет тоже. Слишком многое изменилось.

Хоть и старался он говорить оптимистично, а я горькую нотку все равно уловила. Моя мама, ухитрившаяся весьма продуктивно провести вчерашний день за пределами дворца, вернулась с той самой информацией, которую мы хотели получить. И несмотря на то, что донесла она ее до нас в крайне щадящей форме (даже мне это было понятно), Дима все равно был поражен. Сначала уточнял, потом молчал, переживал, злился, несколько раз изменился, перестав контролировать трансформацию... И вдруг как-то резко успокоился, словно придя к согласию с самим собой. С рождением в ходе эксперимента смирился, формальное отцовство Олега принял как факт, о двуличности опекуна, скрывавшего от него правду, решил забыть, а вот о своей жизни на Земле, наоборот, помнить. Главным для него стало осознание — не

сложись все так, как сложилось, мы с ним никогда бы не встретились. Просто потому, что его самого на этом свете бы не было.

Обняла, поцеловала, даря поддержку и получая в ответ ничуть не меньше. Оксана, устроившаяся на переднем сиденье рядом с девушкой-водителем, именно в этот момент оглянулась, сдавленно хихикнула и подпрыгнула, поправляя юбку платья, нарядного, но для нее непривычного.

— Костюм неудобный, — пожаловался Ал, сидящий с Гелией за нашими спинами.

— Зато ты в нем — настоящий землянин! — парировала я. — И дедушка тебя не узнает.

— Меня вообще никто не узнает.

Брат был прав. Ну, почти, ведь мама знала о трансформациях, поэтому сразу сына признала и радостно улыбнулась. А вот лица остальных, ожидающих нашего появления, вытянулись в изумлении. Тетя Аида умолкла, хотя до этого что-то весьма активно говорила своему младшему сыну, сейчас замершему в недоумении. Олег Романович округлил глаза и нахмурился, надувая щеки. Наверняка решил, что его обманули, когда сказали, что Ал-Риф и Гелия хотят пожениться. Дедушка прищурился, рассматривая незнакомца, сходство которого с мамой было для него несомненным, но необъяснимым.

Вот только мы им опомниться не дали. И без того прилетели позже назначенного времени. Не задерживаясь, вошли в приземистое двухэтажное здание, на первом этаже которого разместилось Бюро социальных отношений. Светлый холл, нарядно украшенный зелеными растениями и цветами, приятная музыка, кресла для посетителей, зона для будущих молодоженов — диванчики и голоэкранный экран с программой регистрации. Все очень просто, без излишней помпезности, которую, конечно, тоже можно было заказать, но мы решили ограничиться минимальной церемонией.

Я и Дима первыми шагнули в зону сканирования, все же у нас обоих были вильюты, что упрощало процесс. Ал и Гелия опустились на диван, чтобы нам не мешать, родственники тоже рассаживались.

— Рианна Игоревна Саталь-ВерДер, гражданка Конфедерации. Дмитрий Олегович Лисовский, гражданин Конфедерации. Ограничений в правах не зарегистрировано, — озвучила программа. — Подтвердите ознакомление с условиями брачных отношений и ваше согласие на

брак.

Перед нашими лицами появились строчки символов, но мы на них не смотрели. Лишь в глаза друг другу, потому что прекрасно знали, что никакие условия не заставят нас отказаться.

— Иди ко мне, любимая, — позвал жених, протягивая руки.

Я счастливо улыбнулась и шагнула к нему, разрушая виртуальную картинку, осыпавшуюся искрящим роем.

— Люблю тебя, — прошептала одними губами, и они тут же очутились в нежном плену, из которого совсем не хотелось выбираться.

— Брачный союз зарегистрирован. Дополнительных ограничений не наложено. Поздравляем и желаем счастливого совместного будущего.

Слова бесстрастной системы вернули нас в реальность, музыка стала громче, словно намекая, что мы непростительно долго занимаем место, которое уже ждет другую пару. Через минуту уже Ал и Гелия стояли в центре сканирующей зоны, вот только бесстрастная программа начинать церемонию не спешила. Оно и понятно: невеста — иждивенка, жених вообще не имеет идентификатора.

Потому я и не ушла, осталась стоять с ними рядом и теперь ждала, пока отец Гелии к нам присоединится. А вместо этого услышала возмущенное:

— Это обман, Таис! Я не позволю!

— Кто бы говорил об обмане, Олег, — хмыкнула в ответ мама. — А согласие ты все равно дашь, иначе о последствиях будешь жалеть очень долго. Обещаю.

Это была угроза. Лисовский-старший, по всей видимости, так и не понял, на кого его дочь смотрит с таким обожанием, а мама решила пусть кратковременным, но ощущением того, что его используют, наказать за содеянное. Карие глаза мужчины гневно сверкнули, однако, едва взглянув на отрицательно покачавшего головой седовласого свидетеля, потухли. Землянин тяжело поднялся и нехотя, но все же подошел к нам.

— Гелия Олеговна Лисовская, иждивенка. Александр Игоревич Саталь-ВерДер, иждивенец, — тут же среагировала программа. — Имеются ограничения в правах выбора. Опекун Олег Романович Лисовский, опекун Рианна Игоревна Лисовская-ВерДер, подтвердите ваше разрешение на брак.

Гелия и Ал целовались, взгляд землянина потрясенно метался от них к моей маме, ко мне, к Дмитрию. Лисовский-старший словно боялся остановиться на ком-то одном и, едва прозвучало подтверждение регистрации, торопливо отступил. Фактически сбежал и грузно упал на сиденье рядом с женой, которая принялась его успокаивать. Мы же, счастливые новобрачные, под торжественные звуки музыки пошли на выход. Дело сделано лишь наполовину, нам еще атрионская церемония предстоит!

Однако до нее еще дожить нужно, вернее, сначала добраться до ботов, которые ждут нас в безопасном месте, как и папа, переживающий и за детей, и за беременную жену. Он бы мог сейчас быть с нами, но, увы, карнавал завершился. Теперь появление в городе атриона вызвало бы панику.

— Детки... — догнав уже на улице, остановила нас тетя Аида. Рядом с ней замер и Эдуард, смущенно теребя в руках две маленькие цветные коробочки. — Мы не полетим вас провожать, вы уж извините. Но я хочу сказать, что буду любить вас всех, независимо от того, где вы находитесь. И ждать. Гелия, доченька, надеюсь, ты нашла свое настоящее счастье, хоть я и думала... Ладно, не важно. Димочка... — Она часто заморгала, прогоняя навернувшиеся на глаза слезы. — Я всегда к тебе относилась как к родному. А то, что правду не сказала, так ведь не от меня это зависело. Не могла я, ты же понимаешь. И на отца зла не держи. Он хороший человек, но поддался уговорам, поступил необдуманно. Потому и ведет себя с тобой отстраненно и холодно, что вину чувствует, а как ее загладить, не знает. Да и невозможно это. Не обижайся.

— Это тебе, сестричка. И тебе, братик. И вашим... парам. Будьте счастливы. Надеюсь, еще увидимся. — Эдуард пусть смущенно, но все-таки внес свою лепту, вручив нам подарки.

Мы с Алом ждали, пока они обнимались, прощаясь. Гелия шептала что-то матери на ухо, а глаза тети Аиды округлялись. Она охнула, но девушка приложила палец к губам, строго покачав головой. И мать отступила, ничего не сказав, хотя на ее лице теперь сияла улыбка, а глаза смотрели на Ала и Диму со счастливым изумлением.

Понятно. Призналась. Значит, и отец Гелии, и Эдуард недолго пробудут в заблуждении относительно постоянства земного облика. Но, наверное, это и правильно.

— Так все же, Таис, у тебя есть еще один сын и ты его скрывала? Или это грим? — забираясь в летар, услышала я вопрос бабушки, на который мама ответила беспечно: «Скоро узнаешь», — и едва не рассмеялась.

Удивительно, но ему даже в голову не пришла идея трансформации! С другой стороны, сложно такое предположить, ведь и у людей, и у атрионов облик постоянный, а Дима тщательно скрывал свой «дефект». Да и я тоже была осторожна, своих возможностей не раскрыла. Превращение на глазах Вет-Ла не в счет. Тем более она меня не выдала. Для нее наше соглашение определенно не было пустым звуком, как и для меня, — наша встреча на празднике это доказала.

Еще когда на сцене пела, мне померещилось среди зрителей ее лицо. Но всматриваться возможности не было: я старалась не отвлекаться, лишь отметила для себя сам факт. А потом уже на балу столкнулась, когда после очередного танца мы с Димой решили перекусить и отправились в банкетный зал. Внешность пришлось оставить человеческую — все же закуски жевать нужно, а террианскую маску-защиту — снять, потому как подсовывать под ткань еду было утомительно.

— Простите, что мешаю наслаждаться ужином, — раздался за моей спиной уверенный женский голос. — Не могла уйти с праздника, не выразив вам, Флориана, своего восхищения. У вас прекрасный голос и... внешность.

Дмитрий нахмурился. После происшествия на Земле он в отношении поклонников действовал решительно, любыми способами пресекая попытки со мной сблизиться. Тут, конечно, скорее поклонница, но... Но ведь и женские особи могут быть не менее навязчивыми и неприятными.

Вот только я его успокоила. Ласковым взглядом, улыбкой показала, что хочу продолжить общение, и мужчина отступил. Сделал вид, что увлекся деликатесами, позволяя нам беседовать наедине.

— Благодарю за комплимент, — вернула я любезность Светлане Марьевне, голос которой узнала сразу. Впрочем, она и в остальном не изменилась — такая же бойкая, собранная, хоть и немолодая совсем. — Приятно познакомиться с настоящим знатоком музыки и красоты. Жаль, что мы не встретились раньше.

— Всеу свое время, — философски заметила Вет-Ла,

одобрительно кивнув. Мою деликатность она оценила. — Мы предполагаем, а судьба располагает... Кстати, вы слышали о пожаре на южном континенте? Все считали, что там совсем безлюдная местность, а выяснилось, что кто-то жил. Вот вам и наглядный пример того, что все, что ни делается, — к лучшему.

Ее слова не звучали как упрек, в них не было намека на то, что есть моя вина в случившемся, но я заволновалась:

— Вы уверены, что судьба изменила все к лучшему?

— Несомненно. Ведь все остались... живы. Спасатели не нашли пострадавших, — успокоила меня террианка.

«Живы» прозвучало как «на свободе», а под «спасателями» она наверняка подразумевала тех, кто занимался расследованием. Ну а то, что истинную картину происходящего скрыли от обывателей... Так в этом опять же заслуга дедушки Натана. Ведь все, что связано с шеклаком, находилось под грифом «секретно». Сомневаюсь, что результаты будут обнародованы. Скандал невыгоден ни Конфедерации, ни Терре. Тем более у последней теперь другая правительница.

— Можно вас попросить об услуге, Флориана? — продолжила Вет-Ла. — Совсем маленькой, она вас не затруднит.

— Конечно.

— Когда на вашем пути возникнет та, которая любит так же, как и вы, помогите ей остаться с тем, кто ей дорог.

Я кивнула, а потом задумалась — что может означать подобная просьба? Вот только уточнять уже было не у кого. Светлана Марьевна ушла. Удивительная женщина...

За бортом летара уже давно исчезли городские постройки. Появилась желтая выжженная равнина, граничащая с невысокими поднятиями, лишенными растительности. Они и цельным массивом вздымались вверх, и кусками, разрушенными на фрагменты. Отдельные крупные валуны служили прекрасным фоном для ботов, которые сейчас внешне были от них неотличимы. Вот уж что-что, а маскироваться они умели замечательно. И именно к ним опустились летары. Не вплотную, разумеется, осталось пусть небольшое, но расстояние, которое требовалось преодолеть.

Вскоре безлюдная местность заполнилась звуками, голосами, фигурами и запахами, потому что среди людей появились ожидающие нас атрионы: мой отец, Ул-Тем и майнеры, которым предстояло

пилотировать боты.

— Как необычно... — Дмитрий осторожно коснулся поверхности одного из них, визуально твердой, но очень мягкой на ощупь. Теплой. Вибрирующей. — Он действительно живой. Не думал, что это так ощущается.

— Это у тебя еще облик земной, он не все позволяет воспринять, а вот когда в атрионском окажешься, тогда в полной мере все почувствуешь.

— Сейчас еще рано? — Дима оглянулся на занятых разговором дедушку и моего отца.

— Подождем немного.

То, что у родителей есть план, мне еще во дворце стало понятно, когда мама попросила не торопиться демонстрировать землянам свой второй облик. И теперь я с интересом прислушивалась к фразам, которые до нас долетали.

— Совет Конфедерации обеспокоен тем, что ее граждане улетают на Атрион.

— Рианна — моя дочь, а Дмитрий — ее муж.

— И все же они должны иметь возможность вернуться на Землю.

— Вы уверены, что им этого захочется? Ваша дочь прекрасно жила все эти годы со мной.

— Я уверен, что они захотят. Таис была...

— Агентом. Шпионкой.

— Уволена. — Дедушка категорично отказался от других вариантов. — Она потеряла гражданство. У нее не было стимула возвращаться. У Рианны и Дмитрия он есть. Да и Гелии наверняка захочется хоть иногда видеть родителей. Я прошу вас только об одном: рассмотрите вариант налаживания взаимодействия между нашими мирами. Мы просим лишь об этом.

— Хорошо, — ответил папа совсем коротко, обернулся к нам и позвал: — Дочурка, ты ничего дедушке не хочешь сказать?

Вот и пришел момент откровений. В глазах мамы, которая, не вмешиваясь, наблюдала за происходящим, сверкнуло предвкушение. Оксана, усевшаяся на подножку одного из летаров и беспечно болтающая ногами, напряглась, словно почувствовала, что назревает нечто интересное. Я же шагнула в раскрытые объятия к земному родственнику. Обняла вполне искренне, мне на самом деле было

приятно с ним общаться.

— До свидания, дедушка. Спасибо за то, что приютил. И за Диму спасибо. А еще прости, что я не все секреты тебе раскрыла.

Я улыбнулась, вдохнула терпкий аромат ожидания, которым сейчас фонил мой отец, сосредоточилась и...

— Как?.. — потрясенно выдохнул дедушка, невольно отступив на шаг. — Значит, Александр...

Он не договорил, а брат уже трансформировался, превращаясь в атриона.

Дедушка тихо застонал.

— И я тоже хамелеон, Натан Лайрович, — добил его Дмитрий, последовав нашему примеру. — Надеюсь, вы не в обиде за то, что я это скрыл.

— Я идиот... — вместо ответа пробормотал дедушка, приопустив веки. Даже покачнулся, перестав себя контролировать. Однако продлилось это состояние недолго. Глаза распахнулись, мышцы вернули тонус, голос — уверенность. — Гайд Ис-Лаш ВерДер, надеюсь, вы понимаете, что теперь нам точно есть что обсудить.

— Более чем, — тактично подтвердил его оппонент. — Но лишь после того, как Дмитрий освоится в своем новом облике на второй родной планете. Ведь моей дочери вы предоставили такую возможность.

Я теснее прижалась к своему мужу, в эмоциях которого ощущала необходимость такой поддержки. Да, он фонил уверенностью, предвкушением, радостью, но одновременно с этим излучал и нотки растерянности, опасения, словно он на самом деле боялся потерять связь с Землей. И это притом, что мой отец кардинально изменил стиль общения, едва понял, что мой жених — тоже атрион. Никакой натянутости, официальности, всего того, что так неприятно поразило меня в их первую встречу, больше не было, лишь деликатное, мягкое, лояльное отношение. Папа принял Дмитрия как равного себе, но молодого и необученного гайда, в котором природой заложены отличные данные предназначения, но при этом совершенно отсутствует понимание, как этим пользоваться. И теперь опекал его так же, как делал бы, родись Дима на «Дизаре».

— Ну вы даете... — Оксана, прыгнув с подножки летара, подошла к нам и принялась ходить кругами, изучая. — Не видела бы своими

глазами, ни за что бы не поверила! Вот не зря я, Дмитрий, тебе не доверяла. Как чувствовала, — заявила самым что ни на есть серьезным тоном и без малейшего стеснения. — Ладно, хоть обошлось. Поженились, и то замечательно. А тебе, Рианна, надо было платье рациональнее выбирать. Что ж ты так?

Девчушка скептически осмотрела свадебный наряд, который я прижимала руками. Одежда норовила соскользнуть с плеч, ведь в атрионском облике я снова стала стройнее, а эффектные формы земной фигуры были куда менее выраженными. Диме в этом смысле проще, хотя и он перестегнул пряжку ремня, затянув его туго.

Прошептал: «Спасибо, сестричка. Обязательно увидимся», — я обняла кузину, прощаясь. Нас уже звали к ботам — пора улетать. Собралась было пролезть в услужливо приоткрытую Димой складку-вход, когда услышала взволнованный голос:

— Где Ан-Тер? Вы его не видели?

Ул-Тэм, успевший залезть в соседний бот, вывалился обратно и беспокойно осматривался, отыскивая пропажу.

— Вроде был здесь, — откликнулся кто-то из атрионов. Вот только ясности, где именно «здесь», не внес.

Поиски закончились, даже не начавшись. Из-за насыпи появился красноволосый атрион, и все вздохнули, сначала с облегчением, а затем с изумлением. Ведь рядом с ним шла темноволосая молодая женщина, в которой я сразу узнала сбежавшую из дворца Марго.

Все замерли в ожидании, изучая необычную пару: медленно идущий, стеснительно опустивший глаза Ан-Тер в темно-красном комбинезоне и уверенно шагающая несостоявшаяся королева с прямым взглядом. Вместо платья на ней был серый брючный костюм спортивного кроя, удобный и не стесняющий движений, а убранные в высокий хвост волосы развевались под резкими порывами прохладного ветра.

— Гайд Ис-Лаш. — Она первая заговорила, доказывая свою осведомленность. — Поскольку вы сейчас отвечаете за семью «Аграна», я прошу позволить мне лететь с вами.

Заявление предсказуемое. Трудно было предположить что-то иное, видя, как сильно стискивает женская рука узкую ладонь атриона. Впрочем, Ан-Тер не был против. В его эмоциях перемешивались смущение, надежда, тревога и... нежность. Та самая, которую я

испытывала к Диме. Та, что исходила от моего мужа. Та же, что окутывала Гелию, стоящую в объятиях Ала.

— Боюсь, разрешения вам надо просить не у меня, а у соответствующих инстанций Конфедерации, — мягко ответил папа. — Мы здесь всего лишь гости и не имеем права увозить кого-либо по собственному желанию.

От количества взглядов, которые тут же сконцентрировались на лице дедушки, тот опешил и отступил, в защитном жесте подняв ладони. И все же решение подсказал:

— Опекун нужен.

Опека? Ну да, Марго не гражданка, потому как королева Терры должна быть независимой. Анне ведь разрешили короноваться, только когда она лишилась своего кафе, осталась без дохода, соответственно и без гражданства. Так вот о какой помощи и за кого просила Светлана Марьевна!

— Под мою ответственность, — решительно заявила я, но муж отрицательно покачал головой и пояснил:

— У тебя не хватит средств, любимая. — Вздохнул, почувствовав, насколько сильно я расстроилась, и активировал виллут. Быстро впечатал данные в сформировавшийся бланк и развернул экран к изумленной Маргарите: — Вы согласны?

— Вы же меня не знаете... — выдавила она потрясенно. Посмотрела на Ан-Тера и решилась: — Да.

Дима подтвердил запрос, дедушка пожал плечами, мама переглянулась с папой, а стоящая за нашими спинами Оксана выдохнула: «Офигеть», — и, словно посчитав это недостаточным, воскликнула:

— А за бабушкой кто присматривать будет?! Маме точно не до этого, тетя Марго улетает, я еще маленькая... Дедушка! Представляешь, что может натворить скинувшая бремя власти, одинокая и несчастная женщина без опеки, да еще и в возрасте?

— Представляю, — тоскливо простонал тот, закатив глаза к голубому небу. Впрочем, его мучения были явно наигранными. Он улыбнулся моим родителям, подмигнул нам и направился к летару, прихватив внуку за руку: — Идем спасать твою бабушку от одиночества... Подстрекательница!

В бот мы забирались под звонкий смех моей мамы. У нас

настроение тоже было отличным. Не оставляло ощущение, что мы все сделали правильно, переполняла радость за влюбленных, которым теперь, как и нам, предстояла самая важная церемония в жизни любого атриона. Это только люди могут позволить себе бросать тех, кого когда-то любили, для нас подобное неприемлемо. Я надеялась, что Марго это поймет и примет, раз уж решилась на побег. А еще — что чувство благодарности у нее развито в достаточной степени, чтобы рассказать нам, как же она, будущая королева, домом для которой был дворец в Первом, ухитрилась влюбиться в атриона, прилетавшего на другое полушарие Терры.

Но все признания можно оставить на будущее. Сейчас важнее адаптация. Ведь ни Гелия, ни Дима, ни Маргарита ни разу не попадали внутрь бота. Для них здесь все ново, необычно. Складки гигиенического модуля, влажно сомкнувшиеся за нырнувшим в них Ул-Тэмом. Волосы Ал-Рифа, слившиеся с поверхностью кресла, когда тот сосредоточился на своих обязанностях пилота. Стаканы с муссом, которые раздал нам Ан-Тер.

— Твои родители в другой бот сели. Мы полетим на разных кораблях? — с четким ощущением беспокойства спросил Дмитрий, присматриваясь к опалесцирующей бело-фиолетовой массе.

— Пей, это вкусно. Нет, мы все на «Дизар» летим, и свадьба одна на всех будет, — успокоила я мужа, решив не переспрашивать, что именно волнует его сильнее. — Просто на этом боте уже есть гайд, вернее, целых два. Третий точно станет лишним, потому как фидер всего один.

— Необычно. — Дмитрий, пригубив напиток, то ли похвалил мастерство Ан-Тера, то ли удивился сложной системе взаимодействий, о которой не так уж много успел узнать. — Рия, расскажи мне о моей маме. Твой отец говорит, она в другом доме живет, и я вряд ли смогу с ней встретиться. Что произошло?

— Ола-Ри... Она экзот, как и я. Только не певица, а тренер. Я твою маму почти не помню. Она покинула «Дизар», когда я еще совсем маленькая была...

«— На занятиях самое важное — повторение. В том же самом виде, в котором я показала, вы проделываете упражнение еще раз. Или большее число раз, если есть необходимость. Кто-нибудь знает, как это

называется?

— Я знаю! Я! — Мне удалось опередить остальных. — Это называется „реприза“!

— Нет, малышка, — весело отреагировала тренер. — Это называется „количество подходов“!»

(Из объяснений Олы-Ри на первой тренировке для малышей-атрионов)

— Это воспоминание, пожалуй, единственное, оставшееся в моей памяти. Остальное мне рассказали родители. Когда папа попросил землян предоставить агента для работы, те решили подстраховаться и потребовали, чтобы кто-то из атрионов остался на Земле гарантом безопасности. Заложником, по сути... Первым таким «гарантом» стала папина сестра — Дая-Ли, а когда дядя Ош-Кар потребовал ее возвращения, потому что любил и не мог дольше ждать свадьбы, ее согласилась заменить твоя мама. Она и провела оставшееся время среди землян. Когда истек срок договора с Конфедерацией, вернулась на «Дизар». А потом замуж вышла и сменила семью. Ее избранник был гайдом и оставить дом не мог. Такое нечасто бывает, обычно, наоборот, мужчина уходит в дом своей невесты.

— Сложно... — Муж окатил меня своеобразным переплетением эмоций и пояснил: — Сложно перестроить восприятие, иначе видеть мир, принимать другого себя и рассматривать семейные отношения в новом ракурсе.

— Ты справишься. Все тебе в этом помогут. И я помогу, — провокационно выдохнула ему в губы, пользуясь тем, что кресло, на котором мы сидели, начало менять форму и опускаться, облегчая взаимодействие.

Бот сплющивался, разгоняясь до максимальной скорости.

— Чем именно?

Последнее предложение Дмитрия заинтересовало особо. Его ладони с нажимом скользнули по моим плечам, спустились на талию, притягивая ближе. Я отвечать не стала, просто коснулась замерших в ожидании губ, раздвигая их языком. Мм... Как же это сладко, когда желания совпадают. Когда ты даришь другому все, что чувствуешь. Когда ощущаешь, как меняется его настрой...

— Вы бы потерпели до свадьбы, — облил нас раздражением

занявший свое кресло Ул-Тэм. — Осталось всего ничего: прилететь и переодеться.

Я заволновалась. Его поединок с Ми-Ларом я не забыла. И проигрыш молодого гайда майнеру вовсе не означал, что он не предпримет попыток занять более высокое место в семейной иерархии, получив превосходство над кем-то другим. Тем более если этот «другой» — гайд. А Дима ведь не готов к подобному типу выяснения отношений! У него еще нет опыта. Он не знает, как именно направлять эмоции. Не понимает, что делать, чтобы они концентрировались на нужном объекте. Не готов...

— Ул-Тэм, верно? У нас не было возможности познакомиться ближе и поговорить. Вы из другого дома, я знаю. И уважаю вашу заботу о нас с Рианной в той же степени, что и стремление помочь своей семье. Я уверен, мы поладим.

Не дав моим опасениям проявиться в полной мере, Дима очень нежно меня отстранил и сел, чтобы удобнее было разговаривать. Коснулся губ, снимая с них льер, и протянул руку изумленно вззирающему на него атриону. Он, несомненно, вспомнил, что я ему рассказывала об этом ритуале, но... Но он забыл, что это не относится к взаимодействию мужчин! Только мужчины и женщины! Или это я ему не сказала?..

Мне снова стало не по себе. Будь я в человеческом облике, меня бы прошиб холодный пот. В атрионском же во рту почувствовала кислый привкус.

Понимая, что теперь уже поздно вмешиваться, закрыла глаза. С опаской прислушалась к эмоциональному фону вступивших в общение атрионов и изумилась. Вместо того чтобы подавить чужую агрессию своей, Дмитрий развеял ее доброжелательностью. Вместо попыток внушить чувство страха и заставить паниковать, а следовательно, подчиняться, проявил симпатию и заинтересованность в сотрудничестве. Так никто никогда не делал. Позиция силы всегда являлась доминирующей, приоритетной, лежала в основе желания любого гайда единолично управлять домом и нежелания принимать чужое мнение. А теперь... Теперь она рушилась от одного-единственного ненормального поступка гайда-хамелеона, потому что гайд-атрион растерянно коснулся своими пальцами чужих, принимая льер.

Доверие. Партнерство. Уважение. Совсем иные чувства заполнили бот, заставив Гелию и Марго переглянуться и принюхаться, а Ан-Тера — внести в этот фон нотки изумления. Лишь Ал-Риф не отреагировал, полностью слившись со своим «подопечным».

Оставшееся до стыковки с «Дизаром» время Ул-Тэм охотно делился с Димой информацией о своем доме и семье. Не то чтобы жаловался, скорее описывал обстановку. Иногда и Ан-Тер присоединялся, добавляя что-то от себя, — все же восприятия гайда и фидера различаются. Марго, едва собеседники упоминали о рэде, мрачнела и хмурилась. Ей была неприятна пагубная зависимость агранцев, и меня это радовало — можно было надеяться, что она примет непосредственное участие в том, чтобы помочь им от нее избавиться. А я наконец узнала, что же сейчас происходит на «Агране».

— Ол-Чес под арестом в своей каюте. Его сын тоже, потому что во всем слепо подчиняется отцу и, будучи майнером, может помочь ему избежать наказания. За нашим гайдом оставили ограниченное право контроля, оно касается только жизнеобеспечения и взаимодействия членов семьи. Все остальное временно контролирует гайд Ис-Лаш ВерДер, пока не будет принято решение о дальнейшей судьбе дома и семьи. И я надеюсь, когда «Аграну» вернут независимость, стать старшим гайдом.

В интонациях и фоне вновь появились нотки соперничества, словно Ул-Тэм точно знал, что Дима захочет того же. Однако и тут мой муж повел себя непредсказуемо.

— Если для этого потребуется помощь, можете на меня рассчитывать, — заявил совершенно искренне. — Вряд ли кто-то посторонний сможет управлять домом лучше, чем тот, кто в нем вырос и готов на все, чтобы сделать лучше жизнь своей семьи.

Уж если меня его слова поразили, то что говорить о других атрионах? Ан-Тер едва стакан не выронил, который забирал из рук своей суженой. Зрачки Ул-Тэма расширились, поглощая радужку. Мне кажется, даже до Ал-Рифа дошло, что завязывается самое невероятное для Атриона взаимодействие. Не иерархическая уступка и даже не разделение функций, опять же основанное на доминировании кого-то одного, а равноправие, дружба... Дружба между гайдами?! Нонсенс! Бот неожиданно сильно встряхнуло. Впрочем, возможно, это просто были последствия очередной трансформации перед стыковкой, потому

что брат громко предупредил:

— Сгруппироваться!

Я спохватилась, как и остальные атрионы. Да, пол в ангаре «Дизара», со стеной которого сольется бот и вбросит нас внутрь дома, упругий, но травмы все равно случаются, если пассажиры забывают о технике безопасности или не готовы к происходящему.

Через минуту мы со смехом и стонами поднимались с мягкой поверхности, помогая друг другу и шутливо ругая пилота за «мягкую» посадку.

— Посмотрел бы я на вас, если бы бот на скорости в стену влепился, — смешливо фыркнул Ал. Подхватил с пола растерянню озирающуюся Гелию и поставил ее на ноги. — Второй бот... — начал было говорить и не успел.

В нескольких метрах от нас стена ангара вспучилась, качнулась назад отдачей и с треском разорвалась. Разошлась волной, и на пол покатались все те, кто летел следом за нами.

— Ой! — Я бросилась к родителям, не сразу сообразив, что папа правильно рассчитал траекторию и жену удержал.

Мама даже не упала и теперь оправляла платье, которое явно пострадало куда больше.

— Не переживай, дочурка, у твоего отца хорошая реакция. И практика! — В зеленых глазах сверкнули смешинки. Родительница погладила животик, осмотрелась, оценивая обстановку, и скомандовала: — Разделяемся. Девочки — со мной, мальчики — с Ис-Лашем! Идем готовиться к свадьбе!

Подготовка... В общем-то совершенно простенький процесс. А что такого сложного в том, чтобы предупредить диспетчера, какой именно наряд тебе нужен, залезть в складку-модуль, наслаждаться сначала ласкающими прикосновениями моющего геля, а затем — прилипающей ткани, после чего наконец выйти готовой к церемонии. Свежей, отдохнувшей, красивой и предвкушающе счастливой.

Это в теории. А на практике в эту самую складку невест нужно еще убедить залезть. Их ведь даже мой личный пример не сразу примирил с необычным способом гигиены. Я, пока внутри сидела, прекрасно слышала голос мамы, доказывающий землянкам, что в этом нет ничего страшного, а когда вылезла, они все еще выясняли, кто пойдет следующей.

Решилась все же Марго. Вот что значит королевская выдержка! Она вошла в модуль с гордо поднятой головой. Вышла... Вышла чуть более растерянная, но довольная. А в модуле, кстати, хихикала, видимо, ее смешило что-то. И эти звуки почему-то неизменно возвращали улыбку губам моей мамы, а взгляду Гелии добавляли любопытства. Наверное, поэтому девушка самостоятельно скользнула во влажную темную глубину. Маргарита же без возражений села рядом с моей мамой, позволяя ей расчесать волосы и сделать прическу. Увы, это только мои атрионские спиральки модуль мог уложить идеально, а волосы землянок были слишком тонкими.

Зато равномерные успокаивающие движения, доброжелательный настрой, да и простенькие наводящие вопросы, которые позволила себе моя родительница, расположили Маргариту к откровенности. Я даже вмешиваться боялась, сидела тихо-тихо, буквально впитывая новую информацию, чтобы потом рассказать все Диме. В конце концов, Марго ведь теперь — его подопечная!

— Десять лет назад мать отправила меня изучить производство шеклака, — прикрыв глаза, вспоминала террианка. — На практике, так сказать. Хотела, чтобы я лично познакомилась с инвестором, которая продолжала поддерживать едва тлеющую жизнь бывшей корпорации «Грезы». Я, как и моя мать, думала, что производство работает на старых запасах шеклака, но все оказалось совсем иначе. Тогда я впервые увидела прилетевших атрионов и познакомилась с Ан-Тером. Мы начали общаться. Потом я улетела домой, но старалась к каждому появлению «Аграна» быть на месте обмена. Тот ведь шел регулярно.

— Ты влюбилась... — мягко констатировала мама.

— Не сразу. По-моему, у Ан-Тера это получилось быстрее. Он первый предложил мне улететь с ним. Я сначала скептически к этому отнеслась, потом хотела, чтобы Ан-Тер остался со мной на Терре, наконец осознала, что это невозможно. Кем он станет? Как будет жить? А если конфедералы узнают о том, кто мой... любовник? Это же межпланетный скандал! Вот я и решила отдать корону Анне, тем более она старшая и больше прав на нее имеет, а самой сбежать с Ан-Тером. И давно бы это сделала, если бы не рэд! То есть Ол-Чес, который никак не желал от него отказываться. Я видела, как менялся Ан-Тер, если ему доставалась большая доза. Он меня переставал узнавать, вел себя как неразумное, но очень послушное существо. Страшно...

— Но ведь это не единственное, что тебя останавливало?

— Да, — вздохнула Марго. — Мама о коронации Ани и слышать не хотела. Даже продажи шеклака через кафе организовала, чтобы был повод объявить ее недостойной преемницей, если та вдруг потребует корону. Мне никак не удавалось и мать нейтрализовать, и Аню при этом не подставить, пока Рианна не появилась. Она все планы изменила. Я действовала спонтанно, все шло очень непредсказуемо, но на удивление результативно. Анну признали пострадавшей, а не виновной, и вообще, как я поняла, конфедералы предпочли не предавать дело о шеклаке огласке. Мать мне удалось разозлить, и пусть формальный, но повод сбежать я себе обеспечила. О прилете атрионов я ничего не знала и когда увидела Ан-Тера на балу, чуть с ума не сошла. А потом он мне все рассказал. Дальше оставалось только подождать, когда вы соберетесь улетать.

— Потрясающе! Это просто... потрясающе! — Изумление в голосе Гелии, которую складки вытолкнули обратно в комнату, было запредельным. Впрочем, когда она продолжила говорить, стало ясно, что причина вовсе не в рассказе Марго. — Я думала, только на Земле такие технологии шикарные, но здесь ничуть не хуже!

— Какие технологии? — напряглась Маргарита.

Она явно не поняла, о чем речь. А вот я догадалась. Потому и пояснила первая, опередив землянку:

— Ухода за телом. Когда я в земном жилом комплексе в салоне побывала, мне тоже процедуры показались невероятно знакомыми. Очень похожи на наши атрионские модули.

— Так-так-так... — заинтересовалась мама. — Значит, кто-то все же использовал информацию. А говорил: «На всякий случай, для страховки». М-да...

Родительница задумалась. Так и замерла с расческой в руках за спиной террианки. Никто тактично не задал вопросов, но у меня возникло вполне обоснованное подозрение, что говорила она о дедушке. Он всегда умело совмещал личное и общественное. Вот уж точно «м-да...».

Едва тоже не погрузилась в размышления, вовремя спохватилась:

— Мама! Время!

— А? Да. — Она пришла в себя и посмотрела на прическу, которая больше не требовала корректив. Темно-каштановые волосы лежали

идеально. — Все. Гелия, теперь ты.

Девушки поменялись местами. То есть землянка-то села, а вот террианка... Она лишь попыталась отойти. Пара малюсеньких шажков — это все, что у нее получилось. Платье, плотно облепившее тело и после модуля еще теплое и эластичное, теперь остыло, сжалось и плотно спеленало ноги. «Что такое?» — пробормотала Марго, предпринимая новую попытку. Ткань потянулась, но лишь для того, чтобы еще сильнее сжаться, окончательно лишая обладательницу наряда возможности двигаться.

— Все нормально, — успокоила я невесту, поднимаясь и показывая, что моя одежда ведет себя ничуть не лучше. — Если ты двигаешься медленно, тогда сопротивление ткани меньше. Чем резче, тем туже будет натяжение.

— Зачем? — ошарашенно выдохнула Марго. — Мы же такими темпами до женихов через неделю доползем! — Она неуклюже переступила ступнями, обутыми в узкие длинноносые сапожки, сейчас почти полностью скрытые под плотно сжавшей икры юбкой, и опустила на ближайшее вспучивание, которое наблюдающий за нами диспетчер услужливо превратил в кресло.

— Это же специальные платья, свадебные. Они силу чувств проверяют. Если ты хочешь быть с тем, кого любишь, то тебе ничто не помешает.

Я в нетерпении шагнула к выходу, прилагая немало усилий, но все же преодолевая нарастающее сопротивление.

Едва слышный стон растягивающегося материала, куда более громкий треск... Свобода!

— Вот видишь! — Я триумфально продемонстрировала образовавшийся разрыв, достигающий почти до бедра.

— Я так не могу. — Маргарита поднялась и попыталась последовать моему примеру, но у нее ничего не вышло.

— Сила мышц человеческих тел значительно уступает атрионским. Хотя внешне кажется, что должно быть наоборот, — пояснила мама, откладывая в сторону расческу.

— И как нам быть? — расстроилась Гелия.

Встав, она поняла, что вообще сдвинуться с места не может. Не упала только потому, что моя родительница вовремя ее поддержала.

— Ну как, как... Идти потихоньку. Рия, помоги Маргарите.

Мама, удобнее обхватив землянку за талию, повела ее... гм... потащила к выходу.

Я замешкалась, потому что знала иное решение — просто разрезать ткань! Моя родительница так и сделала, когда замуж выходила. Но... Но почему-то сейчас она этого невестам не предложила. Может, забыла? Сомнительно. Значит, есть иная причина? В общем, я растерялась, а потому догнала Марго уже у дверей. Террианка была физически неплохо подготовлена и очень ловко балансировала, переступая на цыпочках, мне оставалось лишь ее страховать.

Мы шли медленно, однако в зале для торжества очутились быстро — комнату для невест мама выбрала самую близкую к нему. Там все было уже совсем просто: мы остановились, а ожидающие нашего появления женихи тут же рванули навстречу, сопровождаемые весьма специфическим звуком рвущейся ткани, не выдерживающей напора. Это девушка может продемонстрировать свое согласие, появившись в свободном платье, а мужчина обязан при всех доказать, как сильно он стремится к своей возлюбленной. Потому у них и свадебная одежда аналогична нашей.

— Рия-Ла... — Мои руки оказались в сильном захвате мужских ладоней, а глаза — в плену текучих серебристых радужек, рассеченных узким вертикальным зрачком. — Я счастлив, что ты готова разделить со мной судьбу и остаться вместе на всю жизнь.

— Я тоже... — запнулась, потому что дальше традиция требовала назвать имя. Можно было бы воспользоваться земным вариантом, но он совершенно не подходил облику стоящего передо мной атриона.

— Ди-Лер ОлиРом, — представился муж. — Это имя гайд Ис-Лаш предложил. Тебе нравится?

— Очень! Ди-Лер... Ди... — повторила, смакуя новое звучание и ощущая растущее в душе ощущение радости и единения.

Какой же папа у меня замечательный, все объяснил, обо всем позаботился! И какой у меня великолепный, понимающий муж!

Услышав треск ткани, невольно оглянулась. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как стоящий на коленях перед Гелией Ал-Риф рвет юбку, позволяя жене обрести свободу. Ан-Тер тоже не стал мешкать, проделывая то же самое с платьем террианки. И в этом не было ничего предосудительного, ведь мужчины показывали, что способны быть поддержкой для своих любимых и могут справиться с любым

препятствием.

— Твой брат так об этом мечтал, — склонившись к самому уху, тихо прокомментировал Ди. — Пока мы готовились, все уши прожужжал. И Ан-Тера заразил своим энтузиазмом...

Так вот почему мама не стала невестам помогать! Папа наверняка ее предупредил, попросив не вмешиваться и не портить сыну удовольствие.

— А ты сделать так же не хотел? — поинтересовалась, проверяя, действительно ли муж в курсе традиций или мне показалось.

— Ты же атрионка, а не человек. И мне безумно приятно видеть твое желание быть со мной.

Сильные руки ласкающим движением оплели мою талию, и я прильнула ближе к тому, с кем теперь неразрывно связана. Губы коснулись моих, собирая льер, а потом и поцелуй стал глубже, чтобы заставить меня сильнее и острее чувствовать владеющие мужем счастье и нежность. А еще — вспомнить, что нам сегодня предстоит обмен льером не только друг с другом, но и со всей семьей. Облегченный, разумеется, но... Как его воспримет Ди? Это же весьма специфический процесс, с точки зрения людей, а муж у меня, как ни крути, воспитание и убеждения имеет земные.

Волновалась я совершенно напрасно. Ди совершенно спокойно отнесся к тому, что мой отец, прежде чем нас поздравить, коснулся губами его губ, а затем обернулся к маме, чтобы передать ей его льер. Мало того, мой муж, который, по всей видимости, получил соответствующие инструкции, сделал то же самое, позволяя мне почувствовать благожелательный настрой отца, его единение с нами, со всей семьей.

В общем, я успокоилась и получала удовольствие. Свадьба — самый важный ритуал сплочения и формирования доверительных отношений. А с учетом того, что атрионов на «Дизаре» больше сотни, удовольствие мое длилось долго-долго... Я лишь иногда посматривала на брата, убеждаясь, что и он не пренебрегает своими обязанностями, передавая льер Гелии. Любопытно, но даже Ан-Тер это делал, хотя к нашему дому прямого отношения не имел. Что бы это значило? Он решил сменить семью? Впрочем, как раз его стремление объяснимо: Ди — мой муж, значит, один из атрионов моей семьи, а Марго его опекаемая. Все логично. Но вот почему с той же активностью

обменивается льером Ул-Тэм? Он-то ради кого решился?

Присмотрелась внимательнее и все же заметила, как скромно отводит глаза Ноя-Ти, когда встречается взглядом со светлокожим темноволосым гайдом. И как резко при этом колеблется эмоциональный фон, несмотря на то, что до меня доходят лишь отголоски. Так-так-так... Похоже, очень скоро придется организовывать еще одну свадьбу!

За это время мы успели переместиться в столовую, поужинать, потом снова вернуться в зал. Музыка, которая заполняла помещение, стала громче, а на сцену выпорхнула Ита-Ял. В каждом движении моей бывшей наставницы чувствовалась радость, легкость, уверенность в счастливом будущем для всех: новых пар, всей семьи, атрионов и людей. Танец... Зажигательный, яркий, искренний. Сливаясь с ним, немногие могли усидеть на месте. Моя мама уже давно утащила папу куда-то в центр зала и, обняв, вальсировала — мне подобное не раз приходилось наблюдать в ресторанах на Земле. Я тоже хотела было увлечь Ди, но он меня удержал.

— Мы кое о чем забыли, — таинственно сообщил, усаживая обратно.

Вытащил из кармана ту самую узкую коробочку, которую нам подарил его брат, и раскрыл.

С любопытством в нее заглянув и увидев два серебристых колечка, я ахнула:

— Это колечки связи?

— Не думаю. — В эмоциях Ди проявилось сомнение, но расстроенным он не казался. — Просто украшения, которые будут нам напоминать о дне свадьбы. Раньше их надевали во время церемонии, но потом перестали.

— Почему? — Я ощутила невероятную нежность, когда муж поцеловал мою правую руку, а тонкий ободок скользнул на безымянный палец.

— Это все же подарок. Если муж и жена граждане, то, разумеется, проблем никаких. Равноценный обмен. А если иждивенец вручает колечко гражданину? Откуда у него собственные средства? Вот и отменили ритуал, чтобы никому не было обидно, — пояснил, передавая мне коробочку. — Теперь ты.

— Как же на Земле много условностей... — Полюбовавшись на игру света, отражающегося от гладкой поверхности, я неторопливо

надела кольцо на палец мужу. Серебряное на сине-зеленом. Изумительно!

— Их везде много, любимая. Просто мы о них не думаем, потому что живем с ними постоянно, и они становятся естественными... Ты будешь петь сегодня?

— А ты хочешь?

— Очень. Я ни разу не воспринимал твой голос в этом облике, и мне не терпится сравнить.

Его желание удачно совпало с моим, ведь на сцене появился Ти-Ярк, начав ту самую композицию, которую мы разучивали на двоих. Он словно намекал, что мне пора проявить себя, вспомнить о своем предназначении, выполнять его...

Подхватив мелодию, я неторопливо поднялась по ступеням, окунаясь в ласковые потоки звука и света. Сплела кружево высоких тонов и медленно опустила звук.

В глазах мужа разлилось восхищение. Сейчас он испытывал иное, вовсе не то, что заставляло его грезить и видеть Атрион. И все же наверняка было что-то сходное. Память предков, зов родной планеты — это нельзя ни с чем спутать, от этого нельзя просто отмахнуться. Они проявят себя, даже если ты ничего не знаешь.

Раскачала звук, вобрав невероятно мощную эмоциональность зрителей — неровную, рваную, сумбурную. Такая всегда возникает при столь сложном взаимодействии семьи. Сейчас чувства в душе каждого атриона похожи на осколки разноцветных стекол: красивые, но опасные. И это моя задача — помочь всем обрести психологическое равновесие!

Выравнивая фон, соединила фрагменты, сплавляя их в единую композицию. Добавила мягких тонов, шлифуя и доводя результат до совершенства. И пусть в будущем нас ждет немало потрясений, которые вновь нарушат ту гармонию, что мне удалось создать, но сейчас... Сейчас были только приятные переливы оттенков. Гладкие поверхности восприятия. Потоки удовлетворения и... Предвкушение! Мы возвращаемся домой!

ЭПИЛОГ

Соло для землянки

Белый диск Аш-Хори медленно спускался к горизонту. Плавился, истекая потоками света, и вяз во влажной дымке, зависшей над разогретым озером. Вода парила. Ветер срывал туманные облака с ее поверхности, поднимал и уносил в сторону. Заставлял переваливать через каменную гряду, закручиваться спиральными вихрями и медленно опускаться, лаская спинки молодых домиков, зарывшихся корнями-ножками в сырой органический субстрат. Трепетали паруса, совсем маленькие, еще тонкие, а потому чутко отслеживающие малейшие изменения освещения и тут же меняющие наклон, чтобы получить как можно больше энергии.

Песчаная равнина жила своей жизнью. Стабильной, размеренной, привычной. Даже то, что к замершим в неподвижности существам медленно приближались две совсем крошечные фигуры, не было чем-то исключительным. Да, атрионы нечасто решаются приручить новый дом — жить в том, который уже обустроен, намного проще, — но ведь бывают разные обстоятельства.

Почувствовав руку, обнявшую мою талию, я на мгновение отвлеклась, прижимаясь щекой к груди мужа. Погладила запястье, покрытое мягкими чешуйками, и вновь отыскивала смельчаков глазами. Нам, стоящим на спине «Аграна», открывалась прекрасная панорама, позволяющая, находясь на достаточно большом расстоянии, видеть все происходящее. То, как осторожно одна из фигур коснулась ладонью темно-красной шкурки самого крупного домика. То, как тот вздрогнул, судорожно вытащив из почвы несколько ножек, а затем замер, словно прислушиваясь. То, как второй атрион неспешно раздвинул пока еще единственную складку-вход, ведущую вглубь массивного тела, и медленно в нее залез.

— Успели. — Я невольно выдохнула с облегчением.

Все же времени до заката осталось совсем немного, а нужно, чтобы и остальные атрионы смогли забраться в дом до того, как его собраты забудут о мирном сосуществовании. Ведь тогда они не упустят возможности перекусить тем, кто окажется меньше, а потому слабее.

— Как долго связь с домом устанавливается? — поинтересовался Ди, доказывая, что и он переживал за результат. И это притом, что жизнями сейчас рисковали те, кто крайне негативно воспринял его появление. Все же муж у меня замечательный!

— Думаю, Ми-Лар быстро справится. При всех его недостатках он опытный майнер.

А еще действующий на инстинктах и даже не пытающийся прежде проанализировать ситуацию. Ведь то, как он отреагировал на мое появление в сопровождении мужа, трудно было назвать нормальной реакцией: едва получил свободу и увидел нас, тут же попытался уничтожить соперника. Даже его отец не успел вмешаться. Хотя, возможно, просто не очень-то и спешил, полагая, что при любом исходе в живых их все равно не оставят.

Ол-Чес ошибся. Ди-Лер на удивление легко отразил смертоносный выпад — все же занятия с моим отцом не прошли даром, а ответного удара наносить не стал, лишь эмоционально надавил, доказывая, что его поступок — не более чем снисхождение. И решение, которое в итоге вынесли гайды двух домов, было вполне гуманным исключительно потому, что наравне с виновными могли пострадать те, кто этого не заслуживал. Объявлял его мой отец как лицо, в данный момент ответственное за оба дома:

— Ол-Чес ДиеВал и Ми-Лар ДиеВал, у вас есть выбор. Вы можете жить на «Агрane» без права выполнять свое предназначение. Ваши близкие: Яси-Ду, Ир-Шас и Эт-Шас останутся полноправными членами семьи. Если это не устраивает, мы готовы предоставить вам возможность основать новый дом и семью. С вами могут уйти все, кто захочет присоединиться.

Никого не удивило, что предпочли они второе. Жить и не исполнять заложенного природой — для атриона хуже смерти. А желающих нашлось немного. Жена гайда, несмотря на понимание, что муж, используя рэд, фактически принудил ее к замужеству и близким отношениям. Ее братья-экзоты, которые не захотели оставлять сестру. Их жены, одна из которых фидер, другая майнер. И Юз-Тер, тот самый экспериментатор, при приготовлении мусса использующий психотроп, — видимо, слишком сильна в нем привычка подчиняться решениям главы дома. Зато состав семьи сложился для заселения: два майнера, два фидера, гайд и три экзота. Последних многовато, конечно,

но тут уж ничего не поделать. Придется Ми-Лару и его напарнице выполнять функции пилотов, строителей и диспетчеров одновременно, прикладывая немало усилий, чтобы удержать домик от стремления переварить «паразитов».

По всей видимости, майнер справился с первым контактом. Домик вытащил на поверхность все ножки, чего никогда бы себе не позволил раньше наступления темноты. Присел, дожидаясь, пока фидер, ласково поглаживающий его шкурку, тоже пролезет внутрь. Снова поднялся и направился в сторону каменной гряды. Шагал он вполне уверенно и даже скорость развил приличную, поэтому до цели добрался скоро. И снова лег на грунт в ожидании, когда с камней спустятся те, кто теперь будет в нем жить. Еще немного, и его путешествие продолжилось. Красноватое пятно удалялось, его очертания смазывались, терялись в туманном мареве.

Пройдет не меньше двухсот земных лет, прежде чем этот малютка, в котором сейчас едва ли поместится десяток атрионов, вырастет и начнет летать, скользя над поверхностью равнины. Еще столько же лет дом будет менять структуру шкурки, пока она наконец не станет настоящей броней, позволяющей подняться в космос. За это время многое произойдет. К семье присоединятся новые атрионы, появятся дети, изменятся родственные связи. Ол-Чес до этого не доживет, а Ми-Лар... Надеюсь, он найдет девушку, в которую влюбится по-настоящему, станет счастливым и забудет о мщении.

Почувствовав вибрацию на запястье, я коснулась кожи, активируя вильют. Удивительно, но земная техника вообще не реагировала на трансформации, ей было все равно, кто именно ее использует.

— Дочурка, Димочка, привет, — оптимистично поздоровалась моя мама, полупрозрачное изображение которой возникло рядом. — Сигнал устойчивый, датчик на домике закрепился. Теперь мы их не потеряем. Частоту я вам сбросила, можете привязывать объект к карте.

— Спасибо, Таис Натановна, — мягко поблагодарил Ди. К моей маме как истинный гайд он проявлял самую высокую степень уважения. — Вы еще от родов не оправились, а уже нам помогаете...

— Да, как там моя сестричка? — вмешалась я куда более бесцеремонно. — Мам, ты прямо как дедушка — на первое место ставишь работу.

— Значит, я виновата, что вы два месяца искали и именно сегодня

этот выводок обнаружили, — смешливо фыркнула родительница, в демонстративном потрясении подняв глаза к небу. — Эра-Юл с Лашем. Он малышку с рук не спускает, кормит даже чаще, чем я. Говорит, что для будущего фидера питаться льером важнее, чем молоком. Так что у меня уйма свободного времени. Да и сил на удивление с избытком. Дая-Ли, твоя тетя, утверждает, что это из-за предназначения ребенка — Эра еще в утробе начала его выполнять по отношению ко мне... А вы там как? — Мама приподнялась, словно пытаясь заглянуть через край экрана. — Внуков нам когда ждать?

— Мы не торопимся, — ответил муж за меня, крепче прижав к себе.

— Эх... — Мама грустно вздохнула, но моментально взяла себя в руки, меняя настрой: — С другой стороны, правильно. У вас сейчас другие задачи. Вот с ними справитесь, тогда... Тогда ждем! Понятно?

— Более чем, — тактично согласился Ди.

Дождлся, когда погаснет изображение, развернул меня к себе и медленно склонился к губам.

Я закрыла глаза, обнимая супруга и запуская пальцы в жесткие прядки, медленно меняющие свою структуру. А когда поняла, что целует меня уже не атрион, а человек, столь же быстро сменила облик, подстраиваясь под желания мужа.

Мы наслаждались друг другом, не замечая, как воздух становится прохладнее. Как разогревается шкурка «Аграна», на которую мы опустились. Как сырой ветер треплет тонкие прядки, путая и закидывая на лица. Как медленно складываются над нами паруса, отслеживая высоту светила.

— Споешь для меня?

Тихий шепот, ласковые руки, помогающие подняться, и обратная трансформация. Утомленное тело неудержимо стремилось восполнить потраченную энергию от того единственного источника, который плавился и растекался белой кляксой вдоль линии горизонта.

Аш-Хори сияньем своим
Тела освещает нежно.
Раскинув руки, стоим,
Излучение ловя безмятежно.
Об эмоциях не говорим,

Но ими фоним прилежно...^[2]

Гимн тому, что столь важно в жизни атриона, сорвался с губ, удивляя даже меня саму. Я ведь редко пела, используя слова. Они отвлекали и мешали сосредоточиться на главном: мелодии и эмоциях. Даже земные учителя в итоге сошлись во мнении, что для моего голоса вокализы — самая удачная форма выступления.

Но сейчас мне хотелось именно этого способа выражения чувств — зеркального отражения происходящего. Наверняка потому, что эмоции мужа совсем не требовали коррекции. А вот фон «Аграна», несмотря на мои ежедневные выступления для семьи, все еще оставался сложным. Зависимость от рэда, столько времени поддерживаемая Ол-Чесом, давала о себе знать. Хотя, конечно, прогресс все же налицо: вчера, например, напряжение в отношениях и пессимизм витали по коридорам лишь к вечеру, притом что были дни, когда они уже днем нарастали до максимума.

— Концерт через час, — напомнил муж, когда мое воображение и энтузиазм иссякли. Помог натянуть эластичную ткань на плечи и спросил: — Ты будешь отдыхать или пойдешь со мной?

— С тобой. — Я не сомневалась ни секунды. Усталости совсем не чувствовалось, а находиться рядом с мужем было приятно, даже когда он работал.

Наступали сумерки, погружая Атрион в ночную тьму. Мы же нырнули в ведущую внутрь дома складку, узкую, тесную, несмотря на то, что сейчас мы были не в космосе. Прошли вторую замыкающую складку и коридор, на этот раз широкий и свободный, ответвления которого вели на разные уровни. Уже привычно шагая по одному из них, мы почти ни на что не обращали внимания и...

— Черт! — возмутился муж, когда смачный плевок из стены прилетел прямо ему в плечо. — Да что ж такое?! Почему только мне достаются эти «подарочки»?

— Ты «Аграну» понравился, вот он и пытается тебя накормить, — засмеялась я, утаскивая Ди подальше от набухающих наростов.

Остановила за поворотом и развернула к себе, погружая ладонь в пенистую массу.

— Мм... Вкуснятина какая... — промычала, облизнув пальцы.

Хотела было повторить дегустацию, но не успела. Остановил меня гневный голос Нои-Ти:

— Рия-Ла! Прекрати есть сырую массу! Тебе мусса в столовой мало?

— Извини. — Я тактично отступила от налетевшей на нас кухни.

Девушка ловко и аккуратно соскребала питательный субстрат в эластичный мешок, а я смотрела на ее руки, где на сине-зеленой коже красовался серебристый ободок — это Ул-Тэм решил ввести в свадебный ритуал атрионов еще одну традицию, после того как увидел наши кольца. Правда, пока это была всего лишь органическая имитация, но гайд «Аграна» полагал, что со временем заменит их на настоящие земные украшения.

— Так... — Ноя прошлась глазами по чистому Ди-Леру, перевела взгляд на влажно поблескивающие, ровные красные стены, испещренные синими разводами, и поинтересовалась: — Где поймали?

— За поворотом еще шесть зреют, — просветила я, раз уж она сегодня на сборе работает. То есть за плевками охотится.

— Да?! — встрепенулась фидер и моментально исчезла, окутав нас ощущением необычного вкуса и предвкушением сытого удовлетворения.

— Есть хочется, — вздохнула я, облизываясь.

Зря не удержалась и раздражила аппетит. Впрочем, Ди тоже шумно сглотнул и, более ничего не обсуждая, повел меня в столовую.

Голодными оказались не мы одни. Около тридцати атрионов уже ужинали, и еще не меньше десятка торопились к ним присоединиться. Факт, который меня необычайно обрадовал. Цепная реакция на пищевые потребности — первый показатель нормализации эмоциональной атмосферы в доме. Был, правда, и минус — дефицит свободных мест. Нам пришлось бродить по залу в поисках.

— Рия! Дима! — окликнул звонкий веселый голос, а слева, над высокой спинкой диванчика, появилось улыбающееся личико Гелии. — Сюда идите!

Земляночка сидела не одна. Рядом с ней неторопливо потягивал мусс Ал-Риф, а напротив расположилась Марго, кромсающая что-то желеобразное в контейнере, больше похожем на тарелку, чем на стакан.

— Привет! — Брат приподнялся, чтобы обменяться с нами льером, и опустил обратно на сиденье. — Вы долго. Новости есть?

— Не знаю, — пожал плечами Ди, вытаскивая из раздачи появившиеся бокалы и передавая один из них мне. — Я до кабинета еще не дошел. Ты сегодня не на дежурстве?

— Уже сменился. Ул-Тэм не дает полных смен. Не хочет перетруждать. Ведь только я к Земле на боте летал, а больше никто траекторий до Солнечной системы не выстраивал. Так что меня не перегружают. Ждем от тебя отмашки.

В голосе Ала сквозило нетерпение, которое мне более чем понятно. Пилоту работать диспетчером — это все равно что певице рисовать картины. Эффект, может, и будет, да и качество сохранится, зато удовольствия никакого.

Гелия тоже не осталась бесстрастной. Едва заметно вздохнула и прижалась щекой к плечу мужа, бросив на него взгляд, полный надежды. Узнав о том, что полеты на Землю с высокой вероятностью могут стать для «Агрانا» реальностью, она только об этом и думала. А все потому, что, в отличие от нас, брат мешкать не стал, и теперь его жене хотелось поделиться радостной новостью со своими родителями.

— Марь, а что это? — Отпив сладковатую массу, я с любопытством присмотрелась к пище, которую террианка с самым серьезным видом накалывала на вилку, отправляла в рот и жевала.

— Ан экспериментирует. Ищет факторы сгущения, при которых вкусовые и питательные качества массы не теряются. Видишь, до желе уже дошел.

Из всех нас Маргарите было, пожалуй, сложнее всего. Это Гелии достаточно заботиться о муже, она не страдала от отсутствия работы и узкого круга общения, а террианка, привыкшая к активной, насыщенной событиями жизни, стремилась и здесь быть деятельной и занятой. Вот только найти свое место в семье ей никак не удавалось. Атрионы «Аграна» вели себя сдержанно, соблюдая дистанцию, — сказывалось влияние Ол-Чеса, а на то, чтобы его нивелировать, требовалось время. Нет, Марго не жаловалась, но было трудно не заметить, как она мучается. И даже любовь и поддержка Ан-Тера этого не компенсировали.

Мы с Ди и Ул-Тэмом не раз обсуждали проблему, обдумывали варианты. Решение было, но его реализация зависела от тех самых новостей, о которых спросил Ал. Потому и обнадеживать Марь гайды пока не торопились, чтобы не разочаровывать, если планы окажутся

несбыточными.

Почувствовав нетерпение, неожиданно завладевшее Ди-Лером, я поставила опустевший стакан на стойку. Муж только этого и ждал. Помог мне подняться и, бросив остальным: «Увидимся на концерте», — повел на выход. Шел он быстро, словно его гнали родившиеся в душе предчувствия. И ведь не ошибся! Едва мы шагнули в кабинет, как раздался голос диспетчера:

— Несколько минут назад поступили сообщения. Одно отправлено с «Дизара», два пришли по открытому землянами каналу удаленной связи. Транслировать сейчас?

— Давай, — распорядился Ди, усаживая меня в кресло. Сам остался стоять, анализируя информацию.

— Настоящим удостоверяется, что двадцать четвертого февраля две тысячи восемьсот одиннадцатого года Совет Конфедерации принял закон о двойном индигенате^[3] с сохранением права на получение гражданства Конфедерации для субъектов, имеющих комбинированную генетику, в основе которой принадлежность к расам атрионского и земного типа.

Диспетчер на несколько секунд умолк, чтобы сменить инфоноситель, и снова заговорил:

— Кадровый отдел службы занятости Конфедерации. Дмитрию Олеговичу Лисовскому, Ди-Лер ОлиРому. Извещение. Ваше заявление рассмотрено и признано подлежащим удовлетворению. Произведен перевод с должности инспектора подразделения аналитики Комитета по финансовому надзору на должность генерального консула Атриона в Службе контроля и организации внешних контактов при правительстве Конфедерации, с сохранением статуса гражданина Конфедерации, на основании закона о двойном индигенате.

Очередная пауза — и продолжение:

— Дирекция МАСС. Рианне Игоревне Лисовской, Флориане, Риила ОлиРом. Информационное письмо. По итогам прошедшего музыкального сезона, с учетом отзывов в прессе и рецензий экспертной группы музыкальной ассоциации принято решение присвоить вам статус ведущей певицы МАСС с правом сольных выступлений. Для вас составлен индивидуальный график репетиций и гастролей с открытыми датами. Для согласования просьба сообщить о времени прибытия на Землю и о предполагаемых сроках пребывания.

Несколько минут мы сидели в тишине, в полном потрясении, потому что получили намного больше, нежели ожидали.

— Ди... Дима! Это же... это... — Я вскочила, задохнувшись от переполняющей меня радости, вырвавшейся на свободу и слившейся с не меньшим по силе восторженным откликом мужа.

— Это будущее, Рия, — счастливо выдохнул Ди-Лер, крепко сжав меня в объятиях. — Перемены, которые затронут всех, потому что объединят наши планеты. Больше не будет мучительных сомнений и проблемы выбора. Не будет закрытости и отторжения. Мы сможем объединить дома Атриона, убедив гайдов в пользе сотрудничества друг с другом и с людьми.

— «Агран» превратится в форпост хамелеонов, — продолжила я. — Ты будешь посредником между Атрионом и Землей, Марго станет твоим помощником по контактам с Террой, а я...

— А ты будешь радовать и удивлять наши миры своим изумительным голосом и способностями. Прекрасные перспективы, — закончил муж.

В концертный зал мы шли, оставляя за собой шлейф уверенности и легкости. Вытравливая все тяжелое и давящее, впитавшееся в эти стены. Воскрешая в глазах атрионов надежду на полноценную жизнь. Многое изменилось за пару атрионских лет в судьбах, в отношениях, в восприятии лишь потому... Потому что одна строптивая атрионка не подчинилась навязанному ей выбору, в итоге став той, кем ей хотелось быть меньше всего, — землянкой.

Примечания

Здесь и далее стихи автора, если не указано иное.

Стихи Марины Тимофеевой.

Индигенат — юридический термин, характеризующий совокупность прав, полученных по факту рождения (двойной индигенат — права по месту рождения обоих родителей). — *Примеч. авт.*